

ISSN: 2074-1944

ВОЕННОЕ ПРАВО

<http://www.voennoepravo.ru>

№ 4 (80) 2023

Редакционный совет

1. **Бут Надежда Дмитриевна**, доктор юридических наук, заведующий отделом проблем прокурорского надзора и укрепления законности в социально-экономической сфере НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации

2. **Воронов Александр Федорович**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры гражданского и арбитражного процесса юридического факультета Московского государственного университета

3. **Ермолович Ярослав Николаевич**, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

4. **Корякин Виктор Михайлович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры военной администрации, административного и финансового права Военного университета

5. **Маликов Сергей Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, председатель диссертационного совета по специальности «Военное право», профессор кафедры криминалистики Военного университета

6. **Свинных Евгений Анатольевич**, доктор юридических наук, доцент

7. **Сморчкова Лариса Николаевна**, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН

8. **Субанова Наталья Викторовна**, доктор юридических наук, доцент, проректор Университета прокуратуры Российской Федерации

9. **Туганов Юрий Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор Российской таможенной академии

10. **Холиков Иван Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Издается с 2001 г.
Научные направления
периодического издания:
— Военные науки
— Юридические науки

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
Эл 77-4305 от 16.01.2001 г.
Номер ISSN: 2074-1944

Издание включено в систему Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ)

Решением президиума Высшей аттеста-
ционной комиссии при Минобрнауки
России от 26 апреля 2019 г. издание
с 7 мая 2019 г. включено в **Перечень
рецензируемых научных изданий, в
которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссер-
таций на соискание ученой степени
кандидата наук, ученой степени докто-
ра наук** по группе научных специаль-
ностей 20.00.00 — Военные науки (№ 861
Перечня по состоянию на 27.06.2023)
В период с 18 октября 2016 г. по 26 марта
2019 г. издание было включено в указан-
ный Перечень по группе научных специ-
альностей 12.00.00 — Юриспруденция

В соответствии с информационным
письмом ВАК Минобрнауки России
от 6 декабря 2022 г. № 02-1198 издание
отнесено **ко второй категории** журналов
Перечня ВАК

Главный редактор —
**КОРЯКИН
Виктор Михайлович**,
доктор юридических наук,
профессор
e-mail: Korjakinmiit@rambler.ru

Ведущий редактор —
**ГУСЕЙНОВА
Альбина Джабаровна**

Адрес в интернете
<http://www.voennoepravo.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

Указатель сокращений	6
Правовое обеспечение национальной безопасности	
1. Корякин В.М. Техническое прикрытие путей сообщения как функция Министерства обороны Российской Федерации	9
Теория и история военного права	
2. Александрова Н.Г., Кириченко Н.С. Историко-правовой аспект возникновения концессионных соглашений	21
3. Кудашкин А.В., Кудашкин В.В. Право военных конфликтов или право вооруженных конфликтов: соотношение понятий, место в правовой системе и системе права России	25
4. Туганов Ю.Н., Аулов В.К. Понятийный ряд доминантного термина «инновация»: обзор проблематики правопо- нимания в военном праве и судеустройственном законодательстве	44
Военно-административное право	
5. Аулов В.К., Туганов Ю.Н. Модернизация общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации – новый этап развития военного права	52
6. Боброва О.Г. Доктринальные подходы к совершенствованию механизма взаимодействия в сфере защиты Государственной границы Российской Федерации в современных условиях	61
7. Глухов Е.А. О необходимости определения критериев оценки управленческой деятельности воинских руководителей	69
8. Землин А.И. О правовых основах системы критериев оценки эффективности деятельности педагогических работников в контексте реализации программы развития Военного университета	77
9. Овчаров О.А. Цели и задачи военного духовенства: проблемы их правового регулирования	86
10. Техов Д.А., Шанхаев С.В. О некоторых проблемах практики применения административной ответственности юридических лиц по статье 19.28 КоАП РФ (финансово-правовой аспект)	92
Военные аспекты гражданского и трудового права	
11. Ломакина Т.В. Актуальные вопросы регулирования трудовой деятельности лиц гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации, обеспечивающих проведение специальной военной операции	99
12. Ломакина Т.В. Актуальные вопросы исчисления трудового (страхового) стажа лиц гражданского персонала при работе в воинских частях (военных организациях) Вооруженных сил Российской Федерации за границей	105
13. Седунов Р.А. Перспективы использования технологии блокчейн в оборонной сфере на примере «смарт-контрактов»	112

Военная служба. Социальные гарантии и статус военнослужащих

14. Грищенко Л.Л.

Медицинское обеспечение как вид обеспечения жизнедеятельности
воинской части (военно-правовой аспект)..... 117

15. Спирин М.Д.

Особенности получения дополнительной выплаты военнослужащими
(членами их семей) в условиях проведения специальной военной операции 122

Юридическая ответственность военнослужащих

16. Кравцов В.В.

Виды и содержание юридической ответственности военнослужащих
Вооруженных Сил Российской Федерации за нарушения законодательства
в области защиты государственной тайны 129

17. Насыров Д.В., Зотов Р.А.

К обсуждению проекта № 289614-8 федерального закона «О некоторых
особенностях применения дисциплинарного взыскания — дисциплинарный
арест в период мобилизации, в период действия военного положения,
в военное время» 138

Правоохранительная и судебная деятельность

18. Белашова О.В., Горячева Е.В., Кулиева А.М., Федорова Н.И.

Тенденции развития профессионализации судебного представительства
в судах общей юрисдикции и военных судах Российской Федерации 144

Уголовное право, криминология, уголовный процесс и криминалистика

19. Борисов А.В.

Совершенствование положений о причинении вреда
при задержании лица, совершившего преступление 154

20. Ермолович Я.Н.

Квалификация применения в вооруженном конфликте средств и методов, запре-
щенных международным договором Российской Федерации 159

21. Загубный Д.Ю.

Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных
со склонением к немедицинскому потреблению наркотических средств, психотроп-
ных веществ или их аналогов 174

22. Лобов Я.В.

Об особенностях освобождения от уголовной ответственности лиц,
привлекаемых к участию в специальной военной операции 181

23. Моргуленко Е.А., Харитонов С.С.

Вопросы реализации уголовно-процессуального законодательства
военными судами: некоторые судебные решения 185

24. Назаров А.А. Харитонов С.С.

Обоснованность назначения военными судами уголовного наказания:
материалы судебной практики 193

25. Халиков И.А.

Охрана военно-мемориального наследия в контексте
уголовно-правовой политики государства 199

26. Шайхутдинов Ф.Ф.

Некоторые особенности привлечения к уголовной ответственности
и организации расследования фактов внесения должностным лицом
в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений 205

Военные проблемы международного права

27. **Бобров Р.Н., Гавриловский А.С.**
Международно-правовой статус военнопленного..... 210
28. **Родионов Е.А.**
Генезис правовых норм, регламентирующих режим
нераспространения ядерного оружия 215

Рецензии на военно-правовые издания

29. **Багреева Е.Г.**
Вопросы реализации государственной политики в области
противодействия коррупции и формирования антикоррупционного
правосознания военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации 224
-

Указатель сокращений

абз. — абзац

АПК РФ — Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации

БК РФ — Бюджетный кодекс Российской Федерации

ВВС — Военно-воздушные силы

ВДВ — Воздушно-десантные войска

ВМФ — Военно-Морской Флот

ВСУ — Вооруженные силы Украины

ГК РФ — Гражданский кодекс Российской Федерации

гл. — глава

ГПК РФ — Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации

ГРУ ГШ — Главное разведывательное управление Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации

ГУНИД — Главное управление научно-исследовательской деятельности Минобороны России

ГЭС — гидроэлектростанция

ДНР — Донецкая Народная Республика

ДНЯО — Договор о нераспространении ядерного оружия

ДРГ — диверсионно-разведывательная группа

ДРФ — диверсионно-разведывательное формирование

ДТП — дорожно-транспортное происшествие

ДУ ВС РФ — Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Российской Федерации

ЕАЭС — Евразийский Экономический Союз

ИБОР-ОМУ — международная программа «Инициатива по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения»

ИГП РАН — Институт государства и права Российской академии наук

КАС РФ — Кодекс административного судпроизводства Российской Федерации

КГБ — Комитет государственной безопасности

КНДР — Корейская Народно-Демократическая Республика

КНР — Китайская Народная Республика

КоАП РФ — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях

ЛГБТ — аббревиатура для обозначения лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендерных людей

ЛНР — Луганская Народная Республика

МАГАТЭ — Международное агентство по атомной энергии

МВД России — Министерство внутренних дел Российской Федерации

МГП — международное гуманитарное право

МИД России — Министерство иностранных дел Российской Федерации

Минздрав России — Министерство здравоохранения Российской Федерации

Минобрнауки России — Министерство образования и науки Российской Федерации

Минобороны России — Министерство обороны Российской Федерации

Минпросвещения России — Министерство просвещения Российской Федерации

Минтруд России — Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации

Минфин России — Министерство финансов Российской Федерации

Минюст России — Министерство юстиции Российской Федерации

млн. — миллион

млрд. — миллиард

МРОТ — минимальный размер оплаты труда

МЧС России — Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий

НАК — Национальный антитеррористический комитет

НАТО — Организация Североатлантического Договора (англ. North Atlantic Treaty Organization, NATO)

НИС — накопительно-ипотечная система жилищного обеспечения военнослужащих

ОБСЕ — Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе

ОВД — органы внутренних дел

ОМОН — отряд мобильный особого назначения

ОМС — обязательное медицинское страхование

ООН — Организация Объединенных Наций

ООО — общество с ограниченной ответственностью

ОРД — оперативно-розыскная деятельность

ОУН — Организация украинских националистов

п. — пункт

ПВК — право вооруженных конфликтов

ПВО — противовоздушная оборона

подп. — подпункт

ППС — патрульно-постовая служба

РИНЦ — Российский индекс научного цитирования

РВСР — Революционный Военный Совет Республики

РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия

Росгвардия — Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации

Росреестр — Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии

РПЦ — Русская православная церковь

руб. — рубль, рублей

СБУ — Служба безопасности Украины

СВО — специальная военная операция

СВР России — Служба внешней разведки Российской Федерации

СК России — Следственный комитет Российской Федерации

СНГ — Содружество Независимых Государств

СОБР — специальный отряд быстрого реагирования

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

ст. — статья

США — Соединенные Штаты Америки

ТК РФ — Трудовой кодекс Российской Федерации

тыс. — тысяча

УГиКС ВС РФ — Устав гарнизонной и караульной службы Вооруженных Сил Российской Федерации

УВС ВС РФ — Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации

УК РФ — Уголовный кодекс Российской Федерации

УПА — Украинская постанческая армия, националистическое оинское формирование, образованное в 1942 г.

УПК РФ — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

ФАС России — Федеральная антимонопольная служба

ФГАОУ ВО — федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

ФГКВОУ ВО — федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования

ФГКУ — федеральное государственное казенное учреждение

ФГОС ВО — федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования

ФРГ — Федеративная Республика Германии

ФСБ России — Федеральная служба безопасности Российской Федерации

ФСО России — Федеральная служба охраны Российской Федерации

ЦВО — Центральный военный округ

ЦК КПСС — Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза

ЦРУ — Центральное разведывательное управление США

ч. — часть

ЮАР — Южно-Африканская Республика

ЮВО — Южный военный округ

ЯО — ядерное оружие

Правовое обеспечение национальной безопасности

Техническое прикрытие путей сообщения как функция Министерства обороны Российской Федерации

© **Корякин Виктор Михайлович**,
доктор юридических наук, профессор, профессор
25 кафедры ФГКВООУ ВО «Военный университет
имени князя Александра Невского» Минобороны
России; профессор кафедры «Теория права,
гражданское право и гражданский процесс»
ФГАОУ ВО «Российский университет
транспорта»

Аннотация. В статье рассматривается функция Минобороны России по участию в техническом прикрытии путей сообщения, представляющем собой комплекс мероприятий, осуществляемых в мирное и военное время в целях оперативного восстановления движения на разрушенных и поврежденных коммуникациях вследствие воздействия поражающих факторов вооруженного конфликта. Анализируются имеющиеся в законодательстве и литературе подходы к определению данного понятия, формулируется авторская дефиниция. На примере специальной военной операции проанализирована активизация диверсионной деятельности на путях сообщения, показано, что техническое прикрытие должно осуществляться не только на прилегающих к зоне боевых действий территориях, но и на все территории страны.

Ключевые слова: техническое прикрытие путей сообщения; специальная военная операция; живучесть путей сообщения; транспортное обеспечение; Министерство обороны Российской Федерации.

Technical cover of communication routes as a function of the Ministry of Defense of the Russian Federation

© **Koryakin V.M.**,
Doctor of Law, Professor, Professor of the 25th
Department of the Prince Alexander Nevsky
Military University of the Russian Ministry of
Defense; Professor of the Theory of Law, Civil Law
and Civil Procedure Department of the Russian
University of Transport

Annotation. The article considers the function of the Russian Ministry of Defense to participate in the technical cover of communication routes, which is a set of measures carried out in peacetime and wartime in order to promptly restore traffic on destroyed and damaged communications due to the impact of damaging factors of armed conflict. The approaches available in legislation and literature to the definition of this concept are analyzed, the author's definition is formulated. Using the example of a special military operation, the activation of sabotage activities on the communication routes is analyzed, it is shown that technical cover should be carried out not only in the territories adjacent to the combat zone, but also in all the territories of the country.

Keywords: technical cover of communication routes; special military operation; survivability of communication routes; transport support; Ministry of Defense of the Russian Federation.

Министерство обороны Российской Федерации (Минобороны России) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики, нормативно-правовому регулированию в области обороны, иные установленные федеральными конституционными законами, федеральными законами, актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации функции в этой области, а также уполномоченным федеральным органом исполнительной власти в сфере управления и распоряжения имуществом Вооруженных Сил Российской Федерации и подведомственных Министерству обороны Российской Федерации организаций. Как показывает анализ Положения о Министерстве обороны Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082, круг функций и полномочий Минобороны России весьма обширен и разнообразен. Среди них упоминается термин, относительно редко становившийся предметом научного анализа в военном праве: *техническое прикрытие путей сообщения*.

Попытаемся восполнить данный пробел и раскрыть содержание и предназначение того явления, которое именуется довольно неопределенным, на первый взгляд, понятием «техническое прикрытие». Этот термин относится к сфере мобилизации и в самом общем виде означает обеспечение устойчивого функционирования путей сообщения в условиях вооруженных конфликтов, заблаговременную подготовку сил и средств к восстановлению в максимально короткие сроки движения, прерванного вследствие воздействия поражающих факторов военных действий, актов терроризма и диверсий на объекты транспортной инфраструктуры. С началом специальной военной операции (СВО) актуальность данного вопроса существенно повысилась. Как показывает статистика, объекты транспортной инфраструктуры после 24 февраля 2022 г. регулярно становятся объектами силового воздействия противника, причем не только непосредственно в районах боестолкновений, но и

практически по всей территории нашей страны (см. табл. 2).

Об этом шла речь на состоявшемся 13 июня 2023 г. заседании Национального антитеррористического комитета (НАК) под руководством его председателя, Директора ФСБ России А.В. Бортникова. На заседании рассмотрены актуальные вопросы обеспечения антитеррористической защищенности объектов транспортного комплекса в условиях проведения специальной военной операции.

В своем выступлении председатель НАК отметил, что целями украинских спецслужб и националистических формирований являются нарушение транспортного сообщения, прежде всего, вблизи зоны проведения СВО, создание препятствий для воинских перевозок и срыв снабжения новых российских регионов. Для совершения терактов на объектах железнодорожной, автомобильной и авиационной инфраструктуры противник использует диверсионно-разведывательные группы и пособников из числа российских и украинских граждан.

В соответствии с установками НАК государственными органами принимаются необходимые меры по недопущению подобных преступлений. С февраля прошлого года на объектах транспорта предотвращено 28 диверсий и террористических актов. В ходе заседания была подчеркнута необходимость системного контроля за осуществляемой на местах работой по обеспечению транспортной безопасности, одобрены дополнительные меры, направленные на обеспечение антитеррористической защищенности объектов транспортного комплекса¹.

Таким образом, значение функции Минобороны России по обеспечению надежного технического прикрытия путей сообщения существенно возросла. Согласно упомянутому выше Положению, Минобороны России осуществляет следующие полномочия в рассматриваемой сфере:

— разрабатывает предложения по мобилизационным планам экономики Рос-

¹ <http://nac.gov.ru/nak-prinimaet-resheniya/direktor-fsb-rossii-provel-zasedanie-nacionalno.html>

сийской Федерации, по плану технического прикрытия инфраструктуры железнодорожного транспорта Российской Федерации и по плану гражданской обороны;

— реализует совместно с иными заинтересованными федеральными органами исполнительной власти и организациями мероприятия технического прикрытия, восстановления, разминирования и заграждения участков инфраструктуры железнодорожного транспорта Российской Федерации общего пользования, повышения ее живучести и пропускной способности, устройства обходов узлов, мостов, тоннелей, осуществляет наведение и эксплуатацию наплавных железнодорожных мостов;

— координирует деятельность иных федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, войск, воинских формирований и органов по вопросам технического прикрытия, восстановления, заграждения, разминирования участков инфраструктуры железнодорожного транспорта Российской Федерации общего пользования на театрах военных действий в соответствии с планами оперативного применения войск военных округов, Северного флота, а также по вопросам осуществления наведения и эксплуатации наплавных железнодорожных мостов в целях обороны страны и безопасности государства.

Важнейшим документом, раскрывающим перспективы развития и совершенствования мобилизационной готовности транспортного комплекса к функционированию в военное время и условиях вооруженных конфликтов, является *Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года*, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. № 3363-р.

В данном документе подчеркивается, что роль транспорта в обеспечении обороноспособности и национальной безопасности страны обусловлена ростом требований к мобильности Вооруженных Сил Российской Федерации. В связи с этим од-

ной из важных задач Стратегии является транспортное обеспечение обороны страны, создание условий для эффективной мобилизации транспортного комплекса, обеспечение мобилизационной подготовки и подготовки к военному времени.

Развитие транспортного обеспечения обороны страны предусматривает:

— комплексное развитие транспортной инфраструктуры Российской Федерации, включая Единую опорную сеть², с учетом возрастающих потребностей в строительстве новых и реконструкции имеющихся транспортных коммуникаций, в том числе относящихся к объектам инфраструктуры двойного назначения. Предусматривается создание сбалансированной транспортной системы Российской Федерации с учетом ее опережающего развития, в том числе в части объектов двойного назначения, для обеспечения потребностей Российской Федерации в мирное и военное время, решения мобилизационных и специальных задач;

— обеспечение постоянного соответствия уровня готовности транспортной инфраструктуры, транспортных средств и всей транспортной системы потребностям страны, Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск;

— разработку и реализацию комплекса мер, направленных на обеспечение размещения на объектах транспортной инфраструктуры подразделений федеральных органов исполнительной власти, участвующих в организации и осуществлении специальных и воинских перевозок, а также на использование ими связи и информационно-телекоммуникационных систем, доступных для субъектов транспортного

² *Единая опорная сеть* — сбалансированная и связанная транспортная сеть, объединяющая в себе важнейшие объекты транспортной инфраструктуры для всех видов транспорта и обеспечивающая функциональное единство транспортной системы, устойчивую взаимосвязь и пространственное развитие крупнейших населенных пунктов, экономических центров, основных минерально-сырьевых и производственных зон, геостратегических территорий, объектов культурного наследия Российской Федерации, наиболее востребованных объектов туризма и рекреационных районов.

комплекса;

— совершенствование системы связи и управления воинскими и специальными перевозками и запасных пунктов управления;

— обеспечение информационной безопасности на транспорте при выполнении воинских и специальных перевозок и сохранение существующего порядка размещения органов управления этими перевозками.

В целях создания условий для эффективной мобилизации транспортного комплекса и обеспечения его мобилизационной готовности предусматриваются следующие виды мероприятий:

— организация необходимой мобилизационной подготовки работников транспорта, федеральных и региональных органов исполнительной власти в области транспорта, обучение мобилизационных работников, проведение сборов и учений;

— подготовка объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств к использованию для обеспечения военной безопасности Российской Федерации, в том числе подготовка объектов двойного назначения с учетом координации деятельности федеральных и региональных органов исполнительной власти, оптимизация планирования и управления в установленной сфере деятельности, проведение мероприятий по поддержанию структуры парка железнодорожного подвижно-

го состава общего пользования, при которой обеспечивается возможность выполнения массовых воинских перевозок в полном объеме в заданные сроки, подготовка и поддержание в исправном состоянии временных перегрузочных районов и запасных морских перегрузочных районов;

— планирование и реализация мер по использованию транспорта для решения задач обеспечения обороноспособности страны без уменьшения его конкурентоспособности, особенно на рынке внешне-торговых перевозок и экспорта транспортных услуг;

— совершенствование нормативно-правовой базы мобилизационной подготовки транспортного комплекса и определение критериев и требований к созданию объектов двойного назначения, выработка скоординированной системы мер заинтересованными органами государственной власти федерального, регионального и местного уровней по выполнению установленных требований, создание условий для эффективного участия организаций-владельцев транспортных средств в решении мобилизационных задач.

Обратимся далее к содержанию ключевого понятия в рассматриваемой сфере — *техническое прикрытие*. К настоящему времени данный термин получил довольно подробное отражение и трактовку как в научной литературе, так и в нормативных правовых актах (см. табл. 1)

Таблица 1

Основные подходы к формулировке термина «техническое прикрытие» в научной литературе и в нормативных правовых актах

№ пп	Содержание понятия «Техническое прикрытие»	Источник
1	<i>Техническое прикрытие путей сообщения</i> — комплекс специальных мероприятий, проводимых на путях сообщения в мирное и военное время в целях обеспечения функционирования и быстрого восстановления после разрушений. Техническому прикрытию подлежат железнодорожные и автомобильные узлы, мостовые переходы, тоннели, морские и речные порты, гидротехнические сооружения на внутренних водных путях, аэродромы базирования транспортной авиации, линии полевых магистральных и стационарных трубопроводов, а при необходимости — и другие транспортные объекты.	Соглашение об использовании и развитии сети транспортных коммуникаций для нужд экономики, воинских и гуманитарных перевозок государств-участников Содружества Независимых Государств от 31.05.2001
2	<i>Техническое прикрытие путей сообщения</i> — комплекс мероприятий по обеспечению живучести путей сообщения и их восстановления в случае разрушений; один из элементов транспортного обеспечения. Техническому прикрытию под-	Военный энциклопедический словарь // https://1564.slovaronline.com/10474-техническое_прикрытие

	лежат железнодорожные узлы и узлы шоссейных дорог, мостовые переходы, тоннели, морские и речные порты, гидротехнические сооружения на внутренних водных путях, аэродромы базирования военно-транспортной авиации, линии полевых магистральных и стационарных трубопроводов.	
3	<i>Техническое прикрытие путей сообщения</i> — комплекс мероприятий, проводимых в целях обеспечения живучести путей сообщения и их восстановления в случае разрушений; один из элементов транспортного обеспечения. Осуществляется силами и средствами соответствующих транспортных министерств и ведомств (на железных дорогах, кроме того, железнодорожными войсками; на военно-автомобильных дорогах – дорожными войсками; на аэродромах военно-транспортной авиации — инженерно-аэродромными и авиационно-техническими частями; на полевых магистральных трубопроводах — трубопроводными подразделениями). Выделяемые для транспортного прикрытия силы и средства обеспечивают функционирование прикрываемых объектов, организуют охрану, оборону и защиту путей сообщения и транспортных средств, осуществляют восстановительные работы	Военный энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 1984. С. 739.
4	<i>Техническое прикрытие железных и автомобильных дорог (их участков, объектов)</i> — комплекс инженерных, организационных и иных мероприятий, осуществляемых в мирное и военное время для всесторонней подготовки железных и автомобильных дорог (их участков, объектов), а также сил и средств транспортных войск, государственных органов и иных организаций, ведающих вопросами железнодорожного и автомобильного транспорта, к ликвидации последствий разрушений, полученных в результате воздействия противника	Положение о транспортных войсках Республики Беларусь, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 10 мая 2006 г. № 312
5	<i>Техническое прикрытие железных дорог Сторон</i> — комплекс инженерных, технических и организационных мероприятий, осуществляемых в мирное и военное время для всесторонней подготовки объектов, сооружений и устройств эксплуатируемой сети железных дорог, восстановительных и эксплуатационных сил и средств (воинских частей железнодорожных войск, министерств обороны, специальных формирований и восстановительных организаций органов Сторон, ведающих вопросами железнодорожного транспорта) к выполнению работ по ликвидации последствий воздействия противника на железнодорожную сеть Сторон	Соглашение о создании единой системы технического прикрытия железных дорог государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности (ратифицировано Федеральным законом от 19.07.2007 г. № 137-ФЗ)
6	<i>Техническое прикрытие железных дорог</i> — комплекс инженерных, технических и организационных мероприятий, осуществляемых в мирное и военное время для всесторонней подготовки объектов, сооружений и устройств эксплуатируемой железнодорожной сети Российской Федерации, восстановительных и эксплуатационных сил и средств (воинских частей Железнодорожных войск, специальных формирований и восстановительных организаций федеральных органов исполнительной власти) к выполнению работ по ликвидации последствий полученных разрушений.	Федеральный закон от 05.08.1995 № 126-ФЗ «О Железнодорожных войсках Российской Федерации» (утратил силу)
7	<i>Техническое прикрытие морских и речных путей сообщения</i> — это комплекс специальных организационно-технических мероприятий, проводимых в мирное и военное время на наиболее важных транспортных объектах, заблаговременно выделенными силами и средствами с целью обеспечения их живучести и быстрого восстановления после разрушений	Исаков Д.А., Климов Д.А., Юсупов Э.К., Кузин М.С. Техническое прикрытие объектов морского и речного транспорта при воздействии вооруженного нападения войск (сил) НАТО // Матрица научного познания. 2021. № 9-2. С. 126—131

Для лучшего понимания сущности термина «техническое прикрытие» полез-

ным является изучение этимологического смысла составляющих его слов — «прикрытие» и «техническое».

В словарях русского языка слову «*прикрытие*» придаются следующие значения:

1) действие, производное от глаголов «прикрыть», «прикрыться»¹;

2) защита, охрана²;

3) предмет, сооружение и т.п., защищающие, укрывающие от чего-л.³;

4) затушевывание, сокрытие, маскировка, утаивание⁴;

5) люди, предназначенные для охраны, воинская часть, подразделение, конвой, защищающие, прикрывающие чего-н.⁵

Вторым словом, составляющим анализируемое понятие, является прилагательное «техническое» («технический»).

Словари русского языка трактуют данный термин следующим образом:

а) связанный с техникой, с использованием техники;

б) относящийся к работе машин и механизмов, связанный с процессом производства чего-л.;

в) подлежащий использованию или обработке в промышленности;

г) связанный с профессиональными приемами, способами в выполнении чего-л.;

д) выполняющий различные вспомогательные работы в каком-л. деле;

е) выражающий специальное понятие, относящееся к какой-л. области техники или науки; профессиональный.

Исходя из приведенных трактовок, можно говорить о том, что техническое прикрытие представляет собой деятель-

ность по защите объектов транспорта с использованием технических средств, приемов и способов.

Во всех приведенных в табл. 1 толкованиях термина «техническое прикрытие» оно определяется через понятие «*комплекс мероприятий*», которое, исходя смысла составляющих его терминов «*комплекс*» (система, совокупность чего-либо, объединенного вместе, имеющего общее предназначение, и отвечающего какой-либо определенной общей цели) и «*мероприятие*» (совокупность действий, нацеленных на выполнение единой задачи) представляет собой совокупность целенаправленных действий по обеспечению безопасного функционирования прикрываемого объекта.

Разновидностями мероприятий по техническому прикрытию транспортных коммуникаций в приведенных определениях названы:

— *инженерные мероприятия*, включающие организацию и ведение инженерной разведки; локализацию и тушение пожаров; прокладку новых и резервных путей сообщения; выполнение аварийно-восстановительных, спасательных, разградительных работ в очагах разрушения объектов транспортной инфраструктуры и др.;

— *технические мероприятия*, связанные с обеспечением безопасности при производстве аварийно-восстановительных, строительномонтажных работ, использованием механизмов и оборудования;

— *организационные мероприятия*, включающие планирование, формирование, подбор и расстановку сил и средств, в том числе кадровое обеспечение технического прикрытия, маневр силами и средствами, контроль и проверку исполнения мероприятий технического прикрытия и др.;

— *специальные мероприятия*, включающие создание и подготовку специальных формирований для оперативного проведения комплекса работ по восстановлению прерванного движения; расконсервацию и ввод в эксплуатацию средств материального резерва; проведение учений сил и средств технического прикрытия; обес-

¹ Словарь русского языка : В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

² Там же; Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова (1935—1940) // <http://feb-web.ru/>

³ Там же.

⁴ Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова (1935—1940).

⁵ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. Яз., 1986; Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова (1935—1940); <https://ru.wiktionary.org/wiki/прикрытие>

печение охраны путей сообщения; антидиверсионные и антитеррористические мероприятия; дезактивация и дегазация объектов транспорта и т.п.

Обязательным элементом дефиниции какого-либо вида деятельности является указание на ее *цель*. В приведенных в табл. 1 официальных и неофициальных определениях понятия «техническое прикрытие» в качестве *целей осуществления мероприятий технического прикрытия* обозначены следующие варианты:

— обеспечение функционирования и быстрого восстановления путей сообщения после разрушений;

— обеспечения живучести путей сообщения и их восстановления;

— всесторонняя подготовка путей сообщения, а также сил и средств войск, государственных органов и иных организаций, ведающих вопросами транспорта, к ликвидации последствий разрушений, полученных в результате воздействия противника;

— всесторонняя подготовка объектов транспортной инфраструктуры и соответствующих сил и средств к выполнению работ по ликвидации последствий воздействия противника на транспортную сеть;

— всесторонняя подготовка инфраструктуры транспорта и привлекаемых сил и средств в целях выполнения работ по ликвидации последствий воздействия противника на инфраструктуру транспорта;

— заблаговременная подготовка путей сообщения и привлекаемых к оперативному возобновлению движения сил и средств в случае возникновения препятствий в связи с разрушением путей сообщения вследствие военных действий;

— обеспечение живучести путей сообщения и их быстрого восстановления после разрушений.

Из перечисленных вариантов определения целей проведения мероприятий технического прикрытия наиболее значимым и емким, в наибольшей степени отражающим цель технического прикрытия является *обеспечение живучести путей сообщения*, под которой понимается устойчивость функционирования транспортных коммуникаций в условиях чрезвычайных ситуа-

ций, техногенных катастроф и воздействия противника, а также способность восстановления движения и работоспособности объектов транспортной инфраструктуры в кратчайшие сроки¹. При этом ключевым показателем живучести транспортных систем являются сроки восстановления движения транспортных средств, прерванного вследствие внешнего воздействия. Это могут быть как создание новых объездных путей сообщения, оборудование временных переправ, введение в эксплуатацию законсервированных объектов, временных аварийных схем движения транспорта и т.п., так и ремонт и восстановление поврежденных путей сообщения и иных объектов транспортной инфраструктуры.

Обязательными атрибутами любого вида целенаправленной деятельности, являются ее *объект*, т.е. то, на что направлена эта деятельность, и *субъект*, т.е. указание на того, кто осуществляет эту деятельность.

Исходя из анализа приведенных в табл. 1 различных вариантов определения понятия «техническое прикрытие», объектами деятельности по техническому прикрытию являются:

а) *пути сообщения*, под которыми понимаются транспортные пути, технические сооружения и устройства на них, обеспечивающие пропуск (движение) транспортных средств, перемещение людей и грузов различного назначения из одного пункта (района) в другой. В Российской Федерации пути сообщения подразделяются на: сухопутные, водные и воздушные; по ведомственной принадлежности — на общего пользования, промышленные, городские, военные и др.²;

б) *объекты транспортной инфраструктуры*, представляющие собой технологический комплекс, предназначенный

¹ Корякин В.М. Обеспечение живучести транспортных систем в условиях специальной военной операции: правовой аспект // Транспортное право и безопасность. 2023. № 1(45). С. 116—119; Феллер Г.М. Живучесть железных дорог как фактор устойчивости транспортного обеспечения Вооруженных Сил // Военная мысль. 2019. № 2. С. 67—73.

² <https://mchs.gov.ru/ministerstvo-o-ministerstve/terminy-mchs-rossii/term/2041>

для перевозки пассажиров и транспортировки грузов и включающий в себя:

— железнодорожные, автомобильные вокзалы и станции;

— метрополитены;

— тоннели, эстакады, мосты;

— морские терминалы, акватории морских портов;

— порты, которые расположены на внутренних водных путях и в которых осуществляются посадка (высадка) пассажиров и (или) перевалка грузов повышенной опасности на основании специальных разрешений, судоходные гидротехнические сооружения;

— искусственные острова, установки и сооружения, расположенные во внутренних морских водах, в территориальном море, исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе Российской Федерации;

— аэродромы, аэропорты, объекты систем связи, навигации и управления движением транспортных средств;

— участки автомобильных дорог, железнодорожных и внутренних водных путей, вертодромы, посадочные площадки, а также иные обеспечивающие функционирование транспортного комплекса здания, сооружения, устройства и оборудование.

— линии полевых магистральных и стационарных трубопроводов.

Субъектами деятельности, связанной с осуществлением мероприятий по техническому прикрытию путей сообщения, являются:

1) Минтранс России (Департамент транспортной безопасности и специальных программ);

2) Минобороны России (Департамент транспортного обеспечения, Железнодорожные войска);

3) федеральные органы исполнительной власти, подведомственные Минтрансу России (Ространснадзор, Росавтодор, Росжелдор, Росавиация, Роморречфлот);

4) подразделения органов государственной власти субъектов Российской Федерации, уполномоченные в сфере транспорта;

5) органы местного самоуправления;

6) транспортные организации, являю-

щиеся владельцами объектов транспортной инфраструктуры;

7) специальные формирования — организационные структуры, создаваемые на военное время федеральными органами исполнительной власти для технического прикрытия, восстановления, эксплуатации, ремонта и строительства транспортных коммуникаций;

8) организации, с которыми в порядке, установленном законодательством о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд, заключены государственные и муниципальные контракты о выполнении мероприятий мобилизационного плана в части, касающейся технического прикрытия транспортных коммуникаций.

Немаловажным аспектом осуществления мероприятий по техническому прикрытию транспортных коммуникаций является адекватное определение источников угроз их нормальному функционированию. Согласно сложившейся в военной науке доктрине, речь идет об обеспечении живучести транспортных систем в условиях ведения военных действий с применением как обычных вооружений, так и оружия массового поражения. Наглядным примером такого понимания технического прикрытия транспортной инфраструктуры является нанесение украинской стороной 22 июня 2023 г. ракетного удара по Чонгарскому мосту через Сиваш, связывающего Крым и Херсонскую область. Тем самым предпринята попытка затруднить снабжение российской группировки материальными средствами и пополнение личным составом через Республику Крым. При этом, согласно сообщениям официальных лиц, движение автотранспорта организовано по резервному маршруту¹. Тем самым можно говорить, что вопросы технического прикрытия путей сообщения в ходе СВО в целом решаются.

Вместе с тем, как показывает практика осуществляемой с 24 февраля 2022 г. специальной военной операции по демилита-

¹ <https://rg.ru/2023/06/22/saldo-soobshchil-ob-obstrelchongarskogo-mosta-raketami-storm-shadow.html>

ризации и денацификации Украины, в условиях действия специальных правовых режимов (военное положение, мобилизация, специальная военная операция и др.) не меньшую опасность для нормального функционирования транспортного комплекса страны, в том числе в глубоких тылах нашей обороны, представляет диверсионная деятельность противника, направленная на повреждение коммуникаций, путей подвоза материальных средств для обеспечения военных действий, затруднение осуществления маневра силами и средствами ведения войны. Об этом свидетельствует резкое увеличение числа актов диверсий на объектах транспортной инфраструктуры в различных регионах нашей страны. Согласно данным прокуратуры, в 2022 г. была зафиксирована 21 диверсия, в то время как в 2021 г. — только одна¹.

Данное обстоятельство позволяет считать вполне правомерной и обоснованной постановку вопроса о том, что формируемые в мирное время планы технического прикрытия транспортных коммуникаций должны вводиться в действие не только в период военного положения и военных действий, но и в силу угроз террористического и диверсионного характера.

Таким образом, подводя итог сравнительному исследованию имеющихся в литературе и нормативных трактовках понятия «техническое прикрытие», сформулируем собственное развернутое определение данного понятия: *техническое прикрытие путей сообщения* — комплекс организационных, инженерно-технических, специальных мероприятий, осуществляемых силами и средствами государственных органов, уполномоченных в сфере транспорта, транспортными организациями и специальными формированиями во взаимодействии с Вооруженными Силами Российской Федерации и другими войсками в целях обеспечения живучести транспортных коммуникаций и иных объектов транспортной инфраструктуры в военное время и при вооруженных конфликтах, в

условиях террористических и диверсионных угроз, для восстановления в кратчайшие сроки нарушенного движения транспортных средств, в том числе посредством обустройства резервных путей сообщения.

Библиография

1. Исаков, Д.А. Техническое прикрытие объектов морского и речного транспорта при воздействии вооруженного нападения войск (сил) НАТО / Д.А. Исаков, Д.А. Климов, Э.К. Юсупов, М.С. Кузин // Матрица научного познания. — 2021. — № 9-2. С. 126—131.
2. Корякин, В.М. Обеспечение живучести транспортных систем в условиях специальной военной операции: правовой аспект / В.М. Корякин // Транспортное право и безопасность. — 2023. — № 1(45). — С. 116—119.
3. Феллер, Г.М. Живучесть железных дорог как фактор устойчивости транспортного обеспечения Вооруженных Сил / Г.М. Феллер // Военная мысль. — 2019. — № 2. — С. 67—73.

¹ <https://iz.ru/1440727/2022-12-14/v-rossii-zaregistririvali-21-diversiiu-v-2022-godu>

Сведения о террористических и диверсионных актах, совершенных в отношении объектов транспортной инфраструктуры Российской Федерации в период после начала специальной военной операции (после 24 февраля 2022 г.)

№ пп	Дата	Обстоятельства и последствия	Источник информации
Совершенные акты			
1	1.05.2022	На конструкциях железнодорожного моста, расположенного на 67-м км железной дороги Суджа — Сосновый Бор у села Русская Конопляка Суджанского района Курской области, было заложено и приведено в действие взрывное устройство. Произошло частичное обрушение конструкций моста, прервано железнодорожное сообщение	https://iz.ru/1329066/2022-05-01/po-faktu-podryva-zheleznodorozhnogo-mosta-pod-kurskom-vozbuzhdeno-ugolovnoe-delo
2	26.09.2022	Диверсия на газопроводах «Северный поток» и «Северный поток-2». На трубах газопроводов в четырех местах обнаружены утечки газа.	https://www.kommersant.ru/doc/5646038
3	8.10.2022	Врыв автомобиля на Крымском мосту. Взрывом было обрушено около 250 метров шоссе-ного полотна, сгорело семь цистерн грузового поезда. Погибли несколько человек.	https://www.kommersant.ru/doc/5608188
4	19.10.2022	Трое иностранцев, приехавших в Россию под видом учебы, сожгли электрооборудование на нескольких железнодорожных станциях и перегонах от Шакши до Демы (Республика Башкортостан)	https://tsargrad.tv/news/vmesto-uchjoby-20-let-tjurmy-v-ufezaderzhany-troe-inostrancev-diversantov_657015
5	5.12.2022	Взрыв на военном аэродроме Энгельс (Саратовская обл.) с помощью беспилотника. Частично повреждена взлетно-посадочная полоса. Погибли 3 военнослужащих	https://63.ru/text/incidents/2022/12/26/71929280/
6	5.12.2022	Взрыв на военном аэродроме Дягилево (Рязанская обл.) с помощью беспилотников. Частично повреждена взлетно-посадочная полоса. Погибли 3 человека	https://rzn.mk.ru/incident/2022/12/05/vzryv-na-voennom-aerodrome-v-ryazani-5-dekabrya-2022-goda-cto-izvestno.html
7	Декабрь 2022	Задержаны четыре подростка, подозреваемые в диверсии на Куйбышевской железной дороге. Они совершили два поджога релейных шкафов в Пензе. Ущерб составил более 600 тыс. руб.	https://iz.ru/1471275/iana-shturma/shalost-ne-radost-kto-stoitzadiversiiami-podrostkov-na-zheleznykh-dorogakh
8	5.01.2023	Сотрудники управления ФСБ России по Челябинской области задержали троих жителей региона при попытке вывода из строя тяговой подстанции одной из железнодорожных станций Южно-Уральской железной дороги	https://www.interfax.ru/russia/8797
9	15.02.2023	Задержан гражданин Украины, который, находясь в столичном регионе, по команде куратора из СБУ в ночное время осуществил поджоги двух шкафов сигнализации, централизации и автоматической блокировки Московской железной дороги	http://www.fsb.ru
10	23.02.2023	Неизвестные диверсанты подорвали участок железной дороги в районе села Почтовое в Крыму. Это не привело к крушению поездов, однако вызвало задержку движения трех составов поезда Севастополь – Санкт-Петербург и двух пригородных электричек.	https://tsargrad.tv/news/terakt-v-krymu-rogov-rasskazal-cto-proizoshlo-na-zheleznoj-doroge_730805
11	29.04.2023	В Новосибирской области неизвестный поджег релейный шкаф на перегоне между двумя станциями в Ленинском районе.	https://riafan.ru/24020465-neizvestnii_szheg_releinii_shkaf_na_zheleznodorozhnom_peregone_v_no

			vosibirskoi_oblasti
12	30.04.2023	В Свердловской области произошла диверсия на железной дороге. Неустановленные лица подожгли релейный и батарейный шкафы на станции Нижний Тагил.	https://riafan.ru/24022347-neizvestnie_ustroili_diversiyu_na_zheleznoi_doroge_v_sverdlovskoi_oblasti
13	1.05.2023	На перегоне Рассуха — Унеча в Брянской области из-за подрыва железной дороги сошел с рельсов грузовой поезд.	https://dzen.ru/a/ZFpJrbzPNRyc_5rE
14	2.05.2023	Частичное обрушение вследствие акта диверсии железнодорожного моста на 67-м километре железной дороги Суджа — Сосновый Бор (Курская обл.)	https://taen-1.livejournal.com/2498939.html
15	2.05.2023	В Брянской области неизвестные подорвали железнодорожное полотно. В результате диверсии с путей сошли 20 вагонов. Движение на участке Снежегская — Белые Берега было приостановлено.	https://lenta.ru/news/2023/05/02/podrivzelezn/
16	18.05.2023	В Крыму сошел с рельсов грузовой поезд. Взрывное устройство было заложено под железнодорожные пути в районе села Чистенькое, рядом с Симферополем. Взрыв повредил 50 метров железнодорожного полотна.	https://tsargrad.tv/news/diversija-v-krymu-cto-izvestno-o-vzryve-na-zheleznoj-doroge_786189
17	10.06.2023	В Алексеевском районе Белгородской области вследствие атаки беспилотников сошли с рельсов локомотив и 15 грузовых вагонов	https://news.ru/regions/nazvana-prichina-shoda-s-relsov-15-vagonov-v-belgorodskoj-oblasti/
18	11.06.2023	В Кировском районе Крыма в результате взрыва на железнодорожных путях поврежден локомотив. Движение поездов остановлено	https://www.gazeta.ru/social/news/2023/06/11/20646428
19	21.06.2023	В районе Феодосии в результате диверсии повреждено железнодорожное полотно, движение электропоездов приостановлено	https://crimea.ria.ru/20230621/chpna-zheleznoy-doroge-v-krymu-zaderzhivayutsya-elektrichki-1129521578.html
Предотвращенные акты			
1	Март 2022	Жители Белгорода Зеленин и Турьянский готовились повредить участок железной дороги в районе поселка Томаровка Яковлевского городского округа Белгородской области перед следованием поезда. Приговорены к 3,5 годам лишения свободы каждый с отбыванием в колонии строгого режима по ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 281 УК РФ (приготовление к диверсии)	https://www.interfax.ru/russia/887100
2	4.09.2022	18-летний житель Краснодарского края при помощи не менее четырех заранее приготовленных им бутылок с зажигательной смесью попытался уничтожить железнодорожный пост секционирования контактной сети участка железной дороги в Курганинском районе.	https://iz.ru/1471275/iana-shturma/shalost-ne-radost-kto-stoit-za-diversiiami-podrostkov-na-zheleznykh-dorogakh
3	30.09.2022	Житель Урала В. Меньшиков, завербованный украинскими спецслужбами, попытался устроить диверсию на путях железнодорожного сообщения, по которым ходят составы с российской бронетехникой, установив перемычки на железнодорожных путях, чтобы составы с бронетехникой сошли с рельсов.	https://www.uralinform.ru/news/incidents/354687-sverdlovchaninzaverbovanniy-ukrainoi-gotovil-diversiyu-na-zheleznoi-doroge/
4	1.02.2023	Федеральной службой безопасности Российской Федерации задержаны трое граждан России, причастных к подготовке и совершению террористических актов на	http://www.fsb.ru

		объектах железнодорожной инфраструктуры в Свердловской области за денежное вознаграждение по заданию украинских неонацистов.	
5	22.02.2023	В Нижневартовске Тюменской области сотрудниками ФСБ России задержан местный житель за подготовку к диверсии на участке Свердловской железной дороги. Он собирался совершить поджоги и иные действия, чтобы испортить релейные металлические шкафы для размещения специального оборудования на перегонах и железнодорожных станциях	https://topwar.ru/211520-fsb-predotvratila-diversiju-na-uchastke-zheleznoj-dorogi-v-nizhnevartovske.html
6	11.04.2023	Сотрудники полиции предотвратили поджог релейных шкафов на железной дороге в Подмоскowie на станции Селятино Наро-Фоминского района. Задержаны три местных жителя, которые планировали вывести из строя оборудование на одной из веток.	https://riafan.ru/23988243-politsiya_zaderzhala_troih_zhitelei_p_odmoskov_ya_planirovavshih_szhech_h_releinie_shkafi_na_zheleznoi_doroge
7	23.04.2023	Сотрудники ФСБ России предотвратили диверсию на железнодорожном перегоне в городе Анжеро-Судженск Кемеровской области. Злоумышленники пытались вскрыть и поджечь пять релейных шкафов на железнодорожном перегоне.	https://riafan.ru/24009395-fsb_zaderzhala_dvuh_molodih_lyude_i_pri_popitke_podzhech_oborudovanie_na_zheleznoi_doroge_v_kemerovskoi_oblasti
8	2.05.2023	В Брянской области предотвращен подрыв железнодорожных путей. На 77-м километре перегона Красный Рог — Почеп стрелочник увидел выкопанный щебень в мешках, а затем и несколько раскопок под железнодорожным полотном, куда неизвестные планировали заложить самодельное взрывное устройство.	https://lenta.ru/news/2023/05/02/podkopp/

Теория и история военного права

Историко-правовой аспект возникновения концессионных соглашений

© Кириченко Николай Сергеевич,

кандидат юридических наук, юрист

© Александрова Наталья Геннадиевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры кадрового, правового и психологического обеспечения Академии Государственной противопожарной службы МЧС России

Аннотация. Государственно-частное партнерства представляет собой один из способов развития оборонно-промышленного комплекса, которое может быть реализовано путем использования механизма в виде заключение концессионных соглашений. В контексте возникновения и развития в нашем государстве законодательства о концессионных соглашениях особенно актуально встает вопрос об изучении собственного исторического опыта привлечения частного капитала. Изучение ретроспективы вопроса, рассматриваемого учеными различных периодов, позволит выявить различные тенденции и закономерности в развитии концессионных соглашений на современном этапе.

Ключевые слова: концессионное соглашение, концессия, оборонно-промышленный комплекс, государственно-частное партнерство.

Historical and legal aspect of the emergence of concession Agreements

© Kirichenko N.S.,

Candidate of Legal Sciences, lawyer

© Alexandrova N.G.,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Personnel, Legal and Psychological Support of the Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia of the Russian Federation

Abstract. Public-private partnership is one of the ways to develop the military-industrial complex, which can be implemented through the use of a mechanism in the form of concession agreements. In the context of the emergence and development of legislation on concession agreements in our state, the question of studying our own historical experience of attracting private capital is particularly relevant. The study of the retrospective of the issue considered by scientists of different periods will reveal various trends and patterns in the development of concession agreements at the present stage.

Keywords: concession agreement, concession, military-industrial complex, public-private partnership.

Согласно Военной доктрине Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976, одним из способов выполнения основных задач строительства и развития Вооруженных Сил Российской Федерации является повышение эффек-

тивности функционирования оборонно-промышленного комплекса как высокотехнологического многопрофильного экономического сектора экономики страны, направленного на удовлетворение потребностей в вооружении, военной, специальной технике и материальных средствах

Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов.

Данная тема и ее отдельные вопросы сквозь призму военного права рассматривались в работах различных российских ученых, что свидетельствует об актуальности данного вектора научных исследований¹.

Использование механизмов государственно-частного партнерства как системы взаимовыгодного сотрудничества государства и бизнеса представляет собой важное направление повышения эффективности функционирования оборонно-промышленного комплекса². При этом одним из способов взаимодействия государства и бизнеса в оборонной сфере могут являться правоотношения, возникающие на основании концессионных соглашений.

В соответствии с п. 12 ст. 1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» имущество Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов является федеральной собственностью и находится у них на правах хозяйственного ведения или оперативного управления. Имущество Вооруженных Сил Российской Федерации, в отношении которого в соответствии с Федеральным законом от 21 июля 2005 г.

№ 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» допускается заключение концессионного соглашения, может быть передано концессионеру в соответствии с указанным Федеральным законом.

Федеральный закон «О концессионных соглашениях» стал для Российской Федерации первым шагом в процессе формирования государственно-частного партнерства, необходимого для развития социально-инфраструктурного комплекса. Декларируя равенство сторон в концессионном соглашении, государство тем самым подчеркивает частноправовой характер концессионных отношений, т.е. в контексте Закона отражается понимание государством того, что привлечь инвестора могут только отношения, выстраиваемые исключительно на общегражданских принципах³.

Фактически указанные концессионные правоотношения, характеризующиеся публично-правовым элементом, заключаются в том, что с одной стороны концедент (государство или иное публично-правовое образование) предоставляет другой стороне — концессионеру (индивидуальному предпринимателю, российскому или иностранному юридическому лицу либо действующему без образования юридического лица по договору простого товарищества (договору о совместной деятельности) двум и более указанным юридическим лицам) исключительное право на осуществление какой-либо деятельности, являющейся исключительной монополией государства или право на использование государственной собственности⁴.

Необходимо отметить, что история концессионных соглашений уходит своими корнями в глубокое прошлое. Концессионное соглашение является договорной формой облечения в правовую форму такого социально-экономического явления, как концессия. Концессия (от лат. *concessio*; англ. *concession* — разрешение,

¹ См. напр.: Кудашкин А.В., Свиных Е.А. Правовые формы деятельности организаций оборонно-промышленного комплекса по исполнению государственного оборонного заказа // Оборонно-промышленный комплекс: управление, экономика и финансы, право. 2021. № 1. С. 38—46; Корякин М.В. Федеральный бюджет—2023: военно-социальный аспект // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 2 (307). С. 43—51; Харитонов С.С. О правовом регулировании новых подходов в военном строительстве с учетом международной обстановки // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 12 (293). С. 113—116; Александрова Н.Г., Кириченко Н.С. Некоторые вопросы правового регулирования передачи между федеральными органами исполнительной власти вооружения, военной и специальной техники // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 8 (301). С. 19—22.

² Николаев В.П. Реализация инвестиционных проектов в оборонно-промышленном комплексе с использованием механизмов государственно-частного партнерства // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2015. № 8. С. 91—95.

³ Седлецкая Е.Г. Основные направления совершенствования нормативно-правового регулирования концессионных обязательств // Юридический мир. 2012. № 5. С. 33—36.

⁴ Кириченко Н.С. Концессионные соглашения: понятие и правовые основы // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 4 (309). С. 124—128.

уступка) представляет собой пожалованное (дарованное) частному лицу право на осуществление какого-либо вида деятельности, которую государство (суверен) считает своей прерогативой, в том числе деятельности, связанной с использованием государственного имущества (собственности)¹.

Тем не менее, концессии приобрели форму договорных правоотношений не сразу, а эволюционировали в правовом отношении. В этой связи очень важно изучить и вопрос становления и развития первоначальной правовой категории.

Уже давно концессии можно было встретить под другими названиями². Также, например, на Руси государство передавало частным лицам право взимать налоги и другие государственные доходы и называлось сдача на «кормление», а также сдача на «откуп». Преимущественно откуп применялся в условиях натурального хозяйства, неразвитости кредита, финансовых затруднений государства, слабости коммуникаций между отдельными регионами³. В Московской Руси наибольшее распространение получили откупы на монополии на соль и смолу⁴.

Также на рубеже XV—XVI вв. наибольшее распространение в России получили откупы на «держание» питейных заведений, на промысел в царских лесах, выжигание древесного угля, обустройство рудников и железодельных заводов, промысел морских обитателей, добычу соли, взимание таможенных сборов и др.⁵ Большое значение для экономики страны

имели винные откупы, доход от которых составлял около 50 % от суммы за все существующие налоги.

Уже в середине XIX в. концессия приобретает договорный характер взаимоотношений. Главным фактором, повлиявшим на развитие концессионной деятельности, стала реформа, коснувшаяся различные сферы жизнедеятельности государства. 7 июля 1860 г. был издан указ «О новых правах иностранцев, постоянно или временно в России пребывающих», который определили правовой статус иностранцев в России. Были сняты ограничения на допуск к участию в торговых отношениях иностранных контрагентов. Изменения в законодательстве повлияли на увеличение количества зарубежных инвесторов, желающих участвовать в развитии торгового промышленного сектора нашего государства.

Наиболее широкое распространение концессионные правоотношения получили на промышленных предприятиях нефтехимической и горнодобывающей отраслей, железнодорожном транспорте и кредитных организациях. Фактором, определившим распространение концессионных соглашений, являлось то, что иностранный капитал в России составлял собственность иностранцев. Главными инвесторами были Англия, Франция, Германия и Бельгия, вложения которых составляли 96 % от всего иностранного капитала в России.

В дореволюционной России концессии рассматривались в качестве договоров частноправовой природы. Условия концессионных соглашений, права и обязанности сторон, а также судебный порядок разрешения споров свидетельствуют о наличии гражданско-правовых начал. Единственным признаком, который характеризовал данные отношения как публично-правовые было то, что соглашения реализовались разработкой правового акта, определяющего обязанность соблюдения населением порядка, установленного концессионером при осуществлении концессионной деятельности. Вместе с тем это не изменяло существенно гражданско-правовую природу концессии.

После революции был объявлен курс на новую экономическую политику (НЭП),

¹ Золоева Я.О. Концессионные и иные договоры с иностранными инвесторами в области добычи полезных ископаемых : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 67.

² См. напр.: Иностранные концессии в рыбном хозяйстве России и СССР (1920—1930 гг.) : Документы и материалы. Т. 1 / под ред. проф. М.М. Загорулько, проф. А.Х. Абашидзе; отв. сост. А.П. Вихрян. М.: Современная экономика и право, 2003. С. 12.

³ Субботин М. Государство и инвестор: в поисках согласия // Минеральные ресурсы России. 1995. № 1. С. 34.

⁴ Попов А.И. Становление и развитие института концессионных соглашений в России // История государства и права. 2007. № 5.

⁵ Сосна С.А. Концессии в России: между прошлым и будущим // Право и политика. 2004. № 1. С. 78.

предоставляющую возможность использования иностранного капитала в советской экономике. Концессионные соглашения стали способом привлечения иностранных инвестиций. Их заключение должно было способствовать получению денежного капитала, современной техники, технологий и подготовке кадров.

Практика предоставления концессий в СССР пошла по пути заключения концессионных соглашений или договоров. Это было закономерно, так как в период нэпа наблюдалась активизация договорных отношений. Советское государство выступало как контрагент иностранного концессионера, заключая с ним концессионное соглашение и привлекая его к выгодным условиям¹.

С 1940-х гг. и до начала 1990-х годов, нормы о концессиях из отечественного законодательства исчезли. Это обусловлено тем, что после войны СССР отказался иностранного капитала.

В начале 1990-х годов при переходе страны к рыночной экономике стали появляться теоретические разработки вопросов концессии. Авторами наиболее известных и популярных работ являются В.Г. Варнавский, Н.Г. Доронина, М.М. Загорулько, Ю.В. Зворыкина, А.А. Конопляник, В.В. Котов, С.А. Сосна, М.А. Субботин, Ю.М. Юмашев и другие. Многие из перечисленных ученых являются разработчиками нового закона о концессиях.

В заключении следует сделать вывод о том, что концессионное соглашение представляет собой публично-правовой механизм, целью которого является привлечение инвестиций в экономику Российской Федерации, обеспечение эффективного использования имущества, находящегося в государственной или муниципальной собственности, на условиях концессионных соглашений и повышение качества товаров, работ, услуг, предоставляемых потребителям. Это также может быть актуальным и для некоторых сфер военно-промышленного комплекса нашего госу-

дарства.

Библиография

1. Александрова, Н.Г. Некоторые вопросы правового регулирования передачи между федеральными органами исполнительной власти вооружения, военной и специальной техники / Н.Г. Александрова, Н.С. Кириченко // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 8 (301). — С. 19—22.
2. Золоева, Я.О. Концессионные и иные договоры с иностранными инвесторами в области добычи полезных ископаемых : дис. ... канд. юрид. наук / Я.О. Золоева. — М., 2003.
4. Кириченко, Н.С. Концессионные соглашения: понятие и правовые основы / Н.С. Кириченко // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 4 (309). — С. 124—128.
5. Корякин, В.М. Федеральный бюджет—2023: военно-социальный аспект / В.М. Корякин // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 2 (307). — С. 43—51.
6. Кудашкин, А.В. Правовые формы деятельности организаций оборонно-промышленного комплекса по исполнению государственного оборонного заказа / А.В. Кудашкин, Е.А. Свиных // *Оборонно-промышленный комплекс: управление, экономика и финансы, право*. — 2021. — № 1. — С. 38—46.
7. Меркулов, В.В. Гражданско-правовой договор в механизме регулирования товарно-денежных отношений : монография / В.В. Меркулов. — Рязань: РВШ МВД РФ, 1994.
8. Николаев, В.П. Реализация инвестиционных проектов в оборонно-промышленном комплексе с использованием механизмов государственно-частного партнерства / В.П. Николаев // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2015. — № 8. — С. 91—95.
9. Попов, А.И. Становление и развитие института концессионных соглашений в России / А.И. Попов // *История государства и права*. — 2007. — № 5.
10. Седлецкая, Е.Г. Основные направления совершенствования нормативно-правового регулирования концессионных обязательств / Е.Г. Седлецкая // *Юридический мир*. — 2012. — № 5. — С. 33—36.
11. Сосна, С.А. Концессии в России: между прошлым и будущим / С.А. Сосна // *Право и политика*. — 2004. — № 1.
12. Субботин, М. Государство и инвестор: в поисках согласия / М. Субботин // *Минеральные ресурсы России*. — 1995. — № 1.
13. Харитонов, С.С. О правовом регулировании новых подходов в военном строительстве с учетом международной обстановки / С.С. Харитонов // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 12 (293). — С. 113—116.

¹ Меркулов В.В. Гражданско-правовой договор в механизме регулирования товарно-денежных отношений : монография. Рязань: РВШ МВД РФ, 1994. С. 3.

Право военных конфликтов или право вооруженных конфликтов: соотношение понятий, место в правовой системе и системе права России

© **Кудашкин Александр Васильевич**,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
руководитель отделения военного права,
действительный член Академии военных наук

© **Кудашкин Владимир Васильевич**,
доктор юридических наук, Заслуженный юрист
Российской Федерации, действительный член
Академии военных наук

Аннотация. Статья продолжает тему, посвященную исследованию терминологии, применяемой при рассмотрении вопросов правового регулирования вооруженных конфликтов, анализирует правовую систему России и место в ней права вооруженных конфликтов. Особое внимание в статье уделено военному конфликту как явлению объективной реальности, которое отражается в правовой действительности в качестве права военных конфликтов.

Ключевые слова: право военных конфликтов, право вооруженных конфликтов, международное гуманитарное право, право войны, законы и обычаи войны, военное право, источники права, правовое регулирование вооруженных конфликтов, правовая система, система права.

The law of military conflicts or the law of armed conflicts: the relationship of concepts, place in the legal system and the system of law of Russia

© **Kudashkin A.V.**,
Head of the Department of Military Law and Full
Member of the Academy of Military Sciences,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the
Russian Federation

© **Kudashkin V.V.**,
Full Member of the Academy of Military Sciences,
Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian
Federation

Abstract. The article continues the topic devoted to the study of the legal system and the system of law of Russia, the terminology used when considering issues of legal regulation of armed conflicts, analyzes the legal system of Russia and the place of the law of armed conflicts in it. Special attention in the article is paid to military conflict as a phenomenon of objective reality, which is reflected in legal reality as the law of military conflicts.

Keywords: law of military conflicts, law of armed conflicts, international humanitarian law, law of war, laws and customs of war, military law, sources of law, legal regulation of armed conflicts, legal system, system of law.

Вопросы соотношения понятий «международное гуманитарное право» и «право вооруженных конфликтов» рассмотрены

ранее¹. Продолжая тему, обратим внима-

¹ Кудашкин А.В., Безбабнов О.Г. Правовое регулирование вооруженных конфликтов: еще раз возвращаясь к терминологии // Право в

ние на мнение, что попытка расширительного толкования понятия «международное гуманитарное право» может породить сложные, трудноразрешимые методологические проблемы, приведет к «вмешательству» в другие отрасли международного права и даже (в какой-то ограниченной сфере) в область внутригосударственного права¹. Не вступая в дискуссию, отметим, что такой подход отчасти породил ситуацию, когда пласт отношений, возникающих в период вооруженных конфликтов и *урегулированных национальным правом*, почти «остался за бортом» *военно-правовых исследований* (курсив наш. — Авт.), в том числе это касается вопросов места и роли правовых норм по поводу вооруженных конфликтов в российской правовой системе и системе права.

Доктриной международного права не предусмотрена правосубъектность в международно-правовых отношениях для физических лиц (военнослужащих и иных комбатантов), в том числе для должностных лиц. Однако регулирование касается круга вопросов и на внутригосударственном уровне. Вооруженные конфликты регулируются совокупностью норм международных договоров, обязательных для Российской Федерации, и *нормативными правовыми актами Российской Федерации, регулируемыми общественные отношения в период вооруженных конфликтов* (курсив наш. — Авт.)². Как справедливо отмечают представители школы международного права ИГП РАН, «отличительным признаком современной международной правовой системы названо распространение действия международных правовых норм на широкий круг отношений с участием физических и юридических лиц, фактически получивших статус ее негосударственных акторов»³. Однако обоснова-

ние термина «право вооруженных конфликтов» (ПВК) только по субъектному признаку не является убедительным, поскольку ответы нужно искать как в объекте и предмете правового регулирования, так и во взаимодействии международно-правовой системы права и корреспондирующих ей структурных частей национальных правовых систем, в том числе системы права России.

Как уже было отмечено ранее, российские исследователи традиционно рассматривали правовые проблемы вооруженных конфликтов в международно-правовом аспекте⁴. Однако недостаточно оказался охвачен исследованием именно внутригосударственный уровень регулирования отношений, возникающих в ходе вооруженного конфликта, за редким исключением⁵.

стем в условиях глобализации // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2008. № 1. С. 8.

⁴ Алешин В.В. Правовое регулирование вооруженных конфликтов и его роль в обеспечении безопасности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007; Батырь В.А. Имплементация норм международного гуманитарного права в военном законодательстве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999; Егоров С.А. Вооруженные конфликты и международное право : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999; Котляров И.И. Международно-правовое регулирование вооруженных конфликтов: теоретические проблемы и практика : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008; Бекмурзаев Б.А. Внутригосударственные вооруженные конфликты и международное право : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994; Кастро А.-Г.Ф. Международно-правовая регламентация внутренних вооруженных конфликтов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999; Северинчик Ю.В. Международно-правовые проблемы вооруженного конфликта немеждународного характера : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000; Ложников И.С. Военно-правовые аспекты урегулирования вооруженных конфликтов (на основе Парижско-Дейтоновских соглашений) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003; Бисултанов А.К. Развитие международного гуманитарного права в условиях изменяющейся природы современных вооруженных конфликтов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016 и др.

⁵ Винокуров А.Ю. Расследование преступлений, совершаемых военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации против мирного населения в период вооруженных конфликтов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004; Тараненко В.В. Правовой статус военнослужащих — участников боевых действий : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004; Кудинов М.А. Теоретические и правовые основы уго-

Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 7. С. 2—11.

¹ Плигин В.Н. Вышел фундаментальный научный труд, которым доказана «правовая теорема Ферма» // Государство и право. 2023. № 3. С. 46.

² Право вооруженных конфликтов : учеб. пособие / под ред. О.Г. Безбанова, В.В. Ершова. М., 2019. С. 2.

³ Поленина С.В., Гаврилов О.А., Колдаева Н.П. Некоторые проблемы взаимодействия правовых си-

Это в полной мере касается военно-правовых исследований, в том числе вопросов о месте правоотношений по поводу вооруженных конфликтов в правовой системе и системе права России. Хотя предпосылки к этому были. Так, С.П. Дудель вопросы «права войны» (о законах и обычаях войны) предложил включить в систему советского права через «двери военного права», тем самым расширить сферу правовых вопросов и правовых наук, за счет которых должно было развиваться «военное право», которое, по его мнению, должно превратиться в своеобразную особую правовую систему¹.

В изданных в прошлом и текущем столетиях учебных изданиях по военному праву² стандартно присутствуют главы (разделы) по международно-правовому регулированию войны (позднее — вооруженных конфликтов), однако в них нет исследований или описания связи между международно-правовым и внутригосударственным уровнями регулирования вопросов по поводу вооруженных конфликтов. Как следствие, долгие годы присутствовал разрыв между исследованиями международно-правового и внутригосударственного регулирования и в результате теория права вооруженных конфликтов (международного гуманитарного права)

развивалась сама по себе, а исследования внутригосударственного регулирования вооруженных конфликтов и их соотношения с международно-правовым регулированием практически не проводились. Отчасти такое положение дел было обусловлено следствием субъективных подходов, что, конечно же, не соответствовало объективной необходимости развития национальной теории права в той ее части, которая касалась регулирования вооруженных конфликтов. Следствием этого стала длящаяся до недавнего времени неопределенность в отраслевой принадлежности таких правоотношений и их месте в системе права России³. Вполне очевидно, что дискуссии о терминологии как на международно-правовом, так и на внутригосударственном уровне будут продолжены, наша же задача — определиться с внутригосударственным регулированием вооруженных конфликтов. Данному аспекту также не уделено должного внимания, однако он имеет важное практическое значение, поскольку определяет полноту регулирования вооруженных конфликтов прежде всего на внутригосударственном уровне.

Одной из основных задач военного права является реализация мер, направленных на предотвращение угроз национальной безопасности Российской Федерации, в том числе последовательная реализация военной политики в целях обеспечения защищенности Российской Федерации от военных опасностей и военных угроз. При этом систематический мониторинг законодательства в области военной деятельности становится одним из основных направлений государственной политики в сфере обороны, предполагает учет его результатов при подготовке и обосновании предложений по правовому обеспе-

ловной ответственности за преступления против военной службы, совершаемые в военное время и в боевой обстановке : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004; Маликов С.В. Правовые и организационные основы расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.

¹ Материалы сессии Совета Военно-юридической академии, посвященной теоретическим вопросам советского военного законодательства. 14—15 апреля 1954. М., 1954. С. 61—78.

² См., напр.: Военное право : учеб. для воен. акад. / под ред. генерал-полковника юстиции А.Г. Горного. М., 1984. С. 282—312; Основы военного права : учеб. пособие / под общ. ред. В.П. Серегина, Н.А. Черногорова. М., 1988. С. 256—267; Военное право : учеб. пособие / под ред. В.С. Буевича. М., 1991. С. 116—130; Военное право : учеб. для ВВУЗов ВС РФ / под ред. Н.И. Кузнецова. М., 1996. С. 218—228; Мигачев Ю.И., Тихомиров С.В. Военное право : учеб. М., 1998. С. 275—280; Военное право : учеб. / под ред. В.Г. Стрекозова, А.В. Кудашкина. М., 2004. С. 509—524 и др.

³ По мнению В.Н. Плигина, такая неопределенность исчезла с выходом в свет фундаментального научного труда — трехтомной монографии «Военное право», в которой сформулированы концептуальные характеристики военного права, доказывающие современные подходы к идентификации военного права в качестве самостоятельной отрасли права, ядром которого являются правоотношения по поводу вооруженных конфликтов (см. подробнее: Плигин В.Н. Указ. соч. С. 33—39).

чению национальной безопасности государства¹.

В диссертации О.В. Сашниковой², посвященной месту правоотношений, регулирующих вооруженные конфликты, в системе права России, нет ответа на вопрос об отраслевой принадлежности правовых норм, регулирующих отношения, возникающие в ходе вооруженных конфликтов. Прежде всего, выясним вопрос: о каких нормах, регулирующих вооруженные конфликты, идет речь?

Как справедливо отмечает С.Ю. Марочкин, «при заключении договоров государства рассматривают нормы международного права как реальную и активную часть национальных правовых систем»³.

Международные правовые акты наднациональных органов (например, таких как ООН) имеют декларативный, рекомендательный характер, т.е. не имеют высшей юридической силы и, как следствие, не связаны с какой-либо юридической ответственностью⁴. В случаях нарушения или неисполнения таких актов следует реакция сожаления и пожелания восстановления справедливости или *status quo*. В то же время правовые нормы, рожденные за столом переговоров и обеспеченные к исполнению политической, экономической и военной мощью принявших их государств, устанавливают юридическую ответственность для государств и официальных представителей за их неисполнение, а также использование реваншистской, агрессивной риторики во внешней политике и официальных документах⁵.

Вполне очевидно, что значительная

часть международно-правовых норм о вооруженных конфликтах применяются на национальном уровне, в рамках внутригосударственного механизма. Вопросы применения международного права смещены из международной в национальную сферу, поскольку значительное число международно-правовых норм предназначено для конечной реализации внутри государств⁶.

К актам, содержащим нормы о вооруженных конфликтах, относятся, прежде всего, четыре Женевские конвенции 1949 г. (I, II, III и IV), ратифицированные многими государствами (в том числе Россией), Дополнительные протоколы I и II по защите жертв международных и немеждународных вооруженных конфликтов 1977 г., другие международные соглашения по видам вооруженных конфликтов, которые применяются только в отношении государств — участников вооруженного конфликта, *ратифицировавших* конкретные виды соглашений. Женевские конвенции 1949 г. не являются универсальным источником права, но их ст. 3, ратифицированная 192 государствами, и Дополнительный протокол II являются общими (по своему содержанию) для четырех Женевских конвенций. В то же время большинство положений Женевских конвенций 1949 г. в процессе признания и *практического применения* их государствами признаны обычными международно-правовыми нормами регулирования вооруженных конфликтов, и их насчитывается 161 норма⁷. Такие правовые нормы также являются обязательными для исполнения, «... обычай продолжает применяться к вооруженным конфликтам, которые по той или иной причине не регулируются конкретной конвенцией. Таким образом, идет ли речь о восполнении пробелов в договорном праве или о том, чтобы компенсировать неприменение некоторых договоров, обычай играет роль одновременно допол-

¹ Хомчик В.В. Монография «Военное право» обеспечила теоретический прорыв в фундаментальных исследованиях современных проблем военной науки // Государство и право. 2022. № 3. С. 203.

² Сашникова О.В. Реализация норм международного права о вооруженных конфликтах в правовой системе Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2004.

³ Марочкин С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации. М., 2021. С. 25.

⁴ За исключением имеющих обязательный характер резолюций, принятых Советом безопасности ООН.

⁵ Савенков А.Н. Государство и право: Права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права : в 3 т. Т. 1. М., 2021. С. 61.

⁶ Марочкин С.Ю. Проблема эффективности норм международного права. Иркутск, 1988. С. 122—124.

⁷ ICRC. IHL Database. Customary IHL. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ru/customary-ihl/v1> (дата обращения: 09.01.2023).

нения к договорным нормам. ...»¹.

Акты о ратификации конвенций и договоров, заключенных между государствами, становятся источниками внутригосударственного права. В то же время нормы международного права после завершения процесса ратификации не вливаются ни в одну из отраслей внутреннего права, остаются нормами международного права, действуют и применяются в правовой системе России наряду с национальными правовыми нормами на основании ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации². Однако такое понимание справедливо, если речь идет об инкорпорации (рецепции) международно-правовых норм во внутригосударственную систему права, когда же происходит их фактическая трансформация, тогда появляется норма национального права. Международно-правовая норма, которая является причиной трансформации, сохраняет свой международно-правовой характер и юридическую силу³.

По вопросу соотношения международно-правового и национального регулирования существуют различные точки зрения. Но итоги общей дискуссии подвел профессор С.Ю. Марочкин, который делает несколько концептуальных выводов:

— правовая система России — это комплекс всех явлений правовой действительности (не только внутригосударственных, но и связанных с международным правом), она включает правовые нормы, действующие в стране (право России, а также нормы международного права и иностранного права с санкции государства), правовую деятельность и правосознание (в широком смысле);

— международно-правовые нормы, не становясь частью внутреннего права, но войдя в правовую систему государства, становятся совместно с ее нормами регу-

ляторами общественных отношений;

— внутреннее право должно определять механизм взаимодействия с нормами международного права, механизм их исполнения и возможность их непосредственного применения, т.е. выполнение обязательств по международному праву ставится в зависимость от внутригосударственного права⁴.

Сделанные выводы в полной мере касаются и права вооруженных конфликтов. В правовой системе Российской Федерации действие норм о вооруженных конфликтах происходит в определенных правовых формах:

— инкорпорация международных договоров в процессе их ратификации и включение в российское законодательство отсылочных норм;

— трансформация международного права во внутригосударственное право; в этом случае внутригосударственный нормотворческий акт имплементирует требования международного права и объявляет их составной частью государственного правопорядка;

— принятие новых либо изменение или отмена существующих норм национального права, регулирующих широкий спектр вопросов по поводу вооруженных конфликтов.

В международных договорах по праву вооруженных конфликтов большинство норм являются самоисполнимыми, что обуславливает целесообразность их непосредственного выполнения и применения в результате *инкорпорации* и позволяет избежать трудоемкого процесса введения во внутригосударственное законодательство. Трансформация осуществляется через механизм *имплементации*⁵, когда происходит фактическая реализация международных обязательств на национальном уровне, это способ включения норм международного гуманитарного права (МГП) в националь-

¹ Зверев П.Г. Источники международного гуманитарного права (права вооруженных конфликтов) // Вестн. Калининград. юрид. ин-та МВД России. 2008. № 2. С. 69.

² Марочкин С.Ю. Проблема эффективности норм международного права. С. 39—45; Сашникова О.В. Указ. соч. С. 15.

³ Витцум В.Г., Прельсс А. Международное право = *Volkerrecht*. Кн. 2 / пер. с нем. 2-е изд. М., 2015. С. 128.

⁴ Марочкин С.М. Проблема эффективности норм международного права. С. 61—62, 121.

⁵ См., напр.: Кудашкин А.В., Мельник Н.Н. Имплементация международного гуманитарного права и доктрина оперативного права как источник военного права // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 3. С. 57—63.

ную правовую систему, главное требование которой состоит в строгом следовании целям и содержанию норм МГП. Термин «имплементация» может быть использован для обозначения воздействия норм международного права на внутригосударственные отношения через внутригосударственное право¹.

Национальное законодательство должно обеспечить реализацию самоисполнимых норм МГП через механизмы внутригосударственного регулирования, в том числе наличие в правовой системе *отсылочных* норм. Как отмечает И.Н. Арцибасов: «... международные договоры, которые непосредственно касаются Вооруженных Сил, ... целесообразно доводить до сведения личного состава в виде приказов министра обороны или инструкций. Такая процедура необходима ... ввиду исключительной важности (с точки зрения защиты основных прав человека) международно-правовых гуманитарных актов. ...»². Такие примеры мы находим в общевоинских уставах Вооруженных Сил Российской Федерации³.

Так, например, Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации содержит следующие императивные предписания:

— военнослужащий обязан знать и соблюдать нормы международного гуманитарного права, правила обращения с ранеными, больными, лицами, потерпевшими кораблекрушение, медицинским персоналом, духовными лицами, гражданским населением в районе боевых действий, а также с военнопленными (ст. 22);

— за военнослужащими, захваченными в плен или в качестве заложников, а также за интернированными в нейтральных странах сохраняется статус военнослужащих. Командиры (начальники) обязаны принимать меры по освобождению

указанных военнослужащих в соответствии с нормами международного гуманитарного права (ст. 23);

— командир (начальник) в ходе боевой подготовки обязан организовывать правовое обучение (правовое воспитание) подчиненных военнослужащих, направленное на усвоение ими установленного правового минимума и норм международного гуманитарного права. В ходе выполнения боевых задач воинской частью (подразделением) *командир (начальник), руководствуясь требованиями боевых уставов* (курсив наш. — А.К.), должен принимать меры по соблюдению норм международного гуманитарного права, а виновных в их нарушении привлекать к дисциплинарной ответственности. При этом в случае обнаружения в действиях (бездействии) подчиненных, нарушивших указанные нормы, признаков преступления командир воинской части незамедлительно уведомляет об этом военного прокурора, руководителя военного следственного органа Следственного комитета Российской Федерации, органы военной полиции и принимает меры, предусмотренные законодательством Российской Федерации (ст. 77);

— командир (начальник) обязан знать нормы международного гуманитарного права и действовать в строгом соответствии с ними, а также требовать от подчиненных их соблюдения (ст. 83).

Согласно Дисциплинарному уставу Вооруженных Сил Российской Федерации воинская дисциплина обязывает каждого военнослужащего соблюдать нормы международного гуманитарного права в соответствии с Конституцией Российской Федерации (ст. 3).

Перечисленные нормы общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации являются реализацией взятых на себя при ратификации обязательств в целях исполнения норм МГП, т.е. в национальном законодательстве имеются как общие, так и специальные отсылки к положениям международных договоров в целях их применения на внутригосударственном уровне при возникновении вооруженных конфликтов.

В то же время введение в правовую

¹ Черниченко С.В. Международное право: современные теоретические проблемы. М., 1993. С. 102.

² Арцибасов И.Н., Егоров С.А. Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия. М., 1989. С. 177.

³ Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495.

систему России самоисполнимых норм не решает всех вопросов, необходимых для урегулирования отношений, возникающих в ходе вооруженных конфликтов. Такая задача решается на уровне внутригосударственного регулирования, в том числе через механизм имплементации, который решает задачу по принятию на внутригосударственном уровне нормативных правовых актов во исполнение государством своих международно-правовых обязательств¹.

Отметим, что МГП — это прежде всего совокупность международно-правовых норм и принципов, направленных на *ограничение негативных последствий вооруженных конфликтов*, защиту лиц, не участвующих или прекративших свое участие в военных действиях, на ограничение средств и методов ведения военных действий², но и ПВК преследует гуманные цели, при этом МГП, применяемое в вооруженных конфликтах, составляет сердцевину ПВК³. Гуманитарной является вся система норм права вооруженных конфликтов, а не только его отдельные элементы⁴.

Военная организация государства должна иметь регулятивные указания по соблюдению норм ПВК (МГП) (например, в форме уставных документов, руководств, инструкций и т.д.). Именно этими соображениями руководствовались разработчики Наставления по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации 2001 г., которое представляет собой систематизированный свод правил деятельности или правила обращения с оружием, вооружением и военной техникой и их применения, а также содержит указания и требования по вопросам подготовки (планирование, обеспечение,

управление) и ведения военных действий, подготовки и боевого применения штабов и войск (сил). Нарушение норм Наставления по международному гуманитарному праву может повлечь юридическую ответственность виновных лиц⁵. Указанное Наставление является российским примером имплементации норм МГП в национальную правовую систему.

Имплементацию норм международного права вооруженных конфликтов мы видим также на примере зарубежных стран. Так, в США приняты документы в форме директив Минобороны США: Directive 2310.1 «DoD Program for Enemy Prisoners of War» в отношении «вражеских заключенных войны (военнопленных. — *Прим. авт.*) и других задержанных» и DoD Directive 5000.1 «Defense Acquisition» от 15 марта 1996 г., направленной на соблюдение Гаагской конвенции «Соблюдение законов и обычаев сухопутной войны» от 18 октября 1907 г. Указанные директивы направлены на обеспечение соблюдения Минобороны обязательств США по международному гуманитарному праву⁶.

Однако механизм имплементации норм МГП во внутригосударственную систему права, так же, как и инкорпорация норм международного права вооруженных конфликтов, не решает всех вопросов правового регулирования вооруженных конфликтов в Российской Федерации, поскольку предмет такого регулирования иной, нежели в международном праве.

Прежде всего, отметим, что, несмотря на то, что «право войны» имеет древнее происхождение и оно охватывает взаимоотношения между государствами, тем не менее и в зависимости от конкретно-исторических условий в государстве также складывается и национальное регулирование военных вопросов⁷. Так, в Древнем

¹ Батырь В.А. Имплементация норм международного гуманитарного права в военном законодательстве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 166—167.

² Тиунов О.И. Международное гуманитарное право. М., 2021. С. 10.

³ Курс международного права : в 7 т. Т. 6 : Отрасли международного права / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, Н.А. Ушаков. М., 1992. С. 225.

⁴ Полторак А.И., Савинский Л.И. Вооруженные конфликты и международное право. М., 1976. С. 101.

⁵ Военное право : моногр. : в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. 1: История и теория военного права (с предисловием). М., 2021. С. 492—493.

⁶ См. подробнее: Кудашкин А.В., Мельник Н.Н. Военное право США: понятие, предмет и метод правового регулирования, структура // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 1. С. 62—71.

⁷ Военное право : моногр. : в 3 т. Т. 1. С. 48—177.

Китае классическими военными философами Сунь-Цзы и У-Цзы были созданы трактаты «О военном искусстве», в которых сформулированы как принципы ведения войны, так и конкретные правила ведения боевых действий в различных условиях (прообраз современного права вооруженных конфликтов)¹. В Древнем Риме периода поздней республики и империи отмечено наличие большого количества военно-юридических норм, регулирующих отношения, возникающие в области устройства, комплектования, жизни, быта и деятельности войск². В средневековой Западной Европе в связи с переходом на постоянные армии появляются крупные кодифицированные источники военного права, содержащие как военно-административные и военно-уголовные нормы, так и правила ведения вооруженной борьбы.

История развития Российского государства и военного права также характеризуется примерами разработки и принятия правовых актов, в которых содержались нормы, которые стали «прародителями» как современного международного права вооруженных конфликтов, так и внутригосударственного.

В 1607 г. подготовлен и в 1621 г. утвержден царем Михаилом Федоровичем Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки (далее — Устав), который явился образцом военно-теоретической мысли того времени и включал в себя 663 статьи. Наибольшее внимание в Уставе уделялось вопросам пушкарского дела (около 500 статей): ведению боя, осады и обороны города, изготовлению и применению «огнестрельного наряда» — артиллерии. В Уставе рассмотрены различные стороны жизни и деятельности войск: действия войск на марше (походе), в оборонительном бою, при осаде и обороне крепостей и т. д. Устав требовал, чтобы оборона крепостей и городов была

активной, препятствующей противнику проводить подготовку к штурму и не дающей ему «под городом шанцов ставить». В этих целях предусматривались обязательные вылазки обороняющихся. В Уставе обобщен опыт русских войск по применению подкопов, постановке мин, устройству проломов в стенах, организации взаимодействия пехоты и артиллерии при штурме городов³.

При Петре I были разработаны и приняты Воинский артикул (1715), Устав воинский (1716) и Устав морской (1720). Составной частью Устава воинского было Наставление для ведения боя. К петровским временам восходит и зарождение «права войны», т. е. определенных правил, не допускающих озлобления и ненависти между воюющими сторонами и смягчающих (ограничивающих) бедствия и произвол во время военных действий. Российская военная мысль одной из первых осознала необходимость установления правовых запретов на неограниченное применение военной силы⁴.

В 1731 г. была издана так называемая «Экзерциция пеша» как дополнение к Уставу воинскому 1716 г.⁵ Во время турецкой войны 1735—1739 гг., когда «Экзерциция пеша» подверглась боевой проверке, в нее были внесены некоторые изменения. В «Диспозиции боевого порядка и маневров в генеральной баталии с турками»⁶ были изложены тактические принципы того времени⁷.

Ярким образцом передовой русской военно-теоретической мысли XVIII в. яв-

³ Корольков Н.Н., Макаренко В.М. История государства и права России: учеб. пособие. Ч. 1. М., 2014. С. 49.

⁴ Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 13.

⁵ РГВИА. Ф. 24. Оп. 121. Д. 24. Л. 11.

⁶ Мышлаевский А.З. Журнал, веденный при главной армии сия императорского величества Анны Иоанновны во время кампании 1737 года и инструкция для действий войск против турок «Диспозиция боевого порядка и маневров в генеральной баталии с турками» // Сборник военно-исторических материалов. Вып. 15. СПб., 1904. С. 23 – 27.

⁷ Манифесты, декларации, объявления, известия и экстракты, принадлежащие к военным действиям 1736 года. СПб., 1736. С. 24.

¹ Сунь-Цзы, У-Цзы. Трактаты о военном искусстве / пер. с кит., предисл. и коммент. Н.И. Конрада. М.; СПб., 2003.

² Скрипелев Е.А. К постановке проблем военного права Древнего Рима // Труды Военно-юридической академии. Вып. 10. М., 1949. С. 109.

ляется суворовская «Наука побеждать»¹. В этой работе теоретически обобщены вопросы обучения и воспитания войск, их подготовки к боевым действиям, ведения боя. Первая часть — «Учение разводное и перед разводом» — предназначалась для начальников. Вторая часть — «Словестное поучение солдатам о знании для них необходимом» — является памяткой для солдат и содержит основные положения суворовской тактики и боевой службы².

В XIX в. в России была проведена колоссальная по объему работа по систематизации военного законодательства, в результате которого был разработан и периодически обновлялся Свод военных постановлений, в котором вопросы военного управления в боевой обстановке и тактика ведения боевых действий также нашли свое закрепление.

В начальный советский период уже в 1924—1925 гг. были приняты уставы, в которых были закреплены нормы, регулирующие вопросы ведения боевых действий: Боевой устав артиллерии РККА (введен в действие приказом РВСР от 17 сентября 1925 г.); Боевой устав конницы РККА (ч. 2) (введен в действие приказом РВСР от 17 сентября 1925 г.); Временный полевой устав РККА (ч. 2 — дивизия, корпус) (введен в действие приказом РВСР от 17 сентября 1925 г.); Стрелковый устав РККА (ч. 3) (введен в действие приказом РВСР от 17 сентября 1925 г.); Устав броневых сил РККА (введен в действие приказом РВСР от 17 сентября 1925 г.); Устав корабельной службы Военно-Морских сил РККА (1925).

Таким образом, нормы внутреннего

права, регулирующие вопросы ведения армией боевых действий, имеют в России глубокие исторические традиции, хотя область отношений, включающая вопросы оперативно-тактического управления войсками, традиционно выходила за пределы компетенции правовой науки и относилась к военным наукам (тактика, оперативное искусство, стратегия). Однако командная деятельность должна быть построена на праве, она протекает на основе и во исполнение законов и других правовых актов, в противном случае имеются риски того, что, с одной стороны, отсутствие правового регулирования не сформирует отвечающее интересам государства организующее начало в военно-управленческой деятельности в процессе вооруженной борьбы, достаточное для достижения победы; с другой стороны, военная необходимость может превалировать над правом, что создаст условия для нарушения гуманитарных норм права вооруженных конфликтов, влекущих уголовно-правовую ответственность. Задача правовой науки — не вторгаясь в компетенцию командира на поле боя в принятии им решения о боевом применении подчиненных войск, не нарушая его самостоятельности как единоначальника, состоит в том, чтобы, с одной стороны, урегулировать его деятельность в целях достижения победы в ходе вооруженной борьбы, а с другой — установить границы, за пределами которых для него может наступить ответственность. Такую задачу решает область правоотношений, регулирующих *вооруженные конфликты, нормы которых*, кроме международной, имеют также и «национальную прописку». В этой связи необходимо определиться с концепцией правового регулирования вооруженной борьбы в целях создания системы специальных правовых норм в военном законодательстве Российской Федерации³, с учетом принципов международного гуманитарного права⁴. Следует обратить внимание на то, что указанная

¹ Само название — «Наука побеждать» — принадлежит отставному майору М.И. Антоновскому, которому удалось в 1806 г. (после поражения при Аустерлице — прямого следствия забвения суворовского учения) напечатать основные приказы и инструкции, а также шесть писем А.В. Суворова под общим названием «Наука побеждать» (Кепель О.В., Мартынов В.Ф. Воинская дисциплина в русской армии Екатерины Великой (1762—1796) : моногр. СПб., 2014. С. 123).

² Краснов Д.А., Симанихин Б.В., Целуев Н.М. Военная история : учеб. пособие. Ч. 1. М., 1996. С. 100—101.

³ Военное законодательство в этом случае понимается широко и включает подзаконные акты.

⁴ Батырь В.А. Имплементация норм международного гуманитарного права в военном законодательстве Российской Федерации. С. 167.

концепция не должна базироваться на международном гуманитарном праве, а должна учитывать все нормы МГП, являющиеся составной частью национальной правовой системы. Базисом указанного правового регулирования является удовлетворение интересов личности, общества и государства по достижению победы в процессе вооруженной борьбы, формирующих отношения, связанные с конкретной системой внутригосударственных общественных отношений. При этом гуманитарный аспект такого регулирования, основанный на нормах международного гуманитарного права, является не определяющим, но учитывается в процессе нормотворчества.

Отметим, что нормы ПВК негуманитарного характера, регулирующие общие правила ведения военных действий, пока не привлекли к себе необходимого внимания ни доктрины, ни практики, в результате чего страдает эффективность ПВК в целом, а следовательно, и общая цель ограничения и гуманизации военных действий¹.

Стратегический, оперативный и тактический уровни ведения военных действий представляют собой модель отношений между национальной целью и тактическими действиями, где оперативный уровень боевых действий связывает тактическое применение сил с национальными стратегическими целями. Тактическое применение сил включает в себя теорию и практику подготовки и ведения военных операций соединениями, частями (кораблями, флотилиями) и другими подразделениями различных видов вооруженных сил, родов войск и специальных сил на суше, в воздухе (в космическом пространстве), на море и в информационном пространстве. Применение Вооруженных Сил Российской Федерации осуществляется на основании указов Президента Российской Федерации, правовых актов Министра обороны Российской Федерации, Генерального штаба, которые регулируют общественные отношения в пределах предоставленной им компетенции. В них установлены конкрет-

ные правила поведения, которые считаются юридически значимыми как для участников этих отношений, так и для других лиц, они имеют нормативное значение. Внутригосударственное регулирование вооруженных конфликтов должно выполнять регулятивную функцию нормативного воздействия на правосознание и волю субъектов этих военных отношений в целях обеспечения выполнения ими конкретных видов правомерного поведения для достижения победы при ведении военных действий, исходя из приоритетов национальных интересов личности, общества и государства. Следует подчеркнуть, что такое регулирование основано не на абсолютизации национальных интересов. Национальные интересы при внутригосударственном регулировании отношений вооруженного конфликта не могут быть абсолютно свободны от реально существующей системной обусловленности правовой действительности. Исходя из всеобщей системной детерминированности общественных отношений, внутригосударственные отношения, опосредующие вооруженный конфликт, связаны с международными общественными отношениями и подвергаются воздействию этих отношений, в том числе опосредующих их международных норм права вооруженных конфликтов и международного гуманитарного права. Именно здесь происходит воздействие международного гуманитарного аспекта на национальную военно-управленческую деятельность, безусловно влияющее на волевой аспект принятия решений по формам и методом вооруженной борьбы, но базирующееся на приоритете национальных интересов, т.е. позволяющее достичь победу в вооруженной борьбе, учитывая при этом нормы международного гуманитарного права.

Обособленные специфические отношения, формирующие предметную область внутригосударственного регулирования вооруженных конфликтов, в дополнение к отношениям, регулируемым международным правом вооруженных конфликтов, включают:

1) применение вооруженных сил и иных воинских формирований в боевых

¹ Курс международного права : в 7 т. Т. 6. С. 225.

действиях, включая средства и методы боевых действий (например, правила огневого поражения противника);

2) управление вооруженными силами и иными воинскими формированиями при подготовке их к боевым действиям (бою) и руководство ими при выполнении боевых задач (например, правила планирования боевых действий);

3) проведение в связи с ведением боевых действий воинскими подразделениями операций, отличных от боевых (например, инструкции по эвакуации гражданского населения из зоны вооруженного конфликта и т. п.) и др.¹

При этом внутригосударственное регулирование перечисленных отношений не является дополнительным по сравнению с международно-правовым, поскольку при этом решаются разные задачи. Оно является первичным в диспозиции к иным отношениям, связанным с вооруженной борьбой, в том числе международным отношениям, так как в его основе лежит удовлетворение национальных интересов, институализация которых обеспечивает суверенитет государства.

Примеры внутригосударственного регулирования вопросов боевого применения сил и средств вооруженных сил мы находим прежде всего в США, в которых разработаны доктрины военного права. В них изложены «согласованные основополагающие принципы, соображения и руководства по конкретной теме, одобренные Председателем Объединенного комитета начальников штабов, которые направляют использование объединенных сил для достижения общей цели»², которые являются источниками военного права США, объединенными термином «оперативное пра-

во» («Operational Law»). Формирование оперативного права США обусловлено необходимостью применения военно-правовых норм в связи с использованием боевых соединений за пределами США и часто в отрыве от главных сил, когда от командования требуется принятие решения на месте. В этих целях в США были разработаны «Совместные публикации» (Joint Publication) для всех видов операций с участием Армии, ВВС, ВМФ и Корпуса морской пехоты, а также других подразделений для участия вооруженных сил в региональных конфликтах за пределами территории США, на основе которых разработаны концепции, раскрывающие основные подходы к совместному применению сил Армии, ВВС, ВМФ и Корпуса морской пехоты и сил специальных операций (задачи, формы и способы ведения боевых действий и роль военных юристов в процессе разработки доктрин, планов операций и юридической поддержки в ходе выполнения операций)³.

Доктрины военного права США по своему содержанию представляют собой детальное руководство по разработке планов операций, действий командования по их выполнению в зоне проведения операций, методам взаимодействия, а также участию военных юристов на всех стадиях операций и т.п.⁴ В таком качестве они приобретают нормативное свойство и становятся источниками оперативного права, которое является ядром военного права США. Доктрины разработаны по всем видам операций и являются открытыми источниками, поскольку не содержат конкретных предписаний, имеющих закрытый характер, но лежащих в основе их разработки. Оперативность принятия решений командующим операцией в связи с изменением боевой обстановки по соотношению состава боевых сил позволяет приме-

¹ Министром обороны Российской Федерации издан приказ, которым определен порядок перехода до 1 июля 2023 г. добровольческих формирований в состав объединенной группировки войск в зоне СВО, а также организации служебной деятельности в них. URL: <https://news.mail.ru/incident/56596629/?frommail=1> (дата обращения: 10.04. 2023).

² DOD Dictionary of Military and Associated Terms. Joint Electronic Library (URL: <http://www.jcs.mil/Doctrine/DOD-Terminology/> (дата обращения: 10.04. 2023).

³ Кудашкин А.В., Мельник Н.Н. Военное право США: понятие, предмет и метод правового регулирования, структура. С. 62—71.

⁴ Богданов С.Л., Мельник Н.Н. Ввод вооруженных сил и военные действия США в Сирии: к вопросу об основаниях по законодательству США и международному праву // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 5. С. 69.

нить положения доктрины в измененном виде без согласования со штабом, что допускается доктриной и производится в силу непредсказуемости развития хода военной операции (боевых действий).

В *Германии* в мае 2013 г. введен в действие документ под названием «Регламент совместной службы» (*Humanitäres Völkerrecht in bewaffneten Konflikten*)¹, который представляет собой руководство для военного и гражданского персонала всего командования по уровням, включая право вооруженных конфликтов, которое описано с точки зрения Федерального министерства обороны. Регламент имеет важное значение и как предмет международного права для обучения военнослужащих на курсах, учениях, и в порядке общей военной подготовки, о чем указано в ст. 33 Закона о правовом статусе военнослужащих. По содержанию Регламент (*Handbuch*) — это основа при подготовке к развёртыванию конкретных операций, когда командованию будут предоставлены приложения и специальные информационные (секретные) материалы².

В *России* правила ведения боевых действий, имеющие нормативный характер, содержатся в специфических источниках военного права — *боевых уставах*, являющихся официальным руководящим документом, определяющим основы боевых действий соединений, частей и подразделений вида Вооруженных Сил, рода войск, цели, задачи, принципы их боевого применения и основные положения по подготовке и ведению боя, а также по его всестороннему обеспечению и управлению войсками (силами). Боевые уставы разрабатываются на основе положений военной доктрины государства, военной науки, боевого опыта, опыта боевой подготовки соединений и воинских частей, их организационно-штатной структуры, уровня и пер-

спектив оснащения оружием и военной техникой³. В качестве примеров можно привести: Боевой устав по подготовке и ведению общевойскового боя, введенный в действие приказом главнокомандующего Сухопутными войсками от 24 февраля 2005 г. № 19; Боевой устав артиллерии, введенный в действие приказом главнокомандующего Сухопутными войсками от 1 декабря 2005 г. № 168. Другие боевые уставы и иные акты военного управления нормативного характера, как правило, носят закрытый характер, поскольку содержат описание конкретных тактических приемов ведения боевых действий, тем не менее, они разрабатываются с учетом норм международного права вооруженных конфликтов и являются источниками военного права (той его части, которая относится к регулированию вооруженных конфликтов)⁴.

Правила подготовки и ведения боевых действий (военных операций) в период вооруженных конфликтов, являясь источниками права, включают обособленную совокупность правовых норм российского

³ Военная энциклопедия: в 8 т. Т. 1. М., 1997. С. 522.

⁴ Наставления по видам военной деятельности включают правовые нормы, регулирующие различные практические вопросы в ходе вооруженного конфликта. По предназначению наставления могут быть: по боевому применению войск (сил), организации и ведению боевых действий, в том числе в особых условиях; по службе штабов; по видам обеспечения военных действий; по различным предметам (разделам) боевой подготовки; по устройству и эксплуатации оружия и военной техники и другим вопросам. Можно привести такой пример использования данной формы нормативных правовых актов, как Наставление по организации дорожной деятельности в Вооруженных Силах (приказ Министра обороны Российской Федерации от 30 декабря 2018 г. № 750). Иногда некоторые нормы технического характера облекаются в форму руководства. Руководство — правовой акт (уставной документ), содержащий указания и требования по вопросам обучения личного состава, устройства и эксплуатации (боевого применения) военной техники, хранения военного имущества как в повседневной, так и в боевой деятельности (см. подробнее: Военное право : моногр.: в 3 т. Т. 1. С. 493).

¹ *Humanitäres Völkerrecht in bewaffneten Konflikten* (ZDv15/2). Mai 2013. URL: <http://www.humanitaeres-voelkerrecht.de/Hb15.2Mai2013.pdf> (дата обращения: 18.12.2020).

² См. подробнее: Кудашкин А.В., Мельник Н.Н. Источники военного права Германии // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 2. С. 57—66.

военного права¹. Именно о таких документах нормативного характера идет речь в открытых публикациях отечественных и зарубежных авторов².

Исследование специфической предметной области и специфического метода правового регулирования таких отношений ставит вопрос о месте правоотношений, возникающих в ходе вооруженного конфликта, в правовой системе России.

Определяя целевую задачу доктринального понимания *российского* военного права, ранее мы указали на систему *установленных государством* военно-правовых норм, в том числе регулирующих правила ведения вооруженной борьбы, т. е. таковыми являются внутригосударственные нормы права, основанные на нормах международного права. В то же время инкорпорация и имплементация норм международного гуманитарного права в национальном законодательстве, позволяющих говорить о правовом регулировании боевой деятельности вооруженных сил и любых воинских подразделений³, также свидетельствует о наличии специфических правоотношений в правовой системе и внутригосударственных норм регулирования вооруженных конфликтов в системе права России.

Все перечисленные военные правоотношения являются первичными правоотношениями, отражающими самую суть регулируемых общественных отношений, связанных с достижением победы в вооруженной борьбе. Соответствующие им

правовые нормы образуют «ядро» военного права (самостоятельной отрасли в системе права России). Данные нормы, в совокупности обладая признаками специфичности и автономности, формируют ее самостоятельную подотрасль, которая, так же как и международно-правовая часть правовой системы России, именуется *правом вооруженных конфликтов*⁴. Остальные правоотношения и порождающие их нормы военного права являются производными или обеспечивающими военную деятельность государства в целом либо вооруженную борьбу в частности.

В завершение необходимо остановиться на правовых понятиях, используемых в науке военного права, непосредственно изучающей вопросы вооруженной борьбы.

⁴ Термин «право вооруженных конфликтов», широко используемый в международном праве для описания регулирования отношений по поводу вооруженных конфликтов, наиболее полно характеризует предмет и метод правового регулирования в России отношений, возникающих в связи с вооруженными конфликтами. Другими авторами (см., напр.: Батырь В.А. Международное гуманитарное право и право вооруженных конфликтов: вопросы соотношения // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 12. С. 6—29 и др.) предлагались иные термины, которые мы считаем менее удачными, поскольку они не отражают всей совокупности регулируемых отношений и их иных характеристик (признаков) (см. подробнее: Кудашкин А.В. Право вооруженных конфликтов: есть ли проблема в терминологии и содержании понятия? // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 3. С. 2—15). См. также: Хомчик В.В. Указ. соч. С. 199—203; Блажеев В.В. Трехтомная монография «Военное право» (2021—2022) как практический результат деятельности отечественной научной школы военного права // Государство и право. 2023. № 2. С. 40—42; Плигин В.Н. Указ. соч. С. 33—39; Ершов В.В., Качалов В.И. Военное право России как отрасль права // Рос. правосудие. 2023. № 2. С. 107—110; Военное право: моногр. : в 3 т. Т. 1; Т. 3 : Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. М., 2022; Кудашкин А.В. Право вооруженных конфликтов и его место в системе права России : доклад на III научно-практической конференции «Военное право в системе обеспечения национальной безопасности. Международно-правовые аспекты военного и военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами» 16.08.2022 // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 12. С. 9—12 и др.

¹ В США аналогичным документом являются «Правила ведения боя», которые представляют собой инструмент командиров для регулирования применения силы, что делает их краеугольным камнем оперативного права. В основе Правил лежат правовые источники, включающие принципы обычного и договорного права МГП.

² См., напр.: Летчика оправдали за меткость (уголовное преследование сбившего Су-30М2 закончилось изменением летных инструкций). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5940439> (дата обращения: 18.04.2023); Норин Е. Глазами врага. Британский аналитический центр о действиях ВС РФ в ходе СВО на Украине. URL: <https://rusi.org/explore-our-research/publications/special-resources/meatgrinder-russian-tactics-second-year-its-invasion-ukraine> (дата обращения: 26.05.2023).

³ Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Указ. соч. С. 9, 21.

Ранее нами было отмечено, что правовые категории «право вооруженных конфликтов» и "международное гуманитарное право" до сих пор остаются дискуссионными в юридической науке. Вместе с тем, что касается науки военного права, то следует учитывать существенное обстоятельство: она, будучи связанной с юридической наукой в целом, вместе с тем, имеет существенную специфику, которая, как ранее было обосновано, институализирует специфичные предмет и метод, формируя самостоятельную отрасль права. Специфика эта заключается в том, что непосредственное влияние на военное право оказывает военная наука, которая «является сердцевиной знаний о войне и военном строительстве. Ей принадлежит системообразующая роль во взаимоотношениях между другими науками (теориями), исследующими эти явления общественной жизни. Именно поэтому задачей военной науки является выработка основных требований, параметров, критериев к другим наукам. ... Военная наука и военные разделы (военная проблематика) других наук могут в совокупности рассматриваться как взаимосвязанная система знаний»¹.

Обратимся к достижениям военной науки². Так, профессор Академии военных наук А.А. Сиников отмечает, что «в последнее время ... возобладало мнение, что военный конфликт — более общее поня-

тие, чем война»³. На необходимость исследования именно военного конфликта обращает внимание С.В. Смутьский, который пишет: «Налицо теоретическая, а вместе с ней и практическая важность проблемы научной идентификации военного конфликта. Проблема заключается прежде всего в том, что необходимо выявить такие признаки военного конфликта, которые позволили бы отличать его, с одной стороны, от войны, а с другой — от иных по своему характеру военных акций»⁴. П. Калмыков обращает внимание на то, что: «На основании проведенных исследований можно констатировать, что военный конфликт представляет собой широкое понятие, которое может включать в качестве составляющих как войны, так и вооруженные конфликты»⁵.

Следует отметить, что достижения военно-научной мысли, касающиеся военных конфликтов, в интегральном виде вошли в национальные универсальные энциклопедии советского и российского периода. Так, в Военно-энциклопедическом словаре 1984 г. определено, что понятие «военный конфликт», используемое в широком смысле, «включает в себя любые столкновения, в том числе и мировые войны»⁶. Большая российская энциклопедия раскрывает понятие военного конфликта как форму разрешения межгосударственных и внутригосударственных противоречий с применением военной силы, он представляет собой любое применение вооруженного насилия противоборствующими сторонами в интересах достижения определенных целей. Основными типами военных конфликтов являются войны и воору-

¹ Большая Российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/voennaia-nauka-bb19e9>.

² См. также: Комарова А.В., Трихлеб А.И., Павлючков И.Р. Политические и экономические аспекты современных военных конфликтов. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46712264_73352334.pdf (дата обращения: 28.06.2023); Агафонова О.А., Великая Е.В. Характерные черты современных военных конфликтов и тенденции изменения характера вооруженной борьбы. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47142899_81372353.pdf (дата обращения: 28.06.2023); Латыпова Н.С. О роли историко-правовых исследований военных конфликтов как истоков трансформации государства и права // Правовая парадигма. 2022. Т. 21. № 4. С. 26—32; Ксенофонов В.А. Военный конфликт: типология и принципы ведения // Труды БГТУ. 2021. Серия 6. № 1. С. 161—165; Виловатых А.В. Трансформация облика военных конфликтов будущего // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 4. С. 199—207.

³ Сиников А.А. Военная наука и новые области исследований // Воен. мысль. 2014. № 2. С. 23.

⁴ Смутьский С.В. Идентификация военного конфликта (методологические и теоретические ориентиры). URL: <http://www.politnauka.org/library/konflikt/smulsky.php> (дата обращения: 28.06.2023).

⁵ Калмыков П. Теория и практика предотвращения вооруженных конфликтов современности // Власть. 2007. № 4. С. 75.

⁶ Военно-энциклопедический словарь. М., 1984. С. 354.

женные конфликты¹.

Фундаментальные разработки военной науки нашли закрепление в документах стратегического планирования и в многочисленных нормативных правовых актах и международных договорах Российской Федерации. Так, Военная доктрина Российской Федерации и Военная доктрина Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларусь определяют в качестве базового понятия «военный конфликт»². Если задать поиск термина «военный конфликт» в справочно-правовой системе «Консультант Плюс», то получим достаточно репрезентативный результат. Термин используется в 626 актах российского законодательства и 83 международных правовых актах³.

О чем это говорит? Только о том, что признанным в российской военной науке базовым понятием является «военный конфликт», определенный в документах стратегического планирования, утвержденных Президентом Российской Федерации. Все это нашло закрепление в российской правовой системе в качестве реально существующего правового понятия, отражающего объективные процессы правовой действительности, прочно связанные с научными представлениями военной научной мысли. Именно военная наука формирует существующий в реальной действительности понятийный ряд как отражение в мышлении объективных процессов, которые в последующем должны отражаться в других науках, изучающих вопросы вооруженной борьбы. Правовая наука не может самостоятельно, в отрыве от базовых отраслей науки, к которым относится в том числе военная наука, определять и привносить научные представления в базовые науки, по отношению к которым она играет обслуживающую, обес-

печивающую роль.

Более того, в юридической науке профессором В.А. Батырем высказано сомнение в целесообразности использования для целей юридической науки понятий «международное гуманитарное право» и «право вооруженных конфликтов» для выделения в системе российского права правового образования, включающего в себя внутригосударственные акты, опосредующие вооруженную борьбу, методы и средства такой борьбы и т.д. В.А. Батырь пишет: «... термин "МПП" широко признан доктриной, используется в ...актах международных организаций и иных документах... Однако в доктринальных докладах Комиссии международного права ООН можно увидеть несколько иную картину ... Предпочтение было отдано термину "право вооруженных конфликтов". ... Применение в системе российского военного права указанных терминов ... может привести к путанице и неконструктивному взаимодействию норм различных правовых систем...»⁴. В.А. Батырь предлагает называть соответствующее надстроечное правовое явление «правом военного времени»⁵. Такое предложение не может быть поддержано⁶. Обращает на себя внимание то, что конструирование правовых понятий предлагается осуществлять, исходя не из существа реальной действительности, которую опосредует право, а на базе смоделированных и признанных в юридической науке других юридических конструкций, в данном случае действия права в пространстве и времени. Иными словами, предлагается право исследовать и познать из самого себя. Такое познание не будет объективным.

В то же время в реальной действи-

¹ Большая российская энциклопедия. URL: bigenc.ru/c/voennyi-konflikt-daac15.

² Военная доктрина Российской Федерации утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976; Постановление № 5 Высшего Государственного Совета Союзного государства «О военной доктрине Союзного государства».

³ По состоянию на 28 июня 2023 г.

⁴ Батырь В.А. Международное гуманитарное право и право вооруженных конфликтов: вопросы соотношения // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 12. С. 12.

⁵ Батырь В.А. Международное гуманитарное право и право вооруженных конфликтов: вопросы соотношения. С. 19.

⁶ Подробнее см.: Кудашкин А.В. Международное гуманитарное право, право вооруженных конфликтов, оперативное право: вопрос в терминах или их содержании // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 2. С. 81—89.

тельности существует такое объективное явление, как военный конфликт, в силу объективности существования межгосударственных и внутригосударственных противоречий, которые являются формой их разрешения посредством применения военной силы. Более того, правовое понятие «военный конфликт» является реальным средством правовой действительности, широко используемым в международных и внутригосударственных актах Российской Федерации. В силу этого соответствующую область военного права и научного юридического знания вполне можно было бы назвать «правом военных конфликтов». С учетом того что вооруженный конфликт является одним из типов военного конфликта¹, соответственно нормы, регулирующие военный конфликт, в своей совокупности образуют право военных конфликтов, представляющее собой подотрасль военного права, институтом которой является право вооруженных конфликтов.

Некоторые выводы:

1. «Право войны» (право вооруженных конфликтов) имеет древнее происхождение, имевшее в качестве регуляторов как обычаи, так и договоры, включающие нормы (правила), регулирующие поведение армии на поле боя.

В силу особой опасности для государства (его материальных, культурных и иных ценностей) и людей (жизнь, здоровье и достоинство — человеческих ценностей) в XIX и XX вв. мировым сообществом была проведена кодификация международно-правовых норм, регулирующих поведение воюющих сторон, в целях ограничения их в выборе средств и методов в ходе ведения боевых действий, а также гуманизации всей совокупности иных отношений в процессе вооруженной борьбы.

В то же время сохранилась область внутригосударственного регулирования отношений в процессе вооруженного конфликта, которая ограничивается вопросами подготовки и правилами, конкретизиру-

щими приемы и способы ведения боевых действий в целях достижения победы (успеха).

2. Целеполагание международного и внутреннего права вооруженных конфликтов различное. Международные нормы права вооруженных конфликтов преследуют гуманитарные цели, в то время как правовые нормы внутреннего права вооруженных конфликтов преследуют цель победы в вооруженном конфликте, однако целевое назначение последних не отрицает гуманитарной роли норм международного права, поскольку нормы внутреннего права не должны им противоречить.

3. Взаимосвязь норм международного и внутреннего права вооруженных конфликтов заключается в том, что, будучи включенными в правовые акты, они становятся составными частями правовой системы России, однако при этом они имеют различный механизм правового воздействия на регулируемые отношения. Нормы международного права устанавливают *пределы возможного поведения участников сторон* вооруженного конфликта в ходе вооруженной борьбы в целях минимизации насилия и негативных последствий его применения; нормы внутреннего права устанавливают виды *должного и возможного правомерного поведения участников стороны* вооруженного конфликта для достижения победы (успеха) при ведении военных действий.

4. Международное право вооруженных конфликтов не является частью системы права России, но входит составной частью в ее правовую систему; внутреннее право вооруженных конфликтов — это часть системы права России и ее правовой системы.

5. Международное и внутреннее право образуют единую взаимосвязанную систему принципов и норм, направленных на регулирование вооруженных конфликтов в целях гуманизации отношений в процессе вооруженной борьбы, но преследующих также цель победы в вооруженном конфликте, не нарушая при этом установленных международным правом ограничений и запретов.

6. Концепция правового

¹ Другими типами военного конфликта являются война и вооруженные акции (Военный конфликт // Большая российская энциклопедия. URL: bigenc.ru/c/voennyi-konflikt-daac15).

регулирования вооруженной борьбы в целях создания системы специальных правовых норм в военном законодательстве Российской Федерации должна прежде всего базироваться на удовлетворении интересов личности, общества и государства по достижению победы в процессе вооруженной борьбы, формирующей отношения, связанные с конкретной системой внутригосударственных общественных отношений. При этом гуманитарный аспект такого регулирования, основанный на нормах международного гуманитарного права, не является определяющим, но учитывается.

7. Международный гуманитарный аспект, воздействуя на национальную военно-управленческую деятельность, безусловно влияет на волевой аспект принятия решений по формам и методом вооруженной борьбы, но внутригосударственное правовое регулирование вооруженных конфликтов базируется на приоритете национальных интересов, позволяющих достичь победы в вооруженной борьбе, учитывая при этом нормы международного гуманитарного права.

8. С учетом того что в реальной действительности существует такое объективное явление, как военный конфликт, признаваемое военной наукой в качестве базового понятия для изучения любых военных столкновений, его отражение в правовой действительности институализируется в качестве права военных конфликтов.

9. Нормы, регулирующие военный конфликт, в своей совокупности образуют право военных конфликтов, являющееся подотраслью военного права, институтом которой, в свою очередь, является право вооруженных конфликтов.

Таким образом, *право военных конфликтов — это система принципов и норм (международно-правовых и внутригосударственных), регулирующих процесс борьбы в вооруженных конфликтах, правовое положение и взаимоотношения его участников, регламентирующих границы применения насилия в гуманитарных целях и в целях достижения победы в ходе вооруженной борьбы, а также устанавли-*

вающих ответственность за совершенные преступления.

Библиография

1. Арцибасов, И.Н. Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия / И.Н. Арцибасов, С.А. Егоров. — М.: Международные отношения, 1989.
2. Батырь, В.А. Имплементация норм международного гуманитарного права в военном законодательстве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / В.А. Батырь. — М., 1999.
3. Батырь В.А. Международное гуманитарное право и право вооруженных конфликтов: вопросы соотношения // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 12. — С. 6—29.
4. Бекмурзаев, Б.А. Внутригосударственные вооруженные конфликты и международное право : дис. ... канд. юрид. наук / Б.А. Бекмурзаев. — М., 1994. — 179 с.
5. Бисултанов, А.К. Развитие международного гуманитарного права в условиях изменяющейся природы современных вооруженных конфликтов : дис. ... канд. юрид. наук / А.К. Бисултанов. — М., 2016. — 207 с.
6. Блажеев, В.В. Трехтомная монография «Военное право» (2021—2022) как практический результат деятельности отечественной научной школы военного права / В.В. Блажеев // Государство и право. — 2023. — № 2. — С. 40—42.
7. Богданов, С.Л. Ввод вооруженных сил и военные действия США в Сирии: к вопросу об основаниях по законодательству США и международному праву / С.Л. Богданов, Н.Н. Мельник // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 5.
8. Виловатых, А.В. Трансформация облика военных конфликтов будущего / А.В. Виловатых // Проблемы национальной стратегии. — 2020. — № 4. — С. 199—207.
9. Винокуров, А.Ю. Расследование преступлений, совершаемых военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации против мирного населения в период вооруженных конфликтов : дис. ... канд. юрид. наук / А.Ю. Винокуров. — М., 2004.
10. Витцум В.Г., Прельсс А. Международное право = *Volkerrecht*. Кн. 2 / пер. с нем. 2-е изд. М., 2015.
11. Военное право / А.В. Кудашкин, А.Н. Савенков, М.В. Конохов [и др.]. Том I. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Центр правовых коммуникаций", 2021. — 560 с. — ISBN 978-5-6042565-1-0. — EDN MNGEJM
12. Военное право / А.В. Кудашкин, В.К. Аулов, В.В. Бараненков [и др.]. Том II. — Москва: Центр правовых коммуникаций, 2021. — 888 с. — ISBN 978-5-042565-2-7. — EDN WODYT
13. Военное право / Е.А. Глухов, В.М. Корякин, А.В. Кудашкин [и др.]. Том III. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Центр правовых коммуникаций", 2022. — 712 с. — ISBN 978-

5-6042565-3-4. — EDN SNMELJ.

14. Военное право : учеб. для воен. акад. / под ред. генерал-полковника юстиции А.Г. Горного. — М., 1984.

15. Военное право : учеб. пособие / под ред. В.С. Бувевича. — М., 1991.

16. Военное право : учеб. для ВВУЗов ВС РФ / под ред. Н.И. Кузнецова. — М., 1996.

17. Военное право : учеб. / под ред. В.Г. Стрекозова, А.В. Кудашкина. — М., 2004.

18. Егоров, С.А. Вооруженные конфликты и международное право : дис. ... д-ра юрид. наук / С.А. Егоров. — М., 1999. — 285 с.

19. Ершов, В.В. Военное право России как отрасль права / В.В. Ершов, В.И. Качалов // Рос. правосудие. — 2023. — № 2. — С. 107—110.

20. Зверев, П.Г. Источники международного гуманитарного права (права вооруженных конфликтов) / П.Г. Зверев // Вестн. Калининград. юрид. ин-та МВД России. — 2008. — № 2.

21. Калмыков, П. Теория и практика предотвращения вооруженных конфликтов современности / П. Калмыков // Власть. — 2007. — № 4.

22. Кастро, А.-Г.Ф. Международно-правовая регламентация внутренних вооруженных конфликтов : дис. ... канд. юрид. наук / А.-Г.Ф. Кастро. — М., 1999. — 166 с.

23. Кепель, О.В. Воинская дисциплина в русской армии Екатерины Великой (1762—1796) : моногр. / О.В. Кепель, В.Ф. Мартынов — СПб., 2014.

24. Корольков, Н.Н. История государства и права России: учеб. пособие. Ч. 1. / Н.Н. Корольков, В.М. Макаренко. — М., 2014.

25. Котляров, И.И. Международно-правовое регулирование вооруженных конфликтов: теоретические проблемы и практика : дис. ... д-ра юрид. наук / И.И. Котляров. — М., 2008. — 475 с.

26. Краснов, Д.А. Военная история : учеб. пособие. Ч. 1 / Д.А. Краснов, Б.В. Симанихин, Н.М. Целуев. — М., 1996.

27. Ксенофонтов, В.А. Военный конфликт: типология и принципы ведения / В.А. Ксенофонтов // Труды БГТУ. — 2021. — Серия 6. — № 1. — С. 161—165.

28. Кудашкин, А.В. Военное право США: понятие, предмет и метод правового регулирования, структура / А.В. Кудашкин, Н.Н. Мельник // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 1. — С. 62—71.

29. Кудашкин, А.В. Имплементация международного гуманитарного права и доктрина оперативного права как источник военного права / А.В. Кудашкин, Н.Н. Мельник // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 3. — С. 57—63.

30. Кудашкин, А.В. Источники военного права Германии / А.В. Кудашкин, Н.Н. Мельник // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 2. — С. 57—66.

43. Плигин, В.Н. Вышел фундаментальный

31. Кудашкин, А.В. Международное гуманитарное право, право вооруженных конфликтов, оперативное право: вопрос в терминах или их содержании? / А.В. Кудашкин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 2. — С. 81—89.

32. Кудашкин, А.В. Правовое регулирование вооруженных конфликтов: еще раз возвращаясь к терминологии / А.В. Кудашкин, О.Г. Безбабнов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 7. — С. 2—11.

33. Кудашкин, А.В. Право вооруженных конфликтов: есть ли проблема в терминологии и содержании понятия? / А.В. Кудашкин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 3. — С. 2—15).

34. Кудашкин, А.В. Право вооруженных конфликтов и его место в системе права России: доклад на III научно-практической конференции «Военное право в системе обеспечения национальной безопасности. Международно-правовые аспекты военного и военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами» 16.08.2022 / А.В. Кудашкин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 12. — С. 9—12.

35. Кудинов, М.А. Теоретические и правовые основы уголовной ответственности за преступления против военной службы, совершаемые в военное время и в боевой обстановке : дис. ... канд. юрид. наук / М.А. Кудинов. — М., 2004.

36. Латыпова, Н.С. О роли историко-правовых исследований военных конфликтов как истоков трансформации государства и права / Н.С. Латыпова // Правовая парадигма. — 2022. — Т. 21. — № 4. — С. 26—32.

37. Ложников, И.С. Военно-правовые аспекты урегулирования вооруженных конфликтов (на основе Парижско-Дейтоновских соглашений) : дис. ... канд. юрид. наук / И.С. Ложников. — М., 2003.

38. Маликов, С.В. Правовые и организационные основы расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта : дис. ... д-ра юрид. наук / С.В. Маликов. — М., 2005.

39. Марочкин, С.Ю. Проблема эффективности норм международного права / С.Ю. Марочкин. — Иркутск, 1988.

40. Мигачев, Ю.И. Военное право : учеб. / Ю.И. Мигачев, С.В. Тихомиров. — М., 1998.

41. Мышлаевский, А.З. Журнал, веденный при главной армии сия императорского величества Анны Иоанновны во время кампании 1737 года и инструкция для действий войск против турок «Диспозиция боевого порядка и маневров в генеральной баталии с турками / А.З. Мышлаевский // Сборник военно-исторических материалов. — Вып. 15. — СПб., 1904. — С. 23—27.

42. Основы военного права : учеб. пособие / под общ. ред. В.П. Серегина, Н.А. Черногорова. — М., 1988.

научный труд, которым доказана «правовая

теорема Ферма» / В.Н. Плигин // Государство и право. — 2023. — № 3.

44. Поленина, С.В. Некоторые проблемы взаимодействия правовых систем в условиях глобализации / С.В. Поленина, О.А. Гаврилов, Н.П. Колдаева // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. — 2008. — № 1.

45. Право вооруженных конфликтов : учеб. пособие / под ред. О.Г. Безбанова, В.В. Ершова. — М., 2019.

46. Савенков, А.Н. Государство и право: Права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права : в 3 т. / А.Н. Савенков. — М., 2021.

47. Сашникова, О.В. Реализация норм международного права о вооруженных конфликтах в правовой системе Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / О.В. Сашникова. — Тюмень, 2004. — 236 с.

48. Северинчик, Ю.В. Международно-правовые проблемы вооруженного конфликта не-международного характера : дис. ... канд. юрид.

наук / Ю.В. Северинчик. — М., 2000. — 196 с.

49. Сеников, А.А. Военная наука и новые области исследований / А.А. Сеников // Военная мысль. — 2014. — № 2.

50. Скрипилев, Е.А. К постановке проблем военного права Древнего Рима / Е.А. Скрипилев // Труды Военно-юридической академии. — Вып. 10. — М., 1949.

51. Тараненко, В.В. Правовой статус военнослужащих — участников боевых действий : дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Тараненко. — М., 2004.

52. Тиунов, О.И. Международное гуманитарное право / О.И. Тиунов. — М., 2021.

53. Хомчик, В.В. Монография «Военное право» обеспечила теоретический прорыв в фундаментальных исследованиях современных проблем военной науки / В.В. Хомчик // Государство и право. — 2022. — № 3.

54. Черниченко, С.В. Международное право: современные теоретические проблемы / С.В. Черниченко. — М., 1993.

Понятийный ряд доминантного термина «инновация»: обзор проблематики правопонимания в военном праве и судеустройственном законодательстве

© Туганов Юрий Николаевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия; профессор Российской таможенной академии, заслуженный юрист Российской Федерации, академик РАЕН

© Аулов Владимир Константинович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия, научный сотрудник Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. По самым различным причинам сущности некоторых правовых феноменов не соответствуют формам обнаружения их конституирующей определенности. В случае с языковой единицей «инновация», проблематика правопонимания всего понятийного ряда этого доминантного термина осложняется применением в законодательстве и актах стратегического планирования далеких от совершенства юридико-технических приемов дефинирования. В результате характеристики «инновационности» в Вооруженных Силах получают или вполне заурядные вещи и явления: (электронные учебники, видео-задачники, другие мультимедийные конструкции), или трудно формализуемые субстанции («инновационные исследовательские алгоритмы», «инновационные образовательные траектории», «инновационная культура», «инновационный вектор в психопрактике»). Авторы приходят к выводу, что юридическая конструкция инновационных правоотношений обладает неочевидной для органов военного управления и организаций Вооруженных Сил проблематикой в силу правовой неопределенности понятийного аппарата. Одновременно констатируется отсутствие «инновационной» риторики в руководящих документах, определяющих статус судебной власти и органов судейского сообщества – структур, которые так же, как и Вооруженные Силы, действуют только лишь из публичных интересов, и которые так же, как и Вооруженные Силы, осуществляют качественную модернизацию своей материально-технической базы на основе новейших достижений науки и техники.

Ключевые слова: военное право, инновация, инновационная деятельность, субъекты инновационной деятельности, научные исследования, научно-техническая деятельность, Вооруженные Силы, судебная власть.

The conceptual range of the dominant term "innovation": an overview of the problems of legal understanding in military law and judicial legislation

© Tuganov Yu.N.,

Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of Organization of Judicial and Law Enforcement Activities of the Russian State University of Justice, Professor of the Russian Customs Academy

© Aulov V.K.,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Organization of Judicial and Law Enforcement Activities of the Russian State University of Justice; Researcher at the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Abstract. For various reasons, the essences of some legal phenomena do not correspond to the forms of detection of their constitutive certainty. In the case of the linguistic unit "innovation", the problems of legal understanding of the entire conceptual range of this dominant term are complicated by the use of legal and technical definition techniques far from perfection in legislation and strategic planning acts. As a result, the characteristics of "innovativeness" in the Armed Forces receive either quite ordinary things and phenomena: (electronic textbooks, video problem books, other multimedia constructions), or difficult to formalize substances ("innovative research algorithms", "innovative educational trajectories", "innovative culture", "innovative vector in psychopractices"). The authors come to the conclusion that the legal structure of innovative legal relations has problems that are not obvious to military authorities and organizations of the Armed Forces due to the legal uncertainty of the conceptual apparatus. At the same time, there is a lack of "innovative" rhetoric in the governing documents defining the status of the judiciary and the judicial community – structures that, like the Armed Forces, act only out of public interests, and which, like the Armed Forces, carry out qualitative modernization of their material and technical base on the basis of the latest achievements science and technology.

Keywords: military law, innovation, innovative activity, subjects of innovative activity, scientific research, scientific and technical activity, Armed Forces, judiciary.

Российская концепция инноваций прошла в своем развитии путь от идеи, понятной лишь узкому кругу специалистов, до создания иллюзии всеобщего понимания этого термина¹. Исходной точкой генезиса отечественной нормативной базы инновационной деятельности принято считать утверждение Верховным Советом Российской Федерации государственную инновационную программы «Новое поколение технологий и комплектов оборудования для реконструкции подземных инженерных сетей» — правового акта, в котором впервые (без раскрытия фиксированного смысла) была использована математическая семантика слова «инновация»².

После этого события и разработки ря-

да документов по данной тематике³ значимой вехой в развитии «инновационного» понятийного аппарата стало принятие в 1999 г. Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации Федерального закона «Об инновационной деятельности и о государственной инновационной политике»⁴. Несмотря на то, что за-

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 26 августа 1995 г. № 827 «О Федеральном фонде производственных инноваций»; постановление Правительства Российской Федерации от 31 марта 1998 г. № 374 «О создании условий для привлечения инвестиций в инновационную сферу». Анализ этих и других актов в хронологическом порядке изложен в работе: Кожокарь И.П. Инновации и инновационная деятельность: правовой аспект // Труды Института государства и права РАН. 2020. Т. 15. № 3. С. 141—187. В частности, этот автор анализирует Основные направления политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 г. (утв. Правительством Российской Федерации 5 августа 2005 г. № 2473п-П7); Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

⁴ Проект Федерального закона № 99029071—2 «Об инновационной деятельности и о государственной

¹ Волынкина М.В. Правовая сущность термина «инновация» // Инновации. 2006. №1 (88). С. 64—69.

² Распоряжение Верховного Совета Российской Федерации от 30 апреля 1992 г. № 2.3-Р-4 «Об утверждении инновационной программы» [Электронный ресурс] // Документ опубликован не был. Режим доступа: www.consultant.ru (дата обращения: 20.06.2023).

кон был отклонен Президентом Российской Федерации — в том числе и по причине отсутствия основополагающих понятий и четкого предмета регулирования — документ остается ценным познавательным ресурсом.

В частности, под инновационной деятельностью в нем предлагалось понимать «выполнение работ и (или) оказание услуг по созданию, освоению в производстве и (или) практическому применению новой или усовершенствованной продукции, нового или усовершенствованного технологического процесса». Показательно, что в перечень такой деятельности включались виды деятельности, непосредственно не связанные с созданием и продвижением инноваций (деятельность по продвижению на рынки новой продукции; создание и развитие инновационной инфраструктуры; подготовка, переподготовка или повышение квалификации кадров для осуществления инновационной деятельности; передача либо приобретение прав на объекты промышленной собственности или конфиденциальную научно-техническую информацию; экспертиза, консультационные, информационные, юридические и иные услуги по созданию и (или) практическому применению новой или усовершенствованной продукции, нового или усовершенствованного технологического процесса; организация финансирования инновационной деятельности).

Чтобы оценить степень дальнейшего развития «инновационного» тезауруса, ниже приводятся весь понятийный ряд доминантного термина «инновация» в формулировках Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике»:

— *инновации* — введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях;

— *инновационный проект* — комплекс направленных на достижение экономического эффекта мероприятий по осуществлению инноваций, в том числе по коммерциализации научных и (или) научно-технических результатов. Инновационный проект характеризуется высоким допустимым уровнем риска, возможностью недостижения запланированного результата, в том числе экономического эффекта от реализации такого проекта;

— *инновационная инфраструктура* — совокупность организаций, способствующих реализации инновационных проектов, включая предоставление управленческих, материально-технических, финансовых, информационных, кадровых, консультационных и организационных услуг;

— *инновационная деятельность* — деятельность (включая научную, технологическую, организационную, финансовую и коммерческую деятельность), направленная на реализацию инновационных проектов, а также на создание инновационной инфраструктуры и обеспечение ее деятельности¹.

При этом под научной (научно-исследовательской) деятельностью законодатель понимает деятельность, направленную на получение и применение новых знаний, включая:

— фундаментальные научные исследования — экспериментальную или теоретическую деятельность, направленную на получение новых знаний об основных закономерностях строения, функционирования и развития человека, общества, окружающей среды;

— прикладные научные исследования — исследования, направленные преимущественно на применение новых знаний для достижения практических целей и решения конкретных задач;

— поисковые научные исследования — исследования, направленные на получение новых знаний в целях их последующего практического применения (ориентированные научные исследования) и (или)

инновационной политике» (окончательная ред., принятая Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 01.12.1999 г.).

¹ Части 9—12 ст. 2 Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике».

на применение новых знаний (прикладные научные исследования) и проводимые путем выполнения научно-исследовательских работ.

Дефидент «научно-техническая деятельность» в том же нормативном правовом акте раскрывается как деятельность, направленная на получение, применение новых знаний для решения технологических, инженерных, экономических, социальных, гуманитарных и иных проблем, обеспечения функционирования науки, техники и производства как единой системы. Экспериментальные разработки определяются как деятельность, которая основана на знаниях, приобретенных в результате проведения научных исследований или на основе практического опыта, и направлена на сохранение жизни и здоровья человека, создание новых материалов, продуктов, процессов, устройств, услуг, систем или методов и их дальнейшее совершенствование.

Государственная научно-техническая политика определяется в виде составной части социально-экономической политики, которая выражает отношение государства к научной и научно-технической деятельности, определяет цели, направления, формы деятельности органов государственной власти Российской Федерации в области науки, техники и реализации достижений науки и техники.

Описывая важнейшие отличительные признаки научного и (или) научно-технического результата законодатель атрибутирует эти понятия как продукты научной и (или) научно-технической деятельности, содержащие новые знания или решения, зафиксированные на любом информационном носителе.

Сходный подход применен и при дефинировании терминов «научная и (или) научно-техническая продукция». Согласно ч. 6 ст. 2 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике», сущность данных терминов описывается как «научный и (или) научно-технический результат, в том числе результат интеллектуальной деятельности, предназначенный для реализации».

Изложение генезиса развития

нормативной базы, регулирующей инновационную деятельность, было бы не полным без упоминания о Федеральном законе от 28 сентября 2010 г. № 244-ФЗ «Об инновационном центре “Сколково”» и принятом в развитие содержащихся в нем подходов Федеральном законе от 29 июля 2017 г. № 216-ФЗ «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Последний нормативный правовой акт устанавливает правовой статус инновационных научно-технологических центров, согласно которому «инновационный научно-технологический центр представляет собой совокупность организаций, основной целью деятельности которых является осуществление научно-технологической деятельности». В свою очередь, «научно-технологическая деятельность дефинируется здесь как «научная (научно-исследовательская), научно-техническая и инновационная деятельность, выполнение исследований и разработок, реализация научных и (или) научно-технических проектов, использование полученных научных и (или) научно-технических результатов, результатов интеллектуальной деятельности, в том числе их коммерциализация, по направлениям, определенным в решении о создании инновационного научно-технологического центра в соответствии с приоритетами научно-технологического развития Российской Федерации».

Из этих определений видно, что понятие «научно-технологическая деятельность» охватывает и научную, и научно-техническую, и инновационную виды деятельности.

Отдельно необходимо остановиться на «инновационном» тезаурусе Указа Президента Российской Федерации от 28 августа 2018 г. № 501 «Об утверждении Положения о Военном инновационном технополисе “Эра” Министерства обороны Российской Федерации» и Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 253-ФЗ «О Военном инновационном технополисе

"Эра" Министерства обороны Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Забегая вперед, можно констатировать, что понятийный ряд семантической конструкции «инновация» в этих документах мало что дает для понимания сущностных параметров «инновационной деятельности», а значит — и для разрешения проблемных вопросов взаимодействия органов военного управления и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации с субъектами данного вида деятельности.

Так, Положение о Военном инновационном технополисе «Эра» Министерства обороны Российской Федерации выделяет две цели деятельности Технополиса и два направления его деятельности: наука и образование, передовые технологии и инновации. При этом цели для работы Технополиса определены: а) создание инновационной инфраструктуры, обеспечивающей продвижение, поддержку и внедрение в производство передовых идей и прорывных технологий; б) формирование эффективной модели организации научных исследований в интересах укрепления обороноспособности страны.

Соответственно этому задачи Технополиса формулируются следующим образом:

а) поиск и реализация инновационных проектов по приоритетным направлениям укрепления обороноспособности страны, создания и совершенствования вооружения, военной и специальной техники;

б) продвижение, поддержка и внедрение в производство передовых идей и прорывных технологий в интересах обеспечения обороны страны и безопасности государства;

в) создание новой модели взаимодействия научных и образовательных организаций, научно-производственных подразделений и научных рот Вооруженных Сил Российской Федерации, предприятий

промышленности и организаций оборонно-промышленного комплекса при разработке и производстве высокотехнологичной продукции военного, специального и двойного назначения;

г) сохранение и наращивание научного потенциала участников Технополиса. По направлениям деятельности в Положении конкретизируются кластеры, через которые и осуществляется работа «специализированного научно-исследовательского и производственного комплекса».

Хронология принятия обоих документов и анализ их содержания позволяет предположить, что в данном случае не нормативный документ разрабатывался во исполнение и в соответствии с федеральным законом, а сам закон синхронизировался с уже существующим документом.

Базовое противоречие и проблемы правопонимания. Специалисты по инновациям отмечают, что нормативно-правовое регулирование стимулирования инновационной деятельности должно начинаться с определения ключевых понятий в данной области, в частности, самого понятия «инновации», а также иных связанных с ним понятий — «инновационной деятельности», «инновационной инфраструктуры», «стимулирования инновационной деятельности» и т.д.»¹.

Исследователи находят дополнительные недостатки во всех процитированных нормативных положениях. Слабые места формулировок активно обсуждаются в научной литературе. В частности, признается возможность разного понимания термина «инновационная деятельность» и его содержания разными субъектами этого процесса².

¹ Сергеев А.В. К вопросу о понятии инновации в российском законодательстве // Административное право и процесс. 2017. № 8. С. 63.

² Комиссарова Е.Г. О роли права в освоении теории инноваций // Инновации в управлении региональным и отраслевым развитием : Сборник научных трудов. Тюмень, 2010. С. 93.

Акцентируется, что учет любой инновации только в качестве «конечного результата» (продукта) и фиксирование внимания только на ее участии в экономическом обороте, оставляет без оценки огромный объем затрат на предшествующую поисково-исследовательскую и научную деятельность, а также затраты на профессиональную подготовку людей, способных осуществлять инновационные разработки.

Особо отмечается, что в законодательно закреплённой интерпретации «инновационных» категорий на первый план выдвигаются лишь научно-технические разработки. При этом из круга рассмотрения выходят гуманитарные направления научных исследований (образование, юриспруденция, здравоохранение, социальная работа и др.).

Как результат, рекомендуется воспринимать инновационную деятельность в правовом пространстве конкретно-определённой социальной практики и «осуществления новых комбинаций»¹. В этом случае — с точки зрения конкретного субъекта этой практики — инновационной можно считать всякую деятельность, приводящую к существенным изменениям по сравнению с существующей традицией.

Инновации при таком подходе рассматриваются как основание изменений в культуре, науке и технике и — одновременно — как распространение результатов таких изменений перечисленных феноменов за их субстанциональные пределы. При этом инновация противопоставляется традиционным формам действия, мышления и поведения. То, что выходит за рамки традиции и обычая, то и является инновацией — такова, по сути, исходная установка современной западной юридической антропологии, направленная на дискредитацию России как якобы традиционного общества с архаичной социальной структурой.

¹ Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / пер. с нем. В.С. Автономова, М.С. Любского, А.Ю. Чепуренко и др. М.: Эксмо, 2008.

В качестве еще одного критерия выделения инновационной деятельности в общей функциональной деятельности научных и проектных учреждений предлагается рассматривать завершённое организационно-управленческое оформление нововведений в совокупности с их нормативным закреплением в изменяющейся практике².

Заканчивая тему выявления фиксированного смысла термина, «инновация» и его производных, следует признать, что как ни парадоксально, но наиболее достоверным источником при раскрытии понятия «инновационная деятельность» оказалась Википедия. Универсальная интернет-энциклопедия со свободным контентом предельно честно определила «инновационную деятельность» как деятельность, направленную на коммерциализацию результатов научных исследований и разработок.

Данный вывод опирается непосредственно на правовой смысл нормы ч. 8 ст. 2 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике». Дело в том, что показатель коммерциализации научных и (или) научно-технических результатов и их экономической эффективности был легализован Федеральным законом от 21 июля 2011 г. № 254-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» в едином блоке норм, посвященных правовому регулированию инновационной деятельности (включая специальную, ранее отсутствующую главу). По сути, легальное тол-

² Бездудный Ф.Ф., Смирнова Г.А., Нечаева О.Д. Сущность понятия инновация и его классификация // Инновации. 1998. № 2–3. С. 120; Бородко Н.П. Роль права в освоении теории инноваций // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2019. С. 120—123; Сергеев А.В. К вопросу о понятии инновации в российском законодательстве // Административное право и процесс. 2017. № 8. С. 65; Слободчиков В.И. Инновации в образовании: основания и смысл // Исследовательская работа школьников. 2004. № 2. С. 5—15. Солдатова Ю.С. Методы оценки экономического состояния и уровня инновационного развития промышленных предприятий: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. Нижний Новгород, 2013. 24 с.

кование термина «инновационная детальность» номинирует важнейшим целевым показателем результатов научных исследований их коммерциализацию и экономический эффект от внедрения технологических мероприятий.

Это обстоятельство осознают не все субъекты воинских правоотношений. Об определенном непонимании сущности инновационной деятельности свидетельствует несоответствие содержания сборников «Труды Всеармейской научно-практической конференции «Инновационная деятельность в Вооруженных Силах Российской Федерации» и заявленной темы¹. На научном мероприятии профессионально и компетентно обсуждаются результаты научно-исследовательской работы в различных разделах и отраслях военной науки, однако «инновационный» сленг используется только в качестве обрядовой формулы. В выступлениях на конференции характеристики «инновационности» получили или вполне заурядные вещи и явления: (электронные учебники, видео-задачники, другие мультимедийные конструкции), или трудно формализуемые субстанции («инновационные исследовательские алгоритмы», «инновационные образовательные траектории», «инновационная культура», «инновационный вектор в психопрактике»).

Между тем юридическая конструкция инновационных правоотношений обладает неочевидной для субъектов таких право-

отношений, органов военного управления и организаций Вооруженных Сил проблематикой (в силу правовой неопределенности понятийного аппарата). В частности, правовые дефекты «инновационных» юридических конструкций могут содержать предпосылки к нарушению режима секретности, поскольку некоторые субъекты инновационной деятельности могут или вообще находиться в иностранной юрисдикции, или участвовать в проектах за рубежом без учета требований к защите государственной тайны.

Отсюда следует базовое противоречие между частными интересами субъектов инновационной деятельности, ее основной целью (получением прибыли) и нарастающими потребностями военной организации в повышении боеготовности сил (средств) на основе новых знаний безотносительно коммерческой выгоды последних. Именно такое понимание основных задачи Вооруженных Сил, других войск и органов и в мирное время, и в период непосредственной угрозы агрессии, вытекает из п. 32 и 33 Военной доктрины Российской Федерации². В этих структурных единицах акта стратегического планирования инновационная деятельность, как категория целеполагания для перечисленных субъектов, не обозначена.

Подобный подход представляется обоснованным. Активизация инновационно-инвестиционной деятельности, позволяющая проводить качественное обновление научно-технической и производственно-технологической базы, позиционируется задачей иного компонента военной организации — оборонно-промышленного комплекса страны (подп. «ж» п. 53 Военной доктрины).

В этом смысле представляется интересным опыт судебной власти и органов судейского сообщества. Эта субъекты, так же, как и Вооруженные Силы, осуществляют свою деятельность исходя только лишь из публичных интересов. Они, так же, как и Вооруженные Силы, в настоящее время производят качественную модерни-

¹ Инновационная деятельность в Вооруженных Силах Российской Федерации : Труды всеармейской науч.-практ. конф. 14—15 октября 2020 г. СПб.: ВАС, 2020; Инновационная деятельность в Вооруженных Силах Российской Федерации : Труды всеармейской науч.-практ. конф. 11—12 октября 2017 г. СПб.: ВАС, 2017 и др. Помимо сборников об этом свидетельствуют сюжеты ряда других публикаций. Например: Воробьев И.Н., Киселев В.А. О концепции инновационного развития Вооруженных Сил // Военная мысль. 2009. № 1. С. 37—42; Диденко С.А. Инновационная деятельность ГУНИД Минобороны Российской Федерации // Новый оборонный заказ. Стратегии. 2017. №5 (47). С. 84—88, Остапенко О.Н., Левкин И.М. Особенности организации инновационной деятельности в Министерстве обороны Российской Федерации // Управленческое консультирование. 2013. № 11. С. 7—13.

² Утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976.

зацию материально-технической базы своей деятельности на основе новейших достижений науки и техники.

В то же время терминология понятийного ряда доминантного термина «инновация» в программных документах, связанных с судебной деятельностью, актах, определяющих ключевые параметры судебной системы и судоустройства, также отсутствует.

Вывод: для формирования у органов военного управления и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации адекватного алгоритма разрешения спорных вопросов при взаимодействии с субъектами инновационной деятельности необходимы дополнительные усилия при проведении правовой работы и в ходе правового воспитания военнослужащих с целью разъяснения экономической и правовой сущности инновационной деятельности и особенностей понятийного аппарата этого юридического явления.

Библиография

1. Бездудный, Ф.Ф. Сущность понятия инновация и его классификация / Ф.Ф. Бездудный, Г.А. Смирнова, О.Д. Нечаева // *Инновации*. — 1998. — № 2–3. — С. 120.
2. Бородко, Н.П. Роль права в освоении теории инноваций / Н.П. Бородко // *Труды БГТУ*. — Серия 6: История, философия. — 2019. — С. 120–123.
3. Волынкина, М.В. Правовая сущность термина «инновация» / М.В. Волынкина // *Инновации*. — 2006. — № 1 (88). — С. 64–69.
4. Воробьев, И.Н. О концепции инновационного развития Вооруженных Сил / И.Н. Воробьев, В.А. Киселев // *Военная мысль*. — 2009. — № 1. — С.37–42.
5. Диденко С.А. Инновационная деятельность ГУНИД Минобороны Российской Федерации / С.А. Диденко // *Новый оборонный заказ. Стратегии*. — 2017. — № 5 (47). — С.84–88.
6. Кожокар, И.П. Инновации и инновационная деятельность: правовой аспект / И.П. Кожокар // *Труды Института государства и права РАН*. — 2020. — Т. 15. — № 3. — С. 141–187.
7. Комиссарова, Е.Г. О роли права в освоении теории инноваций / Е.Г. Комиссарова // *Инновации в управлении региональным и отраслевым развитием : Сборник научных трудов*. — Тюмень, 2010.
8. Остапенко, О.Н. Особенности организации инновационной деятельности в Министерстве обороны Российской Федерации / О.Н. Остапенко, И.М. Левкин // *Управленческое консультирование*. — 2013. — № 11. — С. 7–13.
9. Сергеев, А.В. К вопросу о понятии инновации в российском законодательстве / А.В.Сергеев // *Административное право и процесс*. — 2017. — № 8.
10. Слободчиков, В.И. Инновации в образовании: основания и смысл / В.И. Слободчиков // *Исследовательская работа школьников*. — 2004. — № 2. — С. 5–15.
11. Солдатова, Ю.С. Методы оценки экономического состояния и уровня инновационного развития промышленных предприятий: автореф. дис. ... канд. эконом. наук / Ю.С. Солдатова. — Нижний Новгород, 2013. — 24 с.
12. Шумпетер, Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Й.А. Шумпетер / пер. с нем. В.С. Автономова, М.С. Любского, А.Ю. Чепуренко и др. — М.: Эксмо, 2008. — 864 с.

Военно-административное право

Модернизация общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации – новый этап развития военного права

© Аулов Владимир Константинович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры организации судебной и
правоохранительной деятельности Российского
государственного университета правосудия,
научный сотрудник Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации

© Туганов Юрий Николаевич,
доктор юридических наук, профессор, профессор
кафедры организации судебной и
правоохранительной деятельности Российского
государственного университета правосудия;
профессор Российской таможенной академии,
заслуженный юрист Российской Федерации,
академик РАЕН

Аннотация. Одним из способов повышения качественного потенциала армии и флота является улучшение правового обеспечения деятельности военной организации, включая модернизацию как боевых, так и общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации. Память предков и память защитников Отечества, идеалы и вера в Бога, правопреемственность в развитии Российского государства от Союза ССР — все эти конституционные положения подлежат объективации в общевоинских уставах. Если перечисленные морально-нравственные и политико-правовые ориентиры будут синхронизированы в текстах обновленных общевоинских уставов, то исторический рубеж «самого опасного и непредсказуемого десятилетия» может стать новой вехой правового обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации и очередным этапом развития военного права. В статье также предлагаются некоторые направления пересмотра общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации. Результатом этих изменений должно стать совершенствование правовых технологий, используемых в уставах, и, как следствие, повышение качества правового обеспечения поддержания Вооруженных Сил и других войск в заданной степени готовности к боевому применению.

Ключевые слова: военное право, Вооруженные Силы, военнослужащие, общевоинские уставы, устав внутренней службы, дисциплинарный устав.

Modernization of the general military Regulations of the Armed Forces of the Russian Federation – a new stage in the development of military law

© Aulov V.K.,
PhD in Law, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of Organization of
Judicial and Law Enforcement Activities of the
Russian State University of Justice; Researcher at
the Military University of the Ministry of Defense of
the Russian Federation

© Tuganov Yu.N.,

Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of Organization of Judicial and Law Enforcement Activities of the Russian State University of Justice, Professor of the Russian Customs Academy

Abstract. One of the ways to increase the qualitative potential of the army and navy is to improve the legal support for the activities of the military organization, including the modernization of both combat and general military charters of the Armed Forces of the Russian Federation. The memory of ancestors and the memory of defenders of the Fatherland, ideals and faith in God, succession in the development of the Russian state from the USSR – all these constitutional provisions are subject to objectification in the general military statutes. If the listed moral and political and legal guidelines are synchronized in the texts of the updated general military regulations, then the historical milestone of the "most dangerous and unpredictable decade" may become a new milestone in the legal support of the Armed Forces of the Russian Federation and the next stage in the development of military law. The article also suggests some areas of revision of the general military regulations of the Armed Forces of the Russian Federation. The result of these changes should be the improvement of legal technologies used in the Charters, and, as a result, the improvement of the quality of legal support for maintaining the Armed Forces and other troops in a given degree of readiness for combat use.

Keywords: military law, Armed Forces, military personnel, general military regulations, internal service regulations, disciplinary regulations.

Тектонический процесс глобальной трансформации, иные угрозы и вызовы, о которых говорил Президент Российской Федерации В.В. Путин, обуславливают необходимость переоценки ранее накопленного опыта правового регулирования жизни и быта военнослужащих, их взаимоотношений и повседневной деятельности¹. Все это, в совокупности с результатами обобщения боевого опыта, накопленного в ходе специальной военной операции, ставит на повестку дня вопрос о модернизации общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации².

¹ Путин В.В. Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить // Государственная служба. Вестник Координационного совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при Полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2012. № 1. С. 6—16.

² Подробнее о совершенствовании боевых уставов: Со СВОим уставом: российская армия получит новые принципы ведения боев [Электронный ресурс] 05.04.2023. Известия. URL: [https://iz.ru/1493625/aleksei-ramm-roman-kretcul/so-](https://iz.ru/1493625/aleksei-ramm-roman-kretcul/so-voim-ustavom-rossiiskaia-armiia-poluchit-novye-printcipy-vedeniia-boev)

Бесспорно, что на «горячей стадии геополитической войны Запада против России»³ генезис военного права должен опираться на принципиальные изменения конституционного законодательства, произошедшие после принятия Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» и издания 3 июля 2020 года Указа Президента Российской Федерации «Об официальном опубликовании Конституции с внесенными в нее поправками». Память предков и память защитников Отечества, идеалы и вера в Бога, правопреемственность в развитии Российского государства от Союза ССР — все эти конституционные положения подлежат объективации в общевоинских уставах, поскольку перечис-

[svoim-ustavom-rossiiskaia-armiia-poluchit-novye-printcipy-vedeniia-boev](https://ss69100.livejournal.com/6360576.html) (дата обращения 23.06.2023).

³ Дугин А.Г. Третий период новейшей истории России: война: [сайт]. URL: <https://ss69100.livejournal.com/6360576.html> (дата обращения 28.06.2023).

ленные политико-правовые феномены наделяют военнослужащих нравственной субъектностью¹.

Если перечисленные морально-нравственные и политико-правовые ориентиры будут синхронизированы в текстах обновленных общевоинских уставов, то исторический рубеж «самого опасного и непредсказуемого десятилетия» может стать новой вехой правового обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации и очередным этапом развития военного права².

Иными словами речь идет о необходимости номинации Родины как абсолютной сакральной сущности, а деполитизированного патриотизма — в качестве ценностной установки для всех категорий личного состава при конкретизации в обновленных общевоинских уставах соответствующих положений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей³.

В соответствии с изложенным предлагается разместить гимн Российской Федерации, Военную присягу и Положение о Боевом знамени воинской части непосредственно перед преамбулой каждого из общевоинских уставов. Военную присягу и Положение о Боевом знамени воинской

части — в новых формулировках, максимально приближенных к текстам советского периода существования российского государства. Редакционные правки Военной присяги и Положения о Боевом знамени предполагают:

1) наделение Военной присяги свойствами нормативности путем изложения морально-этической санкции за нарушение ее диспозиции в последнем предложении: «Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет Божья кара, всеобщая ненависть и презрение».

2) изменением наименования «Военная присяга» на «Военная присяга на верность России»;

3) изложение первого предложения п. 1 Положения о Боевом знамени в следующей редакции: «Боевое знамя воинской части Вооруженных Сил Российской Федерации есть символ воинской чести, доблести, славы и памяти защитников Отечества».

Возврат к отечественным военным традициям требует исключения в тексте всех общевоинских уставов упоминаний об обязательстве, которое в настоящее время дает военнослужащий, являющийся иностранным гражданином при поступлении в Российской Федерации на военную службу. Такой возврат возможен после соответствующей корректировки ст. 40 и 41 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе». В этом случае Военную присягу на верность России будут давать все категории военнослужащих безотносительно их гражданства.

Преодоление этической коллизии «двойной лояльности» между иностранным гражданством такого военнослужащего и клятвой на верность российскому государству предлагается осуществить исходя из приоритета государственных интересов Российской Федерации в сфере обороны и военной безопасности, с учетом очевидной непригодности к военной службе лиц, которые оказываются не способными публично выразить готовность умереть за Россию при ее защите с оружием в

¹ Подробнее об этом: Манерко И.В. Духовно-нравственные качества личности военнослужащего современной Российской армии: сущность, особенности и направления развития: социально-философский анализ : автореф. дис. ... канд. философ. наук. М., 2011.

² Об опасном и непредсказуемом десятилетии см.: Путин В.В. Выступление на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 27 октября 2022 г.. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69695> (дата обращения 30.11.2022).

³ Соответственно: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» и Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

руках, также как, они сделали бы это при защите своего Отечества.

Изложенный подход к присяге иностранцев на верность Российской Федерации коррелирует с положениями Указа Президента Российской Федерации от 15 мая 2023 г. № 350 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 30 сентября 2022 года № 690 «О приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке иностранных граждан и лиц без гражданства, заключивших контракты о прохождении военной службы».

Экзистенционал героической смерти за Родину при ее защите с оружием в руках остается важным ресурсом теории военного права. После формализации в общевоинских уставах, это средство самоидентификации военнослужащих может стать также еще и мощным инструментом мотивации их деятельности при исполнении воинского долга.

Превращению пасхальной литургической формулы «смертию смерть поправ» в жизненный концепт каждого воина могут способствовать новые редакции перечисленных ниже структурных единицы Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации:

— абз. 3 ст. 16: «быть верным Военной присяге, беззаветно служить своему народу Российской Федерации и своей Родине — России, защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами»;

— абз. 7 ст. 16: «дорожить воинской честью и боевой славой Вооруженных Сил, своей воинской части, честью своего воинского звания и войсковым товариществом, с достоинством нести высокое звание защитника своего народа Российской Федерации и своей Родины»;

— первое предложение ст. 23: «Военнослужащий в ходе боевых действий, даже находясь в отрыве от своей воинской части (подразделения) и в полном окружении, должен оказывать решительное сопротивление противнику, избегая захвата в плен. В бою он обязан с честью выполнить свой

воинский долг, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами».

В целом же обновление общевоинских уставов предлагается осуществить одновременно не только с внесением изменений в ст. 40 и 41 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», но и с отменой Федерального закона от 1 декабря 2006 г. № 199-ФЗ «О судопроизводстве по материалам о грубых дисциплинарных проступках при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста и об исполнении дисциплинарного ареста»¹.

После принятия Федерального закона от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» Федеральный закон «О судопроизводстве по материалам о грубых дисциплинарных проступках при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста и об исполнении дисциплинарного ареста» во многом утратил правовой и практический смысл.

Учитывая перечисленные обстоятельства, наиболее рациональным способом совершенствования юридической конструкции дисциплинарной ответственности военнослужащих стало бы исключение судебных органов из правового механизма помещения военнослужащего на гауптвахту в дисциплинарном порядке, а также распространение дисциплинарного ареста на офицеров и военнослужащих женского пола (с оговорками для военнослужащих женского пола беременных или имеющих детей в возрасте до четырнадцати лет).

¹ Актуальность отмены данного закона подтверждается принятием Государственной Думой Российской Федерации в первом чтении проекта федерального закона № 289614-8 «О некоторых особенностях применения дисциплинарного взыскания - дисциплинарный арест в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время» (внесен депутатами Государственной Думы А.В. Картаполовым, А.Л. Красовым) (принят в первом чтении 15 марта 2023 г.). Текст законопроекта размещен на сайте sozd.duma.gov.ru (дата обращения 07.06.2023).

В идеале необходима переработка значительно большего по объему законодательного материала, определяющего цель, задачи и смысл военной службы. Два названных выше нормативных правовых акта являются тем минимумом, корректировка регулятивного воздействия которых позволит качественно повысить значимости правовых предписаний общевоинских уставов для повседневной жизнедеятельности военной организации Российской Федерации.

Переработку общевоинских уставов предлагается осуществлять с учетом уже существующего деления этих руководящих документов на разделы, руководствуясь принципами сохранения максимальной текстуальной идентичности и преемственности концептуальных подходов. Результатом предлагаемых изменений должна стать модернизация юридических технологий, применяемых в Уставах и, как следствие — повышение правового обеспечения поддержания Вооруженных Сил и других войск в заданной степени готовности к боевому применению.

Перечисленные ниже направления модернизации общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации представляются наиболее актуальными:

1. Возврат к парадигме «приказ командира — закон для подчиненного» с атрибутированием института единоначалия в качестве базовой ценности военной организации, а презумпции законности приказа — как важнейшего элемента юридической конструкции данного института.

2. Устранение из Уставов положений, разработанных исходя из дискредитировавшего себя постулата верховенства международного права над российским.

3. Расширение круга лиц, на которых распространяются Уставы, увеличение объема их полномочий при выполнении служебно-боевых задач.

4. Уточнение баланса публичных и частных интересов лиц, выполняющих служебно-боевые задачи в интересах обороны и военной безопасности Российской Федерации. Закрепление презумпции правомерности действий военнослужащих при

выполнении этой категории задач в случае причинения вреда охраняемым законом интересам.

5. Снятие избыточных для условий военной службы гарантий защиты прав, свобод и законных интересов военнослужащих, необоснованно ограничивающих применение насилия для обеспечения военной безопасности Российской Федерации¹.

6. Юридико-техническая корректировка лексических конструкций уставов, приведение их к единообразию с формулировками актов более высокой юридической силы².

Детерминантой первого направления модернизации общевоинских уставов является присутствие в межотраслевом военном законодательстве системного дефекта, отрицательно влияющего на управляемость войсками.

Сущностью дефекта является противоречие между абз. 3 ст. 30, ст. 31, 33 УВС ВС РФ, ст. 9 ДУ ВС РФ, логическая взаимосвязь которых утверждает единоначалие как основной принцип строительства Вооруженных Сил, руководства ими и взаимоотношений между военнослужащими и нормами Уставов и УК РФ, устанавливающими для исполнителя приоритет оценки приказа (распоряжения) как безусловно законного, вместо его безоговорочного и точного выполнения.

¹ Проблематика насилия как социокультурного феномена и способа защиты от зла рассматривалась в работах: Агафонова М.Ю. Проблема насилия в социальном познании: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2003; Пряхин Н.Г. Философия ненасилия: история и современность: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2006; Сытых Е.Л. Роль и значение насилия в культуре: автореф. дис. ... канд. культурол. Челябинск, 2003; Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. Э. Телятниковой. М.: АСТ, 2006.

² Подробнее об унификации законодательства: Сенякин И.Н. Специализация и унификация Российского законодательства (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1993; Сенякин И.Н. О роли унификации в системе российского законодательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 2 (1227). С. 15—22.

Иначе говоря, особенность юридической конструкции института единоначалия в Российской Федерации состоит в несоответствии норм, наделяющих командира (начальника) правом отдавать в установленном порядке соответствующие приказы и обеспечивать их выполнение мерами принуждения (вплоть до применения оружия в отдельных случаях) и ч. 2 ст. 42 и ст. 332 УК РФ, которые в совокупности со ст. 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и ст. 41 УВС ВС РФ, по сути, девальвируют единоначалие, возлагая на исполнителя обязанность по безусловно точной идентификации приказа (распоряжения) как законного¹.

Данный правовой изъян является следствием признания Россией верховенства общепризнанных принципов и норм международного права над отечественным законодательством и передачи части суверенитета межгосударственным объединениям (ст. 15 и 79 Конституции Российской Федерации).

Новой правовой реальности, сформир-

¹ Проблематике «законности» приказа командира (начальника) посвящены работы: Бобров И.А. О правомерном и неправомерном исполнении приказа или распоряжения // Евразийский Союз Ученых. 2015. № 2 (11). С. 115—117; Гринберг М.С. Технические преступления. Новосибирск, 1992. С. 110; Михайлов В.И. Нормативное регулирование исполнения приказа и некоторые вопросы уголовного права // Государство и право. 1996. № 12. С. 66; Арестов В.В. Уголовно-правовые проблемы исполнения приказа или распоряжения как обстоятельства, исключающие преступность деяния : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999; Веденин Д.В. Исполнение приказа или распоряжения как обстоятельство, исключающее преступность деяния : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С. 87; Соломоненко И.Г. Исполнение приказа и его уголовно-правовое значение. Ставрополь, 2000. С. 42; Сидоренко В.Н. Исполнение приказа или распоряжения как обстоятельство, исключающее преступность деяния в условиях военной службы // Российский военно-правовой сборник. 2004. № 1. С. 113—116; Загидуллин Р.А. Понятие и признаки незаконного и необоснованного приказа // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2008. № 9. С. 21—26; Леонова Т.Ю. Исполнение приказа или распоряжения как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Правовая культура. 2011. № 1(10). С. 206—214.

рованной вышеназванным Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации, не удалось полностью опровергнуть дискредитировавшую себя презумпцию верховенства международного права над российским.

Между тем, уже после принятия Постановления Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 22 февраля 2022 г. № 35-СФ «Об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации», Россия с 16 сентября 2022 г. отказалась от статуса Высокой Договаривающейся Стороны Конвенции о защите прав человека и основных свобод². Членство в Совете Европы официально было прекращено для России с 1 января 2023 г.³ При таких обстоятельствах из общевоинских уставов было бы логичным удалить все ссылки на международное право, международное гуманитарное право, общепризнанные принципы и нормы международного права⁴.

Делегитимизация насилия в руководящих документах со ссылкой на международное гуманитарное право не уменьшает количество насилия в системе, но существенно снижает возможности по его сокращению. Поэтому было бы целесообразным исключить в названных ниже структурных единицах УВС ВС РФ слова:

— в абз. 8 ст. 16: «общепризнанные

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод 26 февраля 1996 г. (принята в Риме 4 ноября 1950 г.) ратифицирована Россией вместе с некоторыми протоколами к ней Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Российской Федерации Конвенцию о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней».

³ Заявление Министерства иностранных дел России о запуске процедуры выхода из Совета Европы от 15 марта 2022 г. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1804379/ (дата обращения 20 июня 2023).

⁴ О необходимости нормативного закрепления отказа от приоритета международного права над российским: Бастрыкин предложил отказаться от приоритета международного права — Российская газета [Электронный ресурс] 23.07.2015. URL: <https://rg.ru/2015/07/23/bastrykin-site.html> (дата обращения 22.06.2023).

принципы и нормы международного права и»;

— в ст. 22: «нормы международного гуманитарного права»;

— в абз. 3 ст. 23: «в соответствии с нормами международного гуманитарного права»;

— во втором предложении ст. 77: «и норм международного гуманитарного права»;

— в абз. 4 ст. 88: «нормы международного гуманитарного права»;

— в абз. 8 ст. 161: «нормы международного гуманитарного права», «Кодекс поведения военнослужащего Вооруженных Сил — участника боевых действий».

2. В УВС ВС РФ исключить третье, четвертое и пятое предложение ст. 77.

3. В ДУ ВС РФ исключить абз. 9 ст. 3.

4. Исключить в названных ниже структурных единицах ДУ ВС РФ слова:

— в абз. 3 ст. 4: «и норм международного гуманитарного права»;

— в ст. 55: «или нарушившего нормы международного гуманитарного права».

5. Исключить в ст. 337 УГ и КС ВС РФ Федерации слова: «и соответствовать международным обязательствам Российской Федерации в области прав человека».

Ограничение юрисдикции общевойсковых уставов военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации, военнослужащими других войск, воинских формирований, органов и воинских подразделений федеральной противопожарной службы, гражданами, призванными на военные сборы граждан, обучающимися в военных учебных центрах при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования по программам военной подготовки и проходящих учебные сборы, гражданами, обучающимися в военных образовательных организациях высшего образования по программе военной подготовки сержантов, старшин запаса либо программе военной подготовки солдат, матросов запаса и проходящих учебные сборы, видится правовым анахронизмом.

Данный подход игнорирует:

— существенное увеличение перечня

воинских должностей, которые могут замещаться гражданским персоналом Вооруженных Сил Российской Федерации;

— качественное изменение состава военной организации Российской Федерации за счет коммерческих структур, осуществляющих свою деятельность военными методами и добровольческих формирований с разнохарактерным, неоднородным и находящимся в постоянной динамике правовым положением лиц, пребывающих в таких структурах и формированиях;

— активное использование органами военного управления и воинскими должностными лицами субъектов, не являющиеся военнослужащими, по единому замыслу и плану с военнослужащими при решении служебно-боевых задач;

— позиционирование интересов военной службы в качестве предмета преступлений, предусмотренных ст. 332—352.1 УК РФ.

Формализация интересов военной службы в качестве принципиального фактора квалификации субъектов, на которые распространяются общевойсковые уставы, позволит включить в их юрисдикцию неопределенный круг лиц по их ключевому признаку — участию в решении служебно-боевых задач по единому замыслу и плану с военнослужащими.

Реализовано данное предложение может быть при дополнении преамбулы УВС ВС РФ абз. пятым, ДУ ВС РФ — абз. четвертым, УГиКС ВС РФ абз. четвертым, следующего содержания: «Действие настоящего Устава распространяется на физических лиц, добровольческие формирования, коммерческие структуры и организации, осуществляющих свою деятельность военными методами, при их использовании по единому замыслу и плану с военнослужащими при решении служебно-боевых задач» и примечанием: «Здесь и далее перечисленные термины применяются в том значении, в каком они используются в налоговом законодательстве». Соответственно изменяется нумерация абзацев, следующих за предлагаемым к внедрению текстом.

Законодательно оформленный приори-

ритет обязанности государства по надлежащей организации вооруженной защиты своих национальных интересов над иными публичными интересами (не говоря уже о частных интересах, включая законные интересы тех лиц, кому военными служащими может быть причинен вред при исполнении своих служебных обязанностей) также подлежит отражению в обновленных уставах.

Поэтому из общевоинских уставов подлежат изъятию все идеалистические положения, навязывающие для решения в качестве первоочередных проблемы оценки соразмерности вреда, причиняемого военными служащими охраняемым законом интересам в условиях боевых действий, приемлемости риска и квалификации правомерности применения оружия или использования иных источников повышенной опасности.

По этому направлению совершенствования рекомендуется:

1. Исключить из УВС ВС РФ:

— в абз. 3 ст. 13: «в соответствии с законодательством Российской Федерации», «в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости»;

— в абз. 4 и 5 ст. 13: «если иными способами и средствами их защитить невозможно»;

— в абз. 6 ст. 13: «если иными способами и средствами подавить сопротивление, задержать данное лицо или изъять у него оружие невозможно»;

— в абз. 1 ст. 14: «при отражении нападения с использованием оружия, боевой и специальной техники, транспортных средств, летательных аппаратов, морских или речных судов; при побеге из-под охраны с оружием либо на транспортных средствах, при побеге в условиях ограниченной видимости, а также при побеге из транспортных средств, с морских или речных судов во время их движения»;

— в ст. 30: «за убытки и моральный вред, причиненные военными служащими, не находящимися при исполнении обязанностей военной службы, государству, физическим и юридическим лицам».

2. В УВС ВС РФ исключить абз. 4

ст. 14.

3. В УВС ВС РФ абз. 7 ст. 13 изложить в следующей редакции: «Командир (начальник), кроме того, имеет право применить оружие с целью поражения человека лично или приказать применить оружие с целью поражения человека для восстановления дисциплины и порядка в случае открытого неповиновения подчиненного в боевых условиях, когда действия непови누ющегося явно направлены на государственную измену или срыв выполнения боевой задачи, а также при выполнении задач в условиях чрезвычайного положения».

4. В ДУ ВС РФ второе предложение абз. 2 ст. 9 изложить в следующей редакции: «При этом оружие с целью поражения человека может быть применено только в боевой обстановке, а в условиях мирного времени — в исключительных случаях, не терпящих отлагательства, в соответствии с требованиями статей 13 и 14 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации».

Высказанные соображения, при всей их краткости и фрагментарности, позволяют заключить, что развитие и модернизация общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации в соответствии с современными военно-политическими реалиями и запросами военной организации российского государства могут стать мощным импульсом для прогресса не только теории военного права, но и иных, смежных с военным правом, отраслевых юридических наук.

Библиография

1. Агафонова, М.Ю. Проблема насилия в социальном познании: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / М.Ю. Агафонова. — Ростов н/Д., 2003. — 341 с.
2. Арестов, В.В. Уголовно-правовые проблемы исполнения приказа или распоряжения как обстоятельства, исключющие преступность деяния : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Арестов. — Саратов, 1999. — 21 с.
3. Бобров, И.А. О правомерном и неправомерном исполнении приказа или распоряжения / И.А. Бобров // Евразийский Союз Ученых. — 2015. — № 2 (11). — С.115—117.
4. Веденин, Д.В. Исполнение приказа или

распоряжения как обстоятельство, исключающее преступность деяния : дис. ... канд. юрид. наук / Д.В. Веденин. — Екатеринбург, 1999.

5. Гринберг, М.С. Технические преступления / М.С. Гринберг. — Новосибирск, 1992.

6. Загидуллин, Р.А. Понятие и признаки незаконного и необоснованного приказа / Р.А. Загидуллин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовой обозрение. — 2008. — № 9. — С. 21—26.

7. Леонова, Т.Ю. Исполнение приказа или распоряжения как обстоятельство, исключающее преступность деяния / Т.Ю. Леонова // Правовая культура. — 2011. — № 1(10). — С. 206—214.

8. Манерко, И.В. Духовно-нравственные качества личности военнослужащего современной Российской армии: сущность, особенности и направления развития: социально-философский анализ : автореф. дис. ... канд. философ. наук / И.В. Манерко. — М., 2011. — 25 с.

9. Михайлов, В.И. Нормативное регулирование исполнения приказа и некоторые вопросы уголовного права / В.И. Михайлов // Государство и право. — 1996. — № 12.

10. Пряхин, Н.Г. Философия ненасилия: история и современность: социально-философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук /

Н.Г. Пряхин. — СПб.: Рос. гос. педагог. универ. им. А.И. Герцена, 2006. — 187 с.

11. Сенякин, И.Н. Специализация и унификация Российского законодательства (Проблемы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.Н. Сенякин. — Саратов, 1993. — 34 с.

12. Сенякин, И.Н. О роли унификации в системе российского законодательства / И.Н. Сенякин // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2019. — № 2 (1227). — С. 15—22.

13. Соломоненко, И.Г. Исполнение приказа и его уголовно-правовое значение / И.Г. Соломоненко. — Ставрополь, 2000.

14. Сидоренко, В.Н. Исполнение приказа или распоряжения как обстоятельство, исключающее преступность деяния в условиях военной службы / В.Н. Сидоренко // Российский военно-правовой сборник. — 2004. — № 1. — С. 113—116.

15. Сытых, Е.Л. Роль и значение насилия в культуре : автореф. дис. ... канд. культурол. / Е.Л. Сытых. — Челябинск, 2003. — 24 с.

16. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. Э. Телятниковой. / Э. Фромм. — М.: АСТ, 2006. — 635 с.

Доктринальные подходы к совершенствованию механизма взаимодействия в сфере защиты Государственной границы Российской Федерации в современных условиях

© Боброва Ольга Геннадьевна,

кандидат юридических наук, заведующий 20
кафедрой (военного права) ФГКВОН ВО
«Военный университет имени князя Александра
Невского» Минобороны России

Аннотация. В статье представлены доктринальные основы совершенствования механизма взаимодействия в сфере защиты Государственной границы Российской Федерации в условиях специальной военной операции. Автором сформулированы предложения по совершенствованию правовых основ обеспечения безопасности Государственной границы Российской Федерации.

Ключевые слова: Вооруженные Силы; пограничные органы; военная безопасность; государственная граница; диверсионно-разведывательные группы; войска национальной гвардии; специальная военная операция.

Doctrinal approaches to improving the mechanism of interaction in the field of protection of the State Border of the Russian Federation in modern conditions

© Bobrova O.G.,

Candidate of Legal Sciences, Head of the 20th Department (Military Law) of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Russian Ministry of Defense

Annotation. The article presents the doctrinal foundations for improving the mechanism of interaction in the field of protection of the State border of the Russian Federation in the conditions of a special military operation. The author formulated proposals to improve the legal framework for ensuring the security of the State border of the Russian Federation.

Keywords: Armed Forces; border authorities; border troops; military security; state border; sabotage and reconnaissance groups; National Guard troops; special military operation.

Проведение специальной военной операции (СВО) как ответа на гибридную войну против России предопределило актуальность вопросов обеспечения безопасности Государственной границы Российской Федерации. Среди ключевых угроз в период СВО можно выделить следующие:

1) деятельность диверсионно-террористических групп противника на территории России (в приграничных субъектах);

2) регулярные артиллерийские обстрелы территории России (Белгородской, Курской, Брянской областей);

3) постоянные удары снарядами, доставляемыми беспилотными летательными аппаратами, которые влекут жертвы среди военнослужащих, мирных жителей, разрушения гражданских объектов;

4) проведение противником информационно-психологических специальных операций, направленных на создание и распространение панических настроений среди военнослужащих и населения, подрыв авторитета военно-политического руководства России и органов исполнительной власти приграничных субъектов Российской Федерации.

Итогом целенаправленной деятельности противника стало превращение приграничных субъектов России в прифронтовую зону, в которой идут постоянные активные боевые действия в сочетании с информационно-психологическими специальными операциями.

Профессор А.И. Землин и профессор И.В. Холиков отмечают, что подобные условия правовой действительности «детерминируют особое внимание общества и государства к боевой готовности и профессиональной подготовке личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов. Это требует отлаженности и эффективности функционирования различных видов обеспечения. При этом характер военных угроз и вытекающих из них оборонных задач, коренные изменения в характере вооруженной борьбы, формах и способах боевого применения сил и средств, определяют направленность дальнейшего строительства и преобразований в Вооруженных Силах, что нуждается в развитии и уточнении, то есть в научном сопровождении»¹.

Россия в ходе проведения СВО как ответа на гибридную войну столкнулась с крупномасштабными угрозами военной безопасности, активизация которых послужила предпосылкой вооруженного конфликта. В этой связи считаем обоснованным тезис профессора И.Н. Глебова о том, что «правовые проблемы возникают именно там, где встречаются новые явления, где они сопрягаются друг с другом, складываются и действуют вместе»².

Комплексность исследуемых общественных отношений в части, касающейся обеспечения безопасности Государственной границы Российской Федерации как элемента суверенитета в условиях гибридной войны, выражается в следующем:

1) направленное воздействие военными и невоенными средствами на государственную границу и приграничные субъекты Российской Федерации;

2) обеспечение безопасности Государственной границы Российской Федерации (ее защиты и охраны) носит комплексный характер и включает помимо политических, организационно-правовых, дипломатических и оборонных мер, пограничные режимы и таможенные процедуры;

3) обеспечение безопасности Государственной границы Российской Федерации в условиях гибридной войны требует скоординированного взаимодействия пограничных органов, Вооруженных сил Российской Федерации, иных воинских формирований, войск национальной гвардии, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного управления.

Перечисленные факторы определяют необходимость комплексного ответа на военные угрозы, а также обеспечения военной безопасности российского государства на основании межведомственного взаимодействия всех элементов военной организации государства, включая Вооруженные Силы, пограничные органы и войска национальной гвардии.

Актуальным в условиях СВО выступает межведомственное взаимодействие для обеспечения безопасности Государственной границы России.

Результаты анализа научно-правовых трудов свидетельствуют о том, что многие теоретические, правовые, организационные и методологические аспекты системы взаимодействия в исследуемой сфере, имеющие сущностное значение для ее эффективного функционирования в условиях специальной военной операции, не получили надлежащей углубленной проработки.

Таким образом, представляется своевременным и научно обоснованным на основе применения методологии военно-правового исследования осуществить анализ основных направлений такого взаимодействия, задач и функций Вооруженных Сил, пограничных органов и войск национальной гвардии в части защиты Государ-

¹ Землин А.И., Холиков И.В. Некоторые проблемные вопросы деятельности юридической службы Вооруженных Сил Российской Федерации в современных условиях // Военное право. 2023. № 3(79). С. 49.

² Глебов И.Н. Право кибервойны // Гуманитарное право. URL: <https://humanlaw.ru/9-article/20-law-cyberwar> (дата обращения: 21.06.2023).

ственной границы.

Основные результаты такого анализа:

1. С помощью методологии системного анализа сформулирован вывод о комплексном характере правоотношений, складывающихся в процессе взаимодействия Вооруженных Сил, пограничных органов и войск национальной гвардии; о правовой форме такого взаимодействия. Системный метод позволил изучить «системообразующие структурные элементы государства и права, прямого и обратного влияния на государство и право внутренней и внешней среды, для предупреждения противоречий и «возмущений» в правовой и государственной системах»¹ при создании комплексной системы правового обеспечения противодействия угрозам гибридной войны в целом и защиты и охраны Государственной границы Российской Федерации, в частности. Противоречия в правовой и государственной системах обусловлены несогласованностью, несоординированными действиями публично-правовых субъектов в противодействии гибридным угрозам безопасности Государственной границы.

2. С помощью метода обращения к другим наукам выявлены:

а) философские основы представления о Государственной границе: абстрактно-воображаемый, предметно-знаковый, системно-предметный уровни познания исследуемого объекта (философия)²;

б) геополитические особенности обеспечения безопасности Государственной границы, а также теоретические основы формирования и реализации Основ государственной пограничной политики (политология)³.

3. Применение формально-

догматического (специально-юридического) метода позволило установить, что состояние действующего законодательства в области обеспечения безопасности государственной границы носит пробельный характер и не учитывает современных общественных отношений, складывающихся в ходе специальной военной операции (применение БПЛА для атак на военнослужащих Вооруженных Сил, пограничных органов, войск национальной гвардии, на приграничную территорию, пограничную инфраструктуру; сочетание боевых действий и информационно-психологических специальных операций; деятельность диверсионно-разведывательных и диверсионно-террористических групп в приграничных субъектах Российской Федерации).

4. Метод государственного и правового моделирования позволил разработать «схему организации государственного аппарата при формировании системы законодательства»⁴ по вопросам обеспечения безопасности Государственной границы Российской Федерации др.

Применение указанной методологии позволяет решить комплексную научную проблему противодействия угрозам безопасности Государственной границы в условиях специальной военной операции на Украине как ответа на угрозы гибридной войны. Указанная проблема имеет важное политическое и социально-экономическое значение для обеспечения безопасности России, ее существования как суверенного государства.

Рассмотрим далее особенности доктринальных подходов к установлению правового положения Вооруженных Сил, пограничных органов, войск национальной гвардии в системе взаимодействия. Доктриной военного права и иных военных наук сформулированы следующие подходы к построению эффективной системы взаимодействия Вооруженных Сил, пограничных органов, войск национальной гвардии (ранее внутренних войск) по исследуемому вопросу:

¹ Землин А.И., Корякин В.М. Методология военно-правового исследования. Общая часть : учебник и практикум. М.: Изд. «Кнорус», 2021. С. 46.

² Першин А.А., Шерстнев А.Д., Ярлыченко В.В. Теория государственных границ / под общей редакцией директора Федеральной пограничной службы Российской Федерации К.В. Тоцкого. М.: «Граница», 2001. С. 17.

³ Терентий Л.М. Угрозы безопасности Российской Федерации в пограничном пространстве как следствие влияния ее геополитического положения : автореф. дис.... канд. полит. наук. М., 2004. С. 6.

⁴ Алексеев С.С. Теория права. М.: Изд. «БЕК», 1995. С.23.

а) общие:

1) императив о территориальной целостности и неприкосновенности Государственной границы Российской Федерации. Как точно отмечает Д.С. Субботкин, «любые иллюзии и наивность в вопросе защиты и охраны государственной границы не только неуместны, но и чреваты угрозой самому существованию Российского государства. Обеспечение безопасности страны — первоочередная потребность общества и важнейшая функция государства. Само сохранение предполагает, прежде всего, целостность и нерушимость государственных границ. Защита и охрана государственной границы является важным средством стратегического обеспечения сохранения страны и укрепления избранного ею конституционного строя»¹;

2) учет исторических закономерностей при совершенствовании системы правового регулирования межведомственного взаимодействия. СВО стало ответом на гибридную войну против России. В связи с этим военно-политическим руководством нашей страны, представителями научных кругов многократно высказывалась мысль о том, что происходят фундаментальные исторические изменения международного правопорядка, смена парадигмы межгосударственных отношений². «Этот процесс сопровождался столкновением интересов российского народа с интересами сопредельных стран и народов. Предпосылки нормативного закрепления защиты и охраны границ нашего государства на каждом историческом отрезке характеризуются схожестью, несмотря на политические, экономические и социальные особенности³. Очень часто, находясь в ситуации

«между молотом и наковальной», всем, кто населял русские земли, приходилось полагаться лишь на прочность наших рубежей и мужество их защитников⁴;

3) неразрывная связь между изменениями в военно-политической обстановке и системой правового регулирования, которая должна носить не реактивный, а проактивный характер: не отставать от развития науки, техники и общественных отношений (в том числе появления новых видов вооружений, военной техники, средств ведения боевых действий и т.д.);

4) необходимость обустройства новых участков Государственной границы, придание государственной границе России современного облика, что обусловлено изменением геополитического положения Российской Федерации⁵ и принятием в состав России новых субъектов: ЛНР, ДНР, Запорожской и Херсонская областей;

5) наличие теоретических предпосылок к привлечению граждан к защите Государственной границы Российской Федерации⁶. В приграничных с Украиной Белгородской и Курских областях в 2022 г. началось формирование добровольческих народных дружин с целью защиты Государственной границы России. Такое положение дел обуславливает разрешение следующих вопросов: какой федеральный орган исполнительной власти (Минобороны России, ФСБ России, Росгвардия) будет:

— руководить комплектованием и подготовкой народных дружин;

— руководить деятельностью народных дружин в условиях военного положения, вооруженного конфликта.

¹ Субботкин Д.С. Конституционно-правовое регулирование безопасности границ Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С.3.

² Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69695> (дата обращения: 23.01.2023).

³ Анищенко Е.В. Правовые режимы обеспечения безопасности государственной границы и приграничных территорий России: ретроспективы формирования и становления : монография. М.: Издательство «Перо», 2019. С. С. 5.

⁴ Военная контрразведка по Пограничным войскам в Афганистане (деятельность особых отделов КГБ СССР по пограничным войскам в трансграничной операции в 1979—1989 гг.) / В.Н. Середа, В.Б. Коковин, А.Г. Шаваев и др. М.: «Aegitas», 2022. С. 251.

⁵ Першин Е.А. Правовые основы деятельности пограничной службы Федеральной службы безопасности Российской Федерации : состояние, проблемы, пути совершенствования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 7.

⁶ Кононов С. А. Актуальные вопросы участия граждан в защите государственной границы в составе добровольных народных дружин и добровольных казачьих дружин // Военное право. 2020. № 1(59). С. 20.

Еще одним важным вопросом является правовой статус участников дружин, особенно виды юридической ответственности, к которым они могут быть привлечены;

б) специальные:

7) повышение значения межведомственного взаимодействия в связи с отсутствием войсковой охраны на многих участках государственной границы¹;

8) особая роль правовых средств в механизме межведомственного взаимодействия: «на первом месте в данном вопросе стоят полнота, качество и организационно-финансовое обеспечение самого правового регулирования»². До настоящего времени не разрешено противоречие: с одной стороны, сформирована система нормативно-правовых актов, посредством которых установлена правовая модель охраны государственной границы; с другой стороны, в практической реализации норм этих нормативно-правовых актов много препятствий и трудностей, которые многократно усугубились с проведением специальной военной операции как ответа на гибридную войну против России. Среди проявлений такого противоречия — отсутствие «полного финансирования, материальных ресурсов, вооружения, исполнительной дисциплины, надлежащего по состоянию здоровья и исполнительности личного состава, заинтересованности офицерского корпуса в конечном результате своей деятельности, достаточной компетентности руководящего командного состава и многого другого, что определяет рациональность и эффективность защиты и охраны государственной границы»³;

¹ Степенко В.Е. Административно-правовой механизм обеспечения режима функционирования Государственной границы Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 28.

² Петров В.И. Организационно-правовые основы взаимодействия пограничных органов и пограничных войск Федеральной службы безопасности Российской Федерации с органами внутренних дел в сфере охраны государственной границы Российской Федерации в повседневных условиях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 8.

³ Моисеев Д.В. Правовые основы взаимодействия пограничной службы Российской Федерации с

9) сильное ведомственное влияние на содержание совместной деятельности, конкуренция федеральных органов исполнительной власти (Минобороны России, ФСБ России, Росгвардия);

10) принципы межведомственного взаимодействия:

— соблюдение законности;

— непрерывность взаимодействия на всех уровнях;

— оперативность и ответственность в реализации совместных планов и взятых обязательств;

— координирующая роль пограничных органов Российской Федерации в сфере охраны государственной границы⁴.

Проведенный анализ доктринальных подходов к детерминации роли межведомственного взаимодействия в механизме защиты и охраны государственной границы России позволяет сформулировать следующие выводы о возможности применения таких подходов в условиях СВО как ответа на гибридную войну против России:

1) сформулировано теоретико-правовое обоснование исключительной важности системы защиты и охраны Государственной границы как ключевого элемента обеспечения безопасности России, ее существования как суверенного независимого государства. При этом целью гибридной войны является уничтожение суверенитета государства-жертвы агрессии, лишение его политической, экономической самостоятельности, захват ресурсов;

2) сформулированы общие положения о системе защиты и охраны государственной границы: выявлены преимущества войскового способа, который показал свою эффективность во время ввода и пребывания советских войск в Демократической Республике Афганистан в период с 1979 по

органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 6.

⁴ Руденок В.П. Взаимодействие органов внутренних дел Российской Федерации с войсками и органами пограничной службы в Северо-Кавказском регионе в условиях социально-политического конфликта : политологический анализ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 12.

1989 г., во время вооруженного конфликта 1994—1996 гг. и контртеррористической операции 1999—2000 гг. в Чеченской Республике). Констатирована вынужденная подмена войсковой охраны государственной границы системой межведомственного взаимодействия, которая предусмотрена для иных целей, особенно в условиях вооруженного конфликта;

3) сформулированы теоретические предпосылки для привлечения народных дружин к охране государственной границы, однако не предложены подходы к решению вопроса подчиненности таких подразделений, правовому статусу их участников.

Основой системы межведомственного взаимодействия по вопросам защиты государственной границы выступает сотрудничество пограничных органов, Вооруженных Сил, войск национальной гвардии. Историческим предпосылками привлечения войск национальной гвардии к решению задач по защите и охране государственной границы в ходе СВО служит успешный опыт действий внутренних войск во время первой и второй Чеченских кампаний.

В настоящее время к задачам войск национальной гвардии относится оказание содействия пограничным органам ФСБ России в охране Государственной границы Российской Федерации (подп. 6 ст. 2 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»). Такое содействие осуществляется Росгвардией путем обеспечения по представлениям пограничных органов временного ограничения или воспрещения доступа граждан на отдельные участки местности или объекты вблизи государственной границы во время проведения пограничных поисков и операций, при отражении вооруженных вторжений на территорию Российской Федерации или воспрепятствовании незаконным массовым пересечениям государственной границы.

Нормативно-правовое закрепление указанной задачи основано на положениях ст. 33 и 34 Закона Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государ-

ственной границе Российской Федерации», в соответствии с которыми наряду с Вооруженными Силами в защите Государственной границы пограничными органами принимают участие войска национальной гвардии.

Защита Государственной границы на отдельных участках на суше, морском побережье, берегах пограничных рек, озер и иных водных объектов в части воспрещения незаконного пересечения границы в местах дислокации военных объектов, гарнизонов Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, закрытых для прохода (проезда) посторонних лиц (транспортных средств), возлагается на командование указанных военных объектов, гарнизонов. При этом происходит нормативно-правовое закрепление таких участков совместно начальниками региональных пограничных управлений по федеральным округам, начальниками пограничных управлений по субъектам Российской Федерации (по направлениям) и командующими войсками военных округов, флотами, флотилиями, войсками оперативно-территориальных объединений, командующими (начальниками) других войск, воинских формирований и органов.

Подпунктами «а» и «б» п. 10 Основ государственной пограничной политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 25 апреля 2018 г. № 174, предусмотрена возможность в целях повышения эффективности пограничной деятельности, наращивания оперативного и технического потенциалов создание межведомственных группировок сил и средств для совместных действий, направленных на локализацию кризисных ситуаций на государственной границе.

В формировании межведомственной группировки могут быть задействованы оперативно-территориальное объединения войск национальной гвардии. В соответствии с п. 9 Положения об оперативно-территориальном объединении войск национальной гвардии Российской Федерации, утвержденного Указа Президента Российской Федерации от 24 мая 2017 г. №

236, основными его задачами являются

1) оказание содействия пограничным органам федеральной службы безопасности в охране государственной границы Российской Федерации (подп. «ж»);

2) участие в отражении агрессии против Российской Федерации совместно с Вооруженными Силами Российской Федерации, пограничными органами федеральной службы безопасности, иными воинскими формированиями и органами (подп. «з»).

Таким образом, системное толкование ст. 33 и 34 Закона о государственной границе, п. 7 Положения об оперативно-территориальном объединении войск национальной гвардии позволяет констатировать наличие правовых основ для возникновения межведомственных группировок сил и средств в составе пограничных органов, Вооруженных Сил, войск национальной гвардии, обеспечивающих защиту и охрану Государственной границы, оказывающих содействие друг другу при выполнении возложенных на них обязанностей.

В новых субъектах Российской Федерации в 2022 г. образованы главные управления войск национальной гвардии, также принимающие участие в межведомственном взаимодействии в целях обеспечения безопасности в пограничном пространстве. Так, в соответствии с подп. 7 п. 3 Положения о Главном управлении Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по Донецкой Народной Республике, утвержденного приказом Росгвардии от 2 декабря 2022 г. № 430, к основным задачам территориального органа относится оказание содействия пограничным органам ФСБ России в охране Государственной границы Российской Федерации. На основании подп. 6 п. 9 территориальный орган войск национальной гвардии участвует в защите Государственной границы Российской Федерации.

В ходе специальной военной операции войска национальной гвардии занимаются в том числе и вопросами обеспечения безопасности в пограничном пространстве (на приграничных территориях (в «новых» и «старых» субъектах Российской Федера-

ции)¹ в соответствии с п. 4 и 8 Основ государственной пограничной политики:

1) обеспечивают общественную безопасность и охрану правопорядка, защиту населения от преступных посягательств и мародерства в населенных пунктах;

2) выявляют и пресекают деятельность диверсионных групп;

3) проводят мероприятия по обнаружению схронов с оружием и боеприпасами вблизи Государственной границы Российской Федерации, предназначенных для украинских диверсионно-разведывательных групп, планировавших диверсионно-террористические акты на территории России.

Проведенное исследование позволило сформулировать проблемы и недостатки системы межведомственного взаимодействия, выявленные в ходе СВО:

1) непригодность пограничных органов к обороне Государственной границы как форме ее защиты;

2) подмена войсковой формы охраны границы межведомственным взаимодействием;

3) фрагментарный характер взаимодействия пограничных органов, Вооруженных Сил и войск национальной гвардии;

4) отсутствие системного подхода к решению важнейшей государственной задачи — обеспечения пограничной безопасности;

5) межведомственная конкуренция;

6) забюрократизированность и долгие сроки принятия решения о применении артиллерии, авиации Вооруженных Сил по просьбе пограничных органов.

В связи с этим актуальной представляется проблема реформирования системы межведомственного взаимодействия пограничных органов, Вооруженных Сил и войск национальной гвардии. К основным направлениям такого реформирования можно отнести:

1) восстановление пограничных войск и войскового способа охраны Государ-

¹ Задачи Росгвардии в ходе специальной военной операции. URL: <https://rosguard.gov.ru/special/Z/index.html> (дата обращения: 20.06.2023).

ственной границы;

2) образование в составе пограничных органов (войск) мотоманевренных групп и десантно-штурмовых маневренных групп;

3) нормативное установление удаленности расположения подразделений пограничных органов, Вооруженных Сил и войск национальной гвардии друг от друга для отражения вооруженного нападения;

4) создание в составе пограничных органов, Вооруженных Сил и войск национальной гвардии специализированных групп управления беспилотными летательными аппаратами.

Библиография

1. Алексеев, С.С. Теория права / С.С. Алексеев. — М.: Издательство «БЕК», 1995. — 320 с.

2. Анищенко, Е.В. Правовые режимы обеспечения безопасности государственной границы и приграничных территорий России: ретроспективы формирования и становления : монография / Е.В. Анищенко. — М.: Издательство «Перо», 2019. — 186 с.

3. Военная контрразведка по Пограничным войскам в Афганистане (деятельность особых отделов КГБ СССР по пограничным войскам в трансграничной операции в 1979—1989 гг.) / В.Н. Середа, В.Б. Коковин, А.Г. Шаваев и др. — М., «Aegitas», 2022. — 358 с.

4. Землин, А.И. Методология военно-правового исследования. Общая часть : учебник и практикум / А.И. Землин, В.М. Корякин. — М.: Издательство «Кнорус», 2021. — 228 с.

5. Землин, А.И. Некоторые проблемные вопросы деятельности юридической службы Вооруженных Сил Российской Федерации в современных условиях / А.И. Землин, И.В. Холиков // Военное право. — 2023. — № 3(79). — С. 49—56.

6. Кононов, С.А. Актуальные вопросы участия граждан в защите государственной границы в составе добровольных народных дружин и добровольных казачьих дружин / С.А. Кононов // Военное право. — 2020. — № 1(59). — С. 16—22.

7. Моисеев, Д.В. Правовые основы

взаимодействия пограничной службы Российской Федерации с органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления : автореф. дис. канд. юрид. наук : 20.02.03 / Д.В. Моисеев. — М., 2003. — 29 с.

8. Першин, А.А. Теория государственных границ / под общ. ред. директора Федеральной пограничной службы Российской Федерации К.В. Тоцкого / А.А. Першин, А.Д. Шерстнев, В.В. Рлыченко. — М.: «Граница», 2001. — 223 с.

9. Першин, Е.А. Правовые основы деятельности пограничной службы Федеральной службы безопасности Российской Федерации: состояние, проблемы, пути совершенствования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 20.02.03 / Е.А. Першин. — М., 2005. — 26 с.

10. Петров, В.И. Организационно-правовые основы взаимодействия пограничных органов и пограничных войск Федеральной службы безопасности Российской Федерации с органами внутренних дел в сфере охраны государственной границы Российской Федерации в повседневных условиях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 20.02.03 / В.И. Петров. — М., 2004. — 30 с.

11. Руденок, В.П. Взаимодействие органов внутренних дел Российской Федерации с войсками и органами пограничной службы в Северо-Кавказском регионе в условиях социально-политического конфликта : политологический анализ : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / В.П. Руденок. — М., 2001. — 190 с.

12. Степенко, В.Е. Административно-правовой механизм обеспечения режима функционирования государственной границы Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / В.Е. Степенко. — М., 2006. — 42 с.

13. Субботкин, Д.С. Конституционно-правовое регулирование безопасности границ Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 20.02.03 / Д.С. Субботкин. — М., 2002. — 30 с.

14. Терентий, Л.М. Угрозы безопасности Российской Федерации в пограничном пространстве как следствие влияния ее геополитического положения : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Л.М. Терентий. — М., 2004. — 32 с.

О необходимости определения критериев оценки управленческой деятельности воинских руководителей

© Глухов Евгений Александрович,
кандидат юридических наук, доцент, ФГКВООУ ВО
«Военный университет имени князя Александра
Невского» Минобороны России

Аннотация. В статье выявляется существующий в военных ведомствах недостаток правового регулирования оценки управленческой деятельности командиров (начальников). Сопоставляются оценка управленческой деятельности и оценка военнослужащего по предметам обучения, параметрам аттестации. Автором предлагаются разработанные критерии оценки управленческой деятельности воинских начальников.

Ключевые слова: показатели эффективности, военное управление, оценка военнослужащего, качество управления, воинские руководители, правовое регулирование, проверки воинских частей.

On the need to determine the criteria for evaluating the managerial activities of military leaders

© Glukhov E.A.,
Candidate of Law, Associate Professor, Military
University

Abstract. The article reveals the lack of legal regulation of the assessment of the managerial activities of commanders (chiefs) existing in military departments. The assessment of managerial activity and the assessment of a serviceman in the subjects of training, certification parameters are compared. The author suggests the developed criteria for evaluating the managerial activities of military chiefs.

Keywords: performance indicators, military management, evaluation of a serviceman, quality of management, military leaders, legal regulation, inspections of military units.

В качестве одной из причин проведения административной реформы в нашей стране в начале XXI в. был назван недостаточный уровень эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности публичных должностных лиц¹. Сказанное полностью относится и к системе военной службы. Вся воинская деятельность имеет целью подготовить каждого военнослужащего, подразделение и воинскую часть к ведению реальных боевых действий. Чем меньше искажено знание о реальном состоянии готовности армии, тем более адекватна по-

литика государства в отношении ее².

Характерной чертой военного организма является то, что сфера его деятельности достаточно широка. И в отличие от узкопрофильных органов власти, которые концентрируют свое внимание лишь на нескольких направлениях деятельности, органы военного управления вынуждены организовывать свою деятельность по широкому спектру вопросов, начиная от организации выдачи обмундирования новобранцу до применения сложнейшей боевой техники. Считается, что воинская деятельность довольно детально регламентирована нормами права, но в реальности большая часть проводимых в армии мероприя-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 10 марта 2009 г. № 261 «Об утверждении федеральной программы «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009—2013 годы)».

² Глухов Е.А., Корякин В.М. Главное и второстепенное при оценке деятельности военнослужащего: постановка проблемы // Военное право. 2018. № 2. С. 17—24.

тий приводится в движении на основании актов управления со стороны различного уровня командиров (приказов, планов, регламентов). Поэтому здесь управляющая деятельность командиров на местах гораздо чаще влияет на достижение заданного результата.

В отличие от большинства государственных и муниципальных учреждений, военные структуры напрямую не взаимодействуют с населением, соответственно, не получают от него оценку своей деятельности. Военная организация ориентирована, в первую очередь, на реализацию функции государства, а не на оказание услуг гражданам и юридическим лицам. Даже процесс реализации личным составом своих социальных и гражданских прав (в т.ч. и имеющих заявительный характер) законодательно не переведен в ракурс оказания государственных услуг¹, поэтому существующие методики оценки эффективности такого рода деятельности на воинских должностных лиц не распространяются.

Воинские должностные лица оценивают друг друга сами в закрытом от широкой общественности режиме: старший начальник оценивает служебную деятельность нижестоящего. Реакция старшего начальника на недостатки и погрешности в работе нижестоящего во многом зависит от усмотрения вышестоящего (можно привлечь к самой строгой дисциплинарной ответственности или даже представить к увольнению, а можно просто напомнить о недопустимости подобного впредь), т.е. подвержена субъективизму.

Итак, эффективность (качество) работы воинских руководителей проверяют вышестоящие в иерархической лестнице воинских структур командиры (начальники) или назначенные ими лица (комиссии). Иные же надзорные и контролирующие органы (Прокуратура Российской Федерации, ФАС России, инспекторы-ревизоры финансовых органов и т.п.) оценивают

лишь законность/незаконность деятельности проверяемых военных структур² и не вправе вторгаться в вопросы целесообразности и эффективности их деятельности. Так, например, установив, что рабочий день начинается в воинской части в 8 часов, а заканчивается в 20 часов, но при этом перерыв на обед длится 4 часа, надзорные органы оставят данную ситуацию без своего реагирования, т.к. формально закон не нарушен. А то, каким образом подобный регламент работы влияет на достижение целей военной организации и мотивацию личного состава — надзорные органы интересоваться не будут.

Гражданский контроль со стороны общественных организаций, как предлагали в свое время авторы соответствующего законопроекта в целях превращения силовых структур «в открытые обществу и понятные для него институты, которые при любых обстоятельствах действуют строго по своему назначению»³ в настоящее время не установлен.

Вместе с тем, необходимо сделать оговорку, что 12 октября 2022 г. в Государственную Думу внесен законопроект «Об уполномоченных по защите прав военнослужащих и военнослужащих в Российской Федерации»⁴, которым предлагается ввести в каждом регионе страны и на уровне федерального центра институт уполномоченных по защите прав военнослужащих и военнослужащих. На момент написания настоящей статьи упомянутый законопроект не реализован.

Однако объективная оценка эффективности деятельности воинских долж-

² Холиков И.В. Правовое регулирование и организация контрольно-надзорной деятельности: новые методические горизонты для новой дисциплины // Мир транспорта. 2022. № 3. С. 100—103.

³ Паспорт проекта федерального закона № 97801758-2 «О гражданском контроле и управлении военной организацией и деятельностью в Российской Федерации». Снят с рассмотрения 06.02.2001.

⁴ Паспорт проекта Федерального закона № 211189-8 «Об уполномоченных по защите прав военнослужащих и военнослужащих в Российской Федерации». Внесен в Государственную Думу 12 октября 2022 г.

¹ Глухов Е.А. Военнослужащих забыли включить в систему предоставления государственных услуг при реализации их социальных прав // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2017. № 10. С. 103—112.

ностных лиц нужна самому же военному ведомству для анализа состояния управленческой системы, оптимального распределения полномочий и задач, выявления реального состояния дел, повышения мотивации персонала, определения дальнейших перспектив использования должностных лиц. Указанная проблематика констатируется и Правительством Российской Федерации на общегосударственном уровне, которое в конце 2021 г. признало наличие такой проблемы как «отсутствие средств объективного контроля за исполнением поставленных задач сотрудникам со стороны руководителей, в том числе в рамках достижения стратегических задач и целей»¹.

Поскольку в настоящей статье акцент делается на оценке воинских руководителей, то необходимо осветить взаимосвязь их управленческой деятельности с успешностью выполнения функций и задач подчиненными воинскими формированиями.

Эффективность военного управления тесно связана со способностью воинских руководителей определять приоритетные направления деятельности и надлежащим образом распределять ресурсы, а также с налаженной системой объективной оценки такого рода деятельности для принятия своевременных и необходимых мер по ее корректировке. Таким образом, правильное определение приоритетов деятельности — важнейшее условие обеспечения эффективности руководства. И наоборот, смещение внимания с главной цели на побочные, второстепенные неминуемо приведет и к снижению эффективности управления, поскольку энергия и ресурсы организации будут тратиться не на достижение определенных при создании самого воинского формирования задач, а на сопутствующие вопросы более мелкого масштаба.

В отличие от коммерческих структур, где превалирует мотив получения прибыли и где эффективность работы персонала можно измерить в денежном выражении, в

военной среде в мирное время достижение заложенных целей не поддаются такого рода исчислению, поэтому огрехи и ошибки персонала в области боевой подготовки и организации обороноспособности методами бухгалтерского учета трудно выявить. Нет критерия, чтобы определить, не были ли излишними издержки, выделенные, к примеру, на передислокацию воинской части либо на организацию ремонта полигона силами ее военнослужащих вместо плановых занятий с ними по боевой подготовке. Тем более, что воинские организации априори не приносят прибыли, а качество выполнения ими возложенных функций в мирных условиях оценивается по формальным признакам и статистическим показателям.

В отличие от коммерческих структур воинский руководитель заинтересован в получении и трате как можно больших бюджетных сумм на нужды возглавляемой организации. Расходуя больше денег, он может, зачастую, таким легким способом улучшить результаты своей деятельности без приложения серьезных усилий. Быть экономным при наличии возможности безнаказанно тратить бюджетные деньги ему просто невыгодно.

Еще один весьма тревожный тренд в сегодняшней действительности — ориентация на количественные показатели в качестве инструмента для оценки деятельности командования воинской части (подразделения)². Погоня за выполнением разноплановых количественных показателей работы нередко ведет к ухудшению качества выполнения всей организацией *главных задач*, негативно влияет на состояние правопорядка, стимулирует должностных лиц к манипулированию данными отчетности³.

В каждом военном ведомстве имеется свой нормативный акт, где указаны направления деятельности, подлежащие проверке, и критерии, учитываемые при

² Шеншин В.М. Об оценке эффективности деятельности должностных лиц Росгвардии при осуществлении административно-юрисдикционной деятельности // Современное общество и право. 2022. № 2. С. 101—106.

³ Глухов Е.А. Эффективность бюрократического управления // Военное право. 2019. № 2. С. 74.

¹ Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственно-го управления : распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 октября 2021 г. № 2998-р.

оценке проверяемого направления деятельности¹. Сконцентрируемся в данном вопросе на оценку управляющего воздействия со стороны командира (начальника). Тем более, что качество деятельности организации во многом зависит от эффективности управления ею, от адекватности и своевременности принимаемых руководством решений.

Прежде всего, отметим, что военные организации чаще всего оцениваются по их состоянию, а не по качеству управляющего воздействия.

Каждый период обучения в Вооруженных Силах заканчивается контрольной проверкой, в ходе которой военнослужащий получает оценки по различным предметам обучения. Вместе с тем, Порядок проведения проверок в Вооруженных Силах содержит методики оценки по предметам обучения (строевой, огневой подготовки и т.п.), критерии оценки состояния вооружения и техники, отработки мобилизационных документов, но не содержит такого параметра оценки военнослужащего как качество выполнения им должностных обязанностей или качество управленческой деятельности. Указанные вопросы отданы на усмотрение вышестоящему начальнику, а критерии их оценки не установлены.

Фактически качество управленческой деятельности командира за отчетный период трактуется довольно субъективно, без выставления оценки в ведомость, в том числе, по тем параметрам, которые напрямую не влияют на достижение поставленных целей. Как правило, проверяются имеющиеся планирующие документы: планы работы на определенный период, планы подготовки, планы проведения отдельных мероприятий, их наличие, согласование и утверждение, отметки о выполнении. Также по документам проверяются протоколы совещаний, доклады и отчеты, приказы о результатах проведения мероприятий и т.п. Причем в ряде случаев правильное оформление документации может быть важнее и оцениваться гораздо при-

стальнее, чем реальное выполнение запланированных мероприятий и их качество.

Из анализа документов же делается вывод о характере управленческой деятельности воинского руководителя. Деятельность командира по сохранению жизни и здоровья военнослужащих, например, признается неудовлетворительной, если в подразделении или воинской части зафиксировано количество травм, большее, чем в аналогичном периоде прошлого года (или большее, чем в нормативе, определенном старшим начальником). Причинно-следственная связь между деятельностью командира и наступившими травмами его подчиненных считается существующей «по умолчанию». Между тем, травмы военнослужащими могут быть получены случайно, без какой-либо вины с их стороны, во внеслужебное время, по вине третьих лиц. Но от этого травмы не снимаются с учета, общая оценка деятельности командира по сохранению жизни и здоровья подчиненного подразделения оценивается негативно.

Однако следует напомнить, что причинная связь между поведением человека и наступившим результатом приобретает правовое значение лишь при том условии, что это поведение вызвало действительность результата или, по крайней мере, создало конкретную возможность его наступления². Если же причинная связь между действиями командира и наступившим результатом отсутствует, то полученный результат никоим образом не должен быть критерием оценки эффективности его управления.

Поэтому в отчетных документах положение дел в возглавляемом воинском формировании или в курируемом направлении деятельности зачастую приукрашается. В юридической литературе совершенно справедливо указывается, что «многие из существующих систем показателей служебной деятельности построены таким образом, что побуждают руководителей государственных органов не раскрывать истинное состояние дисциплины и право-

¹ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 24 декабря 2015 г. № 777.

² Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955. С. 233.

порядка в своих подразделениях, чтобы избежать отрицательной оценки своей работы»¹.

В теории задача оценки сотрудника состоит в выявлении его уровня квалификации, навыков, умений, степени их использования в служебной деятельности. В самом общем виде, оценка сотрудника должна производиться в целях объективной характеристики эффективности его служебной деятельности, а, следовательно, и ценности этого сотрудника для воинского коллектива. Важная задача оценки — обеспечить обратную связь: сотрудник должен знать, как оцениваются результаты его деятельности, его стремление к качественному выполнению своей работы со стороны руководства.

Основным методом оценки деятельности сотрудника является аттестация. Порядок аттестации военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, установлен ст. 26, 27 Положения о порядке прохождения военной службы² и приказами руководителей органов государственной власти, в которых предусмотрено прохождение военной службы. Согласно п. 2 ст. 26 вышеупомянутого Положения основными задачами аттестации военнослужащих в т.ч. являются определение соответствия военнослужащих занимаемым воинским должностям и перспектив их дальнейшего служебного использования, а также подбор военнослужащих для назначения на воинские должности. Не являются исключением и военнослужащие из руководящего состава — они также должны оцениваться аттестационной комиссией на предмет соответствия занимаемой должности. Вместе с тем, в порядке аттестации критерии такой оценки нормативно не определены.

На представляемого для аттестования военнослужащего его непосредственным начальником составляется отзыв. Прика-

зом Министра обороны Российской Федерации от 29 февраля 2012 г. № 444³ установлено, что в отзыве, как правило, должен быть отражен уровень профессиональной подготовки аттестуемого и качество выполнения им должностных и специальных обязанностей по занимаемой воинской должности. Однако если по предметам боевой или командирской подготовки указанные параметры нормативно установлены, то для «качества выполнения должностных и специальных обязанностей» критерии оценки или баллы не определены. Вышестоящие командиры (начальники) и члены аттестационных комиссий могут по своему довольно субъективному усмотрению выносить решения по таким важным параметрам служебной деятельности аттестуемого военнослужащего.

Например, если аттестуемый длительное время исполняет свои должностные обязанности без нареканий, не имеет дисциплинарных взысканий, но на заседании аттестационной комиссии не смог доложить наизусть свои должностные обязанности либо требования какого-либо руководящего документа, то заключение аттестационной комиссии относительно уровня профессиональной подготовки рассматриваемого военнослужащего может быть и негативным — «обязанностей не знает». Подобным образом можно получить негативную оценку при длительном безупречном выполнении должностных обязанностей, но при наличии преступления (присшествия) в возглавляемом воинском коллективе, причем даже без прямой причинно-следственной связи между преступлением и воспитательной работой данного командира⁴.

Также субъективно (либо по указанию командира воинской части) члены аттестационной комиссии могут и положительно

¹ Буравлев Ю.М. Юридическая ответственность государственных служащих, обусловленная оценкой эффективности служебной деятельности // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 4. С. 32 – 35.

² Утв. Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237.

³ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 29 февраля 2012 г. № 444 «О порядке организации и проведения аттестации военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации».

⁴ Глухов Е.А. Правовые средства объективной оценки управляющей деятельности военных руководителей // Военное право. 2022. № 4. С. 88.

оценить аттестуемого военнослужащего и при наличии указанных недочетов.

Учитывая изложенное, можно прийти к выводу, что существующая система оценки деятельности воинских должностных лиц подвержена субъективизму и далеко не всегда концентрируется на ключевых показателях эффективности их деятельности, не ранжирована в зависимости от важности полученных результатов и не всегда учитывает связь (либо отсутствие связи) между действиями воинского руководителя и наступившим результатом.

В целях совершенствования правового механизма объективной оценки воинских руководителей предлагается авторская методика оценки данных параметров.

Управленческая деятельность командира воинской части (подразделения) должна, по нашему мнению, оцениваться по следующим показателям:

- полнота и качество разработки планирующих документов;
- разработка и доведение функциональных обязанностей до непосредственно подчиненных военнослужащих;
- качество выполнения функциональных обязанностей;
- своевременность, законность и обоснованность принимаемых решений;
- исполнительская дисциплина;
- состояние отчетности;
- обоснованность привлечения подчиненных к исполнению обязанностей за пределами служебного времени;
- контроль и оказание помощи подчиненным.

При этом:

1) состояние планирования служебной деятельности оценивается:

— «удовлетворительно», если полнота и качество разработки планирующих документов соответствует требованиям руководящих документов и отражает специфику деятельности возглавляемого воинского формирования в текущих условиях. Доля выявленных существенных расхождений между плановыми и фактическими результатами деятельности не превышает 10 процентов;

— «неудовлетворительно», если не выполнены требования на оценку «удовле-

творительно»;

2) состояние полноты и качества разработки и доведения обязанностей до подчиненных оценивается по следующим параметрам:

— «удовлетворительно», если полнота и качество разработки функциональных обязанностей непосредственным подчиненным соответствуют специфике занимаемых ими должностей и при этом учитывают специфику воинского формирования, в котором они проходят военную службу. Возложение дополнительных и внештатных обязанностей согласовано с должностным лицом юридической службы воинской части и подтверждено росписью военнослужащего об ознакомлении. Возложенные обязанности соответствуют уровню компетентности военнослужащего и обеспечены имеющимися в его распоряжении ресурсами. На период убытия подчиненного в отпуск, на излечении, командировку, к новому месту службы или увольнении, его обязанности возлагаются на иных военнослужащих;

— «неудовлетворительно», если не выполнены требования на оценку «удовлетворительно»;

3) качество выполнения функциональных обязанностей оценивается по реакции вышестоящих руководителей и актам реагирования со стороны контролирующих, надзирающих или судебных органов. При этом выставляется оценка:

— «удовлетворительно», если действия командира обеспечили выполнение утвержденных старшим начальником запланированных мероприятий. Кроме того, за проверяемый период обучения в отношении руководителя проверяемого органа военного управления поступило не более 3 актов прокурорского реагирования (судебных представлений), связанных с нарушением данным руководителем исполнения своих должностных обязанностей. Наравне с актами прокурорского реагирования и судебными представлениями в данном аспекте учитываются также приказы вышестоящих начальников о привлечении проверяемого руководителя к дисциплинарной ответственности за нарушения в области руководства воинским формированием;

— «неудовлетворительно», если не выполнены требования на оценку «удовлетворительно»;

4) своевременность, законность и обоснованность принимаемых решений проверяется по приказам воинского руководителя и его резолюциям на служебных документах, а также в процессе рассмотрения им обращений подчиненных и сторонних лиц. При этом выставляется оценка:

— «удовлетворительно», если за проверяемый период обучения все поступившие в адрес руководителя воинского формирования обращения (в т.ч. устные) зафиксированы в установленном порядке и рассмотрены в установленные сроки. Не более двух принятых руководителем решений за период обучения были отменены вышестоящим начальником либо судом, опротестованы прокурором с исполнением его требований. В решениях максимально учтены внутренние и внешние факторы, влияющие на повседневную деятельность воинского формирования, обоснованы затраты сил и средств, необходимые для его выполнения. Решения принимаются должностным лицом в рамках своей компетенции самостоятельно без задействования вышестоящих должностных лиц. Не менее 80 процентов решений не позднее следующего рабочего доведены до исполнителей;

— «неудовлетворительно», если не выполнены требования на оценку «удовлетворительно»;

5) состояние исполнительской дисциплины проверяется по следующим критериям:

— «удовлетворительно», если не менее 90 процентов поступивших приказов и иных распорядительных документов вышестоящих начальников исполнены в установленные сроки; при невозможности либо затруднениях в исполнении об этом состоялись доклады лицу, отдавшему приказ (распоряжение). В возглавляемом воинском формировании за проверяемый период обучения не имеется случаев преступлений по ст. 332 УК РФ (неисполнение приказа) и не более трех случаев привлечения к дисциплинарной ответственности

за невыполнения приказов, не влекущих существенных последствий;

— «неудовлетворительно», если не выполнены требования на оценку «удовлетворительно»;

б) обоснованность привлечения подчиненных к исполнению обязанностей военной службы за пределами еженедельного служебного времени проверяется по следующим параметрам:

— «удовлетворительно», если во всех структурных подразделениях проверяемого воинского формирования имеются и фактически ведутся журналы учета привлечения военнослужащих к исполнению обязанностей военной службы сверх установленного еженедельного служебного времени; правильность ведения записей в них подтверждается росписями военнослужащих (не менее 90 процентов); течение месяца военнослужащим предоставляется время отдыха (не менее 75 процентов). Привлечение военнослужащих к сверхнормативному привлечению обязанностей действительно вызвано служебной необходимостью и не могло быть произведено в отведенное регламентом служебного времени период.

— «неудовлетворительно», если не выполнены требования на оценку «удовлетворительно»;

7) качество организации контроля за состоянием дел в воинском формировании и оказание помощи подчиненным проверяется по следующим параметрам:

— «удовлетворительно», если во всех структурных подразделениях проверяемого воинского формирования имеются и фактически ведутся журналы учета привлечения военнослужащих к исполнению обязанностей военной службы сверх установленного еженедельного служебного времени; правильность ведения записей в них подтверждается росписями военнослужащих (не менее 90 процентов); в течение месяца военнослужащим предоставляется время отдыха (не менее 75 процентов). Привлечение военнослужащих к сверхнормативному привлечению обязанностей действительно вызвано служебной необходимостью и не могло быть произведено в отведенное регламентом служебно-

го времени период;

— «неудовлетворительно», если не выполнены требования на оценку «удовлетворительно»;

8) общая оценка за состояние управленческой деятельности руководителя органа военного управления (воинского формирования) в условиях функционирования в постоянной боевой готовности выставляется «удовлетворительно», если не менее, чем по 4 показателям получена оценка «Удовлетворительно». Если по пяти и более показателям получена оценка «неудовлетворительно», то общая оценка выставляется «неудовлетворительно».

Подводя итог, подчеркнем, что управление результативностью должно брать за основу не формальное соблюдение норм, процедур, регламентов, а достижение возложенных целей и задач, получение общественно значимого результата в рамках правового поля.

Эффективность реформирования в системе управления Вооруженных Сил немыслима без оптимизации стиля деятельности военных руководителей, обеспечивающей соответствие их функций возложенным задачам и современной науке управления. Одновременно алгоритмы работы воинских должностных лиц должны строиться и оцениваться на основе норм права. Система государственного управления может быть эффективной только в случае правильного использования механизмов и инструментов правотворческой

деятельности, точного выбора способов и средств правоприменения, а также определения форм и способов объективной оценки самого процесса управления.

Библиография

1. Буравлев, Ю.М. Юридическая ответственность государственных служащих, обусловленная оценкой эффективности служебной деятельности / Ю.М. Буравлев // Государственная власть и местное самоуправление. — 2012. — № 4. — С. 32—35.
2. Глухов, Е.А. Военнослужащих забыли включить в систему предоставления государственных услуг при реализации их социальных прав / Е.А. Глухов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2017. — № 10. — С. 103—112.
3. Глухов, Е.А. Главное и второстепенное при оценке деятельности военнослужащего: постановка проблемы / Е.А. Глухов, В.М. Корякин // Военное право. — 2018. — № 2. — С. 17—24.
4. Глухов, Е.А. Правовые средства объективной оценки управляющей деятельности военных руководителей / Е.А. Глухов // Военное право. — 2022. — № 4. — С. 82—90.
5. Глухов, Е.А. Эффективность бюрократического управления / Е.А. Глухов // Военное право. — 2019. — № 2.
6. Иоффе, О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву / О.С. Иоффе. — Л., 1955. — 310 с.
7. Холиков, И.В. Правовое регулирование и организация контрольно-надзорной деятельности: новые методические горизонты для новой дисциплины / И.В. Холиков // Мир транспорта. — 2022. — № 3. — С. 100—103.
8. Шеншин, В.М. Об оценке эффективности деятельности должностных лиц Росгвардии при осуществлении административно-юрисдикционной деятельности / В.М. Шеншин // Современное общество и право. — 2022. — № 2. — С. 101—106.

О правовых основах системы критериев оценки эффективности деятельности педагогических работников в контексте реализации программы развития Военного университета

© Землин Александр Игоревич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской
Федерации, профессор 25 кафедры ФГКВБОУ ВО
«Военный университет имени князя Александра
Невского» Минобороны России, руководитель
ВНШ-144 (по Классификатору Минобороны
России)

Аннотация. Целью статьи является системный анализ правовых основ и выработка на этой основе предложений по оптимизации концептуальных подходов к построению системы критериев оценки эффективности деятельности педагогических работников, определению методики их применения в интересах повышения мотивации преподавателей к решению задач, возникающих в процессе реализации Программы развития Военного университета. Критическое осмысление методологических подходов к формированию системы критериев оценки эффективности деятельности педагогических работников в контексте реализации Программы развития Военного университета позволило автору сформулировать и обосновать целесообразность уточнения критериев оценки эффективности деятельности педагогических работников Военного университета в связи с новыми подходами к государственной регламентации образовательной деятельности. Внедрение в практику сформулированных автором предложений может способствовать повышению качества образовательного процесса в Военном университете и иных образовательных организациях высшего военного образования.

Ключевые слова: военное образование, правовые основы, оценка эффективности деятельности преподавателя, система критериев.

On the legal basis of the system of criteria for evaluating the effectiveness of the activities of teaching staff in the context of the implementation of the development program of the Military University

© Zemlin A.I.,
Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the
Russian Federation, Professor of the 25th
Department of the Prince Alexander Nevsky
Military University of the Ministry of Defense of the
Russian Federation, Head of the VNSH-144
(according to the Classifier of the Ministry of
Defense of the Russian Federation)

Annotation. The purpose of the article is a systematic analysis of the legal framework and the development on this basis of proposals for optimizing conceptual approaches to the construction of a system of criteria for evaluating the effectiveness of teaching staff, determining the methods of their application in the interests of increasing the motivation of teachers to solve problems arising in the implementation of the Development Program of the Military University. A critical understanding of methodological approaches to the formation of a system of criteria for evaluating the effectiveness of teaching staff in the context of the implementation of the Development Program of the Military University allowed the author to formulate and justify the expediency of clarifying the criteria for evaluating the effectiveness of teaching staff of the Mili-

tary University in connection with new approaches to state regulation of educational activities. The introduction into practice of the proposals formulated by the author can contribute to improving the quality of the educational process at the Military University and other educational organizations of higher military education.

Keywords: military education, legal foundations, evaluation of the effectiveness of the teacher's activity, a system of criteria.

Вопросы стимулирования деятельности педагогических работников к решению задач, поставленных в Программе развития Военного университета имени князя Александра Невского в современных условиях приобретают все большее значение, поскольку от их решения зависит качество образовательного процесса, достижение высоких результатов в подготовке специалистов для Вооруженных Сил Российской Федерации, к уровню которой в условиях проведения специальной военной операции, вызванной, как отметил Президент Российской Федерации В.В. Путин, неотложной необходимостью устранения «... постоянно нарастающей, абсолютно неприемлемой угрозы для России»¹, предъявляются все более высокие требования.

Важным фактором повышения эффективности образовательной деятельности, является создание мотивации к повседневной активности субъекта, осуществляющего обучающее и воспитательное воздействие².

Вполне очевидно, что и содержание, и форма образовательной деятельности должны соответствовать, с одной стороны, направленности ее на формирование военного специалиста — профессионала³, а с

другой стороны, — требованиям методологии исследовательской и педагогической деятельности с учетом специфики военного образования⁴.

В целях стимулирования педагогических работников к личным достижениям и показателям, имеющим особое значение для реализации Программы развития Военного университета, обеспечения аккредитационных показателей образовательной организации, предлагается, в первую очередь, ввести особый раздел, показатели которого учитываются при определении размера ежемесячных стимулирующих выплат в течение всего периода.

К критериям, учитываемым по данному разделу предлагается отнести следующие:

— ученая степень доктора наук, кандидата наук;

— почетное звание, присвоение которого осуществляется указом Президента Российской Федерации гражданам за высокое профессиональное мастерство и многолетний добросовестный труд. Указанное почетное звание входит в систему государственных наград Российской Федерации;

— ведомственное почетное звание за заслуги и (или) добросовестный труд, входящее в перечень ведомственных наград Минобороны России, Минобрнауки России, Минпросвещения России;

— государственная награда Российской Федерации;

— наличие боевого опыта;

¹ <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67843>

² Землин А.И. Правовая культура личности российского офицера: социально-философский анализ : дис. канд. ... филос. наук. М., 1996. С. 104; Багреева Е.Г. О путях мобилизации граждан по сохранению традиционных ценностей // Самоуправление. 2023. № 1. С. 220—224.

³ Землин А.И. Актуальные вопросы военной деятельности государства: правовое измерение // Военное право. 2022. № 6 (76). С. 233—237; Землин А.И. Вопросы развития военно-правовой науки в контексте современных проблем обеспечения национальной безопасности России // Военное право. 2022. № 5 (75). С. 8—14; Землин А.И. О генезисе и перспективах военной администрации // Вестник военного права. 2016. № 3. С. 39—46;

Военное право : учебник / под ред. В.Г. Стрекозова и А.В. Кудашкина. М., 2004.

⁴ Землин А.И., Корякин В. М. Методология военно-правового исследования. Общая часть : учебник и практикум. М.: Кнорус, 2021; Землин А.И., Корякин В.М. Электронный учебник «Методология военно-правового исследования» / Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ 2021665665, 30.09.2021. Заявка № 2021664733 от 21.09.2021.

— индекс Хирша по Российскому индексу научного цитирования (РИНЦ) и по ядру РИНЦ. В целях стимулирования педагогического состава к личностному росту показатели представляется целесообразным установить в зависимости от занимаемой должности;

— процентиль по ядру РИНЦ при совпадении направленности деятельности

рубрике государственного регистратора научно-технической информации (ГРНТИ).

Сведения выставляются исходя из анализа публикационной активности автора в личном кабинете РИНЦ. Примерные показатели могут быть представлены следующим образом (см. табл.).

Таблица

Критерии оценки личных достижений и показателей педагогических работников Военного университета

№ п/п	Развернутый перечень показателей	Баллы	Подтверждающие документы
1	Ученая степень: доктор наук кандидат наук	10 5	Диплом ВАК
2	Почетное звание: согласно указу Президента РФ согласно ведомственному правовому акту	10 5	Удостоверение
3	Наличие государственной награды	10	Удостоверение
4	Наличие боевого опыта	5	Удостоверение
5	Индекс Хирш по РИНЦ: профессор доцент ст. преподаватель (преподаватель)	1 балл за каждую единицу сверх 10 1 балл за каждую единицу сверх 5 1 балл за каждую единицу сверх 3	Выписка из Анализа публикационной активности в личном кабинете РИНЦ
6	Индекс Хирш по ядру РИНЦ: профессор доцент ст. преподаватель (преподаватель)	1 балл за каждую единицу сверх 1 1 балл за каждую единицу	Выписка из Анализа публикационной активности в личном кабинете РИНЦ
7	Процентиль по ядру РИНЦ при совпадении направленности деятельности рубрике ГРНТИ: профессор доцент ст. преподаватель (преподаватель)	1 балл за каждую единицу менее 10 1 балл за каждую единицу менее 20 1 балл за каждую единицу менее 30	Выписка из Анализа публикационной активности в личном кабинете РИНЦ

Примечание: показатели, указанные в п. 1 — 4, учитываются по одному основанию

При определении критериев эффективности учебной работы преподавателя следует учитывать положения Методических рекомендаций по разработке образовательными организациями высшего образования, подведомственными Министер-

ству науки и высшего образования Российской Федерации, показателей эффективности деятельности педагогических работников, относящихся к профессорско-

преподавательскому составу¹ (далее — Методические рекомендации), а также исходить из необходимости реализации Программы развития Военного университета.

Пунктом 17 Методических рекомендаций в качестве показателей эффективности учебной работы педагогических работников рекомендовано использовать следующие:

— проведение занятий с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий;

— руководство подготовкой выпускной работой, выполненной по заявкам работодателей, с ее последующим внедрением;

— проведение открытой лекции, учебно-методического семинара для обучающихся, профессорско-преподавательского состава вуза.

Перечень показателей не является закрытым, поскольку определено, что могут быть также предусмотрены и иные показатели эффективности, утвержденные образовательной организацией высшего образования.

Таким образом, к числу показателей эффективности учебной работы педагогических работников Военного университета, исходя из рекомендаций Минобрнауки России, следует отнести:

— *во-первых*, проведение открытых и показных занятий с обучающимися, инструкторско-методических занятий с научно-педагогическими работниками, а также пробных занятий. За подготовку и проведение пробных занятий предлагается ввести начисление баллов как преподавателю, так и его наставнику;

— *во-вторых*, проведение занятий, предусмотренных рабочей программой и / или расписанием занятий, с использованием методик электронного обучения и применением дистанционных образовательных технологий;

— *в-третьих*, руководство выпускными квалификационными (аттестационными) работами, получившими акт внедрения

от органа государственной власти, межрегиональной (всероссийской) общественной организации и т.п. Очевидно, что данный показатель введен Методическими рекомендациями в целях стимулирования качественного выполнения задач итоговой государственной аттестации / итоговой аттестации.

Необходимость решения задачи повышения заработной платы преподавателя за выполнение им основного для него вида деятельности — учебной работы, а также учета специфики организации учебного процесса в военном образовательном учреждении предопределяет важность однозначного и адекватного трудозатратам преподавателя установления критериев эффективности за проведение учебных занятий. Установление возможности начисления баллов преподавателю по таким основаниям, как: «чтение лекции», «проведение практического, семинарского занятия» и т.п., мотивирующих преподавателя на достижение исключительно количественных показателей, с высокой степенью вероятности может оказать негативное воздействие на качество подготовки и проведения занятий. Соответственно, целесообразно введение в качестве критерия эффективности учебной работы преподавателя такого показателя, как оценка результатов и качества проведения им всех видов занятий. В связи с изложенным предлагается начислять баллы за проведение каждого занятия, оцененного на «отлично» / хорошо, дифференцировав их количество в зависимости от уровня субъекта проверки по следующим категориям: кафедра / факультет; группа контроля Военного университета; заместитель начальника Военного университета; начальник Военного университета. При этом полагаем предусмотреть возможность установления преподавателям, особо отличившимся при проведении внешней проверки (Минобороны России, Минобрнауки России, Рособнадзор и др.) от 10 до 50 баллов приказом об итогах проверки.

Вероятным вариантом стимулирования преподавателей к качественному проведению занятий может быть установление на основании представлений определен-

¹ Письмо Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 23 сентября 2021 г. № МН-10/3153-ПК.

ных категорий руководителей (начальников) повышающих коэффициентов (дополнительных баллов), начисляемых на / за все проводимые в отчетном периоде занятия. Речь идет о преподавателях, демонстрирующих стабильно высокие результаты по итогам проверок, проведенных в предыдущем отчетном периоде, и / или данных, полученных по результатам мониторингового анализа отзывов обучающихся, размещенных во Внутренней системе оценки качества образования за прошедший (прошедшие) периоды обучения. Разумеется, при этом должны быть установлены основания оперативного прекращения начисления баллов по указанному основанию в случае выявления фактов снижения качества работы преподавателя.

Возможная формулировка 1 может быть следующая: «проведение в течение семестра (периода) обучения всех видов занятий, предусмотренных образовательной программой и расписанием занятий, преподавателями, имеющими стабильно высокие результаты по итогам проверок, проведенных в предыдущем отчетном периоде, и / или данных, полученных по результатам мониторингового анализа отзывов обучающихся, размещенных во Внутренней системе оценки качества образования за прошедший (прошедшие) периоды обучения — 2 балла».

Основанием может служить распорядительный документ, изданный заместителем начальника Военного университета на основании представления начальника (заведующего) кафедрой или начальника факультета, на котором проводится обучение курсантов (слушателей).

В связи подготовкой к переходу на новую концепцию государственной регламентации образовательной деятельности, предусматривающей, в частности, в качестве аккредитационного показателя АП-5, согласно которому должна быть обеспечена доля обучающихся, выполнивших 70 процентов и более заданий диагностической работы, сформированной из фонда оценочных средств организации, осуществляющих образовательную деятельность по заявленной образовательной программе более 60 процентов, полагаем це-

лесообразным ввести следующий показатель эффективности труда преподавателя: обеспечение выполнения обучающимися учебной группы (не менее 90 процентов) более 75 процентов заданий диагностической работы по преподаваемой дисциплине, сформированной из фонда оценочных средств организации.

Немаловажное значение для повышения эффективности учебной работы имеют такие традиционные показатели эффективности, как организация и подготовка сборных команд и отдельных обучающихся к участию в конкурсах, олимпиадах и фестивалях, а также получение ими призовых мест.

При определении критериев эффективности методической деятельности преподавателя Военного университета следует учитывать положения п. 18 Методических рекомендаций, предлагающих использовать в качестве показателей эффективности учебно-методической работы педагогических работников следующие: издание учебников, учебных пособий (учебно-методических пособий); разработка ресурсов для применения электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, тренажеров, установок и пр.; разработка по образовательной программе электронных курсов, электронных учебных пособий на русском языке, разработка по образовательной программе электронных курсов, электронных учебных пособий на иностранном языке. При этом могут быть использованы иные показатели эффективности, утвержденные образовательной организацией.

Поскольку ведомственными правовыми актами Минобороны России издание учебников, учебных пособий (учебно-методических пособий) отнесено к научной работе, вопросы определения критериев эффективности преподавателя Военного университета по данному основанию рассматриваются в следующем разделе.

Соответственно, критерии эффективности методической деятельности преподавателя Военного университета определены исходя из таких видов работ, как: разработка учебных планов по освоению образовательных программ высшего и до-

полнительного профессионального образования (на 1 уч. план с учетом долевого участия); разработка / переработка рабочей программы дисциплины (включая программы вступительных испытаний, проводимых университетом), программ для государственной итоговой аттестации, рабочей программы практики, оценочных материалов средств (на одну программу с учетом долевого участия); проведение педагогических (методических) экспериментов и внедрение их результатов в образовательный процесс (за один эксперимент, предусмотренный планом работы Военного университета); руководство образовательной программой и др.

Представляется необходимым включить в показатели эффективности методической деятельности разработку ресурсов для применения электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, тренажеров, установок и пр., как это определено в Методических рекомендациях. Также следует учесть подготовку пакета заданий диагностической работы по учебной дисциплине для включения во ВСОКО, поскольку наличие внутренней системы оценки качества образования определено качестве аккредитационного показателя АП-6 в уже упомянутых выше материалах Рособнадзора, разработанных в связи подготовкой к переходу на новую концепцию государственной регламентации образовательной деятельности.

При определении критериев эффективности *научной (научно-исследовательской) работы* следует исходить из положений п. 19 Методических рекомендаций, предлагающих в качестве показателей эффективности научно-исследовательской работы педагогических работников использовать следующие: публикация научных работ в рецензируемых периодических изданиях, в журналах, индексируемых в наукометрических базах данных; издание монографий; получение патентов, свидетельств о государственной регистрации программ для ЭВМ, баз данных и т.п.; организация научных мероприятий; присуждение ученой степени, ученого звания, почетного звания; рецензирование научных работ; участие в конференци-

ях, семинарах и иных научных мероприятиях в качестве докладчика; научное руководство адъюнктами, защитившими диссертации в течение календарного года, следующего за годом выпуска; научное консультирование докторантов, соискателей, защитивших диссертации в отчетном году; руководство научно-исследовательской работой студентов; руководство обучающимися-победителями, призерами, участниками всероссийских, международных, республиканских конференций, грантов, конкурсов научной направленности; иные показатели эффективности, утвержденные образовательной организацией.

При формировании системы учета критериев эффективности научной (научно-исследовательской) работы преподавателя Военного университета следует учитывать необходимость повышения наукометрических показателей организации, анализ которых показывает наличие негативной тенденции их снижения, предопределенного, по нашему мнению, целой совокупностью объективных факторов. Также необходимо понимать, что согласно постановлению Правительства Российской Федерации от 19 марта 2022 г. № 414 «О некоторых вопросах применения требований и целевых значений показателей, связанных с публикационной активностью» ограничивается применение требований по наличию публикаций (публикационной активности) в изданиях (научных изданиях), журналах, индексируемых в международных базах данных (информационно-аналитических системах научного цитирования) (Web of Science, Scopus), а также целевых значений показателей, связанных с указанной публикационной активностью¹.

Тем не менее, наукометрические показатели Военного университета свидетельствуют о наличии «точек боли», на устранение которых, по нашему мнению, следует направить усилия при определении критериев эффективности научной деятельности преподавателя. К таковым следует от-

¹ См. также: Письмо Минобрнауки России от 29 марта 2022 г. № МН-3/3083

нести заметно сократившееся в 2022 г. по сравнению с предыдущим годом число публикаций, входящих в ядро РИНЦ, статей в журналах, входящих в RSCI и в перечень ВАК, а также монографий. Соответственно сократились такие производные от основных, но значимых показателей, как число цитирований в ядре РИНЦ — в три раза; число авторов публикаций, входящих в ядро РИНЦ, — в 2 раза; число авторов статей в RSCI — в 2 раза; число авторов монографий — в 4 раза¹.

Исходя из понимания проблемы, представляется необходимым увеличить количество баллов, начисляемых авторам монографий, статей в журналах ВАК, исключить установление предельных значений публикационной активности на одного автора. При этом следует установить требования к учебнику (не менее 10 п.л., 3 рецензентов (два внешних, два доктора), ISBN; РИНЦ); учебному (учебно-методическому) пособию (не менее 7 п.л., 2 рецензентов); монографии (не менее 10 п.л., 3 рецензентов (два внешних, три доктора), ISBN; РИНЦ).

Учитывая миссию Университета по выполнению не только прикладных, но и фундаментальных научных исследований, целесообразно установить начисление баллов руководителю фундаментального научно-исследовательского проекта (грант Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации; РАН, РФФИ и иные приравненные), а также участнику исследовательской команды ежемесячно с момента начала до окончания срока исполнения проекта. Обоснованно отмечается, что «обеспечение эффективной работы военно-научных школ, созданных и действующих в настоящее время в Военном университете, является одним из приоритетов развития вуза, как центра военно-гуманитарного образования и науки. Значение военно-научных школ заключается не только в том, что они аккумулируют, анализируют и обобщают опыт действия войск, наращивают военно-научное знание, но и в том, что в процессе их функционирования обеспечивается пре-

емственность поколений военно-научных кадров»².

Дополнение указанием на установление баллов за выполнение обязанностей секретаря военно-научной школы, включенной в перечень, установленный Классификатором Минобороны России, может послужить активизации деятельности указанных научных самодеятельных коллективов.

При установлении стимулирующих надбавок за руководство обучающимся, представившим на всеармейский конкурс научную работу, предлагается дифференцировать количество баллов за работу, отмеченную: грамотой начальника Военного университета; грамотой Министра обороны Российской Федерации; премией Министра обороны Российской Федерации.

Тем же целям — активизации научной работы преподавателей должно послужить введение надбавки за подготовку учебного, научного издания, литературного или музыкального произведения, отмеченного премией Минобороны России, а также государственной премией.

При расчете показателей эффективности *воспитательной работы* следует руководствоваться п. 20 Методических рекомендаций, содержащим следующие показатели: руководство обучающимися-победителями, призерами, участниками всероссийских, международных, республиканских конференций (семинаров, круглых столов), грантов, конкурсов спортивной и/или культурно-массовой направленности; организация и проведение профориентационных, воспитательных и культурно-массовых мероприятий в образовательной организации и на иных площадках; руководство проектами студентов (волонтерство, популяризация здорового

² Мишуткин И.В. Деятельность военно-научных школ и военно-научная работа курсантов: опыт и перспективы // Правовое обеспечение деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации: опыт, проблемы и перспективы : Сборник научных трудов по результатам мероприятий, организованных в рамках постоянно действующего научно-исследовательского семинара «Актуальные проблемы правового регулирования деятельности Вооруженных сил Российской Федерации». М.: КНО-УС, 2023. С. 14—15.

¹ <https://www.elibrary.ru/defaultx.asp>

образа жизни, формирование толерантности в молодежной среде и т.п.); руководство обучающимися по направлениям воспитательной работы. К числу по иным показателям эффективности, утвержденных Военным университетом, считаем необходимым отнести выполнение обязанностей куратора учебной группы курсантов (слушателей) с возможностью начисления баллов по представлению начальника факультета, на котором организуется обучение.

В соответствии с п. 21 Методических рекомендаций показатели эффективности других видов работы устанавливаются образовательной организацией самостоятельно в зависимости от Программы развития данной организации. При этом в качестве показателей эффективности рекомендовано использовать следующие виды работ: участие в деятельности общественных объединений, организаций сферы образования (с учетом статуса и занимаемой должности); участие в деятельности иных общественных объединений, организаций (с учетом статуса и занимаемой должности); участие в процедурах государственной аккредитации и профессионально-общественной аккредитации в сфере образования; участие в экспертных комиссиях, комитетах государственных (муниципальных) органов; организация и проведение мероприятий по содействию трудоустройству выпускников.

Действительно, следует отметить все возрастающую потребность во взаимодействии организаций военного образования с институтами гражданского общества, общественными организациями¹.

Специфичными для преподавателей Военного университета являются такие виды деятельности, как участие в качестве

члена совета в работе Ученого совета, института, совета направления, председателя / заместителя председателя и члена совета диссертационного совета, а также членство в Академии военных наук, баллы за работу в которых должны устанавливаться с учетом высокой степени трудозатратности и особой квалифицированности производимых работ.

Полагаем, что применение представленных в настоящей публикации некоторых подходов к повышению мотивации преподавателей и методик применения критериев оценки эффективности деятельности педагогических работников Военного университета может способствовать решению задач подготовки специалистов с качеством, характерным для ведущей образовательной организации в области военно-гуманитарного образования.

Библиография

1. Багреева, Е.Г. О путях мобилизации граждан по сохранению традиционных ценностей / Е.Г. Багреева // Самоуправление. — 2023. — № 1. — С. 220—224.
2. Вихрян, А.П. Организация и правовые основы общественного контроля в России: теория, история, направления совершенствования / А.П. Вихрян, А.И. Землин, О.М. Землина, С.Н. Максимов, И.А. Назарчук; под ред. проф. А.И. Землина : монография. — М.: Международный юридический институт, 2015.
3. Военное право : учебник / под ред. В.Г. Стрекозова и А.В. Кудашкина. — М.: За права военнослужащих 2004. — EDN: PFZIBV
4. Землин А.И. Актуальные вопросы военной деятельности государства: правовое измерение / А.И. Землин // Военное право. — 2022. — № 6 (76). — С. 233—237. — EDN: SLNHFA
5. Землин, А.И. Вопросы развития военно-правовой науки в контексте современных проблем обеспечения национальной безопасности России / А.И. Землин // Военное право. — 2022. — № 5 (75). — С. 8—14. — EDN: ZNMXLD
6. Землин, А.И., Корякин, В.М. Электронный учебник «Методология военно-правового исследования» / Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ 2021665665, 30.09.2021. Заявка № 2021664733 от 21.09.2021. eLIBRARY ID: 47117663
7. Землин, А.И. Методология военно-правового исследования. Общая часть : учебник и практикум / А.И. Землин, В.М. Корякин. — М., 2021. — EDN: JXKGDY
8. Землин, А.И. О генезисе и перспективах военной администрации / А.И. Землин // Вестник военного права. — 2016. — № 3. — С. 39—46.

¹ Вихрян А.П., Землин А.И., Землина О.М., Максимов С.Н., Назарчук И.А. Организация и правовые основы общественного контроля в России: теория, история, направления совершенствования / под ред. проф. Землина А.И. : монография. М.: Международный юридический институт, 2015; Сухондяева Т.Ю., Дубинец М.Н. Специфика и проблемы развития гражданского общества в современной России // Проблемы фундаментальной подготовки в школе и вузе в контексте современности : Межвузовский сборник научных работ. М., 2014. С. 186—189.

eLIBRARY ID: 28083810

9. Землин, А.И. Правовая культура личности российского офицера: социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук / А.И. Землин. — М.: ВУ, 1996.

10. Мишуткин, И.В. Деятельность военно-научных школ и военно-научная работа курсантов: опыт и перспективы / И.В. Мишуткин // Правовое обеспечение деятельности Вооруженных сил Российской Федерации: опыт, проблемы и перспективы : сборник научных трудов по результатам мероприятий, организованных в

рамках постоянно действующего научно-исследовательского семинара «Актуальные проблемы правового регулирования деятельности Вооруженных сил Российской Федерации». — М.: КНОРУС, 2023.

11. Сухондяева, Т.Ю. Специфика и проблемы развития гражданского общества в современной России / Т.Ю. Сухондяева, М.Н. Дубинец // Проблемы фундаментальной подготовки в школе и вузе в контексте современности : межвузовский сборник научных работ. — М., 2014. С. 186—189.

Цели и задачи военного духовенства: проблемы их правового регулирования

© Овчаров Олег Андреевич,
кандидат юридических наук

Аннотация. В статье кратко рассмотрены и проанализированы отдельные вопросы правового регулирования целей и задач военного духовенства в части совершенствования правовой работы в области государственно-церковных отношений при реализации командирами, заместителями по военно-политической работе, личным составом и военным духовенством своих полномочий в религиозной сфере, с учетом произошедших изменений в законодательстве, кратко рассмотрены некоторые недостатки и предложены возможные пути их решения.

Ключевые слова: право военнослужащих на свободу вероисповедания, военное духовенство, военная служба, духовно-нравственные ценности, духовно-просветительская работа.

The goals and objectives of the military clergy: the problems of their legal regulation

© Ovcharov O.A.,
candidate of legal Sciences

Annotation. The article briefly discusses and analyzes certain issues of legal regulation of the goals and objectives of the military clergy in terms of improving legal work in the field of state-church relations when commanders, deputies for military-political work, personnel and military clergy exercise their powers in the religious sphere, taking into account the changes in legislation, briefly discusses some shortcomings and possible ways of their solution are proposed.

Key words: legal work, the right of military personnel to freedom of religion, military clergy, military service, spiritual and moral values, spiritual and educational work.

Первая проблема в области правового регулирования целей и задач военного духовенства состоит в том, что в законодательстве государства Российского нет определения, раскрывающего понятие «военное духовенство»; даже термина такого так до сих пор и не удалось ввести, следовательно, нет целей и задач военного духовенства. Хотя по факту это духовенство трудится в воинских частях и подразделениях уже более тридцати лет — с момента падения советского строя, запрещавшего священникам осуществлять свою религиозную деятельность, окормлять личный состав на территории воинских частей. Причем окормляют военные священнослужители не только Вооруженные Силы, но и различные другие государственные органы, такие как Росгвардия, МВД России, МЧС России, ФСБ России, ФСО России и др. Особенно остро такая потребность духовной поддержки личного состава

ва военных организаций и правоохранительных органов имеется в зоне проведения специальной военной операции (СВО).

Как же так получилось, что вот уже несколько десятков лет военное духовенство несет свою специфическую службу в войсках, в том числе и более года в условиях вооруженного конфликта в зоне СВО, а де-юре его нет? Не урегулированными до сих пор остаются также цели и задачи его деятельности в войсках.

21 июля 2009 г. Президент России Дмитрий Медведев санкционировал введение в России института военного духовенства¹. Выступая на специальном совещании, Президент Российской Федерации

¹ Уже в этом году в российской армии появится должность военного священника [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pobeda.ru/content/blogcategory/62/167/16/0/> (дата обращения: 7.05.2023).

сообщил, что в его адрес были направлены обращения лидеров ведущих российских религиозных организаций, в которых содержались предложения по преподаванию в школах дисциплин, направленных на духовно-нравственное просвещение, а также о введении в Вооруженных Силах института капелланов. «Я принял решение поддержать оба этих обращения: идею преподавания в школах России основ религиозной культуры и светской этики, считаю также целесообразным организовать работу на постоянной основе в наших Вооруженных Силах священнослужителей, представляющих традиционные российские конфессии», — сказал Д. Медведев. Поручение Президента России так и осталось невыполненным. Институт военного духовенства государству так и не удалось воссоздать. Вместо этого в некоторых бригадах и дивизиях, полках ВДВ были введены должности помощников командиров по работе с верующими военнослужащими, на которые могут назначаться священнослужители. Не удалось внести соответствующие новеллы и в законодательство России.

На проведенной 8 февраля 2012 г. (спустя два с половиной года после принятия Президентом России решения о введении военного духовенства) встрече Председателя Правительства России В.В. Путина (в тот период) с Патриархом Московским и всея Руси Кириллом и главами религиозных объединений России, В.В. Путин сказал в частности: «И еще один приоритет, чрезвычайно важный и традиционный, собственно говоря, для наших конфессий, прежде всего, конечно, для Русской Православной Церкви (ну и в сегодняшних условиях для всех традиционных конфессий), — это участие Церкви в жизни Вооруженных Сил России. Традиция такого участия и служения уходит глубоко корнями в историю нашей Родины, является одним из мощных источников патриотизма. Церковь всегда была с народом, особенно в самые тяжелые времена». И, подведя итог, В.В. Путин далее поставил задачу: «Считаю, что необходимо на должный уровень поставить развитие института военного духовенства. К решению

этой задачи с равным вниманием должны подойти и религиозные организации, и само Министерство обороны»¹.

Министерство обороны до сих пор эту задачу не решило, развитие института военного духовенства на должный уровень не поставило, в законодательном порядке инициативы никакой не предприняло. Даже на ведомственном уровне Минобороны России нет правового документа о военном духовенстве, нет и соответствующего правового понятия, нет целей и задач деятельности этого социально-правового института в государстве и его военных организациях, нет и понимания его важности и значимости для обороны страны и обеспечения национальной безопасности.

В отличие от Минобороны Русская Православная Церковь эту задачу решила на своем уровне посредством подготовки соответствующего правового документа: официально издало Положение о военном духовенстве Русской Православной Церкви в Российской Федерации (принято на заседании Священного Синода РПЦ 25—26 декабря 2013 г.)², где, в т.ч. дало определение термину «военное духовенство». Положение о военном духовенстве раскрывает понятие военного духовенства в сноске 1. В этой сноске определяется, что «Военное духовенство — священнослужители Русской Православной Церкви, которые на штатной или внештатной основе осуществляют пастырское окормление военнослужащих (служащих) федеральных органов государственной власти, в которых предусмотрена военная и правоохранительная служба». Как видно, военным священником называется тогда, когда он на штатной или внештатной основе исполняет свои священнические обязанности в воинской или правоохранительной организации государства.

Цели военного духовенства раскрыва-

¹ Лукичев Б.М. Патриарх Кирилл и военное духовенство (О трудах Патриарха Московского и всея Руси Кирилла по возрождению института военного духовенства в Вооруженных силах РФ). М.: ФИВ, 2016. С. 84—85.

² Положение о военном духовенстве Русской Православной Церкви в РФ [Электронный ресурс]. — URL: <http://pobeda.ru/polozhenie-o-voennom-duhovenstve-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi-v-rossiyskoy-federatsii.html> (дата обращения: 23.05.2023).

ются в преамбуле названного Положения о военном духовенстве, где указывается, что предназначение военного священника — стать духовным отцом военнослужащих, гражданского персонала воинских формирований и членов их семей, помогать им с христианской точки зрения осмысливать свой долг. Благовествуя о Христе Спасителе, пастырь призван воодушевлять военнослужащих на ратное служение. Военные священники призваны воспитывать в военнослужащих дух взаимопомощи и братской поддержки.

Таким образом, можно увидеть, что *главная цель* деятельности военного духовенства *двуединая*, состоит как бы из двух целей. Прежде всего, благовествуя о Христе Спасителе, о Царстве Небесном и его Законах Божиих, военный священник в армейской среде ведет работу по утверждению воинов на путях спасения, призывая их к святой богоугодной жизни. Вторая цель, тесно связанная с первой, в ее реализации кровно заинтересовано командование, — воспитание с помощью религиозных организаций и имеющихся в их арсенале религиозных средств высоких морально-деловых и боевых качеств, так необходимых воину на поле брани, укрепление морального духа войск.

В России Русская Православная Церковь реализовывала эти цели на протяжении многих веков посредством института военного духовенства. Продолжает и сейчас их реализовывать, в т.ч. и в зоне СВО, как посредством штатного военного духовенства, так и посредством внештатного военного духовенства. Однако далеко не всем священникам под силу реализовывать эти цели в воинских коллективах, перенося тяготы и лишения военной службы вместе с воинами, призывая их личным примером к высоким духовным и боевым подвигам. Так, например, осенью 2009 г. по инициативе Патриарха Кирилла штаб Северо-Кавказского военного округа организовал для священников сборы по подготовке к работе в армии. На архиереев Южного федерального округа была возложена обязанность выдвинуть 30 кандидатур военных священников. «К сожалению, — отмечает Патриарх Кирилл, — по прибытии

на сборы оказалось, что большинство священников не представляют себе, куда и зачем они приехали. В итоге большинство из них попросту уехали со сборов, пояснив, что не могут понести такой службы»¹.

Видимо, в этом во многом и состоит суть военного духовенства. Не только благовествовать о Христе, но, посредством этого благовестия, воодушевлять воинов на ратное, жертвенное служение, на воинские подвиги, без которых победа в сражении немислима, побуждать их к тому, чтобы не только словом, но и делом исполнить закон любви — положить «душу свою за друзей своих» (Ин 15; 13). Кроме того, побуждать (нередко личным примером) воинов к братской любви и взаимовыручке, к мужественному перенесению тягот и лишений армейской жизни, к самоотверженной защите Отечества до последней капли крови, а если потребуется, то и ценой самой жизни — задача для священника крайне сложная и под силу далеко не каждому. Задача эта для должного ее выполнения требует соответствующего опыта, подготовки, духовных качеств, а порой (как свидетельствует обширный исторический опыт) и личного самоотверженного примера, от самого священнослужителя.

Вторая проблема правового регулирования целей и задач военного духовенства проистекает из последних изменений в российском правовом поле, где преемственность в развитии государства, историческая память предков, идеалы и вера в Бога, защита, сохранение и укрепление российских традиционных духовно-нравственных ценностей поставлены на высокий государственно-политический уровень. А это как раз и есть то, что, по сути, составляет предмет целей и задач военного духовенства, традиционно решаемых в области организации обороны страны и обеспечения духовной безопасности ее военной организации.

События последних лет на Украине наглядно показали, как в короткий срок из

¹ Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Архиерейском совещании 02.02.2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1061651.html> (дата обращения - 12 марта 2023).

вполне благополучного православного государства и высококультурного народа можно посредством разрушения традиционных духовно-нравственных ценностей, их подмены создать агрессивное государство, порабощенное фашистской идеологией, культивирующее зло и ненависть к другим людям, народам и государствам. Как можно быстро с помощью этого развязать вооруженный конфликт планетарного масштаба. Разрушение и подмена духовно-нравственных ценностей нередко способствует возникновению межнациональной и межрелигиозной розни, вражды и ненависти, разжиганию вооруженных противоборств и войн. По результатам анализа духовных истоков вооруженных конфликтов последних лет в Чечне, Грузии, Сирии и на Украине нам необходимо и жизненно важно извлечь уроки и сделать правильные выводы. Эти выводы начинают получать свое отражение в правовой системе России.

В Конституции России после внесения изменений в 2020 г. появилась новая статья 67.1 фундаментально изменившая духовные идеалы нашего государства и определившая ориентиры и направления его дальнейшего стратегического развития. Согласно ч. 2 ст. 67.1 Конституции России «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство». Как можно увидеть при внимательном рассмотрении содержания этой конституционной нормы, Россия возвращается на свой исторический путь развития, очерченный ее тысячелетней историей. Историей, выработавшей проверенные временем и переданные из глубины веков грядущим поколениям «идеалы и веру в Бога». Идеалы веры, лежащие в основе укрепления государственного единства, могущества и процветания государства Российского.

Вскоре после этого важного исторического события Президент России

Указом от 2 июля 2021 г. № 400 утвердил новую Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, в п. 28 которой прямо указывается, что «Российские духовно-нравственные идеалы и культурно-исторические ценности, талант народа лежат в основе государственности и являются фундаментом для дальнейшего развития страны». А в разделе четвертом «Обеспечение национальной безопасности» появился достаточно большой подраздел «Защита традиционных Российских духовно-нравственных ценностей», что уже о многом свидетельствует и показывает, какую огромную роль указанные ценности играют в обеспечении национальной безопасности нашего Отечества.

Но ведь если всмотреться в тысячелетнее развитие России, в ее историю, то можно увидеть, что именно Русская Православная Церковь занималась такой защитой духовно-нравственных ценностей на протяжении всей российской истории, и продолжает заниматься этим, по сей день. В войсках российских такой защитой духовно-нравственных ценностей среди личного состава занималось испокон веков военное духовенство, тем самым обеспечивая духовную безопасность воинов и национальную безопасность государства.

Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 были утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. В п. 6 Основ прямо указывается, что особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию.

Согласно п. 24 Основ реализация задач государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей предполагает:

е) поддержку общественных проектов и институтов гражданского общества в области патриотического воспитания и сохранения историко-культурного наследия народов России;

ж) поддержку религиозных

организаций традиционных конфессий, обеспечение их участия в деятельности, направленной на сохранение традиционных ценностей, противодействие деструктивным религиозным течениям;

з) формирование государственного заказа на проведение научных исследований, создание информационных и методических материалов (в том числе кинолент и других аудиовизуальных материалов), произведений литературы и искусства, оказание услуг, направленных на сохранение и популяризацию традиционных ценностей, а также обеспечение контроля качества выполнения этого государственного заказа.

Согласно п. 25 Основ правовыми инструментами реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей являются: привлечение институтов гражданского общества, в том числе религиозных организаций, к участию в реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей (подп. д).

Особенно актуально сохранять и укреплять эти ценности в военных и правоохранительных органах (которые ведут борьбу с агрессорами, с нарушителями правопорядка, со злом мира сего) посредством военного духовенства. Для этого требуется скорейшее его воссоздание в России в былой силе и мощи, чего пока не удается сделать государству. Все это негативно отражается на моральном духе войск, на психологическом состоянии личного состава, особенно в зоне проведения специальной военной операции.

Согласно п. 30 Основ финансовое обеспечение мероприятий по реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей осуществляется за счет средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, а также за счет иных источников финансирования в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации. А это значит, что

религиозная деятельность военного духовенства, содействующая сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, должна быть обеспечена со стороны государства финансово, как это и было в России в досоветский период и как это и происходит в большинстве стран мира, где имеется в войсках военное духовенство.

Без финансовой поддержки со стороны государства, без укрепления социальной защиты военных священников, несущих свои труды в воинской среде, без юридического закрепления социально-правового статуса военного священника и без создания ему для его религиозной деятельности в войсках соответствующих условий говорить о воссоздании военного духовенства не приходится. Воссоздание военного духовенства обречено на провал. Что мы и видим происходит по факту вот уже четвертое десятилетие с момента окончания советского богоборческого строя.

Таким образом, можно увидеть, что в последние годы остро встала проблема защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, противодействие деструктивным религиозным течениям, разрушающим эти ценности, разрушающим единство, мир и благоденствие в государстве. Центром организации такой защиты и должно выступить в первую очередь военное духовенство, как наиболее подготовленный и исторически сложившийся социально-правовой институт, действовавший в России на протяжении многих веков. Это должно получить соответствующее юридическое отражение в целях и задачах военного духовенства.

Третья проблема правового регулирования целей и задач военного духовенства проистекает из противоречивости и непоследовательности указанных Основ государственной политики, их несогласованности с Конституцией России и Стратегией национальной безопасности Российской Федерации.

Во-первых, в п. 4 Основ указано, что традиционные ценности — это нравствен-

ные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России.

Это неверное определение. У нас в названии Основ речь идет не о нравственных ценностях, а о духовно-нравственных ценностях. На первом месте духовные, а на втором нравственные, которые являются производными от духовных. Из определения выбросили духовные ориентиры, хотя именно они и составляют основу формирования не только нравственных ориентиров, но и мировоззрения граждан, особенно верующих. А ведь верующих граждан в России подавляющее большинство, а атеистов — подавляющее меньшинство, что никем не оспаривается. Получается, что в угоду меньшинства выбросили из ценностей самое главное, сущностное, а оставили вторичное, менее значимое и важное. С этим подходом нельзя согласиться. Какой-то обман получается и лукавство, подмена понятий, прямо как по украинскому сценарию делается, с целью духовно опустошить.

А в п. 5 Основ перечисляется, что относятся к традиционным ценностям: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Как можно увидеть, здесь также нет духовных ценностей, духовных идеалов, в т.ч. указанных в Конституции России: веры в Бога и соответствующих ей идеалов (которые эта вера дает людям). Эти идеалы изложены в Священном Писании и все они

составляют духовные ценности, которыми и жили наши предки, строя нашу великую державу — Святую Русь. К традиционным духовным ценностям, которых очень много, необходимо в первую очередь отнести такие безусловные ценности как: Бог (ценность, выше которой ничего не существует), вера в Бога, Закон Божий (заповеди), Царствие Божие, Священное Писание, Истина Божия, святость, подвиг и т.п.

В досоветское время войны шли на врага под лозунгами «За веру, Царя и Отечество». Это то бесценное, за что полагали они жизни свои на поле брани. Но этого ничего нет в Основах. Ни Веры (хотя о ней уже Конституция России прямо говорит), ни Царя (хоть земного царя и убили, а царскую власть ликвидировали в большевистский период, но остался нам Царь Небесный, да и глава государства Российского, по сути, чем не царь, коли Конституция ставит на первый план вопрос об исторической преемственности, а большевистская богоборческая власть прекратила свое существование), ни Отечества, Богом хранимого, Святой Руси (в Основах лишь о служении ему говорится).

Таким образом, в Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей необходимо внести изменения, учитывающие наряду с нравственными, также и духовные ценности верующего большинства населения страны. А цели и задачи военного духовенства необходимо скорректировать с учетом указанных выше изменений в области защиты, сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей посредством в т.ч. широкой и активной духовно-просветительской работы в военных организациях и правоохранительных органах.

Именно военное духовенство должно стать главным субъектом этой духовно-просветительской работы, в основе которой должны лежать защита, сохранение и укрепление указанных духовно-нравственных ценностей.

О некоторых проблемах практики применения административной ответственности юридических лиц по статье 19.28 КоАП РФ (финансово-правовой аспект)

© Техов Дмитрий Аланович,

курсант 5-го курса прокурорско-следственного факультета Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

© Шанхаев Сергей Вячеславович,

кандидат юридических наук

Аннотация. В статье рассматриваются особенности административной ответственности юридических лиц по ст. 19.28 КоАП РФ (незаконное вознаграждение от имени юридического лица). Обращается внимание на неэффективность с финансово-правовой точки зрения привлечения к административной ответственности учреждений (на примере казенных учреждений). Предлагается исключить из субъектов административной ответственности по ст. 19.28 КоАП РФ юридических лиц, созданных в форме учреждений.

Ключевые слова: административная ответственность, незаконное вознаграждение от имени юридического лица, бюджет, бюджетное законодательство, финансовое законодательство, ответственность учреждений.

On some problems of the practice of applying administrative liability of legal entities under Article 19.28 of the Administrative Code of the Russian Federation (financial and legal aspect)

© Techov D.A.,

5th year cadet of the Prosecutor-Investigative Faculty of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

© Shankhaev S.V.,

Candidate of Legal Sciences

Annotation. The article discusses the features of administrative liability of legal entities under Article 19.28 of the Administrative Code of the Russian Federation (illegal remuneration on behalf of a legal entity). Attention is drawn to the inefficiency from the financial and legal point of view of bringing institutions to administrative responsibility (on the example of state-owned institutions). It is proposed to exclude legal entities created in the form of institutions from the subjects of administrative responsibility under Article 19.28 of the Administrative Code of the Russian Federation.

Keywords: administrative responsibility, illegal remuneration on behalf of a legal entity, budget, budget legislation, financial legislation, responsibility of institutions.

Законодательство в сфере противодействия коррупции характеризуется разрозненностью и межотраслевым противоречием, отмечается несогласованность правовых норм, поэтому вопрос приведения их в систему стоит достаточно остро. На востребованность систематизации антикоррупционного законодательства указывает п. 49 Национального плана противодействия коррупции на

2021—2024 годы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № 478.

Например, А.И. Долгова характеризует антикоррупционное законодательство как фрагментарное, «размытое» по многим нормативным правовым актам¹.

¹ Реагирование на коррупцию: практика противодействия в России и направления оптимизации борьбы // Коррупция: состояние противодействия

Т.Я. Хабриева называет его «лоскутным»⁴. По мнению ученых, такая характеристика основывается на отсутствии системности законодательства, состоящего из множества разноотраслевых нормативно-правовых актов и предмета правового регулирования, что неизбежно вызывает сложности в правоприменительной практике.

Потребность упорядочения антикоррупционного законодательства осознается в среде научной общественности, Президентом Российской Федерации, Правительством Российской Федерации.

Известны виды систематизации нормативных правовых актов: учет, инкорпорация, консолидация, кодификация. Не выработано единого мнения касательно применения того или иного вида систематизации в отношении актов о противодействии коррупции. Для того чтобы сориентироваться с выбором вида систематизации, сначала требуется определиться с целью такого упорядочения. По мнению Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Чиханчина и других ученых, цель систематизации — обеспечение полноты и единообразия регулирования общественных отношений, облегчение ориентирования в законодательстве, поиска требуемой нормы¹. С.Н. Шишкарёв называет изъяны в правовом регулировании² и выделяет среди них: пробельность, коллизии законодательства, дублирующие нормы.

Ученые едины во мнении относительно сложности определения теоретико-методологических основ систематизации антикоррупционного законодатель-

ства³ (в частности, предмета и метода правового регулирования). По этой причине (а именно разнородности общественных отношений, подлежащих правовому регулированию) ряд ученых (Т.Я. Хабриева, Ю. А. Чиханчин и другие) исключают возможность создания антикоррупционного кодекса в Российской Федерации. Т.Я. Хабриева подкрепляет эту точку зрения аргументом: кодексы по борьбе с коррупцией не характерны для иностранных государств.

Статья 19.28 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за незаконное вознаграждение от имени юридического лица.

Федеральным законом от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ и Федеральным законом от 25 июля 2006 г. № 125-ФЗ Российской Федерацией ратифицированы соответственно Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г., вступившая в действие в Российской Федерации 8 июня 2006 г., и Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г., которая в Российской Федерации вступила в действие 1 февраля 2007 г.⁴

Рассматриваемая статья 19.28 была введена в КоАП РФ Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных наций против коррупции от 31 октября 2003 г. и Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции».

Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного

и направления оптимизации борьбы / под ред. проф. А.И. Долговой, М.: Российская криминологическая ассоциация, 2015. С. 20.

⁴ Противодействие коррупции: новые вызовы : монография / С.Б. Иванов, Т.Я. Хабриева, Ю.А. Чиханчин [и др.]; отв. ред. Т.Я. Хабриева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2018. С. 109.

¹ Противодействие коррупции: новые вызовы : монография. С. 109.

² Шишкарёв С.Н. Российское законодательство в сфере противодействия коррупции // Общество и право. 2010. № 2. С. 155.

³ Шишкарёв С.Н. Указ. соч. С. 155; Противодействие коррупции: новые вызовы : монография. С. 109—110.

⁴ Документ денонсирован Федеральным законом от 28 февраля 2023 г. № 42-ФЗ.

управления в области противодействия коррупции» объективная сторона правонарушения, предусмотренного ст. 19.28 КоАП РФ, была расширена двумя квалифицирующими признаками — крупным (свыше 1 млн руб.) и особо крупным (свыше 20 млн руб.) размерами совершенных действий. В последующем Федеральным законом от 3 августа 2018 г. № 298-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» указанная статья была дополнена новым примечанием, согласно которому юридическое лицо освобождается от административной ответственности, если оно способствовало выявлению данного правонарушения, проведению административного расследования или выявлению, раскрытию и расследованию связанного с ним преступления либо в отношении его имело место вымогательство.

В силу Конвенции ООН против коррупции каждое государство — участник принимает такие меры, какие с учетом его правовых принципов могут потребоваться для установления ответственности юридических лиц за участие в преступлениях, признанных таковыми в соответствии с данной Конвенцией; при условии соблюдения принципов государства — участника ответственность юридических лиц может быть уголовной, гражданско-правовой или административной; возложение такой ответственности не наносит ущерба уголовной ответственности физических лиц, совершивших преступления; каждое государство — участник, в частности, обеспечивает применение в отношении юридических лиц, привлекаемых к ответственности в соответствии с настоящей статьей, эффективных, соразмерных и оказывающих сдерживающее воздействие уголовных или неуголовных санкций, включая денежные санкции (ст. 26). Аналогичные положения закреплены и в Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию.

Исходя из указанных Международных конвенций, Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» предусмотрено, что в случае, если от имени или в интересах

юридического лица осуществляются организация, подготовка и совершение коррупционных правонарушений, то к юридическому лицу могут быть применены меры ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации. При этом применение к юридическому лицу мер ответственности за коррупционное правонарушение не освобождает от ответственности за данное коррупционное правонарушение виновное физическое лицо, равно как и привлечение к уголовной или иной ответственности за коррупционное правонарушение физического лица не освобождает от ответственности за данное коррупционное правонарушение юридическое лицо (ст.14).

Таким образом, институт административной ответственности юридических лиц, от имени или в интересах которых совершаются коррупционные правонарушения, — относительно новый для российского законодательства.

Одна из существенных особенностей указанной статьи заключается в том, что противоправное деяние совершается неким физическим лицом, а к ответственности привлекается юридическое лицо. При этом поведение физического лица может быть не согласованным с органами управления юридического лица. Так, физическое лицо может действовать, не уведомляя о том юридическое лицо, в интересах которого оно действует, вопреки волеизъявлению органа управления юридического лица и даже ложно понимая интересы юридического лица или заблуждаясь относительно этого интереса¹.

Однако, например, по данным Генеральной прокуратуры России, в 2019 г. по статьям 19.28 и 19.29 КоАП РФ было возбуждено 6,3 тыс. дел, по результатам рассмотрения которых к административной ответственности привлекли почти 6 тыс. лиц. При этом общая сумма наложенных на них штрафов достигла 839,4 млн. руб., из которых было взыскано лишь 467,3 млн.

¹ Зырянов С.М., Цырин А.М. Административная ответственность за незаконное вознаграждение от имени юридического лица // Журнал российского права. 2015. № 2. С. 82—90.

руб.¹

Субъектом административной ответственности может быть любое юридическое лицо — как российское, так и иностранное, имеющее любую организационно-правовую форму. Более того, данное юридическое лицо может не иметь ни имущества на территории Российской Федерации, ни отношений с контрагентами, находящимися на территории России.

В соответствии с п. 7.1 ч. 1 ст. 31 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» не допускается участие в закупках юридического лица, которое в течение двух лет до момента подачи заявки на участие в закупке привлекалось к административной ответственности по ст. 19.28 КоАП РФ. Обязанность по проверке соответствия участников закупок указанным требованиям возлагается на комиссию по осуществлению закупок.

С 1 января 2021 г. вступили в силу изменения, внесенные постановлением Правительства Российской Федерации от 18 июля 2019 г. № 917 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» в дополнительные требования к операторам электронных площадок, специализированных электронных площадок и порядок их функционирования (утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 8 июня 2018 г. № 656). В соответствии с ними оператор электронной площадки самостоятельно проверяет участника закупки на предмет его привлечения к административной ответственности по ст. 19.28 КоАП РФ и передает сведения заказчику. Признание заявки на участие в аукционе надлежащей, поступившей от организации, ранее привлекавшийся к административной ответственности по данной статье, влечет для должностного лица ответственность по ч. 2 ст. 7.30 КоАП РФ в виде штрафа в размере 1 % начальной (максимальной) цены контракта, но не менее 5 тыс. и не более 30 тыс. руб.

симальной) цены контракта, но не менее 5 тыс. и не более 30 тыс. руб.

В целях реализации Федерального закона № 44-ФЗ на основании приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 28 августа 2017 г. № 590 был сформирован и регулярно пополняется Реестр юридических лиц, привлеченных к административной ответственности по ст. 19.28 КоАП РФ².

В Обзоре судебной практики рассмотрения дел о привлечении к административной ответственности, предусмотренной ст. 19.28 КоАП РФ, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 8 июля 2020 г., Верховный Суд Российской Федерации поддерживает уже сложившуюся практику, в соответствии с которой отсутствие обвинительного приговора в отношении физического лица, действующего в интересах юридического лица, не препятствует привлечению последнего к административной ответственности. При этом освобождение физического лица от уголовной ответственности по основанию, предусмотренному в примечании к ст. 291 УК РФ, не является достаточным основанием для освобождения юридического лица от административной ответственности (п. 5 примечания к ст. 19.28 КоАП РФ). Для этого должна быть установлена совокупность действий лица, способствующих выявлению, раскрытию и расследованию преступления, связанного с этим правонарушением.

По подсчетам судей, в подавляющем большинстве дел объективная сторона рассматриваемого правонарушения выражается в незаконной передаче денежных средств от имени и в интересах юридического лица должностному лицу или лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации. При этом незаконное вознаграждение предлага-

¹ Доклад «О состоянии законности и правопорядка в России и о проделанной работе по их укреплению за 2019 г.», М.: Генеральная прокуратура РФ, 2020.

² В подп. 3 п. 5 Положения об управлении по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции, утвержденного Генеральным прокурором Российской Федерации 17 декабря 2018 г., ведение реестра юридических лиц, привлеченных к административной ответственности по ст. 19.28 КоАП РФ, осуществляется организационно-аналитическим отделом прокуратуры.

галось, обещалось и передавалось за осуществление ряда действий (бездействия): непривлечение к ответственности за нарушения требований законодательства; предоставление преимуществ в ходе разрешительных процедур; содействие в заключении различных договоров, в том числе госконтрактов; подписание актов приемки выполненных работ, услуг, товаров по договорам; неприменение мер принудительного исполнения.

Входящие в состав административного правонарушения по ст. 19.28 КоАП РФ действия признаются совершенными от имени юридического лица, если совершившее их физическое лицо представляет организацию в силу закона, иного правового акта, устава или доверенности (в том числе является должностным лицом организации или лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой организации). Если же лицо не связано с организацией трудовыми или договорными отношениями, оно может быть признано действующим в ее интересах, если незаконные действия совершены им по указанию или одобрению уполномоченных лиц.

В обязательном порядке необходимо доказать наличие экономической или иной заинтересованности организации в совершении действий (бездействия), за которые незаконно передано, предложено или обещано денежное вознаграждение; оказаны, предложены или обещаны услуги имущественного характера либо предоставлены, предложены или обещаны имущественные права. Если незаконные передача денежного вознаграждения или оказание имущественных услуг в рамках одной договоренности осуществлялись в несколько этапов, то для квалификации этих действий по соответствующей части ст. 19.28 КоАП РФ следует исходить из общей суммы встречного удовлетворения.

Несмотря на длительный срок действия ст. 19.28 КоАП РФ, правоприменительная практика складывается неоднозначно. В период с 2020 по 2022 год к административной ответственности по ст. 19.28 КоАП РФ было привлечено 597

юридических лиц¹.

В упомянутом Обзоре судебной практики рассмотрения дел о привлечении к административной ответственности, предусмотренной ст. 19.28 КоАП РФ, прямо указано, что субъектами административных правонарушений по делам изучаемой категории являлись коммерческие, а также в ряде случаев некоммерческие организации (например, бюджетные учреждения).

Привлечение некоммерческих организаций к административной ответственности в рамках ст. 19.28 КоАП РФ является актуальной проблемой на сегодняшний день.

Государственные и муниципальные учреждения являются юридическими лицами, а КоАП РФ не ограничивает возможность привлечения к административной ответственности некоммерческих организаций. К административной ответственности могут быть привлечены любые юридические лица, независимо от форм собственности, подчиненности и организационно-правовых форм.

Однако правоприменительная практика свидетельствует о том, что правовая конструкция административной ответственности не является универсальной для всех субъектов права: органов власти, государственных и муниципальных учреждений.

Наибольший интерес в контексте настоящей статьи представляет статус казенного учреждения².

В соответствии со ст. 123.22 ГК РФ государственное или муниципальное учреждение может быть казенным, бюджетным или автономным учреждением. Порядок финансового обеспечения деятельности государственных и муници-

¹ Информация о привлечении участника закупки к административной ответственности по статье 19.28 КоАП РФ [Официальный сайт Единой информационной системы в сфере закупок] – URL:<http://zakupki.gov.ru/epz/main/public/document> (дата обращения: 30.11.2022).

² В равной степени обозначенная проблема касается всех некоммерческих и общественных организаций и требует отдельного исследования применительно к конкретному юридическому лицу.

пальных учреждений определяется законом. Государственные и муниципальные учреждения не отвечают по обязательствам собственников своего имущества. Казенное учреждение отвечает по своим обязательствам находящимися в его распоряжении денежными средствами. При недостаточности денежных средств субсидиарную ответственность по обязательствам казенного учреждения несет собственник его имущества.

В ст. 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации (БК РФ) закреплено, что казенное учреждение — государственное (муниципальное) учреждение, осуществляющее оказание государственных (муниципальных) услуг, выполнение работ и (или) исполнение государственных (муниципальных) функций в целях обеспечения реализации предусмотренных законодательством Российской Федерации полномочий органов государственной власти (государственных органов) или органов местного самоуправления, финансовое обеспечение деятельности которого осуществляется за счет средств соответствующего бюджета на основании бюджетной сметы.

Статья 161 БК РФ предусматривает, что казенное учреждение находится в ведении органа государственной власти (государственного органа), органа местного самоуправления, осуществляющего бюджетные полномочия главного распорядителя (распорядителя) бюджетных средств, если иное не установлено законодательством Российской Федерации. Финансовое обеспечение деятельности казенного учреждения осуществляется за счет средств соответствующего бюджета бюджетной системы Российской Федерации и на основании бюджетной сметы.

При недостаточности лимитов бюджетных обязательств, доведенных казенному учреждению для исполнения его денежных обязательств, по таким обязательствам от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования отвечает соответственно орган государственной власти (государственный орган), орган местного самоуправления, орган местной админи-

страции, осуществляющий бюджетные полномочия главного распорядителя бюджетных средств, в ведении которого находится соответствующее казенное учреждение (п. 7 ст. 161 БК РФ).

В соответствии со ст. 11.1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» управление объединения, управление соединения и воинская часть Вооруженных Сил Российской Федерации могут являться юридическим лицом в форме федерального казенного учреждения. Например, в силу подп. 12.1 п. 1 ст. 158 БК РФ главный распорядитель бюджетных средств отвечает соответственно от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования по денежным обязательствам подведомственных ему получателей бюджетных средств. Например, субсидиарным должником казенного учреждения Минобороны России будет само Минобороны России (постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 12 апреля 2018 г. № Ф07-2735/2018).

Существует несколько причин неэффективности механизма привлечения государственных и муниципальных учреждений к административной ответственности.

Во-первых, государственные или муниципальные учреждения имеют не право собственности на имущество, а вторичное вещное право (имущество находится соответственно в государственной или муниципальной собственности). При назначении имущественных административных наказаний в виде административного штрафа материальный урон причиняется собственнику имущества (государству, муниципальному образованию).

Во-вторых, в бюджетах государственных и муниципальных учреждений суммы на уплату административных штрафов не планируются, денежные средства учреждения должны расходоваться на те цели, на которые они выделяются из соответствующего бюджета. Государственное (муниципальное) учреждение, как правило, получает государственное (муниципальное) задание и финансирование из соответствующего бюджета на его выполнение. Как только учреждение уплатит

штраф, будет, по факту, нецелесообразный платеж в бюджет. А уплаченный из государственного или муниципального бюджета штраф вновь поступит в государственный бюджет.

В-третьих, государственные и муниципальные учреждения создаются не так, как иные юридические лица, а властным волеизъявлением, изданием акта управления и таким же способом наделяются имуществом, необходимым для занятия деятельностью; они не могут быть признаны банкротами (п. 1 ст. 65 ГК РФ). Финансирование государственных, муниципальных учреждений осуществляется из соответствующих бюджетов в соответствии с нормами БК РФ.

Изложенные рассуждения о казенных учреждениях применимы и к бюджетным учреждениям.

Таким образом, можно констатировать, что в определенных случаях, государственные и муниципальные учреждения являются особыми субъектами административной ответственности. Наличие специфики их правового статуса позволяет говорить о том, что они обладают такими признаками, которые влияют на назначение наказания и освобождение от административной ответственности, в частности в рамках ст. 19.28 КоАП РФ.

Административная ответственность является формой государственной защиты прав граждан, общества и государства от противоправных действий юридических лиц, но необходимо дифференцированно подходить к административной ответственности казенных учреждений. Применение к ним имущественных административных наказаний прежде всего ущемляет

права собственника имущества (главного распорядителя бюджетных средств), не совершавшего административного правонарушения.

С учетом изложенного, авторы предлагают применять более эффективные механизмы воздействия в отношении государственных и муниципальных учреждений. Например, если государственное или муниципальное учреждение совершает противоправное деяние, к административной ответственности должен привлекаться исключительно его руководитель (должностное лицо). Назначение же административного наказания государственному, муниципальному учреждению не влечет достижения целей применения мер административной ответственности.

Следовательно, в ст. 19.28 КоАП РФ требуется внести изменения, исключив из субъектов ответственности юридических лиц с организационно-правовой формой государственных и муниципальных учреждений.

Библиография

1. Зырянов, С.М. Административная ответственность за незаконное вознаграждение от имени юридического лица / С.М. Зырянов, А.М. Цырин // Журнал российского права. — 2015. — № 2. — С. 82—90.
2. Противодействие коррупции: новые вызовы : монография / С.Б. Иванов, Т.Я. Хабриева, Ю.А. Чиханчин [и др.]; отв. ред. Т.Я. Хабриева. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2018.
3. Шишкарев, С.Н. Российское законодательство в сфере противодействия коррупции: перспективы дальнейшего развития / С.Н. Шишкарев // Общество и право. — 2010. — № 2. — С. 154—158.

Военные аспекты трудового и гражданского права

Актуальные вопросы регулирования трудовой деятельности лиц гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации, обеспечивающих проведение специальной военной операции

© Ломакина Татьяна Вячеславовна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры конституционного (государственного) и
международного права ФГКВБОУ ВО «Военный
университет имени князя Александра Невского»
Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. В рамках настоящей статьи изучены и проанализированы вопросы, касающиеся трудовой деятельности гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации в ходе проведения специальной военной операции, возникающих рисков для жизни и здоровья работников, гарантий на обеспечение безопасных условий труда, компенсаций за отклонение от нормальных условий труда.

Ключевые слова: гражданский персонал Вооруженных Сил, право на здоровые и безопасные условия труда, основания для направления гражданского персонала в зону проведения специальной военной операции, обеспечение охраны труда при осуществлении трудовой деятельности гражданского персонала, гарантийные и компенсационные выплаты при отклонениях от нормальных условий труда, компенсации в случае гибели гражданского персонала, получения травм.

Topical issues of regulation of the labor activity of civilian personnel of the Armed Forces of the Russian Federation on the territory of a special military operation

© Lomakina T.V.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of
Constitutional (State) and International Law of the
Prince Alexander Nevsky Military University of the
Ministry of Defense of the Russian Federation

Annotation. Within the framework of this article, issues related to the work of civilian personnel of the Armed Forces of the Russian Federation during a special military operation, emerging risks to life and health, guarantees to ensure safe working conditions, compensation for deviations from normal working conditions are studied and analyzed.

Keywords: civilian personnel of the Armed Forces of the Russian Federation, the right to healthy and safe working conditions, grounds for sending civilian personnel to the zone of a special military operation, ensuring labor protection during the employment of civilian personnel, warranty and compensation payments for deviations from normal working conditions, compensation in case of death of civilian personnel, injuries.

только военнослужащие, но и лица гражданского персонала. Как следует из Указа Президента Российской Федерации от 25 августа 2022 г. № 575 «Об установлении штатной численности Вооруженных Сил Российской Федерации», с 1 января 2023 г. установлена штатная численность Вооруженных Сил Российской Федерации в количестве 2 039 758 единиц, в том числе 1 150 628 военнослужащих. Следовательно, штатная численность гражданского персонала составляет 889 130 единиц, которые трудятся в центральных органах военного управления, объединениях, соединениях, воинских частях, учреждениях и других военных организациях.

Под гражданским персоналом Вооруженных Сил Российской Федерации понимается личный состав Вооруженных Сил Российской Федерации, комплектуемый как гражданами Российской Федерации, так и иностранными гражданами, заключившими трудовой договор о работе или о профессиональной служебной деятельности по определенным штатным расписанием должностям и специальностям в воинских частях Вооруженных Сил Российской Федерации в целях обеспечения выполнения ими возложенных на них задач¹.

Важность темы статьи обуславливается тем, что в условиях проведения специальной военной операции значительно повышается роль и значение гражданского персонала в обеспечении поставленных целей и задач, обеспечении войск необходимыми материальными ресурсами.

Вопросы правового положения гражданского персонала, охраны труда, обеспечения здоровых и безопасных условий труда всегда находились в центре внимания командования, профсоюзных органов Вооруженных Сил России, военных юристов². С началом специальной военной

операции возникли вопросы, которые ранее не были предметом исследования, правового регулирования. Они касаются и возможности признания гражданского персонала ветеранами боевых действий, и компенсаций раненым и погибшим работникам при обеспечении целей и задач специальной военной операции, их медицинской реабилитации, повышенной оплаты труда и некоторых других.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации в Российской Федерации как социальном государстве охраняются труд и здоровье людей (ст. 7) и каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, и на охрану здоровья (ст. 37, ч. 3; ст. 41, ч. 1). В Трудовом кодексе Российской Федерации (ТК РФ) в ст. 219 абз. пятый ч. 1 работнику предоставлено право отказаться от выполнения работ в случае возникновения опасности для его жизни и здоровья вследствие нарушения требований охраны труда, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами, до устранения такой опасности.

Таким образом, ТК РФ не предусматривает трудовые отношения с участием гражданского персонала при проведении (обеспечении) специальной военной опе-

аций) по действующему законодательству // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2002. № 10. С. 21—23; Голенко Е.Н., Ковалев В.И. Трудовой кодекс Российской Федерации. Научно-практический комментарий (для командиров воинских частей, профсоюзных работников и гражданского персонала). М.: За права военнослужащих, 2004; Ковалев В.И. Все о труде гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации : справ. пособие. М., 2008; Ефремов А.В. О порядке расследования и учета несчастных случаев с гражданским персоналом в воинской части (военной организации) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2012. № 4. С. 68—74; Мартиросян В.С. Особенности распространения трудового законодательства на лиц гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 7. С. 82—89; Цуциев С.А. Особые условия труда для гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации в формате гигиенической классификации условий труда // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 5. С. 56—66.

¹ См.: Ковалев В.И. Правовой статус гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации // Российский военно-правовой сборник. 2004. № 1. С. 156

² Корнишин С. В. Правовые основы охраны труда гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 215; Голенко Е.Н. Охрана труда гражданского персонала воинских частей (военных органи-

рации, если его жизни и здоровью угрожает опасность. Возникает вопрос, а кто определяет наличие угрозы для жизни и здоровья работника? Из буквального содержания вышеназванной статьи следует прийти к выводу, что в первую очередь это право принадлежит самому работнику. При этом следует учитывать, что в силу абз. пятого ч. 1 ст. 219, ч. 7 ст. 220 ТК РФ работник не может быть подвергнут дисциплинарному взысканию за отказ от выполнения работ в случае возникновения опасности для его жизни и здоровья вследствие нарушения требований охраны труда, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами, до устранения такой опасности либо от выполнения тяжелых работ и работ с вредными и (или) опасными условиями труда, не предусмотренных трудовым договором¹. Поскольку ТК РФ не содержит норм, запрещающих работнику воспользоваться названным правом при обеспечении специальной военной операции (в том числе при переводе его в другие структурные подразделения организации, направлении в командировку в местность, где жизни работника угрожает опасность), отказ от перевода, командировки по указанным выше причинам является обоснованным.

Однако, при проведении специальной военной операции гражданский персонал получает и травмы, и увечья, и гибнет. Это происходит не только при непосредственном нахождении работников на территории Украины, ДНР и ЛНР, Запорожской и Херсонской областей, но и на территории Крыма, г. Севастополя и в нейтральных водах Черного моря в составе экипажей судов обеспечения Военно-Морского Флота. Так, 24 марта 2022 г. в результате минометного обстрела в порту Бердянск (Украина) третий помощник капитана морского буксира «МБ-174» Черноморского флота К. получил контузию, которая была классифицирована как несчастный случай на производстве. Пострадавший

получил только страховую выплату в размере 22 тыс. руб., без компенсаций за получения вреда здоровью. В июле 2022 г. в результате взрыва беспилотного летательного аппарата на территории штаба Черноморского флота получил ранение из числа гражданского персонала находящийся на дежурстве (помощник дежурного по связи) П., которому выплачена только страховая выплата — 22 тыс. руб. В июне 2022 г., в соответствии с планзаданием командования Черноморского флота, один из морских буксиров, находясь в нейтральных водах, был атакован вражескими противокорабельными ракетами. Погибло 6 человек экипажа (гражданский персонал), которые считаются пропавшими без вести. Члены семей, пропавших без вести и умершего, получили от правительства г. Севастополя единовременную выплату в размере 1 млн. руб., от Благотворительного фонда Севастополя «Мы севастопольцы» — по 50 тыс. руб.² От Правительства Российской Федерации и Министерства обороны Российской Федерации выплат не было.

Возможно ли при изложенных выше обстоятельствах распространение мер социальной поддержки, предусмотренных Федеральным законом от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах», на лиц гражданского персонала и членов их семей, погибших или получивших ранения при выполнении задач по обеспечению специальной военной операции?

В соответствии с подп. 1 п. 1 ст. 3 Федерального закона «О ветеранах» к ветеранам боевых действий в числе других относятся военнослужащие, в том числе уволенные в запас (отставку), военнообязанные, призванные на военные сборы, лица рядового и начальствующего состава органов внутренних дел, войск национальной гвардии и органов государственной безопасности, работники указанных органов, работники Министерства обороны СССР и Министерства обороны Российской Феде-

¹ Пункт 19 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации».

² Сайт Благотворительного фонда Севастополя «Мы севастопольцы». Информационный вестник Центрального комитета № 51. С. 108—109. https://psvsrf.ru/about/printed_materials

рации, сотрудники учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, органов принудительного исполнения Российской Федерации, направленные в другие государства органами государственной власти СССР, органами государственной власти Российской Федерации и принимавшие участие в боевых действиях при исполнении служебных обязанностей в этих государствах. В раздел III приложения к указанному Федеральному закону включена позиция: «Выполнение задач в ходе специальной военной операции: на территориях Украины, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики с 24 февраля 2022 г.; на территориях Запорожской области и Херсонской области с 30 сентября 2022 г.», из чего следует, что подп. 1 п. ст. 3 Федерального закона «О ветеранах» к ветеранам боевых действий отнесены лица, указанные выше, принимавшие участие в боевых действиях при выполнении задач в ходе специальной военной операции с 24 февраля 2022 г. Ветеранам боевых действий из числа лиц, указанных в подпункте 2.3 пункта 1 ст. 3 Закона о ветеранах, предоставляются меры социальной поддержки, перечисленные в п. 1 ст. 16 данного закона. Как указывалось, выше, ТК РФ установлена обязанность работодателя обеспечивать безопасность и право каждого работника на условия труда, соответствующие государственным нормативным требованиям охраны труда. Из этого следует, что привлечение гражданского персонала для участия в боевых действиях (выполнения (специальных) задач) противоречит трудовому законодательству Российской Федерации. При изложенных обстоятельствах следует прийти к выводу, что издание работодателем (представителем работодателя) локальных нормативных актов (в том числе приказов, указаний, боевых распоряжений) о привлечении гражданского персонала к участию в выполнении специальных задач в ходе специальной военной операции с 24 февраля 2022 г. (фактически об участии в боевых действиях) является незаконным.

На практике крайне затруднительно разграничить правомерное привлечение

работодателем (представителем работодателя) гражданского персонала к исполнению ими трудовых обязанностей в целях обеспечения выполнения задач в ходе специальной военной операции (обслуживания воинских частей, находящихся на указанной территории в период выполнения задач) от их нахождения в зоне боевых действий (например, необходимость защиты собственной жизни и безопасности во время авиаударов производственных зданий и сооружений, обстрелов судов обеспечения ВМФ, произошедшего боестолкновения по месту исполнения ими своих трудовых обязанностей).

По мнению автора, в случае возникновения перечисленных выше исключительных обстоятельств, признание лиц гражданского персонала ветеранами боевых действий возможно, однако, отсутствие упоминания данной категории в ст. 3 Закона о ветеранах делает эту возможность фактически неисполнимой. Во всех остальных случаях лица гражданского персонала, привлекавшиеся для обеспечения выполнения задач в ходе специальной военной операции, относятся к ветеранам боевых действий в соответствии подп. 9 п. 1 ст. 3 закона как лица, направлявшиеся для обеспечения выполнения задач в ходе специальной военной операции с 24 февраля 2022 г, отработавшие установленный при направлении срок либо откомандированные досрочно по уважительным причинам.

Что же касается повышенных выплат членам семьи в случае гибели гражданского персонала в ходе проведения специальной военной операции, в рамках реализации п. 3 поручения Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации М.Ш. Хуснулина от 28 октября 2022 г. № МХ-П16-18363¹ по вопросу предоставления мер социальной поддержки гражданскому персоналу, выполняющему работы по обеспечению специальной

¹ Поручение Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации М.Ш. Хуснулина от 28 октября 2022 г. № МХ-П16-18363 Информационный вестник Центрального комитета № 51. С. 113. https://psvsrf.ru/about/printed_materials

военной операции, Минобороны России подготовлен и направлен на согласование в Минтруд России и Минфин России проект указа Президента Российской Федерации «О дополнительных социальных гарантиях лицам гражданского персонала воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации и членам их семей» (далее — проект указа). Проект указа предусматривает осуществление единовременных выплат лицам гражданского персонала, принимавшим непосредственное участие в выполнении работ по обеспечению мероприятий специальной военной операции, а также специальных задач на территории Сирийской Арабской Республики, получившим увечье (ранение, травму, контузию) при выполнении указанных работ (оказании услуг) либо в случае их гибели членам их семей, в размере 3 млн. руб. и 5 млн. руб. соответственно.

При рассмотрении вопроса бесплатной реабилитации гражданского персонала, получившего ранения при проведении специальной военной операции в военно-медицинских учреждениях Минобороны России, следует иметь в виду следующее. Военно-медицинские организации оказывают за счет средств, предусмотренных федеральным бюджетом, бесплатную медицинскую помощь тем категориям граждан, которые имеют на нее право в соответствии с законодательством Российской Федерации, на основании документов, подтверждающих наличие данного права. Абзацем четвертым п. 56 Отраслевого соглашения между Профессиональным союзом гражданского персонала Вооруженных Сил России на 2020—2022 годы¹ предусмотрено оказание медицинской помощи гражданскому персоналу в военно-медицинских организациях за счет средств обязательного медицинского страхования (далее — ОМС), а также на договорной основе за плату в тех

военно-медицинских организациях, которые не включены в систему ОМС. Учитывая изложенное, гражданский персонал, получивший ранения в ходе проведения специальной военной операции, может приниматься в военно-медицинские организации, работающие в системе ОМС, для проведения медицинской реабилитации, по полису ОМС, при наличии соответствующих медицинских показаний.

Кроме того, мероприятия медицинской реабилитации гражданскому персоналу, получившему ранения в ходе проведения специальной военной операции, могут проводиться в профильных отделениях медицинских организаций государственной и муниципальной систем здравоохранения. В соответствии с подп. «м» п. 1 и подп. «л» п. 7 Порядка санаторно-курортного обеспечения в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 15 марта 2011 г. № 333, лица гражданского персонала обеспечиваются путевками в санаторно-курортные организации Минобороны России на условиях, предусмотренных отраслевым соглашением между Профессиональным союзом гражданского персонала Вооруженных Сил России и Министерством обороны Российской Федерации на соответствующий период. Отраслевым соглашением между Профессиональным союзом гражданского персонала Вооруженных Сил России и Министерством обороны Российской Федерации на 2020—2022 годы предусмотрено выделение Профессиональному союзу гражданского персонала Вооруженных Сил России 7 % от общего количества путевок в санаторно-курортные организации Минобороны России для реализации путевок гражданскому персоналу с оплатой указанным гражданам 30 % стоимости. Особого порядка предоставления бесплатных санаторно-курортных путевок в военные здравницы для лиц гражданского персонала Сил России и Министерством обороны Российской Федерации действующими нормативными правовыми актами не предусмотрено.

Перечисленные выше пробелы в правовом регулировании труда гражданского

¹ Соглашение о продлении на 2023—2025 годы действия Отраслевого соглашения между Профессиональным союзом гражданского персонала Вооруженных Сил России и Министерством обороны Российской Федерации на 2020—2022 годы утверждено Профсоюзом гражданского персонала Вооруженных Сил России, Министром обороны Российской Федерации.

персонала позволяют автору сделать вывод о том, что совокупность правовых норм, регулирующих обособленные общественные отношения гражданского персонала Вооруженных Сил России, образует относительно самостоятельную подотрасль российского трудового права и имеются убедительные доводы и обоснования в защиту такого вывода. Дальнейшие исследования по вопросу правового положения гражданского персонала восполняют имеющиеся пробелы в законодательстве и военно-правовых теоретических знаний.

Библиография

1. Голенко, Е.Н. Охрана труда гражданского персонала воинских частей (военных организаций) по действующему законодательству / Е.Н. Голенко // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2002. — № 10. — С. 21—23.
2. Голенко, Е.Н. Трудовой кодекс Российской Федерации. Научно-практический комментарий (для командиров воинских частей, профсоюзных работников и гражданского персонала) / Е.Н. Голенко, В.И. Ковалев. — М.: За права военнослужащих, 2004.
3. Ефремов, А.В. О порядке расследования и учета несчастных случаев с гражданским персоналом в воинской части (военной организации) / А.В. Ефремов // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2012. — № 4. — С. 68—74.
4. Ковалев, В.И. Все о труде гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации : справ. пособие / В.И. Ковалев. — М., 2008.
5. Ковалев, В.И. Правовой статус гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации / В.И. Ковалев // *Российский военно-правовой сборник.* — 2004. — № 1.
6. Корнишин, С.В. Правовые основы охраны труда гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / С.В. Корнишин. — М., 1998.
7. Мартиросян, В.С. Особенности распространения трудового законодательства на лиц гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ) / В.С. Мартиросян // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2022. — № 7. — С. 82—89.
8. Цуциев, С.А. Особые условия труда для гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации в формате гигиенической классификации условий труда / С.А. Цуциев // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2022. — № 5. — С. 56—66.

Актуальные вопросы исчисления трудового (страхового) стажа лиц гражданского персонала при работе в воинских частях (военных организациях) Вооруженных сил Российской Федерации за границей

© Ломакина Татьяна Вячеславовна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры конституционного (государственного) и
международного права ФГКВБОУ ВО «Военный
университет имени князя Александра Невского»
Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. В рамках настоящей статьи изучены вопросы, касающиеся исчисления (подсчета) страхового стажа гражданского персонала воинских частей (военных организаций), которые осуществляли свою трудовую деятельность за границей. Проанализирована судебная практика по вопросам пенсионного обеспечения гражданского персонала. Исследуются наиболее эффективные методы разрешения возникающих проблем.

Ключевые слова: гражданский персонал Вооруженных Сил Российской Федерации, трудовой стаж, страховой стаж, правила подсчета страхового стажа при выполнении трудовой функции в воинских частях, дислоцирующихся за границей.

Actual issues of calculation of labor (insurance) the length of service of civilian personnel when working in military units (military organizations) The Armed Forces of the Russian Federation abroad

© Lomakina T.V.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of
Constitutional (State) and International Law of the
Prince Alexander Nevsky Military University of the
Ministry of Defense of the Russian Federation

Annotation. Within the framework of this article, the issues concerning the calculation (calculation) of the insurance experience of civilian personnel of military units (military organizations) who carried out their work abroad have been studied. The judicial practice on the issues of pension provision of civilian personnel is analyzed. The most causes of the most effective spouse methods were investigated to resolve the military problems of the serviceman arising.

Keywords: civilian personnel of the Armed Forces of the Russian Federation, work experience, insurance experience, and rules for calculating insurance experience when performing a work function in military units stationed abroad. Current issues of the organization of labor protection of civil personnel of the Armed Forces of the Russian Federation.

Трудовой стаж является одним из основных понятий, используемых в науке права социального обеспечения. Это один из важнейших юридических фактов, с которым законодатель связывает возникновение большинства правоотношений в

сфере социального обеспечения и который существенно влияет на объем социальных прав граждан.

В научных статьях ранее рассматривались вопросы исчисления выслуги лет, трудового (страхового) стажа, назначения

второй (страховой) пенсии уволенным военнослужащим¹. В настоящей статье будут проанализированы вопросы зачета в трудовой (страховой) стаж периодов трудовой деятельности гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации, выполняемой в воинских частях, дислоцированных на территории иностранных государств.

В советское время наши военные объекты и базы были раскиданы по всему миру: Восточная Европа, Ангола и Вьетнам, Куба и Йемен и другие страны Африки и Азии.

Размещение собственных войск на территории других государств было вызвано необходимостью максимально отодвинуть рубеж обороны от собственных границ и, наоборот, угрожать территории разных вероятных противников и враждебных блоков.

После прекращения существования Союза Советских Социалистических Республик такое «предполье» пришлось переносить на территорию СНГ. Сейчас военные базы на территории сопредельных и не только государств остаются важнейшим элементом национальной обороны. Миротворческие миссии, размещение войск с целью урегулирования конфликтов в зоне интересов России, помощь союзникам, борьба с терроризмом — все это делает российское военное присутствие за пределами страны необходимым. На основании

¹ Ефремов А.В. Выплата пенсий и ежемесячной денежной компенсации вдовам (вдовцам) погибших (умерших) военнослужащих в зависимости от вступления и невступления в новый брак // *Право в Вооруженных силах — военно-правовое обозрение*. 2013. № 12. С. 23—27; Ефремов А.В. Правовые вопросы, возникающие при несвоевременном перерасчете военных пенсий, в том числе пенсий по случаю потери кормильца // *Право в Вооруженных силах — военно-правовое обозрение*. 2015. № 2. С. 31—34; Ломакина Т.В. Актуальные вопросы назначения страховой пенсии по старости военным пенсионерам // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. 2016. № 1 (223). С. 21—27; Ковалев В.И., Ломакина Т.В. Сущность проводимой в Российской Федерации реформы пенсионного законодательства и изменение условий назначения второй (страховой) пенсии уволенным с военной службы гражданам // *Военное право*. 2019. №4 (56). С. 136—142.

международных договоров и соглашений² российские войска расположены в Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии, Армении, Киргизии, Таджикистане, Казахстане, Сирии.

Вопросы установления юрисдикции России приобретают решающее значение для правового регулирования трудовой деятельности гражданского персонала при дислокации воинских частей и организаций Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов вне пределов ее территории. Этот вопрос актуален не только в связи с ведомственным правовым регулированием труда гражданского персонала, направляемого на работу, например, в дипломатические представительства России либо в представительства федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации за границей (ст. 349 ТК РФ). Он приобрел особую значимость в настоящее время, когда расширяется военное присутствие России в странах постсоветского пространства. Данные объективные процессы вызывают необходимость применения в дислоцированных вне пределов России воинских частях труда гражданского персонала, комплектуемого из числа как граждан России, так и иностранных граждан (лиц без гражданства). Эти воинские части не относятся к представительствам Министерства обороны Российской Федерации или государственным учреждениям Российской Федерации по определению (ст. 55 и 120 ГК РФ), что не позволяет на их работников распространить нормы гл. 53 ТК РФ.

Привлечение граждан Российской Фе-

² Отдельные соглашения: Соглашение о принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова (Москва, 21 июля 1992 г.); Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Абхазия об объединенной российской военной базе на территории Республики Абхазия от 17 февраля 2010 г. Ратифицировано Федеральным законом от 6 октября 2011 г. № 266-ФЗ; Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия об объединенной российской военной базе на территории Республики Южная Осетия, применяется с 7 апреля 2010 г.; Договор между Российской Федерацией и Республикой Армения о российской военной базе на территории Республики Армения от 16 марта 1995 г.

дерации для работы вне места их постоянного жительства (в данном случае — за границей) в указанные воинские части соответствует положениям ст. 64 ТК РФ, гарантирующим каждому право на труд вне зависимости от места жительства. Исходя из общепризнанных принципов международного права, в процессе трудовой деятельности таких граждан в этих воинских частях они не выбывают из юрисдикции России, поскольку их правомерное нахождение на территории иностранного государства в составе воинского контингента определяется международным договором (соглашением). На этом основании их трудовые отношения с воинской частью регулируются ТК РФ и другими нормативными правовыми актами Российской Федерации. Так, постановлением Правительства Российской Федерации от 1 октября 1994 г. № 1122 гражданскому персоналу, работающему в воинских частях и военных организациях Вооруженных Сил Российской Федерации, находящихся на аренде у Казахстана космодроме «Байконур» и в г. Ленинске, предусмотрены повышенная оплата труда, ежегодный дополнительный оплачиваемый отпуск и иные льготы.

Нормы трудового права России также распространяются на находящихся в плавании работников — членов экипажей судов обеспечения Военно-Морского Флота и при выполнении ими трудовых обязанностей на других военных кораблях, плавающих в открытом море под Андреевским флагом.

Находящиеся за рубежом воинские части Вооруженных Сил Российской Федерации вправе привлекать к работе граждан страны пребывания, если иное не установлено международными договорами России. Этими же договорами должен решаться вопрос и о распространении на них действия национального или российского законодательства о труде.

В частности, социальные гарантии граждан России и Казахстана, работающих на комплексе «Байконур», обеспечиваются их национальным законодательством, кроме случаев, предусмотренных межгосударственным соглашением. Например,

проведение в соответствии с законодательством России медико-социальной экспертизы для граждан обеих стран возложено на учреждение медико-социальной экспертизы при администрации г. Байконур; мероприятия по содействию занятости этих граждан проводятся специально созданным территориальным органом Федеральной службы по труду и занятости; их государственное социальное страхование производится на основании законодательства Российской Федерации за счет средств Фонда социального страхования России. Таковы основные положения Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о социальных гарантиях граждан Российской Федерации и Республики Казахстан, проживающих и/или работающих на комплексе «Байконур», от 12 октября 1998 г. (ратифицировано Федеральным законом от 6 декабря 2000 г. № 144-ФЗ).

Автором изучена судебная практика по вопросам пенсионного обеспечения гражданского персонала Вооруженных Сил, трудовая деятельность которых (ее часть) осуществлялась за пределами Российской Федерации. Установлено, что, как правило, суды, ссылаясь на различные обстоятельства (неуплата страховых взносов работодателем в Пенсионный фонд Российской Федерации, отсутствие сведений о выполняемой работе в воинских частях на территории иностранных государств в архивных учреждениях Минобороны России (либо неправильное заполнение сведений о работе в трудовых книжках работника), непродолжительный период работы, который не может повлиять на размер назначаемой пенсии и некоторые другие, отказывали в зачете периодов такой работы в стаж. Законны ли указанные выше обстоятельства, могут ли они служить основанием для отказа в зачете страхового стажа?

На примере рассмотрения судом искового заявления гр-на Н.¹ к территориальному управлению Пенсионного фонда России проанализируем пенсионное зако-

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 06.04.2021 по делу № 33-11672/2021.

нодательство. Истец просил обязать ответчика включить в ее стаж, являющийся основанием для исчисления страховой пенсии по старости, период трудовой деятельности в 115 Комендатуре охраны и обслуживания управления Черноморского флота с местом дислокации в г. Севастополь (до марта 2014 года — территория Украины) и соответственно произвести перерасчет размера пенсии, выплатив недополученную сумму со дня ее назначения. Судом первой инстанции было отказано в удовлетворении заявленных требований. Законно ли данное решение?

В связи с принятием в рамках проводимой пенсионной реформы федеральных законов «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», «О страховых пенсиях в Российской Федерации», «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» на первое место при определении размера страховых пенсий выдвигается страховой стаж.

Согласно этим законам, а также Федеральному закону от 1 апреля 1996 г. № 27-ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе государственного пенсионного страхования» появилось понятие страхового стажа.

Страховой стаж застрахованного лица — это суммарная продолжительность периодов работы и (или) иной деятельности на территории Российской Федерации застрахованного в течение его жизни, за которые уплачивались страховые взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации, а также иных периодов, засчитываемых в страховой стаж (ст. 3 Закона о страховых пенсиях).

Периоды работы и (или) иной деятельности, которые выполнялись лицами, указанными в ч. 1 ст. 4 этого закона, за пределами территории Российской Федерации, включаются в страховой стаж в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации или международными договорами Российской Федерации, либо в случае уплаты страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 15.12.2001 г. № 167-ФЗ «Об

обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации».

В сфере пенсионного обеспечения применяются общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации. В случае, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотрены Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ, применяются правила международного договора Российской Федерации (ч. 3 ст. 2 Федерального закона от дата от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ).

13 марта 1992 г. между государствами — участниками СНГ подписано Соглашение о гарантиях прав граждан государств — участников Содружества Независимых Государств в области пенсионного обеспечения, ст. 1 которого предусматривается, что пенсионное обеспечение граждан государств — участников настоящего Соглашения и членов их семей осуществляется по законодательству государства, на территории которого они проживают.

В соответствии со ст. 1 названного Соглашения, пенсионное обеспечение граждан государств — участников этого Соглашения и членов их семей осуществляется по законодательству государства, на территории которого они проживают.

Как следует из содержания п. 2 ст. 6 названного Соглашения, при установлении пенсий гражданам государств — участников Соглашения стран СНГ учитывается *трудовой (страховой) стаж*, приобретенный на территории любого из этих государств, а также на территории бывшего СССР.

Трудовой стаж в соответствии со ст. 2, 20 Федерального закона «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» — это суммарная продолжительность трудовой и иной общественно-полезной деятельности гражданина, которая засчитывается в страховой стаж, необходимый для получения пенсии.

Фактически, в настоящее время «трудовой стаж» является собирательным понятием, объединяющим все виды стажа.

Трудовой стаж выполняет две основные функции:

1) условие предоставления обеспечения. В качестве примера следует привести положения ст. 8 Закона о страховых пенсиях, по которой для возникновения права на страховую пенсию по старости требуется не менее 15 лет страхового стажа;

2) регулятор размера обеспечения. Наиболее наглядно данная функция прослеживается на примере пособий по временной нетрудоспособности. Размер пособия зависит от продолжительности страхового стажа и устанавливается в размере 100 % среднего заработка — при стаже 8 лет и более; 80 % — при стаже от 5 до 8 лет; 60 % среднего заработка — при стаже от 6 месяцев до 5 лет; при стаже до 6 месяцев пособие по временной нетрудоспособности выплачивается в размере, не превышающем за полный календарный месяц МРОТ.

Суд первой инстанции, отказывая в удовлетворении требований истца о включении в страховой стаж периода работы в должности заведующей делопроизводством в комендатуре охраны и обслуживания управления Черноморского флота, исходил из того, что право истца на пенсию определено, на расчет размера пенсии данный период не влияет, поскольку в индивидуальном лицевом счете застрахованного лица сведений о страховых взносах не имеется; периоды работы после вступления в силу Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ могут быть включены в подсчет трудового (страхового) стажа при условии уплаты страховых взносов на пенсионное обеспечение в соответствующие органы той страны, на территории которой осуществлялась трудовая и (или) иная деятельность.

Это не так. Согласно ст. 39 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом (ч. 1); государственные пенсии и социальные пособия устанавливаются законом (ч. 2).

Конституционное право на социальное обеспечение включает и право лиц, работавших по трудовому договору, на полу-

чение трудовой пенсии, предоставляемой в рамках системы обязательного пенсионного страхования. Соответственно, осуществляемое федеральным законодателем правовое регулирование отношений в сфере пенсионного обеспечения этих лиц, должно предусматривать эффективные гарантии их права на трудовую пенсию, которые соответствуют природе, целям и значению данного вида пенсионного обеспечения, с тем чтобы исключить возможность блокирования реализации приобретенных пенсионных прав и на основе доступных процедур обеспечить своевременное и в полном объеме получение полагающейся пенсии.

В силу этого, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 10 июля 2007 года № 9-П¹, различия в условиях приобретения пенсионных прав в зависимости от того, исполнил страхователь (работодатель) надлежащим образом свою обязанность по перечислению страховых пенсионных платежей в Пенсионный фонд Российской Федерации или не исполнил, не могут быть признаны соответствующими конституционно значимым целям и, следовательно, несовместимы с требованиями ст. 19 (ч. 1 и 2) и 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации.

В отношениях по обязательному пенсионному страхованию лиц, работающих по трудовому договору, обязанность по своевременному и полному перечислению страховых взносов в бюджет Пенсионного фонда Российской Федерации возлагается, по общему правилу, на работодателей, которые выступают в этих отношениях в качестве страхователей, к каковым подп. 1 п. 1 ст. 6 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Рос-

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10.07.2007 № 9-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 10 и пункта 2 статьи 13 Федерального закона "О трудовых пенсиях в Российской Федерации" и абзаца третьего пункта 7 Правил учета страховых взносов, включаемых в расчетный пенсионный капитал, в связи с запросами Верховного Суда Российской Федерации и Учалинского районного суда Республики Башкортостан и жалобами граждан А.В. Докукина, А.С. Муратова и Т.В. Шестаковой».

сийской Федерации» относит всех работодателей (организации, индивидуальных предпринимателей, физических лиц), фактически производящих выплату заработной платы физическим лицам — работникам. Обязанность работодателя осуществлять обязательное социальное (в том числе пенсионное) страхование работников в порядке, установленном федеральными законами, предусмотрена также ч. 2 ст. 22 ТК РФ.

В ч. 2 ст. 11 Федерального закона «О страховых пенсиях» закреплено правило, позволяющее включать в страховой стаж периоды работы и (или) иной деятельности, которые выполнялись застрахованными лицами за пределами территории Российской Федерации, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации или международными договорами Российской Федерации, либо в случае уплаты страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации».

По смыслу ч. 1 ст. 349 ТК РФ, российские граждане, работающие по трудовому договору в организациях Вооруженных Сил Российской Федерации, обладают стандартным правовым статусом работника, на которого распространяются как общие нормы трудового законодательства, так и общие нормы законодательства об обязательном социальном страховании, а особенности в правовом регулировании отношений с их участием могут предусматриваться федеральными законами и иными нормативными правовыми актами. Поскольку такие федеральные законы на сегодняшний день отсутствуют, на войсковые части, выступающие в качестве работодателей для указанных лиц, в том числе дислоцированные за пределами границ Российской Федерации войсковые части независимо от места их расположения, должно возлагаться исполнение всех обязанностей работодателя, предусмотренных российским законодательством, включая обязанность по уплате страховых взносов в бюджет Пенсионного фонда Российской Федерации.

Следовательно, в силу предписаний ТК РФ (ст. 22 и 349) и Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» (подп. 1 п. 1 ст. 6) российские войсковые части, дислоцированные на территории иностранных государств, фактически будучи работодателями для российских граждан из числа гражданского персонала, обязаны осуществлять обязательное пенсионное страхование и уплачивать страховые взносы на финансирование страховой и накопительной частей трудовых пенсий этих граждан, причем независимо от того, являются данные войсковые части юридическими лицами либо не являются.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 15 января 2009 г. № 188-О-П¹, Российская Федерация как правовое и социальное государство, принимая решение о дислокации российских войсковых частей на территории иностранных государств, должна создавать и правовой механизм, обеспечивающий постановку данных войсковых частей на учет в налоговых органах и позволяющий им формировать надлежащим образом пенсионные права работающих в них российских граждан из числа вольнонаемного персонала Вооруженных Сил Российской Федерации.

Таким образом, в силу правовых позиций, выраженных Конституционным Судом Российской Федерации в указанном выше Постановлении, п. 2 ст. 10 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в системной взаимосвязи с законоположениями, закрепляющими безусловную обязанность всех страхователей (работодателей) своевременно и в полном объеме уплачивать страховые взносы за своих работников, не может истолковываться как исключаящий возможность зачета в страховой стаж периодов работы граждан Российской Федерации, занятых по трудовому договору на

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15.01.2009 № 188-О-П «По запросу 5-го гарнизонного военного суда о проверке конституционности пункта 2 статьи 10 Федерального закона "О трудовых пенсиях в Российской Федерации"»

должностях гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации в войсковых частях, дислоцированных на территории иностранных государств, — независимо от того, уплачивались ли за них в эти периоды войсковыми частями страховые взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации. Иное означало бы установление таких различий в условиях приобретения пенсионных прав, которые не могут быть признаны соответствующими конституционно значимым целям и, следовательно, несовместимы с требованиями ст. 19 (ч. 1 и 2) и 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации.

Согласно данному Определению Конституционного Суда Российской Федерации п. 2 ст. 10 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (аналогичные положения в настоящее время содержит ч. 2 ст. 11 Федерального закона «О страховых пенсиях») в системной взаимосвязи с законоположениями, закрепляющими безусловную обязанность всех страхователей (работодателей) своевременно и в полном объеме уплачивать страховые взносы за своих работников, не может истолковываться как исключаящий возможность зачета в страховой стаж периодов работы граждан Российской Федерации, занятых по трудовому договору на должностях гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации в войсковых частях, дислоцированных на территории иностранных государств, — независимо от того, уплачивались ли за них в эти периоды войсковыми частями страховые взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации.

Таким образом, до установления соответствующего правового регулирования — исходя из принципа непосредственного действия Конституции Российской Федерации и с учетом особенностей отношений между государством и Пенсионным фондом Российской Федерации, а также между государством, страхователями и застрахо-

ванными лицами — право застрахованных лиц, работавших по трудовому договору на должностях гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации в войсковых частях, дислоцированных на территории иностранного государства, на получение трудовой (страховой) пенсии с учетом предшествовавшей ее назначению (перерасчету) трудовой деятельности при неуплате страхователями (работодателями) страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации должно обеспечиваться государством в порядке исполнения за страхователей обязанности по перечислению в Пенсионный фонд Российской Федерации необходимых средств за счет федерального бюджета.

С учетом изложенных выше обстоятельств, суд второй инстанции удовлетворил иски о взыскании страховых взносов, включив в страховой стаж работника (гражданского персонала) период трудовой деятельности в воинском формировании Вооруженных Сил за границей.

Библиография

1. Ефремов, А.В. Выплата пенсий и ежемесячной денежной компенсации вдовам (вдовцам) погибших (умерших) военнослужащих в зависимости от вступления и невступления в новый брак / А.В. Ефремов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2013. — № 12. — С. 23—27.
2. Ефремов, А.В. Правовые вопросы, возникающие при несвоевременном перерасчете военных пенсий, в том числе пенсий по случаю потери кормильца / А.В. Ефремов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2015. — № 2. — С. 31—34.
3. Ломакина, Т.В. Актуальные вопросы назначения страховой пенсии по старости военным пенсионерам / Т.В. Ломакина // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2016. — № 1 (223). — С. 21—27.
4. Ковалев, В.И. Сущность проводимой в Российской Федерации реформы пенсионного законодательства и изменение условий назначения второй (страховой) пенсии уволенным с военной службы гражданам / В.И. Ковалев, Т.В. Ломакина // Военное право. — 2019. — № 4 (56). — С. 136—142.

Перспективы использования технологии блокчейн в оборонной сфере на примере «смарт-контрактов»

© Седунов Руслан Анатольевич,
заведующий учебным кабинетом 25 кафедры
ФГКВОУ ВО «Военный университет имени
князя Александра Невского» Министерства
обороны Российской Федерации

Аннотация. В статье описывается технология блокчейн и возможности ее использования, в том числе в виде «смарт-контрактов», рассматриваются положительные и отрицательные стороны их использования в военной отрасли.

Ключевые слова: блокчейн, блокчейн-платформы, интернет вещей, цифровые технологии, оборона, сделки, «смарт-контракты», безопасность.

Prospects of blockchain technology usage in defense sphere by example of “smart-agreements”

© Sedunov R.A.,
The study room manager of the 25th Department of
the Prince Alexander Nevsky Military University of
the Ministry of Defense of the Russian Federation

Abstract. The paper describes a blockchain technology and opportunities of its applying including usage by way of “smart-agreements”. Beneficial and negative aspects of their usage in military sphere are also under review here.

Keywords: blockchain, blockchain-platforms, Internet of things, digital technologies, defense, transactions, "smart-agreements", security.

Распределенные базы данных все чаще используются во всех общественных сферах. Одной из принципиально новых категорий распределенной базы данных является технология блокчейн, которая строится на таких основаниях как: распределенность, публичность, математическая достоверность, безопасность, доступность, анонимность транзакций (например, денежных переводов).

Упрощенно данную технологию можно представить как прозрачный сейф, в который каждый пользователь (зарегистрированный клиент) может что-то положить. При этом любой может видеть, что туда положено, но изменить или забрать это можно только при наличии специальных прав доступа — ключа, который известен только тому, для кого он предназначен.

Взломать же такой сейф невозможно.

Технологию блокчейн впервые описал в своей статье, посвященной биткоину (системе электронных денег)¹, в 2008 г. Сатоши Накамото. И там она воспринималась не иначе, как средство, обеспечивающее алгоритм работы криптовалюты. Спустя время, блокчейн стал рассматриваться как отдельная самостоятельная технология.

Блокчейн — защищенная с помощью методов криптографии открытая база транзакций. С технической точки зрения работа в блокчейн строится достаточно просто: пользователи обмениваются между собой

¹ См.: Satoshi Nakamoto. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf> (дата обращения: 08.06.2023).

данными, которые затем попадают в блоки, создаваемые специальными программами.

Блокчейн состоит из цепочки блоков. В каждом блоке расположены информация о времени, дате, участниках, сумме сделок, а также информация о всей цепи: каждый блок создается с использованием части предыдущего блока. В случае создания нового блока в нем будет дублироваться информация, содержащаяся в предыдущих блоках, в результате чего все указанные блоки оказываются связаны между собой.

Блокчейн можно назвать глобальным электронным регистрационным журналом, в котором математическими инструментами описаны правила хранения и распределения информации о том, что и кому принадлежит. Эти же математические алгоритмы, а также специальные программы (майнеры) следят за целостностью, защищенностью и общедоступностью системы, исключая несанкционированный доступ к ней извне даже на уровне зарегистрированных клиентов и администраторов.

Пользователями такой системы создается компьютерная блокчейн-сеть, войдя в которую, пользователь соединяется с другими компьютерами сети. В результате этого происходит обмен данными в виде блоков и записей. Каждый пользователь, убедившись в достоверности и корректности информации, сохраняет ее у себя и передает дальше.

Все части блокчейн-сети постоянно согласуются относительно общего состояния ее транзакций. Однажды попав в блок, запись считается действительной и уже не подлежит видоизменению. Если кто-то попытается изменить цепочку, то согласование не пройдет, а операция будет отклонена. Такой алгоритм работы блокчейн защищает всю сеть от внесения изменений.

При этом в каждом персональном компьютере хранится копия каждого созданного блока. Такая система хранения данных является наиболее безопасной, поскольку не представляется возможным вывести ее из строя, только в случае поломки

всех участвующих в данной системе компьютеров. А поскольку все пользователи находятся в разных уголках нашей планеты, то вероятность разрушения данной системы крайне мала.

Блокчейн является открытым реестром, но данные проверяются и пересылаются с помощью передовых методов криптографии. Это гарантирует надежность источников и что информация не будет перехвачена в процессе пересылки. Для того, чтобы вскрыть один из блоков и внести изменения, необходимо подобрать криптографический ключ, которым осуществлялось закрытие информации. Данная процедура теоретически возможна, но для этого требуются большие вычислительные мощности. Кроме того, если удастся изменить информацию в одном блоке, остальные, оставшись нетронутыми, непременно укажут на несоответствие.

Поскольку данная система считается более надежной по сравнению с традиционными системами, вероятность хакерских взломов существенно снижается.

Возможности использования блокчейна чрезвычайно обширны. Они распространяются не только на криптовалюту, расчеты и финансовые рынки, но и на сферы государственного управления, здравоохранения, науки, образования, культуры и искусства¹. Очень перспективно выглядит использование основанных на блокчейне «смарт-контрактов».

Так называемые «смарт-контракты» базируются не только на блокчейне, но и на Интернете вещей, без которого невозможно реализовать данную идею. Интернет вещей представляет собой различные автономные устройства, связанные между собой при помощи интернета и используемые человеком в повседневной жизни и являющиеся частью какого-либо производственного процесса. При помощи специальных встроенных сервисов данные гаджеты способны собирать данные и об-

¹ Свон Мелани. Блокчейн: Схема новой экономики [пер. с англ.]. М.: Изд.о «Олимп-Бизнес», 2017.

мениваться ими.

Использование Интернета вещей и блокчейна позволяет заключать «смарт-контракты» уже сейчас. Гражданские организации и глобальные корпорации применяют такую опцию в своей деятельности уже на протяжении нескольких лет. Так компания Boeing вкладывает существенные средства в технологию блокчейн и еще в 2017 г. начала набор для своего офиса в Бангалоре (Индия) специалистов, владеющих навыком работы с блокчейн-платформами.

Номенклатура базовых «смарт-контрактов», представленных на соответствующих платформах, довольно разнообразна: это трудовые договоры, кредитные соглашения, страховые и имущественные договоры. По прогнозам экспертов, массовое применение «умных» контрактов — вопрос недалекого будущего.

Соответственно, повсеместное использование «смарт-контрактов» в гражданском секторе повлечет за собой внедрение их в сферу военную, что имеет ряд очевидных и несомненных преимуществ.

Первое из них — это значительное сокращение времени, необходимого для завершения сделки. Это становится возможным за счет существенного сокращения или полного отказа от посредников. Речь идет о нескольких неделях и даже месяцах. В это же время второстепенными становятся юридические вопросы, поскольку реализация юридических норм происходит автоматически. Для заключения такого договора нужен специалист по цифровым технологиям, а юристы будут только актуализировать правовые базы среды «смарт-контрактов».

Второе преимущество заключается в значительной экономии денежных средств. Отсутствие традиционного бумажного документооборота, промежуточных и посреднических звеньев между поставщиком и заказчиком, сокращение транспортных, накладных и иных расходов, может значительно удешевить процесс заключения сделки.

Третье преимущество — это нивелирование рисков, связанных с заключением договора с недобросовестным поставщиком. Блокчейн позволяет контролировать все уровни сети поставщиков, производить идентификацию и квалификационную проверку лиц, задействованных в цепочке поставок. Это становится особенно актуальным, если в процессе участвуют поставщики, ответственные за определенные элементы вооруженных систем. Данная технология также дает возможность Министерству обороны отслеживать и контролировать выполнение «смарт-контрактов» в реальном времени, благодаря чему повышается прозрачность в системе закупок военно-промышленного комплекса.

Четвертое преимущество вытекает из предыдущего и выражается в гарантии выполнения всеми сторонами сделки своих обязательств, поскольку исполнение договора обуславливается наступлением определенных обстоятельств и становится по большей части автоматическим. Операции, совершенные с помощью блокчейна, становятся невозвратными, отменить их невозможно.

Вместе с тем, несмотря на все неоспоримые плюсы использования «смарт-контрактов», есть и ряд минусов, несущих определенные риски и сложности.

Прежде всего, это законодательное регулирование «умных» контрактов. Первая попытка легализовать понятие «смарт-контрактов» была предпринята в 2018 г., когда в Государственную Думу был внесен законопроект № 419059-7 «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который определял «смарт-контракт» как «договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной таким договором последовательности и при наступ-

лении определенных им обстоятельств»¹.

Но в окончательном варианте Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» этого определения уже не было. Вместо этого появилось, как отмечает профессор Л.Г. Ефимова, «каучуковое определение»² в виде нечеткого описательного понятия сделки, которая может заключаться при выпуске цифровых финансовых активов. В подп. 9 п. 1 ст. 3 указанного Федерального закона говорится о выпуске цифровых финансовых активов сделок, предусматривающих исполнение сторонами возникающих из них обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательств отдельного дополнительного волеизъявления сторон путем применения информационных технологий (в случае использования таких сделок), что явно не может считаться полноценным определением «смарт-контракта».

Следующая проблема заключается в большом количестве существующих на данный момент блокчейн-платформ, их разрозненности и самостоятельности. Каждая из этих площадок обладает своей цифровой средой. Соответственно, «смарт-контракты», созданные на базе одной из платформ, не согласуются с контрактами, заключенными в рамках другой. В то же время, многие специалисты предостерегают неминуемую унификацию блокчейн-платформ под действием тренда глобализации.

¹ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Законопроект № 419059-7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7> (дата обращения: 14.06.2023).

² Ефимова Л.Г., Михеева И.Е., Чуб Д.В. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4.

На следующую сложность, с которой предстоит столкнуться, указывает О.В. Гусарова, справедливо задавая вопрос: «насколько возможным будет использование «смарт-контрактов» на основе глобальной блокчейн-платформы»³. Ведь речь идет, в том числе, и об оборонной промышленности. Вопрос обеспечения ее национальной и международной безопасности является одним из приоритетных. Вполне возможно, что для обеспечения таких целей потребует создание отдельной цифровой площадки, имеющей ограниченные пересечения с глобальной информационной средой.

Еще одна опасность заключается в том, насколько вновь созданная цифровая среда для обработки «смарт-контрактов» будет всеобъемлющей. Смарт-контракты на базе блокчейна и Интернета вещей могут оперировать только теми категориями, которые добавлены в их систему. Все разнообразие сделок на разработку, производство, закупку тех или иных наименований военной продукции, предприятия, технологии, сотрудники, сопутствующая продукция, правовая база — все должно быть отображено в цифровой среде.

И тут возникает вопрос доступности и безопасности информации. Несмотря на то, что в блокчейн информация хранится и передается в зашифрованном виде, участникам сети доступна та часть цепочки блоков, которая подлежит проверке на данном этапе создания, что ставит перед специалистами в области программирования и криптографии дополнительные вопросы обеспечения безопасности. Как уже отмечалось, блокчейн строится на принципе децентрализации, что обеспечивает безопасность обрабатываемой информации от внешнего воздействия. Вместе с тем, остается риск воздействия на систему изнутри, особенно в случае создания замкнутой и обособленной блокчейн-платформы.

³ Гусарова О.В. Блокчейны в системе военной контрактации: возможности и проблемы // Московский экономический журнал. 2019. № 2.

Проанализировав перспективы использования «смарт-контрактов» в военной сфере, мы можем отметить несколько минусов и определенные риски для обороноспособности и безопасности страны. Вместе с тем, открывающиеся возможности использования такого инструмента, перекрывают вышеназванные негативные явления.

Библиография

1. Гусарова, О.В. Блокчейны в системе военной контрактации: возможности и проблемы / О.В. Гусарова // Московский экономический

журнал. — 2019. — № 2. — С. 210—216.

2. Ефимова, Л.Г. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и зарубежных странах / Л.Г. Ефимова, И.Е. Михеева, Д.В. Чуб // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2020. — № 4. — С. 78—105.

3. Свон, Мелани. Блокчейн: Схема новой экономики / Мелани Свон : [перевод с английского]. — М.: Изд. «Олимп-Бизнес», 2017.

4. Satoshi Nakamoto. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf> (дата обращения: 08.06.2023).

Военная служба. Социальные гарантии и статус военнослужащих

Медицинское обеспечение как вид обеспечения воинской части (военно-правовой аспект)

© Грищенко Леонид Леонидович,
доктор юридических наук, профессор, профессор
кафедры управления органами внутренних дел в
особых условиях, Академия управления
МВД России.

Аннотация. Одним из видов обеспечения воинских частей, военных организаций (подразделений), является медицинское обеспечение военнослужащих. Данное направление регламентируется законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, а также нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти, в некоторых законом предусмотрена военная служба. Из этого следует, что вопросы правового регулирования медицинского обеспечения важное значение в процессе выполнения военнослужащими возложенных на них задач. В данной статье будут рассмотрены некоторые вопросы, вытекающие из правового регулирования медицинского обеспечения военнослужащих, как элемента поддержания боеспособности воинских частей (организаций).

Ключевые слова: военная служба, медицинское обеспечение военнослужащих, правовое регулирование.

Medical support as a type of support for a military unit (military legal analysis) legal regulation

© Grishchenko L.L.,
Doctor of Law, Professor, Professor of the
Department of Management of Internal Affairs
Bodies in Special Conditions, Management
Academy of the Ministry of the Interior of Russia

Annotation. One of the types of support for military units, military organizations (units), is medical support for military personnel. This direction is regulated by legislative and other regulatory legal acts of the Russian Federation, as well as regulatory legal acts of federal executive authorities, in some cases military service is provided for by law. It follows from this that the issues of legal regulation of medical care are important in the process of military personnel performing their assigned tasks. This article will consider some issues arising from the legal regulation of medical support for military personnel as an element of maintaining the combat capability of military units (organizations).

Keywords: military service, medical support of military personnel, legal regulation.

Медицинское обеспечение военнослужащих представляет собой один из видов обеспечения деятельности военных ведомств (например, Вооруженных Сил Российской Федерации и войск национальной

гвардии Российской Федерации). Оно играет важную роль в системе поддержания боеспособности личного состава воинских частей (организаций). При этом немаловажное значение в данном вопросе играет

осуществление надлежащей организация правового регулирования медицинского обеспечения.

От надлежащей организации такого вида обеспечения зависит своевременность оказания медицинской помощи личному составу, поддержание и восстановление его здоровья. Все это напрямую влияет на боеспособность воинской части (организации).

Актуальность рассматриваемой темы не снижается и по сей день, о чем свидетельствует большое количество научных работ, посвященных этой теме¹.

Согласно Военному энциклопедическому словарю, медицинское обеспечение — это вид обеспечения действий войск (сил), представляющее собой совокупность мероприятий, осуществляемых военными медиками по сохранению боеспособности, укреплению здоровья личного состава вооруженных сил, своевременному оказанию медицинской помощи и мер по восстановлению здоровья, боеспособности (трудоспособности) раненых и больных².

Согласно УВС ВС РФ (ст. 342.1), медицинское обеспечение военнослужащих — это комплекс мероприятий организационного и медицинского характера, осуществляемых командованием воинских частей, органами управления медицинской службой, военно-медицинскими организациями, медицинскими частями и медицинскими пунктами в целях сохранения и укрепления здоровья военнослужащих, своевременного оказания им медицинской помощи, восстановления их трудоспособ-

ности и боеспособности. Медицинское обеспечение военнослужащих включает в себя реализацию санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий, проведение медицинских осмотров и медицинских обследований, диспансеризации, медицинских экспертиз (освидетельствований), медико-психологической реабилитации военнослужащих, оказание им медицинской помощи, в том числе проведение диспансерного наблюдения и медицинской реабилитации, изготовление и ремонт зубных протезов (за исключением протезов из драгоценных металлов и других дорогостоящих материалов), обеспечение военнослужащих лекарственными препаратами для медицинского применения и медицинскими изделиями, а также медицинский контроль за состоянием здоровья личного состава, изучение условий военной службы и быта военнослужащих, выявление факторов, отрицательно влияющих на их здоровье.

Медицинское обеспечение, как любой вид обеспечения деятельности военных организаций (подразделений), требует создания правового механизма в целях его нормального функционирования, который следует называть правовое регулирование медицинского обеспечения. От правильной организации правового регулирования медицинского обеспечения напрямую зависит эффективность и качество непосредственно медицинского обеспечения, что в свою очередь влияет на боеспособность воинской части (организации).

На протяжении большого промежутка времени регулирование медицинской деятельности основывалось преимущественно на прямом администрировании, а роль других регуляторов практически игнорировалась. Лечебно-профилактические учреждения ориентировались на систему ведомственных нормативов и были лишены экономических стимулов к расширению объема своей деятельности³.

В соответствии со ст. 75 УВС ВС РФ, командир является единоначальником, в

¹ См. напр.: Корякин В.М. Правовые аспекты медицинского обеспечения специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 8 (301). С. 28—32; Кудашкин А.В. Специальная военная операция — современный пример правовой институционализации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 12 (305). С. 46—51; Кириченко Н.С., Бабайцева Е.С. Правовое положение субъектов медицинского обеспечения войск национальной гвардии Российской Федерации // Военное право. 2023. № 1 (77). С. 77—82; Холиков И.В. Международно-правовой статус военно-медицинского персонала. М.: ГВКГ им. Н.Н. Бурденко, 2002.

² См.: Военный энциклопедический словарь. М., 2001. Т. 2. С. 49.

³ Каменева З.В. Современное состояние нормативного регулирования медицинской деятельности // Законодательство и экономика. 2015. № 12. С. 18.

мирное и военное время отвечает: за постоянную боевую и мобилизационную готовность вверенной ему воинской части (подразделения); за успешное выполнение боевых задач; за боевую подготовку, воспитание, воинскую дисциплину, правопорядок, морально-политическое и психологическое состояние подчиненного личного состава, безопасность военной службы; за внутренний порядок, состояние и сохранность вооружения, военной техники и другого военного имущества; за материальное, техническое, финансовое, медицинское и бытовое обеспечение. Однако, командир (начальник) организует медицинское обеспечение в рамках правового механизма, образованного законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Согласно ч. 1 ст. 41 Конституции Российской Федерации каждый гражданин Российской Федерации имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь.

Основные вопросы организации медицинского обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов регламентированы Федеральным законом от 31 мая 1996 № 61-ФЗ «Об обороне».

Пунктом 1 ст. 17.1 данного закона предусмотрено, что медицинское обеспечение Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов осуществляется в соответствии с указанным Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Федеральный закон (ст. 17.1) предусматривает, что Минобороны России формируются общероссийские базовые (отраслевые) перечни (классификаторы) государственных услуг, федеральные перечни (классификаторы) государственных услуг, не включенных в общероссийские базовые (отраслевые) перечни (классификаторы) государственных и муниципальных услуг, и работ, оказание и выполнение которых предусмотрено нормативными правовыми актами Российской Федерации в целях

медицинского обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов в условиях военного времени, ведения военных (боевых) действий, выполнения боевых (учебно-боевых), служебно-боевых (оперативно-служебных) задач в области обороны.

Медицинские (военно-медицинские) подразделения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов (медицинские пункты, корабельные медицинские службы, медицинские взводы, медицинские роты, медицинские отряды, медицинские отряды специального назначения, госпитальные суда, мобильные медицинские группы) осуществляют свою деятельность без лицензирования.

Медицинская помощь военнослужащим в медицинских (военно-медицинских) подразделениях Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов в местах их постоянной дислокации оказывается в соответствии с порядком организации медицинской помощи военнослужащим, устанавливаемым Правительством Российской Федерации, в соответствии с утверждаемыми федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения, порядками оказания медицинской помощи, с учетом стандартов медицинской помощи, утверждаемых указанным федеральным органом исполнительной власти.

При этом очень важно отметить, что Минобороны России наделено полномочиями (п. 6 ст. 17.1) установить случаи и порядок оказания медицинской помощи личным составом медицинских (военно-медицинских) организаций, частей и медицинских (военно-медицинских) подразделений Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов:

1) вне мест постоянной дислокации этих организаций, частей и подразделений при выполнении военными служащими задач в условиях военного времени, ведения военных (боевых) действий, выполнения боевых (учебно-боевых), служебно-боевых (оперативно-служебных) задач в области обороны;

2) при дислокации этих организаций, частей и подразделений за пределами территории Российской Федерации (включая порядок применения не зарегистрированных в Российской Федерации лекарственных препаратов и медицинских изделий).

В целях реализации указанных полномочий, предусмотренных Законом об обороне, Министром обороны Российской Федерации издан приказ от 16 ноября 2020 г. № 605 «Об установлении случаев и порядка оказания медицинской помощи личным составом медицинских (военно-медицинских) организаций, частей и медицинских (военно-медицинских) подразделений Вооруженных Сил Российской Федерации, войск национальной гвардии Российской Федерации, спасательных воинских формирований Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Службы внешней разведки Российской Федерации, органов федеральной службы безопасности, органов государственной охраны, органов военной прокуратуры, военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации, Главного управления специальных программ Президента Российской Федерации при дислокации этих организаций, частей и подразделений за пределами территории Российской Федерации (включая порядок применения не зарегистрированных в Российской Федерации лекарственных препаратов и медицинских изделий) (далее — приказ № 605), который начал свое действие с 29 декабря 2020 г.

Приказом № 605 установлены случаи оказания медицинской помощи личным составом военно-медицинских

организаций, военно-медицинских подразделений; личным составом военно-медицинских организаций при дислокации этих организаций на территориях иностранных государств — участников Содружества Независимых Государств, а также Республики Абхазия и Республики Южная Осетия; порядок прикрепление военнослужащих (сотрудников) для оказания медицинской помощи к военно-медицинскому подразделению (военно-медицинской организации), а также другие вопросы, связанные с оказанием медицинской помощи.

В соответствии с п. 5 ст. 17.1 Федерального закона «Об обороне» особенности организации оказания медицинской помощи в медицинских (военно-медицинских) подразделениях Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов устанавливаются Министерством обороны Российской Федерации, федеральными органами исполнительной власти (органами), уполномоченными в области управления другими войсками, воинскими формированиями и органами.

Указанные положения Федерального закона наделяют федеральные органы исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная служба, компетенцией на издание ведомственного правового акта, регламентирующего особенности организации оказания медицинской помощи в медицинских (военно-медицинских) подразделениях воинских частей (организаций) войск национальной гвардии Российской Федерации. Указанный ведомственный нормативный правовой акт должен включать в себя комплекс правовых мер, которые позволят эффективно осуществлять медицинское обеспечение военнослужащих, что в последующем будет влиять на качество выполняемых ими служебно-боевых задач.

Вместе с тем, полагаем необходимым также наделить такими полномочиями по разработке соответствующего нормативного правового акта и МВД России, так как личный состав данного ведомства также выполняет боевые (оперативно-

служебные) задачи.

Важно отметить, что эффективность медицинского обеспечения зависит не только от профессионализма медицинского персонала, но и от других условий, вопрос закрепления которых на нормативном уровне, на наш взгляд, заслуживает внимания:

— установление особого статуса медицинского работника, связанного с исполнением им должностных обязанностей;

— независимость врачей в определенных условиях (например, независимость от единоначалия (командира) начальника в целях получения возможности принятия самостоятельных решений в ситуациях крайней необходимости или необходимой обороны, направленных на сохранение жизни и здоровья личного состава войск);

— наличие статуса военнослужащего у всего медицинского персонала.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что от оптимизации медицинского обеспечения войск (сил), как и другого вида обеспечения, зависит степень боеспособности воинских частей (организаций) и

военного ведомства в целом. И немаловажную роль в этой оптимизации играет совершенствование механизма правового регулирования медицинского обеспечения войск (сил).

Библиография

1. Каменова, З.В. Современное состояние нормативного регулирования медицинской деятельности / З.В. Каменова // Законодательство и экономика. — 2015. — № 12.

2. Кириченко, Н.С. Правовое положение субъектов медицинского обеспечения войск национальной гвардии российской федерации / Кириченко, Н.С., Бабайцева, Е.С. // Военное право. — 2023. — № 1 (77). — С. 77—82.

3. Корякин, В.М. Правовые аспекты медицинского обеспечения специальной военной операции / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 8 (301). — С. 28—32.

4. Кудашкин, А.В. Специальная военная операция — современный пример правовой институционализации / А.В. Кудашкин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 12 (305). — С. 46—51.

5. Холиков, И.В. Международно-правовой статус военно-медицинского персонала / И.В. Холиков. — М.: ГВКГ им. Н.Н.Бурденко, 2002. — 160 с. — EDN GONDFW.

Особенности получения дополнительной выплаты военнослужащими (членами их семей) в условиях проведения специальной военной операции

© Спири́н Николай Дмитриевич,
офицер группы защиты имущественных прав
организационно-планового отдела Департамента
строительства Федеральной службы войск
национальной гвардии Российской Федерации

Аннотация. В статье представлены результаты анализа нормативно-правового регулирования и правоприменительной практики предоставления военнослужащим (членам их семей) дополнительной выплаты при реализации ими прав в рамках накопительной-ипотечной системы. Уточнено понятие «член семьи военнослужащего» в контексте правового статуса лиц, имеющих право на получение указанной выплаты в случае признания военнослужащего в условиях специальной военной операции безвестно отсутствующим (с учетом новелл законодательства 2022—2023 гг.).

Ключевые слова: накопительная ипотечная система; право на жилище; дополнительная выплата; специальная военная операция; правовой статус военнослужащего; член семьи военнослужащего.

Features of receiving additional payments by military personnel (members of their families) in the conditions of a special military operation

© Spirin N.D.,
Officer of the Property Rights Protection Group of
the Organizational Planning Department of the
Construction Department of the Federal Service of
the National Guard Troops of the Russian Federation

Annotation. The article presents the results of an analysis of the regulatory and law enforcement practice of providing additional payments to military personnel (members of their families) when they exercise their rights under the accumulative mortgage system. The concept of "family member of a serviceman" has been clarified in the context of the legal status of persons entitled to receive this payment in case of recognition of a serviceman in a special military operation as missing (taking into account the new legislation of 2022—2023).

Keywords: accumulative mortgage system; right to housing; additional payment; special military operation; legal status of a serviceman; family member of a military serviceman.

На территории Российской Федерации действуют два основных законодательных акта об обеспечении военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей жилыми помещениями: Федеральный закон от 20 августа 2005 г. № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» (Закон о НИС) и Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих».

Реализуя право на жилище, предусмотренное ст. 40 Конституцией Россий-

ской Федерации, военнослужащие-участники НИС имеют право, в том числе и на дополнительную выплату, предусмотренную ст. 4 Закона о НИС.

В случае исключения участника НИС из списков личного состава в связи с гибелью или смертью, признанием его в установленном законом порядке безвестно отсутствующим или объявлением его умершим, право на дополнительную выплату имеют члены его семьи (п. 1 ст. 12 Закона о НИС).

Несмотря на то, что вопросы, связан-

ные с обеспечением военнослужащих и членов их семей жилыми помещениями, давно обсуждаются в юридической литературе¹, в настоящее время возникают сложности в реализации жилищных прав членов семей участников НИС в случае исключения участника НИС из списков личного состава в связи с признанием его безвестно отсутствующим или объявлением его умершим при выполнении задач специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей. Указанные вопросы все чаще становятся предметом военно-правовых исследований².

Статьей 42 ГК РФ установлено, что гражданин может быть по заявлению заинтересованных лиц признан судом безвестно отсутствующим, если в течение года в месте его жительства нет сведений о месте его пребывания. Статьей 45 ГК РФ определено, что гражданин может быть объявлен судом умершим, если в месте его жительства нет сведений о месте его пребывания в течение пяти лет, а если он пропал

без вести при обстоятельствах, угрожавших смертью или дающих основание предполагать его гибель от определенного несчастного случая, — в течение шести месяцев. Военнослужащий или иной гражданин, пропавший без вести в связи с военными действиями, может быть объявлен судом умершим не ранее чем по истечении двух лет со дня окончания военных действий.

Таким образом, в правовой взаимосвязи требований ст. 42 и 45 ГК РФ для удостоверения в судебном порядке факта признания гражданина безвестно отсутствующим, объявления гражданина умершим, необходимы определенные основания: длительность отсутствия граждан как в месте жительства, так и в месте пребывания.

Без соблюдения установленных процедур признания военнослужащего безвестно отсутствующим и объявления умершим, члены его семьи не могут претендовать на дополнительную выплату.

Необходимость наличия факта длительного отсутствия граждан-участников НИС как в месте жительства, так и в месте пребывания для признания их безвестно отсутствующими, объявления умершими, с целью получения дополнительной выплаты членами семьи, существенно снижает покупательскую способность указанной выплаты, а также снижает социальную обеспеченность и защищенность данной категории граждан, приводит к снижению престижа военной службы в целом.

Согласно сведениям, приведенным на официальном сайте Российской газеты по итогам 2022 г., цены на недвижимость (новостройки) в Российской Федерации подорожали на 21 % до 122 343 руб. за 1 кв. м., а цены на вторичное жилье выросли на 11,8 % до 94 363 руб. за 1 кв. м.³ На официальном сайте ФГКУ «Росвоенипотека» указано, что размер накопительного взноса участника НИС в 2022 г. составлял 311 044 руб. 50 коп. Накопительный взнос был проиндексирован на 4 % от размера суммы накопительного взноса 2021 г. (в 2021 г.

¹ Иванов В.Ю. К вопросу о двойном обеспечении жильем участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих // Военное право. 2018. № 6(52). С. 116—120; Корякин В.М., Кудашкин А.В. Жилищное обеспечение военнослужащих: понятие, формы, гарантии // Право в Вооруженных Силах — военное-правовое обозрение. 2017. № 10. С. 57—71; Кудашкин А.В. Военная служба в Российской Федерации: теория и практика правового регулирования. СПб., 2003; Трофимов Е.Н. О некоторых проблемах жилищного обеспечения отдельных военнослужащих и членов их семей, признанных нуждающимися в жилых помещениях и имеющих в собственности жилые помещения // Право в Вооруженных Силах — военное-правовое обозрение. 2011. № 12. С. 26—27; Лутохин А.И. Возможные направления гармонизации законодательства о накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих // Военное право. 2022. № 4(74). С. 129—132.

² Корякин В.М. Упрощенный порядок признания участников специальной военной операции безвестно отсутствующими и погибшими // Военное право. 2023. № 3. С. 137—141; Цыбизова Н.А. К вопросу о необходимости разработки концепции проекта федерального закона «О безвестном отсутствии граждан» // Военное право. 2023. № 1(77). С. 122—127.

³ Информационный портал «Российская газета»: [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru.turbopages.org/rg.ru>

размер накопительного взноса составлял 299 081 руб. 02 коп)¹. Очевидно, что индексация накопительного взноса участников НИС, предусмотренная п. 2 ст. 5 Закона о НИС, не успевает за фактическим ростом цен на недвижимость.

В том числе и с целью разрешения сложившейся ситуации 15 мая 2023 г. вступил в силу Федеральный закон от 14 апреля 2023 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

В частности, нормы данного закона распространяются на категории граждан, участвовавших в специальной военной операции, и применяются в том числе к лицам, заключившим контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, а также к лицам, заключившим контракт (имевшим иные правоотношения) с организацией, содействующей выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, к находившимся на определенных территориях служащих (работников) правоохранительных органов Российской Федерации, лиц, выполнявших служебные и иные аналогичные функции на соответствующих территориях.

Новеллой является установление специальных правил признания безвестно отсутствующими военнослужащих и иных граждан, принимающих участие в проведении специальной военной операции.

Названный Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 52-ФЗ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» дополнен статьями 23 и 24.

П. 2 ст. 23 данного Закона устанавливает, что, если в течение шести месяцев в месте жительства гражданина, относящегося к определенной категории, нет сведений о месте его пребывания, в том числе такие сведения не предоставлены членам семьи этого гражданина, командиром воинской части или иным уполномоченным

должностным лицом, этот гражданин может быть по заявлению заинтересованных лиц признан безвестно отсутствующим в порядке, предусмотренном гражданским процессуальным законодательством.

Кроме того, пунктом 3 ст. 23 новой редакции Федерального закона от 30 ноября 1994 г. № 52-ФЗ определено, что заинтересованные лица, обращающиеся с заявлением о признании безвестно отсутствующим гражданина, относящегося к определенной категории, вправе представить в суд в целях пояснения обстоятельств, подтверждающих безвестное отсутствие гражданина, документ установленной формы, содержащий сведения об обстоятельствах исчезновения гражданина, выдаваемый в порядке и сроки, которые определяются Правительством Российской Федерации.

Таким образом, Правительство Российской Федерации должно утвердить форму, а также порядок и сроки выдачи документа, содержащего сведения об обстоятельствах исчезновения военнослужащего. Такой документ облегчит принятие судом решения по признанию безвестно отсутствующими, если он будет содержать исчерпывающие сведения, при которых военнослужащий пропал. Кроме того, представив данный документ в суд, иные заинтересованные лица смогут дать пояснения относительно обстоятельств безвестного отсутствия.

В тех ситуациях, когда ни один командир (начальник) или сослуживец гражданина, в отношении которого инициируется процедура признания безвестно отсутствующим, не готов подтвердить, что непосредственно наблюдал обстоятельства смерти гражданина, но при этом в течение шести месяцев данных о месте нахождения такого гражданина нет ни у родных, ни у командира соответствующего подразделения, такой гражданин может быть признан безвестно отсутствующим.

В случае удовлетворения судом заявления о признании гражданина безвестно отсутствующим, наступают определенные последствия, предусмотренные ст. 43 ГК РФ, которые также направлены и на принятие мер по охране имущества граждани-

¹ Официальный интернет сайт ФГКУ «Росвоенипотека»: [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://m.rosvoe.ru/ipoteka.ru>

на.

Также законом предусмотрено расширение правил ст. 45 ГК РФ об объявлении граждан умершими на определенную категорию граждан, сокращены сроки и упрощена процедура объявления умершим лица, принимавшего участие в специальной военной операции. В частности, срок, предусмотренный п. 2 ст. 45 ГК РФ, к военнослужащему или иному гражданину, пропавшему без вести в связи с военными действиями, об объявлении его умершим судом по истечении двух лет со дня окончания военных действий неприменим.

Пунктом 2 ст. 24 новой редакции закона определено, что если участник специальной военной операции пропал без вести при обстоятельствах, угрожавших смертью или дающих основание предполагать его гибель от определенного несчастного случая, и в течение шести месяцев с момента возникновения таких обстоятельств в месте жительства этого гражданина нет сведений о месте его пребывания, в том числе такие сведения не предоставлены членам семьи этого гражданина командиром воинской части или иным уполномоченным должностным лицом, этот гражданин может быть по заявлению заинтересованных лиц объявлен умершим в порядке, предусмотренном гражданским процессуальным законодательством.

Более того, пунктом 4 ст. 24 закона установлено, что, если гражданин, участвовавший в специальной военной операции, был признан судом безвестно отсутствующим и с момента вступления в законную силу решения суда о признании этого гражданина безвестно отсутствующим прошло три месяца, этот гражданин может быть по заявлению заинтересованных лиц объявлен умершим в порядке, предусмотренном гражданским процессуальным законодательством.

Таким образом, закон позволяет существенно сократить сроки и облегчить порядок признания военнослужащих и иных граждан безвестно отсутствующими и объявления умершими, а, следовательно, способствует защите имущественных интересов по получению дополнительной

выплаты членами их семей, а также сохранит покупательскую способность указанной выплаты.

Принятие данных норм свидетельствует о последовательности политики проводимой Государственной Думой Российской Федерации и Правительством Российской Федерации, направленной на социальную защищенность военнослужащих (граждан) и членов их семей, принимающих участие в проведении специальной военной операции.

При рассмотрении проблем реализации жилищных прав членов семей участников НИС также целесообразно отметить, что Федеральным законом от 27 декабря 2019 г. № 506-ФЗ «О внесении изменений в статьи 4 и 12 Федерального закона «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» в ст. 12 закона были внесены изменения следующего содержания: «В случае исключения участника накопительно-ипотечной системы из списков личного состава воинской части в связи с его гибелью или смертью, признанием его в установленном законом порядке безвестно отсутствующим или объявлением его умершим члены его семьи, а в случае отсутствия членов семьи у такого участника его родители (усыновители) имеют право использовать денежные средства, указанные в пунктах 1 и 3 части 1 статьи 4 настоящего Федерального закона, в целях приобретения жилого помещения или жилых помещений в собственность или в иных целях. При этом именной накопительный счет участника закрывается. В целях указанного Федерального закона к членам семьи военнослужащего относятся:

- 1) супруга или супруг;
- 2) несовершеннолетние дети;
- 3) дети старше восемнадцати лет, ставшие инвалидами до достижения ими возраста восемнадцати лет;
- 4) дети в возрасте до двадцати трех лет, обучающиеся в образовательных организациях по очной форме обучения;
- 5) лица, находящиеся на иждивении военнослужащего».

Внесение данных изменений в закон предоставило родителям (усыновителям)

участников НИС, в случае отсутствия у них иных прямо поименованных в законе членов семей, право на получение дополнительной выплаты.

Примечателен тот факт, что внесение данных изменений в закон разрешило негативно сложившуюся судебную практику Конституционного Суда Российской Федерации об отказе в выплате родителям (усыновителям) военнослужащих-участников НИС, признанными в установленном законом порядке безвестно отсутствующими или объявленными умершими, дополнительной выплаты¹.

Кроме того, в целях особой юридической защиты жилищных прав несовершеннолетних детей возникла необходимость распространить право на получение дополнительной выплаты на детей военнослужащих-участников НИС, не отнесенных к членам их семей. В этих целях принят Федеральный закон от 4 ноября 2022 г. № 422-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих».

Абз. первый ч. 1 ст. 12 данного Закона изложен в новой редакции: после слов «родители (усыновители)» включены слова «и дети, не отнесенные к членам семьи, указанным в настоящей части».

Распространение права на получение дополнительной выплаты на детей военнослужащих-участников НИС, признанных безвестно отсутствующими или объявленными умершими, не отнесенных к членам их семей, согласуется с целями государственной политики, проводимой в интересах детей², а сокращение сроков признания

военнослужащих безвестно отсутствующими или объявления умершими, способствует социальной защищенности таких детей.

Однако существующий механизм оснований возникновения права на получение дополнительной выплаты, предусмотренной ст. 12 Закона о НИС, нуждается в корректировке и совершенствовании. Так, члены семьи участника НИС, а в случае отсутствия таковых, его родители (усыновители) и дети, не отнесенные к членам его семьи, в силу прямого указания закона, могут получить дополнительную выплату только в случае исключения участника НИС из списков личного состава воинской части в связи с его гибелью или смертью, признанием его в установленном законом порядке безвестно отсутствующим или объявлением его умершим. Исключение участника НИС из списков личного состава воинской части по иным основаниям, в том числе на основании подп. «в» п. 1 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (состояние здоровья) не является основанием к возникновению права на получение дополнительной выплаты у граждан, указанных в ст. 12 Закона о НИС.

В ходе повседневной деятельности подразделений, в том числе принимающих участие в проведении специальной военной операции, велика вероятность возникновения следующей ситуации.

Военнослужащий-участник НИС, получивший ранение (увечье, травму), подлежит увольнению с военной службы на основании подп. «в» п. 1 ст. 51 Закона о воинской обязанности и о военной службе. Оформив волеизъявление на дополнительную выплату рапортом, указанный военнослужащий исключается из списков личного состава воинской части.

В последующем указанный гражданин умирает от полученного им в ходе прохождения военной службы ранения (увечья, травмы), не успев получить соответствующую дополнительную выплату в срок, определенный п. 6 Правил выплаты участникам НИС или членам их семей денежных средств, дополняющих накопле-

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 апреля 2022 г. № 1059 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Урюпиной Натальи Михайловны на нарушение ее конституционных прав частью 1 статьи 12 Федерального закона «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» и подпунктом «в» пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в статьи 4 и 12 Федерального закона «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих».

² Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации».

ния для жилищного обеспечения, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации 17 ноября 2005 г. № 686. В связи с этим лица, указанные в ст. 12 Закона о НИС, теряют право на дополнительную выплату по предусмотренным в законе основаниям. Однако такие денежные средства можно будет получить в порядке наследования, но в более длительные сроки. Данный вывод согласуется с правоприменительной практикой, например, Брянского областного суда (Определение от 12 марта 2019 г. № 33-1109/2019)¹.

Как отмечал академик С.С. Алексеев, «смысл и значение правотворчества состоят в том, чтобы избрать такой вариант регулирования, юридической регламентации, который бы в наиболее полной мере отвечал интересам и целям народа и законодателя, способствовал прогрессу общества. При этом требуется учет закономерностей развития общества, благоприятных объективных и субъективных условий для принятия и применения закона, а также выбор оптимальной правовой формы государственного решения. Государство ведет свою законодательную политику на основе изучения потребностей общества и познания тенденций общественного развития. Основным импульсом к созданию закона или иного нормативно-правового акта служит общественно значимая проблема, острая социальная ситуация нерешенный вопрос, имеющей значения для большого числа людей, для государства в целом. Искусство законодателя в том и состоит, чтобы во-первых, вовремя, а во-вторых точно, адекватными правовыми средствами отреагировать на общественный «вызов», «снять» остроту ситуации»².

Относя военнотружущих к лицам, которые обеспечиваются жильем бесплатно или за доступную плату, законодатель исходил из специфики военной службы, преопределенной ее назначением — за-

щищать государственнотру суверенитет и территориальную целостность страны, обеспечивать безопасность государства, отражать вооруженное нападение и выполнять задачи в соответствии с международными обязательствами России, а также из особого правового статуса военнотружущих, обусловленного указанными задачами³.

Таким образом, учитывая, в том числе и специфику военной службы в ходе проведения специальной военной операции, а также то, что «процесс совершенствования нормотворчества представляет собой непрерывный и необходимый процесс»⁴, законодателю целесообразно инициировать внесение соответствующих изменений в закон.

Распространение права на получение дополнительной выплаты, предусмотренной для военнотружущих-участников НИС, уволенных с военной службы на основании подп. «в» п. 1 ст. 51 Закона о воинской обязанности и военной службе, не успевших ее получить в связи со смертью, на граждан, указанных в ст. 12 Закона о НИС, поспособствует сохранению покупательской способности указанной выплаты, исключит негативную судебную практику, снизит социальную напряженность и уменьшит количество конфликтов, связанных с наследованием имущества.

Внесение указанных изменений в закон продолжит последовательно проводимое федеральным законодателем совершенствование правового регулирования жилищных отношений военнотружущих-участников НИС.

Проведенный анализ новелл и сложившейся правоприменительной практики позволил сформулировать следующие особенности генезиса правоотношений,

¹ Апелляционное определение Брянского областного суда от 12 марта 2019 г. № 33-1109/2019 [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://oblsud.brj.sudrf.ru>

² Алексеев С.С. Теория государства и права : учебник. М.: Норма, 2005. С. 144.

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2021 г. № 52-П «По делу о проверке конституционности пункта 1.1 статьи 15.1 Федерального закона «О статусе военнотружущих» в связи с запросом 1-го Восточного окружного военного суда» [электронный ресурс].

⁴ См., напр.: Корякин В.М., Рыбакова М.А. Ведомственное нормотворчество в Минобороны России: сущность и содержание // Воен. право. 2017. № 1. С. 53 — 65.

возникающих при реализации военнотружущим и членами его семьи жилищных прав:

1) установление специального сокращенного 6 месячного срока для признания граждан, принимавших участие в СВО, безвестно отсутствующими;

2) установление специального сокращенного 6 месячного срока для объявления умершими судом граждан, принимавших участие в СВО;

3) установление специального сокращенного 3 месячного срока для объявления умершими граждан, принимавших участие в СВО, ранее признанных безвестно отсутствующими на основании вступивших в законную силу судебных решений;

4) расширение круга лиц, относящихся к членам семьи участников НИС, с целью улучшения социальной защищенности посредством возникновения права на получение дополнительной выплаты.

5) упрощение правового механизма реализации жилищных прав участников НИС и снижение рисков нарушения имущественных прав граждан;

6) сохранение покупательской способности дополнительной выплаты.;

7) существенное упрощение процедуры получения дополнительной выплаты гражданами, что более эффективно позволяет реализовывать право на жилище, закрепленное статьей 40 Конституции Российской Федерации.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что законодательство о жилищном обеспечении военнотружущих претерпевает значительные изменения в условиях проведения специальной военной операции на территориях Украины и Российской Федерации. Изменения в правовом регулировании указанных правоотношений позволяют более качественно обеспе-

чить социальные гарантии военнотружущих-участников НИС, принимающих участие в проведении специальной военной операции, и членов их семей даже в экстраординарной ситуации безвестного отсутствия военнотружущего.

Библиография

1. Алексеев, С.С. Теория государства и права : учебник / С.С. Алексеев. — М.: Норма, 2005.

2. Иванов, В.Ю. К вопросу о двойном обеспечении жильем участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнотружущих / В.Ю. Иванов // Военное право. — 2018. — № 6 (52). — С. 116—120.

3. Корякин, В.М. Жилищное обеспечение военнотружущих: понятие, формы, гарантии / В.М. Корякин, А.В. Кудашкин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2017. — № 10. — С. 57—71.

4. Корякин, В.М. Упрощенный порядок признания участников специальной военной операции безвестно отсутствующими и погибшими / В.М. Корякин // Военное право. — 2023. — № 3. — С. 137—141.

5. Кудашкин, А.В. Военная служба в Российской Федерации: теория и практика правового регулирования : монография / А.В. Кудашкин. — СПб.: Юридический Центр-пресс, 2003;

6. Лутохин, А.И. Возможные направления гармонизации законодательства о накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнотружущих / А.Т. Лутохин // Военное право. — 2022. — № 4(74). — С. 129—132.

7. Трофимов, Е.Н. О некоторых проблемах жилищного обеспечения отдельных военнотружущих и членов их семей, признанных нуждающимися в жилых помещениях и имеющих в собственности жилые помещения // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2011. — № 12. — С. 26—27.

8. Цыбизова, Н.А. К вопросу о необходимости разработки концепции проекта федерального закона «О безвестном отсутствии граждан» / Н.А. Цыбизова // Военное право. — 2023. — № 1(77). — С. 122—127.

9. Корякин, В.М. Ведомственное нормотворчество в Минобороны России: сущность и содержание / В.М. Корякин, М.А. Рыбакова // Военное право. — 2017. — № 1. — С. 53—65.

Юридическая ответственность военнослужащих

Виды и содержание юридической ответственности военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации за нарушения законодательства в области защиты государственной тайны

© Кравцов Виталий Владимирович,
соискатель 25 кафедры ФГВКОУ ВО «Военный
университет имени князя Александра Невского»
Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. В статье на основе применения методики формально-догматического анализа российского законодательства, системного исследования и критического осмысления научных источников выявлены виды и раскрыто содержание юридической ответственности военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации за нарушения законодательства в области защиты государственной тайны. По результатам решения поставленных исследовательских задач выработаны предложения по определению содержания понятия юридической ответственности военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации за нарушения законодательства в области защиты государственной тайны, легализация которого в российском законодательстве сможет способствовать устранению коллизий, отмеченных автором в правовых актах, систематизации подходов к определению значимых для военно-правовой науки и практики правоприменения понятий.

Ключевые слова: юридическая ответственность, дисциплинарная ответственность, уголовная ответственность, правонарушения, военнослужащие, Вооруженные Силы Российской Федерации, защита государственной тайны, сведения, составляющие государственную тайну, режим секретности.

Types and content of legal liability of military personnel of the Armed Forces of the Russian Federation for violations of legislation in the field of protection of state secrets

© Kravtsov V.V.,
Candidate of the 25th Chair of the "Prince
Alexander Nevsky Military University" of the
Ministry of Defense of the Russian Federation

Annotation. The article, based on the application of the methodology of formal dogmatic analysis of Russian legislation, systematic research and critical understanding of scientific sources, identifies the types and discloses the content of the legal responsibility of military personnel of the Armed Forces of the Russian Federation for violations of legislation in the field of protection of state secrets. Based on the results of solving the set research tasks, proposals have been developed to determine the content of the concept of legal responsibility of servicemen of the Armed Forces of the Russian Federation for violations of legislation in the field of protection of state secrets, the legalization of which in Russian legislation can help eliminate collisions noted by the author in legal acts, systematization of approaches to determining significant for military legal science and law enforcement practiced definitions of concepts.

Keywords: legal responsibility, disciplinary responsibility, criminal liability, offenses, military personnel, Armed Forces of the Russian Federation, protection of state secrets, information constituting a state secret, secrecy regime.

Вопросы, связанные с определением понятия юридической ответственности в целом, относятся к числу дискуссионных в

правовой науке. Одновременно отмечается высокая степень их актуальности для обеспечения законности и дисциплины в

сфере воинских правоотношений¹. В связи с этим системно-правовой анализ исследуемого явления следует начать с применения формально-догматического метода².

Среди основных подходов в определении юридической ответственности следует назвать рассмотрение ее как меры государственного принуждения к виновному лицу за совершение противоправного деяния, как правоотношения между правонарушителем и государством, как обязанности лица претерпевать юридические последствия своего противоправного виновно совершенного деяния.

К примеру, согласно определению, приведенному в юридической энциклопедии, под юридической ответственностью понимается государственное принуждение к исполнению требований права, правоотношение, каждая из сторон которого обязана отвечать за свои поступки перед другой стороной, государством и обществом³.

В соответствии с другим изданием юридическая ответственность — элемент общего правового статуса человека и гражданина, который вытекает из обязанности индивида быть законопослушным⁴. Заключается, во-первых, в его ответственном отношении к

обязанности соблюдать законы (позитивная юридическая ответственность), во-вторых, в обязанности претерпевать негативные последствия за совершение правонарушения (негативная, или ретроспективная, юридическая ответственность)⁵. Также юридическая ответственность рассматривается как правоотношение, в которое вступает государство в лице его компетентных органов и правонарушитель, на которого возлагается обязанность претерпевать соответствующие лишения за совершенное им противоправное деяние⁶. Юридическая ответственность — обязанность лица претерпевать меры государственного принуждения, предусмотренные законом за совершенное правонарушение⁷.

В науке военного права обоснованно отмечается тот факт, что юридическая ответственность является тем правовым явлением, с помощью которого локализуется и блокируется противоправное поведение и осуществляется защита интересов военнослужащих, Вооруженных Сил Российской Федерации, обеспечиваются оборона страны и безопасность государства. При этом юридическая ответственность в этой связи интерпретируется как реакция государства на совершенное военнослужащим правонарушение, а для самого военнослужащего юридическая ответственность означает применение к нему санкций правовых норм⁸.

¹ Землин А.И. Актуальные вопросы военной деятельности государства: правовое измерение // Военное право. 2022. № 6 (76). С. 233—237; Землин А.И. Вопросы развития военно-правовой науки в контексте современных проблем обеспечения национальной безопасности России // Военное право. 2022. № 5 (75). С. 8—14.

² Землин А.И., Корякин В.М. Методология военно-правового исследования. Общая часть : учебник и практикум. М.: КНОРУС, 2021. С. 20; Землин А.И., Корякин В.М. Электронный учебник «Методология военно-правового исследования» / Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ 2021665665, 30.09.2021. Заявка № 2021664733 от 21.09.2021. eLIBRARY ID: 47117663

³ Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. Изд. 6-е доп. и перераб. / Под ред. М.Ю. Тихомирова. М.: Изд. Тихомиров М.Ю., 2013.

⁴ Юридическая энциклопедия / Отв. ред. Б.Н. Топорнин. М.: Юристь, 2001.

⁵ Там же.

⁶ https://ru.wikipedia.org/wiki/Юридическая_ответственность

⁷ [https://studopedia.ru/4_140473_vopros--ponyatie-priznaki-i-vidi-yuridicheskoy-otvetstvennosti.html#:~:text=Юридическая%20ответственность%20-%20это%20обязанность,\(штраф\)%20и%20организационного%20характера%20увольнение](https://studopedia.ru/4_140473_vopros--ponyatie-priznaki-i-vidi-yuridicheskoy-otvetstvennosti.html#:~:text=Юридическая%20ответственность%20-%20это%20обязанность,(штраф)%20и%20организационного%20характера%20увольнение)

⁸ Тер-Акопов А.А. Правовые основания ответственности за воинские преступления : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1982; Шулепов Н.А. Теоретические основы реализации уголовной ответственности военнослужащих : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001; Лиховидов К.С. Проблемы

Согласно п. 1 ст. 2 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» граждане Российской Федерации имеют статус военнослужащих, если проходят военную службу по контракту или военную службу по призыву в соответствии с Федеральным законом от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».

К военнослужащим относятся:

— офицеры, прапорщики и мичманы, курсанты военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования, сержанты и старшины, солдаты и матросы, проходящие военную службу по контракту;

— сержанты, старшины, солдаты и матросы, проходящие военную службу по призыву, курсанты военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования до заключения с ними контракта о прохождении военной службы.

Кроме того, Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября

2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» осуществлен призыв граждан Российской Федерации на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации. При этом указанным гражданам Российской Федерации присвоен статус военнослужащих, проходящих военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации по контракту.

По общему правилу начало, срок и окончание военной службы для всех военнослужащих определены ст. 3 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237.

Однако в связи с объявлением частичной мобилизации в Российской Федерации введены особые правила.

Так, контракты о прохождении военной службы, заключенные военнослужащими, продолжают свое действие до окончания периода частичной мобилизации, за исключением случаев увольнения военнослужащих с военной службы по основаниям, установленным Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» (п. 4 названного Указа). Пунктом 5 этого же Указа установлены на период частичной мобилизации следующие основания увольнения с военной службы военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, а также граждан Российской Федерации, призванных на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации: а) по возрасту — по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе; б) по состоянию здоровья — в связи с признанием их военно-врачебной комиссией не годными к военной службе, за исключением военнослужащих, изъявивших желание продолжить военную службу на воинских должностях, которые могут замещаться указанными

законодательного обеспечения и практики реализации юридической ответственности военнослужащих : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005; Жаданов И.Л. Основания дисциплинарной ответственности военнослужащих по советскому праву : дис.... канд. юрид. наук. М., 1991; Лопатин А.С. Административная ответственность военнослужащих и порядок ее реализации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996; Лиховидов К.С. Материальная ответственность военнослужащих : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997; Климентьева Н.А. Юридическая ответственность как элемент правового статуса военнослужащих (вопросы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003; Байчук А.И. Административная ответственность военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы: вопросы теории и правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003; Королева Ю.А. Ответственность военнослужащих за административные правонарушения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004; Дубик П.А. Административная ответственность военнослужащих : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008; Савосина Н.В. Правовое регулирование административной ответственности военнослужащих в Российской Федерации : дис.... канд. юрид. наук. Саратов, 2008 и др.

военнослужащими; в) в связи с вступлением в законную силу приговора суда о назначении наказания в виде лишения свободы.

На настоящее время к физическим лицам, которым в той или иной степени может быть законно присвоен статус военнослужащего Вооруженных Сил Российской Федерации (полностью или в его части) и которым потенциально в связи с его реализацией (его части) могут стать известны сведения, составляющие государственную тайну, на настоящий момент следует относить:

1) граждан Российской Федерации, исполняющих воинскую обязанность — военнослужащих, проходящих военную службу по призыву; военнослужащих, проходящих военную службу по призыву по мобилизации; а также граждан, призванных на военные сборы;

2) граждан, добровольно поступивших на военную службу по контракту;

3) граждан, по собственной воле пребывающих в добровольческом формировании.

При этом согласно п. 1 ст. 1 Федерального закона «О статусе военнослужащих» статус военнослужащих есть совокупность прав, свобод, гарантированных государством, а также обязанностей и ответственности военнослужащих, установленных данным Федеральным законом, федеральными конституционными законами, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

В соответствии с п. 1 ст. 28 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащий или гражданин, призванный на военные сборы, либо гражданин, пребывающий в добровольческом формировании, в зависимости от характера и тяжести совершенного им правонарушения привлекается к дисциплинарной, административной, материальной, гражданско-правовой и уголовной ответственности в соответствии с данным Федеральным законом и другими

федеральными законами.

Юридическая ответственность военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации включает в себя, в том числе, ответственность за нарушения законодательства в области защиты государственной тайны.

Как отмечается в научной литературе, для наступления любой юридической ответственности необходимо наличие трех оснований, а именно необходимы¹:

1) *нормативное основание* — правовые нормы, предусматривающие юридическую ответственность военнослужащего;

2) *фактическое основание* — совершенное военнослужащим конкретное правонарушение;

3) *процессуальное основание* — наличие правоприменительного акта, который определяет конкретные вид и меру юридической ответственности конкретного военнослужащего.

Общеизвестно, что нормативным основанием наступления юридической ответственности является наличие соответствующей нормы права в законе или ином нормативном правовом акте Российской Федерации, которую нарушает виновный. Другими словами, деяние должно обладать признаком противоправности, чтобы повлечь юридическую ответственность. Соответственно уголовное преступление совершается против уголовного закона и влечет за собой уголовную ответственность, административное правонарушение — против административного законодательства и влечет за собой, как правило, административную ответственность, дисциплинарный проступок — против дисциплинарного законодательства и влечет дисциплинарную ответственность. Кроме того, за причиненный военнослужащим при исполнении

¹ Военное право. Современное состояние военного права (институты военного права) : монография / Под общ. редакцией Савенкова А.Н., Кудашкина А.В. М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. С. 178.

обязанностей военной службы по его вине ущерб военному имуществу наступает материальная ответственность в соответствии с Федеральным законом от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих».

При этом юридическая ответственность военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации за нарушения законодательства в области защиты государственной тайны предусматривается за особого рода деяния.

Нельзя не отметить, что военнослужащие Вооруженных Сил Российской Федерации, допущенные к государственной тайне, берут на себя обязательства перед государством по соблюдению требований законодательства Российской Федерации о государственной тайне. Нарушение обязательств, связанных с защитой государственной тайны, можно рассматривать в действительности как любое нарушение режима секретности, т.е. отклонение от установленных требований, правил, организационных, технических и иных мер, направленных на сохранность сведений, составляющих государственную тайну.

Для установления нарушения лицом обязательств, связанных с защитой государственной тайны, достаточно установления самого факта нарушения при отсутствии наступления негативных последствий.

Таким образом, обязательства по соблюдению законодательства Российской Федерации о государственной тайне, которые принимает лицо, допущенное к государственной тайне, должны быть очевидными, т.е. однозначно четко определять требования по защите государственной тайны.

Обязательства по соблюдению законодательства Российской Федерации о государственной тайне определены Инструкцией о порядке допуска к государственной тайне военнослужащих, лиц гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации и граждан Российской Федерации, пребывающих в запасе и поступающих на военную службу по контракту либо

подлежащих призыву на военную службу (в том числе по мобилизации), на военные сборы, а также граждан Российской Федерации, не пребывающих в запасе и подлежащих призыву для прохождения военной службы, которым требуется допуск к государственной тайне для исполнения служебных обязанностей, утвержденный приказом Министра обороны Российской Федерации от 27 октября 2010 г. № 1313 (форма № 2).

Итак, статьей 28 Федерального закона «О статусе военнослужащих» предусмотрено привлечение военнослужащих к различным видам юридической ответственности. Однако за нарушения законодательства в области защиты государственной тайны военнослужащие Вооруженных Сил Российской Федерации, исходя из анализа законодательства, судебной и ведомственной практики, могут быть привлечены к дисциплинарной и уголовной ответственности.

По смыслу ст. 28.2 Федерального закона «О статусе военнослужащих» дисциплинарная ответственность — это вид юридической ответственности, наступающей для военнослужащего или гражданина, призванного на военные сборы, за дисциплинарный проступок, т.е. за противоправное, виновное действие (бездействие), выражающееся в нарушении воинской дисциплины, которое в соответствии с законодательством Российской Федерации не влечет за собой уголовной или административной ответственности.

Аналогичное определение дисциплинарному проступку дано в ст. 47 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495 (ДУ ВС РФ).

Профессором Ю.Н. Тугановым отмечается необходимость рассмотрения дисциплинарной ответственности военнослужащих в нескольких ракурсах:

— во-первых, как установление законами, общевойсковыми уставами, приказами командиров (начальников) порядка и правил соблюдения военнослужащими как членами организационно оформленных

воинских коллективов, государственными гражданскими служащими, в подчинении которых находятся военнослужащие, требований воинской дисциплины, норм военного и международного гуманитарного права;

— во-вторых, как претерпевание (восприятие) военнослужащими неблагоприятных последствий своего противоправного поведения в случае нарушения этих требований и норм (совершение воинского дисциплинарного проступка) через правовые средства дисциплинарной ответственности (меры обеспечения, дисциплинарные взыскания), применяемые в порядке служебного подчинения компетентными лицами органов военного управления (командирами и начальниками) по правилам ДУ ВС РФ или судом при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста;

— в-третьих, как применение профилактических правовых средств в рамках воинского коллектива к нарушителю воинской дисциплины, а также к внутривойсковым отношениям подразделения¹.

По мнению Ю.Н. Туганова, «воинская дисциплина как правовая категория представляет собой урегулированную правовыми нормами совокупность общественных отношений, складывающихся между субъектами обеспечения военной безопасности государства в процессе исполнения военной службы (прохождения военных сборов), обеспечиваемых правовыми средствами и методами, направленных на реализацию задач, связанных с подготовкой и вооруженной защитой государства в любых условиях, в том числе с риском для жизни»². По его мнению, предлагаемое определение учитывает, что обеспечение воинской дисциплины зависит и от исполнения военнослужащими различных обязанностей по военной службе, из патриотического и правового воспитания, оптимизации к современным условиям систем поощрения, взыскания и профилактики

правонарушений.

Универсальное правовое определение воинской дисциплины закреплено в ст. 1 ДУ ВС РФ: «Воинская дисциплина есть строгое и точное соблюдение всеми военнослужащими порядка и правил, установленных федеральными конституционными законами, федеральными законами, общевоинскими уставами Вооруженных Сил Российской Федерации, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и приказами (приказаниями) командиров (начальников)».

Полагаем, что следует согласиться с мнением ряда ученых³ о том, что сущность дисциплинарной ответственности проявляется именно в служебной подчиненности, а также с тем, что характеризует дисциплинарную ответственность строго установленная дифференциация в применении видов дисциплинарных взысканий соответственно воинскому званию военнослужащего и дисциплинарной власти командира (начальника), принимающего решение о привлечении нарушителя к дисциплинарной ответственности.

Военнослужащий привлекается к дисциплинарной ответственности только за тот дисциплинарный проступок, в отношении которого установлена его вина.

Виновным в совершении дисциплинарного проступка признается военнослужащий, совершивший противоправное действие (бездействие) умышленно или по неосторожности. Вина военнослужащего, привлекаемого к дисциплинарной ответственности, должна быть доказана в порядке, определенном федеральными законами, и установлена решением командира (начальника) или вступившим в законную силу постановлением судьи военного суда.

Основания и порядок привлечения военнослужащего к дисциплинарной ответственности установлены гл. III Федерального закона «О статусе военнослужащих», а также общевоинскими уставами.

¹ Туганов Ю.Н. Правовое обеспечение воинской дисциплины в Вооруженных Силах Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ВУ, 2009. С. 12.

² Там же. С. 13.

³ Корякин В.М., Кудашкин А.В., Фатеев К.В. Комментарий законодательства о дисциплинарной ответственности военнослужащих. М.: За права военнослужащих, 2007.

Статьей 28.5 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и приложением № 7 к ДУ ВС РФ определен Перечень грубых дисциплинарных проступков, в котором отражены, в числе прочих, проступки в области защиты государственной тайны.

Привлечение военнослужащего к дисциплинарной ответственности не освобождает его от исполнения обязанности, за неисполнение которой дисциплинарное взыскание было применено.

Мерами принуждения для военнослужащих являются дисциплинарные взыскания, а также иные меры воздействия.

Обстоятельства, смягчающие, отягчающие дисциплинарную ответственность, и исключющие ее, а также учитываемые при назначении дисциплинарного взыскания, определяются Федеральным законом «О статусе военнослужащих».

Необходимо отметить, что административная ответственность, в отличие от дисциплинарной ответственности, не связана со служебной подчиненностью, однако, обеспечивает выполнение обязанности любого гражданина соблюдать правила, установленные для процесса и в процессе государственного управления различными сферами общественной жизни.

Административная ответственность — форма юридической ответственности граждан и должностных лиц за совершенное ими административное правонарушение (посягающее на государственный или общественный порядок, собственность, права и свободы граждан, установленный порядок управления).

Уникальность юридической ответственности военнослужащего за совершение административного правонарушения заключается в том, что за административные правонарушения, за исключением административных правонарушений, предусмотренных ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ, военнослужащие, несут дисциплинарную ответственность. При этом нарушений законодательства в области защиты государственной тайны среди административных правонарушений, предусмотренных ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ (за которые военнослужащие несут административную ответственность

на общих основаниях, если иное не предусмотрено в других статьях КоАП РФ), нет.

Уголовная ответственность так же, как административная, не связана со служебной подчиненностью, однако, является наиболее строгим видом юридической ответственности и заключается в предусмотренных уголовным законом мерах воздействия на лицо, совершившее преступление, содержащих для него неблагоприятные последствия, применяемых в установленном порядке государственными органами.

Уголовная ответственность — один из видов юридической ответственности; правовое последствие совершения преступления, заключающееся в применении к виновному государственного принуждения в форме наказания. Привлечение к уголовной ответственности означает возбуждение уголовного дела, последующее расследование и судебное разбирательство. Преступление по российскому уголовному законодательству — это виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законодательством под угрозой наказания.

За нарушения законодательства в области защиты государственной тайны для военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации из перечня уголовных наказаний, предусмотренных статьями 275, 276, 283, 283.1, 283.2, 284 УК РФ, предусмотрены следующие виды уголовных наказаний:

— за *государственную измену* (ст. 275 УК РФ) виновный наказывается лишением свободы на срок от 12 до 20 лет со штрафом в размере до 500 000 руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 3 лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до 2 лет;

— за *шпионаж* (ст. 276 УК РФ) виновные лица наказываются лишением свободы на срок от 10 до 20 лет;

— *разглашение государственной тайны* (ст. 283 УК РФ) наказывается арестом на срок от 4 до 6 месяцев либо лишением свободы на срок до 4 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью

на срок до 3 лет или без такового. При этом то же деяние, повлекшее по неосторожности тяжкие последствия, наказывается лишением свободы на срок от 3 до 7 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет;

— *незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну* (ст. 283.1 УК РФ), наказывается штрафом в размере от 200 000 до 500 000 руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 1 года до 3 лет либо лишением свободы на срок до 4 лет. При этом то же деяние, если оно: совершено группой лиц; совершено с применением насилия; повлекло наступление тяжких последствий; совершено с использованием специальных и иных технических средств, предназначенных для негласного получения информации; сопряжено с распространением сведений, составляющих государственную тайну, либо с перемещением носителей таких сведений за пределы Российской Федерации, наказывается лишением свободы на срок от 3 до 8 лет;

— *нарушение требований по защите государственной тайны* (ст. 283.2 УК РФ) наказывается штрафом в размере от 200 000 до 700 000 руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 1 года до 3 лет либо лишением свободы на срок до 7 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет или без такового;

— *утрата документов, содержащих государственную тайну* (ст. 284 УК РФ) наказывается ограничением свободы на срок до 3 лет, либо арестом на срок от 4 до 6 месяцев, либо лишением свободы на срок до 3 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет или без такового.

Таким образом, юридическая ответственность военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации за нарушения законодательства в области

защиты государственной тайны представляет собой обязанность военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации претерпевать юридические последствия дисциплинарного или уголовного характера в результате применения к ним мер государственного принуждения, предусмотренных законом за совершение противоправных деяний, связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением взятого на себя обязательства по защите государственной тайны.

Следовательно, юридическая ответственность военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации за нарушения законодательства в области защиты государственной тайны по своей природе — это одновременно и особого рода обязанность в рамках специального правоотношения (соблюдение законодательства в области защиты государственной тайны), и реально возникшее, наличное неблагоприятное юридическое последствие (отбывание наказания за нарушения законодательства в области защиты государственной тайны), а также сама мера государственного принуждения (выражается в дисциплинарном взыскании или уголовном наказании как мера государственной ответственности).

Исходя из этого, возможно выделить объективное и субъективное содержание юридической ответственности военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации за нарушения законодательства в области защиты государственной тайны. Первое соответственно характеризует рассматриваемое нами явление как обязанности конкретного субъекта, второе — как реальное наступление для него неблагоприятных последствий.

При этом нормативно установлено, что юридическая ответственность военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации за нарушения законодательства в области защиты государственной тайны может выражаться в двух видах — через наступление дисциплинарной (определена Федеральным законом «О статусе военнослужащих» и ДУ ВС РФ) или уголовной

ответственности (определена УК РФ).

Соответственно, объективное содержание (объективная сторона) юридической ответственности военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации за нарушения законодательства в области защиты государственной тайны определено ст. 28.5 Федерального закона «О статусе военнослужащих» (порядок, основания производства по материалам о дисциплинарных проступках) и приложением № 7 к ДУ ВС РФ (Перечень грубых дисциплинарных проступков, в котором отражены проступки в области защиты государственной тайны, дифференциация взысканий в зависимости от воинского звания правонарушителя и власти командира, и др.) и гл. 29 УК РФ (составы преступлений, санкции) соответственно вместе с УПК РФ (порядок осуществления уголовного преследования). Субъективное же содержание (субъективная сторона) юридической ответственности военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации за нарушения законодательства в области защиты государственной тайны выражается через конкретные дисциплинарно-правовые или уголовно-правовые отношения по непосредственному, реальному претерпеванию виновным негативных последствий совершенных им противоправных деяний.

Библиография

1. Байчук, А.И. Административная ответственность военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы: вопросы теории и правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук / А.И. Байчук. — Ростов н/Д, 2003.
2. Военное право / А.В. Кудашкин, В.К. Аулов, В.В. Бараненков [и др.]. Том II. — Москва: Центр правовых коммуникаций, 2021. — 888 с. — ISBN 978-5-042565-2-7. — EDN WODYT.
3. Дубик, П.А. Административная ответственность военнослужащих : дис. ... канд. юрид. наук / П.А. Дубик. — М., 2008.
4. Жаданов, И.Л. Основания дисциплинарной ответственности военнослужащих по советскому праву : дис.... канд. юрид. наук / И.Л. Жаданов. — М., 1991.
5. Землин, А.И. Актуальные вопросы военной деятельности государства : правовое измерение / А.И. Землин // Военное право. — 2022. — № 6 (76).

— С. 233—237. — EDN: SLNHFA

6. Землин, А.И. Вопросы развития военно-правовой науки в контексте современных проблем обеспечения национальной безопасности России / А.И. Землин // Военное право. — 2022. — № 5 (75). — С. 8—14. — EDN: ZNMXLD

7. Землин, А.И. Методология военно-правового исследования : электронный учебник / А.И. Землин, В.М. Корякин. — Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ 2021665665, 30.09.2021. Заявка № 2021664733 от 21.09.2021. — eLIBRARY ID: 47117663.

8. Землин, А.И. Методология военно-правового исследования. Общая часть : учебник и практикум / А.И. Землин, В.М. Корякин. — Москва : КНОРУС, 2021.

9. Климентьева, Н.А. Юридическая ответственность как элемент правового статуса военнослужащих (вопросы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук / Н.А. Климентьева. — Саратов, 2003.

10. Королева, Ю.А. Ответственность военнослужащих за административные правонарушения : дис. ... канд. юрид. наук / Ю.А. Королева. — М., 2004.

11. Корякин, В.М. Комментарий законодательства о дисциплинарной ответственности военнослужащих / В.М. Корякин, А.В. Кудашкин, К.В. Фатеев. — М.: За права военнослужащих, 2007.

12. Лиховидов, К.С. Материальная ответственность военнослужащих : дис. ... канд. юрид. наук М., 1997.

13. Лиховидов, К.С. Проблемы законодательного обеспечения и практики реализации юридической ответственности военнослужащих : дис. ... д-ра юрид. наук / К.С. Лиховидов. — М., 2005.

14. Лопатин, А.С. Административная ответственность военнослужащих и порядок ее реализации : дис. ... канд. юрид. наук / А.С. Лопатин. — М., 1996.

15. Савосина, Н.В. Правовое регулирование административной ответственности военнослужащих в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / Н.В. Савосина. — Саратов, 2008.

16. Тер-Акопов, А.А. Правовые основания ответственности за воинские преступления : дис. ... д-ра юрид. наук / А.А. Тер-Акопов. — М., 1982.

17. Туганов, Ю.Н. Правовое обеспечение воинской дисциплины в Вооруженных Силах Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Ю.Н. Туганов. — М.: ВУ, 2009.

18. Шулепов, Н.А. Теоретические основы реализации уголовной ответственности военнослужащих : дис. ... д-ра юрид. наук / Н.А. Шулепов. — М., 2001.

**К обсуждению проекта № 289614-8 федерального закона
«О некоторых особенностях применения
дисциплинарного взыскания — дисциплинарный арест
в период мобилизации, в период действия военного
положения, в военное время»**

© **Насыров Дмитрий Вадимович,**

кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры государственно-правовых дисциплин
Юридического института МГПУ

© **Зотов Роман Андреевич,**

помощник судьи Московского гарнизонного
военного суда, советник юстиции 3 класса

Аннотация. Статья посвящена исследованию предложений совершенствования правового регулирования применения дисциплинарного взыскания — дисциплинарный арест в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время.

Ключевые слова: федеральный закон, дисциплинарный арест, мобилизация, специальная военная операция, военная служба, военные суды (трибуналы), законность, обеспечение законности и правопорядка, военно-правовые отношения, органы военного управления, национальная безопасность.

**To discuss draft No. 289614-8 of the Federal Law "On some features
of the application of disciplinary sanctions — disciplinary arrest
during mobilization, during the period of martial law, in wartime"**

© **Nasyrov D.V.,**

candidate of Legal Sciences, associate Professor of
the Department of State and Legal Disciplines of the
Law Institute of MSPU

© **Zotov R.A.,**

Assistant Judge Moscow Garrison Military Court,
Class 3 Justice Counselor

Abstract. The article is devoted to the study of proposals for improving the legal regulation of the application of disciplinary sanctions — disciplinary arrest during the mobilization period, during the period of martial law, in wartime.

Keywords: federal law, disciplinary arrest, mobilization, special military operation, military service, military courts (tribunals), legality, law and order, military legal relations, military administration, national security.

Начавшаяся 24 февраля 2022 г. специальная военная операция (СВО) на территории Украины повлекла за собой ряд изменений во многих сферах жизни государства и общества. Введенные санкции перестроили экономические механизмы государства, межгосударственные отношения.

Наравне с этим, двигаясь «в ногу» с современным состоянием дел, совершенствуются механизмы правового регулирования, являющиеся, по сути, закономерной реакцией на возникшие угрозы обществу и государству.

С начала СВО в Российской Федера-

ции приняты сотни законодательных и подзаконных актов, направленных на регулирование общественных отношений, так или иначе возникающих в связи с проведением специальной военной операции. Это различного рода акты, содержащие нормы социальной поддержки участников СВО и их семей, государственного и муниципального управления, криминализации деяний, направленных на дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации. Большое количество актов посвящены военно-служебным отношениям и направлены на укрепление принципа единоначалия, а также законности и правопорядка в воинской среде, особенно в зонах проведения операции. Надо сказать, что в действительности ситуация с этим в Вооруженных Силах складывается непростая и требует соответствующей реакции. Однако реагируя на такие угрозы, не следует забывать о столпах права — правовых принципах, иначе мы очень быстро можем оказаться в недемократическом и неправовом государстве.

Выполнение боевых задач в разное время порождает и массу трудностей в сфере обеспечения законности и правопорядка. Близость фронта, плохие материально-бытовые условия, отсутствие постоянного контроля со стороны командиров (начальников), а также снижение с их стороны требовательности к своим подчиненным становятся закономерным следствием грубых дисциплинарных проступков, на которые необходимо реагировать, т.к. по своей природе это предвестники подрыва авторитета единоначалия и саботажа, что однозначно не должно иметь места в боевой обстановке. Для реагирования на соответствующие угрозы создаются необходимые инструментари, которые позволяют оперативно воздействовать на соответствующие детерминанты. Анализ законодательных инициатив, как воплощенных в действующие законы, так и оставшихся пока еще проектами, свидетельствует о стремлении некоторых членов общества изменить не только материальные нормы военного права, направленные на укрепление воинской дисциплины в зоне СВО, но

и преобразить некоторые процедурные положения, в частности, предоставить полномочия по применению дисциплинарной власти, связанной с лишением свободы военнослужащих за грубые дисциплинарные проступки, командирам и начальникам.

Конечно же с огромной долей вероятности соответствующие изменения законодательства повысят уровень воинской дисциплины, укрепят правопорядок в сложной обстановке, обеспечат поддержание единоначалия, тем более что в нашем обществе такие процессы уже знакомы и апробированы. Однако представляется, что на данном этапе развития нашего общества подобный механизм правового регулирования может войти в конфликт с правовыми принципами, которые отражены в Конституции Российской Федерации. В свою очередь это может также представлять потенциальный подрыв авторитета Российской Федерации как правового и демократического государства. В этой связи однозначно требуется научно обоснованный и взвешенный подход, требующий рационального решения, какому обстоятельству отдать предпочтение.

2 февраля 2023 г. депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации В.А. Картаполовым и А.Л. Красовым в порядке реализации права законодательной инициативы (ст. 104 Конституции Российской Федерации) внесен на рассмотрение Государственной Думы проект № 289614-8 Федерального закона «О некоторых особенностях применения дисциплинарного взыскания — дисциплинарный арест в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время»¹, который в настоящее время находится на стадии рассмотрения. Анализ данного проекта федерального закона вызывает в данный момент опасение потенциального конфликта с положениями Конституции Российской Федерации.

По мнению разработчиков проекта в

¹ См.: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/289614-8> (дата обращения: 27.03.2023).

настоящий момент назрела необходимость наделения командиров воинских частей и начальников органов военной полиции Вооруженных Сил полномочиями по применению к совершившим грубые дисциплинарные проступки военнослужащим (за исключением офицерского состава), проходящим военную службу по контракту, и гражданам, призванным на военную службу по мобилизации, в период мобилизации, в период действия военного положения и в военное время дисциплинарного ареста без судебного решения, что позволит, с их слов, повысить уровень правопорядка и воинской дисциплины в войсках, защитить права как добросовестных военнослужащих, так и самих нарушителей воинской дисциплины. В качестве обоснования авторами, по сути, указываются две позиции: таким образом сокращается «срок проведения разбирательства, что окажет существенную помощь командирам (начальникам) в поддержании правопорядка и воинской дисциплины в войсках (силах)», а также удаленность от места совершения проступка гарнизонных военных судов, которые в данный момент и осуществляют рассмотрение подобных дел. Так, в проекте федерального закона отмечается, что «гарнизонные военные суды находятся на значительном удалении от мест дислокации войск (сил), привлекаемых к участию в боевых действиях. В связи с чем нарушитель воинской дисциплины, которого командир воинской части решил привлечь к ответственности в виде дисциплинарного ареста, должен быть либо доставлен в суд, что существенно увеличивает время наложения дисциплинарного взыскания, и потребует отвлечения от выполнения боевых задач иных военнослужащих в целях сопровождения, повлечет затраты материальных средств, либо останется безнаказанным, чем поощряются новые нарушения дисциплины»¹.

¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О некоторых особенностях применения дисциплинарного взыскания — дисциплинарный арест в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время». URL:

Следует отметить, что для российского общества подобные предложения не являются какой-то новеллой. Из истории России известно, что до 2002 г. в Вооруженных Силах командир роты, желавший наказать солдата или сержанта за какой-либо серьезный дисциплинарный (но не уголовный) проступок, мог своим приказом арестовать его и отправить отбывать наказание на гауптвахту до 3-х суток, а вышестоящие начальники до 10-ти суток.

В июне 2002 г. под давлением правозащитников и либеральной оппозиции, после того как Россия присоединилась к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, действующей в мире с 4 ноября 1950 г., гауптвахты были ликвидированы, но формально отменены не были.

Так, Указом Президента Российской Федерации от 30 июня 2002 г. № 671 «О внесении изменений в общевоинские уставы Вооруженных Сил Российской Федерации» из дисциплинарного устава действительно исключалось положение о праве командира на арест подчиненных. Но тем же указом Правительству поручалось в течение 3-х месяцев подготовить проекты законов, касающихся применения ареста с содержанием на гауптвахте, приведя эту норму в соответствие с международными обязательствами. В июле 2002 г. гауптвахту в Вооруженных Силах отменили приказом Министра обороны Российской Федерации, и все упоминания о ней убрали из УВС ВС РФ и УГиКС ВС РФ.

1 декабря 2006 г. Государственной Думой принят Федеральный закон № 199-ФЗ «О судопроизводстве по материалам, о грубых дисциплинарных проступках при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста и об исполнении дисциплинарного ареста», согласно которому установлен порядок применения военными судами к военнослужащим дисциплинарного ареста, и самое главное то, что военнослужащий мог быть подвергнут дисциплинарному аресту исключительно по решению военного суда соответствующей

инстанции за определенные нарушения.

Аналогичным образом были внесены изменения в ряд статей Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации», связанные с дисциплинарным арестом (п. 3.1. ч. 1 ст. 7).

Соответствующее изменение правового регулирования официально было обосновано как «общая демократизация российской жизни и приведение ее норм в соответствие с общеевропейскими». Однако многими экспертами такие изменения поддерживались и сопровождались также высказываниями об обязательности проведения разбирательства профессиональными юристами и однозначной независимости судей, в отличие от командиров (начальников).

Таким образом, спустя почти два десятилетия вновь возникают вопросы передачи полномочий по рассмотрению дел о грубых дисциплинарных проступках, связанных с лишением свободы в виде дисциплинарного ареста, командирам и начальникам.

Действительно, указанная идея авторов, направленная на поддержание правопорядка и воинской дисциплины в Вооруженных Силах, других войсках, воинских формированиях и органах, является актуальной, заслуживает внимания, также имеет большой научный и практический интерес, поскольку в законопроекте идет речь, прежде всего, о военной безопасности государства. Однако видится, что полномочия, связанные с назначением военнослужащего такого дисциплинарного взыскания как дисциплинарный арест, все же должны оставаться исключительно в компетенции профессиональных военных юристов, то есть судей военных судов.

Российская Федерация является правовым государством, целью которого выступает соблюдение, защита и гарантия прав и свобод человека. При этом одним из механизмов защиты и гарантии прав выступает правосудие, которое в нашем государстве осуществляется только судом. Только суд может ограничить конституционные права военнослужащего на свободу

и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции Российской Федерации), а также права на свободу передвижения (ст. 27 Конституции Российской Федерации). Такое ограничение, применяемое за серьезное правонарушение, согласуется с ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, предусматривающей, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны и безопасности государства¹.

Согласно ч. 1 ст. 1 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» военные суды Российской Федерации являются федеральными судами общей юрисдикции, входят в судебную систему Российской Федерации, осуществляют судебную власть в Вооруженных Силах, других войсках, воинских формированиях и органах, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, и иные полномочия в соответствии с федеральными конституционными законами и федеральными законами.

Аналогичные положения по вопросу обеспечения законности содержатся в ч. 3 ст. 25 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне», где установлено, что правосудие в Вооруженных Силах, других войсках, воинских формированиях и органах осуществляется судами в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В соответствии с п. 1 ст. 1 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», судебная власть в Российской Федерации осуществляется только судами в лице судей. Никакие другие органы и лица не вправе принимать на себя осуществление правосудия.

Так, ч. 5 ст. 28.4 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе во-

¹ См.: Корякин В.М. Военно-административное право : учеб. М.: Юстиция, 2019. С. 250.

еннослужащих» установлено, что дисциплинарный арест назначается судьей гарнизонного военного суда в порядке, установленном Федеральным законом «О судопроизводстве по материалам, о грубых дисциплинарных проступках при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста и об исполнении дисциплинарного ареста».

Таким образом, указанные нормативные правовые акты всецело направлены на развитие конституционных положений, которые, исходя из действия механизма правового регулирования, тоже потребуют корректировки.

Важным обстоятельством анализируемого законопроекта является как таковая передача принципов беспристрастного и справедливого разбирательства по материалам о грубых дисциплинарных проступках от военных судей командирам. При этом, как видится, понятия «беспристрастно» и «справедливо» очень тесно сочетаются с необходимыми знаниями и умениями в юридической плоскости, когда очень четко оцениваются все обстоятельства: элементы крайней необходимости, правовая оценка действий всех участников военно-административной деятельности и т.д. В свою очередь, простой анализ должностных регламентов командиров показывает, что соответствующими необходимыми знаниями и умениями в правовой области они обладать не должны. Таким образом, возникает риск того, что решение зачастую будет выноситься не основанное на праве, а скорее на эмоциональном порыве.

Отечественная история, к сожалению, богата фактами массового применения уголовной репрессии в 20—40-х годах и начале 50-х годов не в судебном порядке, а так называемыми «квазисудебными» органами («особыми совещаниями», «тройками», «двойками» и т.д.) без соблюдения каких-либо процессуальных гарантий. Правовые последствия этих событий как раз и привели к закреплению принципа осуществления правосудия только судом в ходе судебно-правовой реформы конца 50-х — начала 60-х годов XX в. с целью не-

допущения впредь подобных явлений¹.

Что касается доводов авторов законопроекта о том, что гарнизонные военные суды находятся на значительном удалении от мест дислокации войск (сил)², следует отметить, что существуют различные формы участия военных судов в рассмотрении подсудных им дел, в том числе выездные судебные заседания в другие регионы страны, использование системы видеоконференц-связи, что существенно сократит время наложения дисциплинарного взыскания и не потребует отвлечения от выполнения боевых задач иных военнослужащих.

Также ч. 3 ст. 21 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации» установлено, что в целях приближения правосудия к месту дислокации воинских частей и учреждений Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов федеральным законом в составе гарнизонного военного суда может быть образовано постоянное судебное присутствие, расположенное вне места постоянного пребывания суда. Постоянное судебное присутствие гарнизонного военного суда является обособленным подразделением суда и осуществляет его полномочия.

Возможность образования судебного присутствия не является новой. Речь идет о судебных заседаниях, именуемых выездными и известных военным судам в годы Великой Отечественной войны, а также о выездных сессиях общих судебных мест дореволюционного периода.

Как показывает исторический опыт, в годы Великой Отечественной войны судьи военных трибуналов постоянно бывали на передовой, нередко судебные процессы проходили прямо на боевых позициях, в

¹ См.: Шамардин А.А. Правоохранительные органы (Судоустройство) : учеб. для вузов. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2021. С. 39.

² См.: Пояснительная записка к проекту федерального закона «О некоторых особенностях применения дисциплинарного взыскания — дисциплинарный арест в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время»

перерыве между боями. Порой председателствующему приходилось прерывать процесс и участвовать в отражении атак противника. В сложных экстремальных условиях деятельность военных трибуналов отличалась высокой оперативностью, гибкостью и остротой в применении закона. Строго карая злостных и опасных преступников, военные трибуналы в то же время проявляли гуманность и справедливость в решении судебных многих бойцов и командиров.

При этом, грамотно выстроенная система военных трибуналов также выдержала проверку временем в составе войск в Демократической Республике Афганистан. Действуя в тяжелых условиях, военные трибуналы, то есть военные судьи, достигли множество целей по укреплению боеготовности войск, воинской дисциплины в частях, защиты прав и интересов военнослужащих, не говоря уже и об афганских гражданах¹.

Более того, в настоящее время в юрисдикции 2-го Западного окружного военного суда находится Реутовский гарнизонный военный суд с постоянным судебным присутствием в г. Балашихе, а некоторые суды находятся за пределами территории России, такие как 26-й гарнизонный военный суд (город Байконур, Республика Казахстан), 40-й гарнизонный военный суд (город Приозерск, Республика Казахстан), 80-й гарнизонный военный суд (город Тирасполь-17, Республика Молдова)². Таким образом, следует признать, что представленное авторами законопроекта его обоснование в части нахождения гарнизонных военных судов на значительном удалении от мест дислокации войск (сил) является не совсем аргументированным.

Также стоит учитывать то, что в настоящее время на рассмотрении в Совете Федерации Федерального Собрания

Российской Федерации находится законопроект № 253673-8 «О создании судов Российской Федерации на территории Донецкой Народной Республики и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», согласно которому на территории ДНР будет создан Донецкий гарнизонный военный суд.

Готовится также аналогичный проект, касающийся Луганской Народной Республики (законопроект № 253681-8), Запорожской (законопроект № 258552-8) и Херсонской областей (законопроект № 280352-8), в связи с чем рассмотрение проекта № 289614-8 Федерального закона «О некоторых особенностях применения дисциплинарного взыскания — дисциплинарный арест в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время» является также преждевременным, поскольку на присоединенных территориях планируется создание новых судов, которые, опять же, в рамках своих полномочий, не находясь на значительном удалении от мест дислокации войск (сил), продолжают рассматривать подсудные им дела, в том числе материалы о грубых дисциплинарных проступках, в которых будут соблюдаться и процессуальные гарантии прав военнослужащих, и принцип осуществления правосудия только судом.

Библиография

1. Корякин, В.М. Военно-административное право : учеб. — М.: Юстиция, 2019. — 562 с.
2. Организация деятельности военных судов Российской Федерации : учеб. — 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. В.В. Ершова, В.В. Хомчика. — М.: РГУП, 2022. — 642 с.
3. Судебная защита прав военнослужащих : учеб. — 2-е изд., испр. и доп. / под ред. В.М. Корякина. — М.: РГУП, 2020. — 295 с.
4. Шамардин, А.А. Правоохранительные органы (Судоустройство) : учеб. для вузов / А.А. Шамардин. — Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2021. — 275 с.

¹ См.: Организация деятельности военных судов Российской Федерации : учеб. — 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. В.В. Ершова, В.В. Хомчика. М.: РГУП, 2022. С. 551.

² См.: Судебная защита прав военнослужащих : учеб. — 2-е изд., испр. и доп. / под ред. В.М. Корякина. М.: РГУП, 2020. С. 97.

Правоохранительная, судебная деятельность

Тенденции развития профессионализации судебного представительства в судах общей юрисдикции и военных судах Российской Федерации

© **Белашова Ольга Владимировна**, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Сибирского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

© **Горячева Елена Васильевна**, доцент кафедры гражданского права и процесса Сибирского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук

© **Кулиева Александра Михайловна**, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Сибирского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

© **Федорова Наталия Игоревна**, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Сибирского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы профессионального представительства в судебном процессе, обосновывается необходимость установления специальных квалификационных требований для лиц, осуществляющих представительство в гражданском процессе, а также особый подход к определению квалификационных требований к представителям в военных судах. Профессионализация судебного представительства в гражданском процессе активно обсуждается в юридической литературе, а недавняя законодательная инициатива Верховного Суда Российской Федерации свидетельствует о тенденциях расширения сферы профессионального представительства. Кроме того, в рамках исследования проблемы профессионализации в гражданском процессе рассмотрены предложения Минюста России, изложенные в проекте Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи. В рамках определения путей развития системы контроля за качеством оказания профессиональной юридической помощи рассматривалась возможность введения института саморегулирования для субъектов, не имеющих статуса адвоката, либо объединение всех участников профессионального рынка юридических услуг на основе несколько видоизмененной адвокатуры. В этой связи необходимо подробное осмысление особенностей статуса профессионального представителя, а особого внимания заслуживают представители в военных судах в силу специфики деятельности. В статье рассматривается российское законодательство, регламентирующее представительство в гражданском процессе, особенности правового регулирования представительства в военных судах, исследован зарубежный опыт регулирования данных отношений и практика его применения, сделаны выводы о возможных перспективах изменений российского законодательства для усиления эффективности института представительства.

Ключевые слова: гражданский процесс, профессиональный представитель, саморегулируемые организации, квалификационные требования, военные суды.

Trends in the development of professionalization of judicial representation in courts of general jurisdiction and military courts of the Russian Federation

© **Belashova O.V.**,

Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Process of the Siberian Institute of Management — Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

© **Goryacheva E.V.**,

Associate Professor of the Department of Civil Law and Process of the Siberian Institute of Management — Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences

© **Kulieva A.M.**,

Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Process of the Siberian Institute of Management, a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

Fedorova N.I.,

Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Process of the Siberian Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Annotation. The article deals with the issues of professional representation in the judicial process, substantiates the need to establish special qualification requirements for persons engaged in representation in civil proceedings, as well as a special approach to determining the qualification requirements for representation in military courts. Professionalization of judicial representation in civil proceedings is actively discussed in the legal literature, and the recent legislative initiative of the Supreme Court of the Russian Federation indicates trends in expanding the scope of professional representation. In addition, as part of the study of the problem of professionalization in the civil process, the proposals of the Ministry of Justice of the Russian Federation, set out in 2017 in the draft, were considered Concepts of regulation of the professional legal aid market. As part of the definition of ways to develop a quality control system for the provision of professional legal assistance, the possibility of introducing the institution of self-regulation for entities that do not have the status of a lawyer, or the unification of all participants in the professional market of legal services on the basis of a slightly modified advocacy was considered. In this regard, a detailed understanding of the features of the status of a professional representation is necessary, and representatives in military courts deserve special attention due to the specifics of their activities. The article examines the Russian legislation regulating representation in civil proceedings, the peculiarities of legal regulation of representation in military courts, examines foreign experience in regulating these relations and the practice of its application, and draws conclusions about possible prospects for changes in Russian legislation to enhance the effectiveness of the institution of representation.

Keywords: civil procedure, professional representative, self-regulating organizations, qualification requirements, military courts.

Актуальным направлением развития гражданского процессуального законодательства является профессионализация

представителей.

Представительство — институт, существующий во многих правовых отраслях, в

том числе и в гражданском процессе. Необходимость его применения обусловлена различными факторами, например, отсутствием возможности представлять свои интересы в суде по объективным причинам (состояние здоровья, возраст и др.) или субъективным причинам (отсутствие соответствующих профессиональных знаний). В Российской Федерации в качестве критерия оценки возможности участия представителя в гражданском и арбитражном процессе закреплено наличие профильного высшего образования или ученой степени по юридической специальности. Однако данный подход представляется весьма спорным, а законодательство в этом направлении продолжает развиваться.

В 2019 г. Федеральным законом от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ в правовое регулирование института представительства были внесены существенные изменения, в соответствии с которыми представителями в суде, за исключением дел, рассматриваемых мировыми судьями и районными судами, получили возможность выступать адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности. (п. 20 ст. 10). Таким образом, представительство стало профессиональным. Этим же Законом были внесены дополнения в АПК РФ в части требований к представителям — ч. 3 ст. 59 была дополнена требованиями к представителям граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, и организаций о необходимости наличия высшего юридического образования или ученой степени по юридической специальности.

Отметим, что еще в 2016 г. в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ) уже были установлены требования о профессиональном судебном представительстве — в соответствии с ч. 1 ст. 55 КАС РФ представителями в суде по административным делам могли быть адвокаты и иные лица, обладающие полной дееспособностью, не состоящие под опекой или попечительством и имеющие высшее юридическое

образование.

В настоящее время, приняв за основу положительный опыт профессионального представительства в арбитражном и административном судопроизводстве, а также в апелляционной и кассационной инстанциях гражданского судопроизводства, Верховным Судом разработан законопроект, направленный на реформирование и совершенствование процессуального законодательства. В соответствии с указанным законопроектом участвовать в качестве представителей в гражданском процессе в суде первой инстанции смогут только лица, имеющие высшее юридическое образование, что, как считают разработчики, позволит на практике реализовать конституционное право граждан на получение квалифицированной юридической помощи.

Насколько целесообразным является введение института профессионального представительства, особенно полного, со временем покажет практика, однако требуют обсуждения ряд теоретических и практических вопросов относительного возможного нововведения.

В частности, исходя из определения целью представительства является содействие в осуществлении процессуальных прав и обязанностей, а также защита интересов представляемого в суде. Право граждан на квалифицированную юридическую помощь, установленное ст. 48 Конституции Российской Федерации, — это право, а не обязанность, которая возникнет у гражданина в случае введения института профессионального представительства, в том случае, если он самостоятельно не сможет представлять интересы лично по объективным, не зависящим от него обстоятельствам. Кроме того, возникнет ситуация, при которой гражданин не будет иметь возможности выбрать представителя самостоятельно, ограниченный выбором только из числа лиц, имеющих необходимое образование. Нельзя не отметить, и установленное ч. 1 ст. 46 ГПК РФ положение, согласно которому, граждане вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц по их просьбе либо в защиту прав,

свобод и законных интересов неопределенного круга лиц и ст. 48 ГПК РФ, согласно которой представителями в суде могут быть дееспособные лица, полномочия которых на ведение дела надлежащим образом оформлены и подтверждены.

Достаточно часто при рассмотрении судами дел, особенно если речь идет о юридических лицах, гораздо более эффективным может оказаться необходимость привлечения в судебное заседание в качестве представителей лиц, обладающих специальными знаниями, которые при наличии доверенности могут дать квалифицированные пояснения суду по имеющим существенное значение для дела обстоятельствам, например, кадровые работники, бухгалтеры и др. Однако с введением профессионального представительства в судах первой инстанции такая возможность при отсутствии у них юридического образования будет исключена.

Вопрос о необходимости дальнейшего развития норм о профессиональном представительстве активно обсуждается в юридических кругах России. Стоит отметить высокий научный интерес к профессиональному представительству и в зарубежной юридической литературе, а также появление в этой области новых практик законодательного регулирования и правоприменения. В настоящей статье хотелось бы акцентировать внимание на разграничении подходов в понимании профессионализации судебного представительства и контроля за качеством оказания юридической помощи.

В рамках развития проблемы профессионализации в юридическом сообществе, интерес вызывают и предложения Минюста России, изложенные еще в 2017 г. в проекте Концепция регулирования рынка профессиональной юридической помощи (далее — Концепция)¹.

В проекте Концепции сфера юридических услуг в России представлена двумя основными группами участников, разделенных по регуляторному критерию: адвокаты, оказывающие квалифицированную

юридическую помощь в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», и иные участники рынка, не обладающие адвокатским статусом и предоставляющие юридические услуги неограниченному кругу лиц. В качестве отдельной категории выделяются корпоративные юристы, патентные поверенные, нотариусы, аудиторы и государственные служащие.

При этом отмечается, что на сегодняшний день только к адвокатам могут быть применимы требования к осуществлению профессиональной деятельности, установленные Законом об адвокатуре и Кодексом профессиональной этики адвоката. Для второй группы участников правила допуска к предоставлению юридических услуг и квалификационные требования не установлены.

В рамках определения путей развития системы контроля за качеством оказания профессиональной юридической помощи Минюстом России были предложены два основных сценария: введение института саморегулирования для субъектов, не имеющих статуса адвоката, либо объединение всех участников профессионального рынка юридических услуг на основе несколько видоизмененной адвокатуры.

Однако, можно предположить, что первый вариант может иметь неоднозначные последствия, а именно создание двойных профессиональных и этических стандартов для однородной по своему содержанию деятельности, неэффективное исполнения своих функций саморегулируемыми организациями и, как следствие, допуск на рынок участников, только формально отвечающих установленным требованиям. Касательно формирования профессионального образования на базе адвокатуры, то данный подход так же не нашел до настоящего времени однозначной поддержки со стороны законодателя.

Определенная Минюстом России позиция о том, что правом предоставления юридических услуг на возмездной основе в целом следует наделять только адвока-

¹ URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/44214/>

тов и адвокатские образования, не нашла полной поддержки ни в юридическом сообществе, ни в законе. Однако зарубежное законодательство уже имеет опыт решения подобных вопросов.

В европейских странах сложились устойчивые традиции монополии адвокатов представлять интересы сторон, иные лица могут выступать договорными представителями лишь в некоторых случаях, предусмотренных законом. Другой особенностью института представительства в зарубежном гражданском процессе является принцип локальной привязки адвокатов к определенному судебному округу.

Гражданско-процессуальное законодательство стран постсоветского пространства наделяет граждан правом вести свои дела в суде лично или через представителей.

Сравнительно недавно казахстанским законодателем был принципиально пересмотрен подход в части круга лица — участников процесса. Учитывая, что в российском процессуальном законодательстве присутствует тенденция профессионализации представительства, предлагаем более детально обратиться к казахстанской практике, где была проведена интересная, на наш взгляд, законодательная реформа в сфере профессионального представительства в гражданском процессе.

С принятием Закона Республики Казахстан от 5 июля 2018 г. «Об адвокатской деятельности и юридической помощи»¹ существенно ужесточены требования к деятельности профессиональных представителей, предусмотрено обязательное страхование деятельности адвокатов, созданы дисциплинарные комиссии адвокатов².

Бурное обсуждение в казахстанской юридической среде вызвало закрепление в законодательстве статуса юридического консультанта. До 2018 г. представителями

в суде, помимо адвокатов, в судах всех инстанций могли быть любые лица, имеющие высшее юридическое образование, допущенные судом по просьбе лиц, участвующих в деле (норма об участии в гражданском процессе по всем инстанциям только лиц, имеющих высшее юридическое образование, в Казахстане действует с 2014 г.) Теперь круг представителей по поручению в суде еще более сократился.

Представителями могут быть согласно ст. 58 и 62 ГПК Республики Казахстан³, следующие лица:

1) адвокаты;

2) работники юридических лиц:

— по делам этих юридических лиц, а государственных органов — по делам этих государственных органов и их территориальных подразделений;

— по делам иных юридических лиц, если такие юридические лица находятся под контролем (прямым или косвенным) одного и того же лица;

3) уполномоченные профессиональных союзов — по делам рабочих, служащих, а также других лиц, защита прав и интересов которых осуществляется этими профессиональными союзами;

4) уполномоченные организаций, которым законом, уставом или положением предоставлено право защищать права и интересы членов этих организаций, а также права и интересы других лиц;

5) Уполномоченный по правам человека в Республике Казахстан;

6) один из соучастников по поручению других соучастников;

7) лица, являющиеся членами палаты юридических консультантов в соответствии с Законом Республики Казахстан «Об адвокатской деятельности и юридической помощи»;

8) законные представители (родители, усыновители, опекуны и попечители, а также официальные представители-

¹ Закон Республики Казахстан от 5 июля 2018 г. «Об адвокатской деятельности и юридической помощи».

² Сулейменов М.К. Кто может быть представителем в гражданском процессе? [сайт] / URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37756099 (дата обращения: 02.05.2023)

³ Кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 г. № 377-V «Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан» [сайт] /URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34329053&pos=1;-8#pos=1; (дата обращения: 02.05.2023)

адвокаты по делам о признании гражданина недееспособным).

Из этого следует, что в законодательстве отсутствует указание в качестве допустимых представителей на лиц, занимающихся частной практикой без статуса юридического консультанта и членства в Палате юридических консультантов.

Юридическим консультантом является физическое лицо, имеющее высшее юридическое образование, стаж работы по юридической специальности не менее двух лет, прошедшее аттестацию, являющееся членом палаты юридических консультантов и оказывающее юридическую помощь» (ст. 75 Закона «Об адвокатской деятельности и юридической помощи»). Членство в палате юридических консультантов для лиц, осуществляющих юридическую помощь в виде представительства интересов физических и юридических лиц по гражданским делам, является обязательным (статья 82 Закона РК «Об адвокатской деятельности и юридической помощи»). Размер ежегодных членских взносов должен составлять не менее пятнадцатикратного и не более семидесяти пятикратного размера месячного расчетного показателя, установленного законом о республиканском бюджете на соответствующий финансовый год (в текущем году эта сумма ориентировочно составила от 5 500 руб. до 27 000 руб.).

Законодательно закреплены обязанности юридического консультанта, в числе которых обязанность соблюдать правила Кодекса профессиональной этики, установленные палатой юридических консультантов, членом которой он является, а также уплачивать взносы; быть членом одной из палат юридических консультантов для оказания юридической помощи в виде представительства интересов лиц в судах; по требованию клиента хранить копии документов, которые использовались при оказании юридической помощи, на бумажных или электронных носителях либо в форме электронных документов в течение трех лет с даты завершения оказания юридической помощи; постоянно повы-

шать свою квалификацию; осуществлять страхование профессиональной ответственности и другие.

Таким образом, в течении пяти лет в стране существует параллельная адвокатуре система юридических представителей, специализирующаяся на гражданских спорах.

Следует отметить, что в казахстанском законодательстве продолжается тенденция ужесточения требований к представителям. Об этом свидетельствует разработка проекта Закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам адвокатской деятельности и юридической помощи» в 2022 г., где на стадии обсуждения рассматривалась возможность ужесточения ответственности за некачественные услуги, например, предлагалось отнести расходы по уплате государственной пошлины на представителя, оказавшего некачественную юридическую помощь, недобросовестную юридическую помощь, взыскание убытков за потерю времени его клиентом, убытков за необоснованный иск. Введение в законодательство подобных оценочных категорий было подвергнуто критике со стороны научной общественности, поскольку такие оценочные категории как недобросовестность, заведомо необоснованный иск или спор существенно затрагивали права представителей.

Таким образом, рассматривая общую тему профессионализации представительства, важны вопросы не только процессуальных прав и обязанностей, квалификационных критериев, но и ответственности за некачественную юридическую помощь.

В российской научной литературе некоторые авторы поддерживают идею формирования механизма ответственности профессионального представителя.

Э.С. Алоян в числе качеств, необходимых профессиональному представителю, рассматривает помимо компетентности и широкого спектра полномочий, способов и средств для оказания квалифицированной юридической помощи, особую

морально-нравственную и этическую подготовку, а также неперенное осознание профессиональным представителем важности возложенной на него социальной, публично-правовой роли и профессиональных функций. В этой связи автор предлагает закрепить в законодательстве норму, предусматривающую обязанность договорного представителя компенсировать вред, причиненный неквалифицированной юридической помощью. Возможность присуждения компенсации за нарушение права на получение квалифицированной помощи предполагается в судах общей юрисдикции и арбитражных судах в денежной форме¹.

В целом, учитывая общую для России и Казахстана тенденцию профессионализации участников процесса, можем допустить, что следующим шагом российского законодателя в этом направлении будет усиление требований к участникам процесса. К сожалению, наличие высшего юридического образования становится формальным критерием и не дает реальной гарантии оказания квалифицированной помощи.

При этом заслуживает внимания имеющийся зарубежный опыт привязки полученного образования к критериям оценки уровня квалификации при осуществлении юридической деятельности. Так, например, в Германии при определении допуска к осуществлению адвокатской деятельности установлена двухступенчатая система получения юридического образования. Первая ступень — это получение общего юридического образования в университете, дающего право работать по специальности, за исключением возможности занимать должности нотариуса, судьи, прокурора и адвоката. Поэтому многие выпускники продолжают обучение в референдарiate, где в течение 2-летнего обучения приобретаются именно практические профессиональные навыки.

Право на осуществление профессиональной деятельности без ограничений выпускник приобретает после сдачи итогового государственного экзамена.

При разработке критериев профессиональной компетенции в российском законодательстве полагаем необходимым предусмотреть требование о повышении квалификации, стаже практической деятельности, показателях профессиональной компетентности, например, статистику выигранных судебных дел.

Что касается особенностей участия представителей в военных судах в целом, то, несмотря на отсутствие прямого указания в законе на специальные требования к представителям, можно сделать вывод, что с учетом положений ст. 3 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» военные суды осуществляют правосудие от имени Российской Федерации, рассматривая подсудные им дела в порядке гражданского, административного и уголовного судопроизводства, а значит, требования к представителям в процессе основываются на положениях соответствующего законодательства в соответствии с которым военный суд рассматривает дело.

Несмотря на неоднозначность подхода к определению уровня квалификации профессиональных представителей, с учетом существующей тенденции профессионализации участников процесса, а также с учетом особой специализации военных судов, особым составом участников данных дел, особенностей судопроизводства, требования к представителям в военных судах имеют серьезное значение.

Именно на примере деятельности военных судов мы можем судить о стабильности работы специализированных судов в российской судебной системе. Соответствующая оценка качества работы судей и их профессиональной деятельности вышестоящими инстанциями военных судов демонстрирует положительную динамику. Например, стабильность приговоров гар-

¹ Алоян Э.С. Институт представительства в гражданском процессуальном праве : авторефер. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2021. С. 14

низонных военных судов, подведомственных 2-му Восточному окружному военному суду во втором полугодии 2022 г. составила 97,4 %, в 2021 г. показатель составлял 97 %.

Специфика участия судебного представителя в военном суде требует, как минимум, знания нюансов военной службы и документооборота, поэтому вопрос о качестве оказанной услуги по предоставлению соответствующей юридической помощи, неразрывно связан с квалификацией и специализацией юриста.

Некоторые ученые, признают необходимость выделения особой категории юристов в сфере военного права, несмотря на отсутствие закрепленной официально специализации. Представляется логичным предложенное О.В. Синеокиным понятие «военного адвоката» определяемого как «квалифицированного юриста, имеющего предусмотренный законом статус адвоката, не являющегося военнослужащим, а также штатным сотрудником какого-либо подразделения Министерства обороны РФ в любом качестве (контракт, совместительство, срочный трудовой договор и т.п.), который имеет дополнительную подготовку (компетенцию) в области военного права, военного строительства и военной конфликтологии и смежных вопросах, сфера профессиональной деятельности (специализация) которого находится в военной (оборонной) или военно-морской области социальных отношений»¹. При этом можно предположить, что такое понятие можно взять за основу определения специалиста в области военного права не только, обладающего адвокатским статусом, но и осуществляющего профессиональную деятельность без такового.

В некоторых странах, юридическое сообщество армии и военно-морского флота имеет отдельную правовую регламентацию деятельности.

¹ Синеокий О.В. Кто такие военные адвокаты в России, на Украине и военно-морские адвокаты в США? [электронный ресурс] <https://wiselawyer.ru/poleznoe/48742-takie-voennye-advokaty-rossii-ukraine-voenno-morskie> (дата обращения: 02.05.2023)

Кроме того, до настоящего времени сохраняется правовая неопределенность права военнослужащего на оказание юридической помощи.

Согласно ст. 22 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащим обеспечивается право на защиту в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Законодательно предусмотрена бесплатная юридическая помощь органами военного управления и органами военной юстиции в пределах своих функциональных (должностных) обязанностей по вопросам, связанным с прохождением военной службы, а также органами предварительного следствия и судом, в производстве которых находится уголовное дело.

Эта же норма указывает на то, что правовая помощь оказывается адвокатами военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, по вопросам, связанным с прохождением военной службы, а по иным основаниям, установленным федеральными законами, в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации.

Правила оказания адвокатами юридической помощи утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 23 июля 2005 г. № 445 «О порядке оказания адвокатами юридической помощи военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, по вопросам, связанным с прохождением военной службы, а также по иным основаниям» и предусматривают компенсацию воинской частью расходов военнослужащего на правовую помощь адвоката только при наличии соглашения. В то же время в силу п. 1 ст. 8 и ст. 6 Кодекса профессиональной этики соглашение адвоката с доверителем является адвокатской тайной и носит конфиденциальный характер, а, следовательно, военнослужащий не обязан представлять такое соглашение, но в силу положений указанных Правил обязан это сделать для получения компенсации

понесенных расходов.

Отдельным вопросом, порождающим правовую неопределенность, является сложность определения требований к судебным представителям по делам, рассматриваемым гарнизонными военными судами. Ст. 49 ГПК РФ прямо устанавливает, что требования о профессиональном представительстве не распространяются на дела, рассматриваемые мировыми судьями и районными судами.

Часть 2 ст. 1 Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» (далее — Закон № 1-ФКЗ) предусматривает, что к федеральным судам общей юрисдикции относятся районные суды, городские суды, межрайонные суды, в отношении которых введено общее название — районный суд (п. 4 ч. 2 ст. 1). Таким образом, несмотря на то, что ст. 49 Закона № 1-ФКЗ содержит указание только на районный суд, предполагается, что требования об обязательном наличии высшего юридического образования представителей не распространяются также на случаи, когда городские и межрайонные суды рассматривают дело в качестве суда первой инстанции.

В виду того, что Законом № 1-ФКЗ военные суды отнесены к самостоятельному виду судов общей юрисдикции, можно прийти к выводу об исключении применения существующих требований к судебным представителям по делам, рассматриваемым гарнизонными военными судами.

В связи с изложенным, целесообразной представляется разработка особых, специальных критериев оценки квалификации профессиональных представителей в военных судах. Эти критерии могут быть связаны и с наличием высшего юридического образования, полученного, например, в специализированном военном ВУЗе, так и, например, стаж работы по юридической специальности в Вооруженных Силах, а также необходимость приобретения профессиональных навыков в специализи-

рованном направлении за счет прохождения повышения квалификации по программам дополнительного образования в рамках военной тематики. При этом, если вопрос о разработке особых квалификационных требований к «гражданским» юристам является весьма спорным и неоднозначным, то применительно к юристам «военным» не вызывает сомнений и требует детальной проработки и конкретизации законодательства.

Подводя итог, хотелось бы сделать следующие выводы.

В современных условиях правового регулирования судебного представительства логичным представляется разграничение подходов к понятиям «судебное представительство» и «оказание юридической помощи». На наш взгляд, квалификационные требования, связанные с наличием высшего профессионального образования, опыта профессиональной деятельности и другие критерии, обосновывающие профессионализм юриста, целесообразно применять в ситуации получения квалифицированной юридической помощи, а не применительно к установлению права на участие в суде в качестве представителя.

Считаем необходимым установить дифференциальный подход к оценке качества оказываемых юридических услуг и возможности реализации права на судебную защиту при участии в деле через представителя. Сужение круга лиц, имеющих право оказывать представительские услуги, может привести как к положительным (качество оказываемых услуг), так и отрицательным последствиям (профессионализация представительства увеличивает затраты на представительские услуги, блокирует право на участие в процессе через представителя, при невозможности личной явки в суд по объективным причинам и отсутствию денежных средств на привлечение профессионального представителя).

В этой связи оправданно обязательное ведение дел через профессиональных представителей по сложной категории дел, в том числе во второй и вышестоящих инстанциях, а также в специализированных судах, и как уже отмечено, необходим ме-

ханизм ответственности за оказание не-квалифицированной юридической помощи. Однако установление законодательных профессиональных требований ко всем судебным представителям не сможет способствовать полной реализации права на судебную защиту.

Таким образом, представляется необходимой разработка норм, устанавливающих не общие профессиональные требования к судебным представителям в судах первой инстанции, а утверждающих профессиональный стандарт для специалистов, оказывающих юридические услуги. Приемлемым представляется использование опыта зарубежных стран, устанавливающих, кроме наличия профессионального образования, сдачу комплексного квалификационного экзамена, предоставляющего право на осуществление профессиональной деятельности, при этом такой экзамен не обязательно будет связан с получением специального статуса (статуса адвоката).

В качестве аналогии установления определенных критериев для получения права на осуществление профессиональной деятельности уже имеющих в рос-

сийском законодательстве, помимо требований к получению адвокатского статуса, можно использовать положения ст. 2 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате и ст. 20 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», устанавливающие требования к нотариусам и арбитражным управляющим. Положительной практикой также считаем применение требования об обязательном опыте практической работы и сдаче комплексного экзамена, который в данном случае логично ограничить сферами гражданского и гражданско-процессуального законодательства.

Что касается судебного представительства в военных судах, то этот вопрос, как уже отмечалось ранее, требует более детальной законодательной регламентации в части установления профессиональных критериев для юристов, представляющих интересы военнослужащих.

Библиография

Алоян, Э.С. Институт представительства в цивилистическом процессуальном праве : авторефер. дис. ... канд. юрид. наук / Э.С. Алоян. — Саратов, 2021. — 24 с.

Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика

Совершенствование положений о причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление

© Борисов Андрей Викторович,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Уголовное право,
уголовный процесс и правоохранительная
деятельность» Юридического института
Российского университета транспорта

Аннотация. В статье представлена уголовно-правовая характеристика причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, рассмотрены условия правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, а также высказаны предложения по совершенствованию данной уголовно-правовой нормы.

Ключевые слова: обстоятельства, исключающие преступность деяния; причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление.

Improving the provisions on causing harm when detaining a person who has committed a crime

© Borisov A.V.,
Candidate of Law, Associate Professor, Head of the
Department "Criminal law, criminal procedure and
law enforcement" Law Institute Russian University
of Transport

Annotation. The article presents the criminal-legal characteristics of causing harm during the detention of a person who has committed a crime, considers the conditions for the legality of causing harm during the detention of a person who has committed a crime, and also makes suggestions for improving this criminal-legal norm.

Keywords: circumstances excluding criminality of the act; causing harm during the detention of a person who committed a crime.

Задержание преступника — это важный для обеспечения безопасности людей, общества и государства институт. На практике очень часто при задержании преступника должностные лица, осуществляющие такое задержание, превышают свои полномочия. Поэтому требуется исследовать данный вопрос подробнее.

В соответствии с ч.1 ст.38 УК РФ не является преступлением причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании для доставления органам власти и пресечения возможности

совершения им новых преступлений, если иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным и при этом не было допущено превышения необходимых для этого мер.

Задержать совершившее преступление лицо может любой гражданин, но если задержание производится с причинением вреда преступнику, то правомерными такие действия будут являться только тогда, когда по-другому задержать его невозможно. При этом задерживающее лицо должно убедиться, что задерживаемый совершил именно преступ-

ление. Об этом могут говорить показания свидетелей, наличие у задерживаемого орудия совершения преступления и пр.

Правомерность причинения вреда при задержании характеризуется следующими критериями:

— задерживаться должен именно преступник. Если речь идет о совершении административного или дисциплинарного правонарушения, то данные положения не применяются;

— вред может быть причинен, если лицо реально могло уклониться от задержания;

— цель причинения вреда — задержание преступника;

— задержать лицо без причинения ему вреда невозможно¹.

Следует отметить, что характер принимаемых при задержании мер должен соответствовать обстановке, например, должно быть учтено количество преступников, наличие оружия и пр.²

Если принятые меры не соответствовали обстоятельствам опасности деяния, то в таком случае следует вести речь о превышении мер по задержанию. При наличии умысла на причинение вреда задерживаемому лицу такие действия будут уголовно наказуемы.

Признаками превышения мер, необходимых для задержания лица, являются:

— явное несоответствие причиненного преступнику вреда и тяжести преступления;

— явное несоответствие причиненного вреда и обстановки задержания.

В научной литературе не существует единого мнения по поводу того, когда у лица появляется право задержать преступника.

О.П. Кузьменко, Е.А. Сухарев и И.Я. Козаченко писали, что задержание

можно считать осуществимым тогда, когда пропадает право необходимой обороны в процессе посягательства. В иных случаях задержание может начато в момент совершения преступления³.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении № 19 указывает, что «задержание преступника можно осуществлять и в случае, когда непосредственная опасность совершения преступления общественно опасного посягательства отсутствует. При совершении задерживаемым в ходе задержания общественно опасное посягательство, в т.ч. связанное с насилием, которое представляет опасность для жизни задерживающего либо других лиц, или с непосредственной угрозой применить подобное насилие, нанесение вреда относительно задерживаемого необходимо рассматривать в соответствии с правилами, регламентирующими необходимую оборону»⁴.

Наиболее верной представляется точка зрения Ю.В. Баулина, который считает, что «в некоторых ситуациях следует учитывать и правила задержания, и нормы о необходимой обороне. Если задерживаемый уклоняется от задержания посредством совершения нападения на осуществляющее задержание лицо, то в таком случае последний имеет право и на необходимую оборону. При этом сначала реализуется право на оборону, а уже потом осуществляется задержание. Автор делает вывод, что право задержания появляется при приготовлении к преступлению, в процессе его совершения, а также уже после этого»⁵.

Действительно, при задержании лица сотрудник правоохранительных органов

¹ Клюев А.А., Эфрикян Р.А. Соразмерность причиненного вреда, как условие правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление // Право и практика. 2021. № 4. С. 101.

² Никуленко А.В. Обстоятельства, исключющие преступность деяния : научно-практическое пособие. Санкт-Петербург, 2018. С. 65.

³ Козаченко И.Я., Сухарев Е.А., Кузьменко О.П. Спорные вопросы квалификации задержания преступника. Екатеринбург, 1992.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление».

⁵ Баулин Ю.В. Обстоятельства, исключющие преступность деяния. Харьков: Основа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1991. С. 174.

в случае нападения на него сначала должен защитить себя, а потом совершить задержание. При этом нанесенный преступнику вред должен рассматриваться как причиненный в состоянии необходимой обороны. Например, в одном из дел М. был оправдан в совершении предусмотренного ч. 1 ст. 116 УК РФ преступления. Согласно выводам суда первой инстанции, М. обнаружил кражу бензина и попытался самостоятельно установить вора. Он нашел в автомобиле Ч. канистру с бензином и попытался уличить его в совершении кражи. Ч. оказал сопротивление, поэтому М. удерживал его. Иначе говоря, суд решил, что у М. было право задерживать Ч. Суд апелляционной инстанции указал, что в деле нет информации о краже бензина, а потому при отсутствии подтверждения совершения Ч. преступления не могут применяться положения ст. 38 УК РФ¹.

Лицо, которое осуществляет задержание должно не предполагать, а точно знать о совершении преступления, то есть в действиях задерживаемого лица должны присутствовать признаки состава преступления. При этом в литературе высказывается мнение, что положения о причинении вреда при задержании следует распространять не только на случаи, когда лицо уже совершило преступление, но и в случаях, когда речь идет о совершаемом преступлении, когда требуется задержать лицо для привлечения его к ответственности². Указанное мнение представляется обоснованным, в особенности если речь идет о лицах, которые не достигли совершеннолетнего возраста, когда сразу определить возраст нет возможности. Кроме того, для совершения задержания требуется, чтобы лицо могло отличить противоправное деяние от непротивоправного. Например, в одном из

дел военнослужащие нарушили воинскую дисциплину для задержания правонарушителя. Суд указал, что они не совершали преступлений, а только нарушили военную дисциплину, а потому к ним должно быть применено дисциплинарное взыскание. Они осознавали, что нарушают дисциплину, так как были ранее ознакомлены с соответствующими уставами. Однако суд первой инстанции привлек их к ответственности в общем порядке³.

Верховный Суд в Постановлении № 19 указывает на необходимость учета фактической ошибки. Так, если в случае добросовестного заблуждения в ходе задержания лица о характере совершенного преступления, когда за преступление было принято административное правонарушение либо деяние лица, который еще не достиг возраста уголовной ответственности, или невменяемого лица, в ситуациях, при которых обстоятельства давали возможность считать, что было совершено преступление, и производившее задержание лицо не было способно осознавать и не осознавало реальный характер совершаемого деяния, действия его необходимо квалифицировать по предписаниям ст. 38 УК РФ, в т.ч. касающихся допустимых границ нанесения вреда.

Можно утверждать, что суды используют очень широкий подход к трактовке оснований задержания даже при отсутствии соответствующего предписания в законодательстве. Следует отметить, что в научной литературе авторы предлагают распространить положения о причинении вреда при задержании и на случаи совершения лицом административного правонарушения, а не только уголовно наказуемого деяния⁴. К числу административных правонарушений сейчас можно

¹ Апелляционное постановление Бабаевского районного суда Вологодской области № 10-7/2014 от 8 августа 2014 г. по делу № 10-7/2014 // <https://sudact.ru/regular/doc/HYdsHB65mTIV>

² Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство. Опыт критического анализа. СПб., 2010. С. 132.

³ Приговор Саратовского гарнизонного военного суда от 21 июля 2011 г. // <https://rospravosudie.com/vidpr-ugolovnoe>.

⁴ Милюков С.Ф. Глава III. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление // Энциклопедия уголовного права. Т. 7. Обстоятельства, исключющие преступность деяния. СПб., 2007. С. 181.

отнести очень большое количество деликтов. При совершении лицом правонарушения может быть непонятно, является ли его деяние правонарушением или преступлением, а потому возможны ошибки, так как для отграничения их друг от друга может потребоваться юридическая квалификация, соответствующие знания. Поэтому вышеприведенное мнение заслуживает внимания.

Тем не менее, и в отношении отсутствия признаков совершенного преступления, совершение административного деликта можно рассматривать относительно нанесения вреда их совершившим лицам, лишь учитывая фактическую ошибку, в качестве безвинного нанесения вреда. Например, Г. был признан виновным по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Судом было указано, что Г. ссылаясь на ст. 38 УК РФ необоснованно, поскольку Г. на сотрудников полиции не нападал, а потерпевшие преступления не совершали. Поэтому удары Г. по потерпевшим были признаны незаконными действиями, а нанесение вреда лицам, совершившим административное правонарушение, также было признано незаконным¹.

В другом деле виновный попытался скрыться с места ДТП. Для определения деяния в качестве преступления либо административного правонарушения требовалось провести экспертизу. И. задержал покинувшего место ДТП виновника. Он не мог определить самостоятельно, совершил тот преступление или административное правонарушение, а в результате задержания причинил вред виновному в ДТП лицу. Суд его оправдал и указал, что при таких обстоятельствах действия И. не противоречат нормам ст. 40 и ст. 38 УК РФ².

В подобных ситуациях действия задерживающего следует признавать пра-

вомерными. Если он будет ждать, чтобы убедиться в преступности действий лица, то последнее может скрыться и задержать его может уже не получиться совсем, как и привлечь к ответственности. Поэтому еще раз можно убедиться в том, что положения о причинении вреда при задержании должны распространяться и на лиц, которые совершают административные правонарушения.

Следует отметить, что если задерживающий первым осуществил насилие, а ответные действия им были расценены как посягательство, то положения ст. 38 УК РФ не применяются.

Ст. 38 УК РФ сформулирована так, что возлагает на задерживающее лицо обязанность в достаточно короткие сроки определить наличие в деянии задерживаемого признаков состава преступления. Однако задерживать преступника разрешено любым лицам, а вот вопрос о наличии в деянии состава преступления так быстро не могут решить даже сотрудники правоохранительных органов, а простые граждане не смогут и вовсе. Несовершеннолетний возраст и состояние невменяемости при этом могут быть установлены только после задержания или даже после проведения соответствующих экспертных исследований. Однако, в случае совершения преступления невменяемым лицом задержать его также нужно, так как оно может причинить существенный вред³.

Важной проблемой здесь является то, что зачастую при задержании невозможно быстро определить реальную необходимость причинения вреда для задержания преступника. Так, в обзоре практики Верховного Суда Российской Федерации⁴ указано, что человек не может точно и быстро определить в случаях, когда ору-

¹ Приговор Центрального районного суда г. Новосибирска N 1-29/2013 // <https://rospravosudie.com/vidpr-ugolovnoe>

² Приговор № 1-63/2012 мирового судьи судебного участка № 124 Можайского судебного района Московской области // <https://rospravosudie.com/vidpr-ugolovnoe>.

³ Шарипова А.Р. Проблемы института причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление // StudNet. 2021. № 10. С. 1—9.

⁴ Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 мая 2019 г.

дие скрыто, каким оружием пользуются преступники и представляет ли оно опасность. Действительно, при задержании лицо может заблуждаться относительно наличия, вида и опасности оружия у преступника и причинить при задержании чрезмерный вред.

С учетом вышесказанного представляется целесообразным изложить ч. 1 ст. 38 УК РФ в следующей редакции:

1. «Не является преступлением причинение вреда лицу, совершившему общественно опасное посягательство, при его задержании для доставления органам власти и пресечения возможности совершения им новых общественно опасных посягательств, если иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным и при этом не было допущено превышения необходимых для этого мер».

Такая редакция данной статьи позволит на законодательном уровне закрепить возможность задерживать лицо даже при совершении деяния, которое внешне схоже с преступлением, например, при совершении им административного правонарушения, а также позволит избежать незаконного привлечения к ответственности тех

граждан, которые при задержании преступника добросовестно заблуждались относительно характера действий задержанного.

Библиография

1. Клюев, А.А. Соразмерность причиненного вреда, как условие правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление / А.А. Клюев, Р.А. Эфрикян // *Право и практика*. — 2021. — № 4.
2. Козаченко, И.Я. Спорные вопросы квалификации задержания преступника / И.Я. Козаченко, Е.А. Сухарев, О.П. Кузьменок. — Екатеринбург, 1992.
3. Милоков С.Ф. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление / С.Ф. Милоков // *Энциклопедия уголовного права*. Т. 7. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. — СПб., 2007.
4. Милоков, С.Ф. Российское уголовное законодательство. Опыт критического анализа / С.Ф. Милоков. — СПб., 2010.
5. Никуленко, А.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния : научно-практическое пособие / А.В. Никуленко. — СПб., 2018.
6. Шарипова, А.Р. Проблемы института причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление / А.Р. Шарипова // *StudNet*. — 2021. — № 10. — С. 1—9.

Квалификация применения в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации

© Ермолович Ярослав Николаевич,
доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры уголовного права и криминологии
ФГКОУ ВО «Московская академия
Следственного комитета Российской
Федерации»

Аннотация. В статье анализируется российское уголовное законодательство о применении запрещенных средств и методов ведения войны во взаимосвязи с международным правом, регулирующим порядок ведения войны (боевых действий). В результате проведенного исследования автор формулирует правила квалификации преступлений, предусмотренных ст. 356 УК РФ.

Ключевые слова: международное право, международное гуманитарное право, право вооруженных конфликтов, военно-уголовное право, преступления против мира и безопасности человечества, применение запрещенных средств и методов ведения войны, война, вооруженный конфликт, средства ведения войны, методы ведения войны.

Qualification of the use of means and methods prohibited by an international treaty of the Russian Federation in an armed conflict

© Eermolovich Ya.N.,
Doctor of Legal Sciences, Professor of the
Department of Criminal Law and Criminology
FGKOU VO «The Moscow Academy Investigative
Committee of the Russian Federation»

Annotation. The article analyzes the Russian criminal legislation on the use of prohibited means and methods of warfare in conjunction with international law governing the conduct of war (hostilities). As a result of the conducted research, the author formulates the rules for the qualification of crimes provided for in Article 356 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: international law, international humanitarian law, law of armed conflicts, military criminal law, crimes against the peace and security of mankind, the use of prohibited means and methods of warfare, war, armed conflict, means of warfare, methods of warfare.

С учетом сложившейся военно-политической обстановки в России и мире особую актуальность приобрели вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 356 УК РФ (применение запрещенных средств и методов ведения войны), а конкретно одного из видов объективной стороны или альтернативного способа совершения этого преступления — применения в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации. Как следует из диспозиции статьи, законо-

датель отсылает к бланкетному источнику, т. е. международному договору Российской Федерации, который устанавливает определенный правовой порядок ведения войны или вооруженного конфликта, являющийся в данном случае объектом уголовно-правовой охраны.

В качестве таких источников установления уголовной ответственности за применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации, кроме собственно международных догово-

ров, заключенных Российской Федерацией, выступают различные международные правовые акты, подписанные как в период существования Российской империи, так и в период существования СССР, которые Российская Федерация как правопреемница¹ продолжает соблюдать, в частности к ним относятся:

1. Декларация об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль (принята в г. Санкт-Петербурге 29.11.1868 (11.12.1868));

2. Декларация о неупотреблении легкоразворачивающихся или сплюсчивающихся пуль (принята в г. Гааге 29.07.1899);

3. XIII Гаагская конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав в случае морской войны (заключена в г. Гааге 18.10.1907);

4. XI Гаагская конвенция о некоторых ограничениях в пользовании правом захвата в морской войне (заключена в г. Гааге 18.10.1907);

5. IX Гаагская конвенция о бомбардировании морскими силами во время войны (заключена в г. Гааге 18.10.1907);

6. VIII Гаагская конвенция о постановке подводных, автоматически взрывающихся от соприкосновения мин (заключена в г. Гааге 18.10.1907);

7. VII Гаагская конвенция об обращении торговых судов в суда военные (заключена в г. Гааге 18.10.1907);

8. VI Гаагская конвенция о положении неприятельских торговых судов при начале военных действий (заключена в г. Гааге 18.10.1907);

9. V Гаагская конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны (заключена в г. Гааге 18.10.1907);

10. IV Гаагская конвенция о законах и

обычаях сухопутной войны (заключена в г. Гааге 18.10.1907);

11. III Гаагская конвенция об открытии военных действий (заключена в г. Гааге 18.10.1907);

12. Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых и других подобных газов и бактериологических средств (подписан в г. Женеве 17.06.1925);

13. Конвенция о международной гражданской авиации (заключена в г. Чикаго 07.12.1944);

14. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны (IV Женевская конвенция) (заключена в г. Женеве 12.08.1949);

15. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (заключена в г. Гааге 14.05.1954);

16. Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (заключена 16.12.1971);

17. Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду (заключена 10.12.1976);

18. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) (подписан в г. Женеве 08.06.1977);

19. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II) (подписан в г. Женеве 08.06.1977);

20. Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (заключена в г. Женеве 10.10.1980), включая:

а. Протокол о необнаруживаемых

¹ См., напр.: ст. 67.1 Конституции России; ст. 1 Федерального закона от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»; Письмо МИД России от 13.01.1992 № 11/Угп «Об осуществлении прав и выполнении обязательств, вытекающих из международных договоров, заключенных СССР».

осколках (Протокол I);

b. Протокол о запрещении или ограничении применения мин, миноловушек и других устройств (Протокол II) с поправками, внесенными 03.05.1996;

c. Протокол о запрещении или ограничении применения зажигательного оружия (Протокол III);

d. Протокол об ослепляющем лазерном оружии (Протокол IV) от 13.10.1995¹;

21. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989);

22. Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (заключена в г. Париже 13.01.1993);

23. Конвенция о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных наземных мин и их уничтожении (Оттавская конвенция) (заключена в г. Осло 18.09.1997);

24. Римский статут Международного уголовного суда (принят в г. Риме 17.07.1998);

25. Конвенция по кассетным боеприпасам (принята на Дипломатической конференции для принятия конвенции по кассетным боеприпасам в г. Дублине, 19—30.05.2008).

В вышеприведенный перечень вошли только те международные правовые акты, в которых содержатся нормы о ведении войны, нарушение которых можно квалифицировать как применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором, причем не все из указанных международных правовых актов подписаны и ратифициро-

ваны Российской Федерацией, при том, что ст. 356 УК РФ сформулирована таким образом, что устанавливает ответственность только за нарушение тех международно-правовых обязательств, которые взяла на себя Российская Федерация. Если же правило ведения войны сформулировано в международном правовом акте, который Россия не пописывала и не ратифицировала, то такое деяние не может составлять объективной стороны рассматриваемого преступления, что является, на наш взгляд, существенным недостатком анализируемой правовой нормы. Так, например, Украина является участником Оттавской конвенции², которая запрещает применять противопехотные мины, а Россия не является участником данной Конвенции, ввиду чего действия украинских военнослужащих в части применения противопехотных мин в ходе специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики (далее — ДНР), Луганской Народной Республики (далее — ЛНР), Запорожской области и Херсонской области не могут быть квалифицированы по ст. 356 УК РФ, что не исключает их ответственности по международному праву, поскольку Украина подписала Римский статут международного уголовного суда. По смыслу закона субъектами анализируемого состава преступления могут быть граждане России и военнослужащие Российской Федерации, а также иностранные граждане и лица без гражданства, военнослужащие иностранных государств, которые являются наравне с Россией участниками тех же международных договоров. Граждане и военнослужащие иностранных государств, которые не являются участниками международных договоров Российской Федерации или вообще не являются участниками соответствующего международного договора, формально не могут быть субъектами преступления, предусмотренного ст. 356 УК РФ.

¹ О ратификации Дополнительного протокола к Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (Протокола об ослепляющем лазерном оружии (Протокола IV): Федеральный закон от 08.07.1999 № 153-ФЗ.

² См.: Статус Конвенции о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных наземных мин и их уничтожении (Оттавская конвенция) (Осло, 18.09.1997).

Кроме того, применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации, подразумевает использование запрещенных средств только для достижения целей войны (вооруженного конфликта): получения преимущества над противником, отражения нападения противника, удержания собственной территории, нанесения противнику урона или поражения, овладения территорией противника, принуждения противника к выполнению своих требований и т. п. Все иные нарушения норм международного гуманитарного права, совершенные не в ходе войны или вооруженного конфликта или не в связи с достижением целей войны или вооруженного конфликта, которые относятся к альтернативным способам совершения преступления, предусмотренного ст. 356 УК РФ, — жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением, депортация гражданского населения, разграбление национального имущества на оккупированной территории, либо квалифицируемые по другим статьям УК РФ, как то планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны, разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения, экоцид, наемничество, нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой к признакам рассматриваемого состава преступления не относятся, в виду чего и к предмету настоящего исследования они также не относятся.

Исходя из положений доктрины российского уголовного права и правил законодательной техники, принятых в Российской Федерации, состав преступления, предусмотренный ст. 356 УК РФ, в виде применения в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации, следует считать формальным и усеченным, т. е. объективную сторону рассматриваемого состава преступления образуют умышленные действия, связанные с использованием лицом поражающих свойств предметов преступления или использова-

ние общественно опасного способа, запрещенного международным договором Российской Федерации, для достижения целей войны или вооруженного конфликта. Общественно опасные последствия в объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 356 УК РФ, не входят и, судя по санкции статьи, требуют дополнительной квалификации по статьям о преступлениях против жизни и здоровья или против собственности¹.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления, исходя из законодательно сформулированного формального состава преступления, может быть только в форме прямого умысла. Мотив и цель квалифицирующего значения не имеют, но по смыслу закона при рассматриваемом способе совершения преступления умыслом виновного должна охватываться цель — достижение требуемых результатов в войне или вооруженном конфликте запрещенными способами или средствами. Законодательное изложение состава преступления, предусмотренного ст. 356 УК РФ, содержит презумпцию знания закона, подразумевает знание субъектом преступления законов и обычаев войны, положений международных договоров Российской Федерации в сфере международного гуманитарного права.

Квалифицирующее значение имеют средства совершения преступления, а также общественно опасный способ. В рассматриваемом контексте средствами совершения преступления — запрещенными средствами введения войны — являются оружие, боеприпасы и предметы военной техники, применение которых запрещено международным договором Российской Федерации. Проведенный анализ международных правовых актов, подписанных и ратифицированных Российской Федерации

¹ В части применения этих правил квалификации к разграблению национального имущества на оккупированной территории как возможному варианту применения запрещенных средств и методов ведения войны, эти положения не относятся, указанный способ совершения преступления требует отдельного исследования. — прим. авт.

ей, позволяет выделить следующие запрещенные средства ведения войны во взаимосвязи со способами их использования:

1. Применение снарядов, которые, при весе менее 400 граммов, имеют свойство взрывчатости или снаряжены ударным или горючим составом (Петербургская декларация об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль);

2. Использование пуль, легко разворачивающихся или сплюсывающихся в человеческом теле, в том числе оболоченных пуль, у которых твердая оболочка не покрывает всего сердечника или имеет надрезы (Декларация о неупотреблении легкоразворачивающихся или сплюсывающихся пуль);

3. Применение яда или отравленного оружия (п. «а» ст. 23 Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны);

4. Применение оружия, снарядов или веществ, способных причинять излишние повреждения или излишние страдания (п. «д» ст. 23 Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, ч. 2 ст. 35 Протокола I);

5. Применение средств ведения военных действий, которые имеют своей целью причинить или, как можно ожидать, причинят обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде (ст. ст. 1, 2 Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду; ч. 3 ст. 35, ст. 55 Протокола I);

6. Применение любого оружия, основное действие которого заключается в нанесении повреждений осколками, которые не обнаруживаются в человеческом теле с помощью рентгеновских лучей (Протокол о необнаруживаемых осколках);

7. Применение любой мины, мины-ловушки или другого устройства, предназначенного для того, чтобы причинить или способное причинить чрезмерные повреждения или ненужные страдания (ч. 3 ст. 3 Протокола II с

поправками, внесенными 03.05.1996);

8. Применение мин, мин-ловушек или других устройств, в которых используется механизм или устройство, специально спроектированные таким образом, чтобы боеприпас взрывался от присутствия общедоступных миноискателей в результате их магнитного или иного неконтактного влияния при нормальном использовании в ходе операций по обнаружению (ч. 5 ст. 3 Протокола II с поправками, внесенными 03.05.1996);

9. Применение самодеактивирующихся мин, оснащенных элементом неизвлекаемости, спроектированным таким образом, что этот элемент неизвлекаемости способен функционировать после того, как мина утратила способность к функционированию (ч. 6 ст. 3 Протокола II с поправками, внесенными 03.05.1996);

10. Применение мин, мин-ловушек или других устройств, которые предназначены для того, чтобы убивать, наносить повреждения или ущерб и которые приводятся в действие вручную, посредством дистанционного управления или автоматически по истечении определенного промежутка времени, будь то в случае нападения, обороны или в порядке репрессалий, против гражданского населения как такового или против отдельных гражданских лиц или гражданских объектов (ч. 7 ст. 3 Протокола II с поправками, внесенными 03.05.1996);

11. Неизбирательное применение мин, мин-ловушек или других устройств, которые предназначены для того, чтобы убивать, наносить повреждения или ущерб и которые приводятся в действие вручную, посредством дистанционного управления или автоматически по истечении определенного промежутка времени, под которым понимается установка такого оружия, которая производится не на военном объекте или не направлена против него, а равно которая осуществляется способом или средством доставки, не позволяющим направленное действие по конкретному военному объекту, а равно

которая, как можно ожидать, причинит случайные потери жизни среди гражданского населения, нанесение повреждений гражданским лицам или ущерб гражданским объектам или то и другое вместе, которые были бы чрезмерны по отношению к ожидаемому конкретному и непосредственному военному преимуществу (ч. 8 ст. 3 Протокола II с поправками, внесенными 03.05.1996);

12. Применение противопехотных мин, которые не являются обнаруживаемыми, т. е. не имеют в своей конструкции материал или устройство, либо прикрепленных к ним до их установки таким образом, чтобы исключить их легкое извлечение, которые дают возможность обнаружить мину при помощи общедоступных технических средств обнаружения мин и обеспечивают ответный сигнал, эквивалентный сигналу от 8 или более граммов железа в виде сплошной концентрированной массы (ст. 4 Протокола II с поправками, внесенными 03.05.1996);

13. Применение в нарушение установленного международным договором порядка мин, в том числе дистанционно устанавливаемых, мин-ловушек или других устройств, которые предназначены для того, чтобы убивать, наносить повреждения или ущерб и которые приводятся в действие вручную, посредством дистанционного управления или автоматически по истечении определенного промежутка времени, и которые не соответствуют положениям по самоуничтожению и самодеактивации, т. е. не имеют в конструкции устройства, которое в течение 30 дней после установки вызывало бы несрабатывание механизма самоуничтожения не более чем у 10 % активированных мин, а также резервный элемент самодеактивации, спроектированный и сконструированный таким образом, чтобы в комбинации с механизмом самоуничтожения через 120 дней после установки функционировала как мина не более чем одна на одну тысячу активированных мин (ч. 2 ст. 5, ч. ч. 2, 3

ст. 6 Протокола II с поправками, внесенными 03.05.1996);

14. Применение дистанционно устанавливаемых мин, если они не зарегистрированы в установленном порядке, т. е. не указано ориентировочное местоположение района применения дистанционно устанавливаемых мин посредством координат исходных точек, отсутствует маркировка на местности, не указано общее количество и тип установленных мин, дата и время установки и периоды самоуничтожения (ч. 1 ст. 6 Протокола II с поправками, внесенными 03.05.1996);

15. Применение мин-ловушек или других устройств, которые каким-либо образом соединены или ассоциируются с международно-признанными защитными эмблемами, знаками или сигналами; больными, ранеными или мертвыми; местами захоронения или кремации либо могилами; медицинскими объектами, медицинским оборудованием, медицинским имуществом или санитарным транспортом; детскими игрушками или другими переносными предметами или продуктами, специально предназначенными для кормления, обеспечения здоровья, гигиены или используемыми как предметы одежды или обучения детей; продуктами питания или напитками; кухонной утварью или принадлежностями, за исключением находящихся в военных учреждениях, воинских расположениях или на военных складах; предметами явно религиозного характера; историческими памятниками, произведениями искусства или местами отправления культа, которые составляют культурное или духовное наследие народов; животными или их трупами; в форме кажущихся безвредными переносных предметов, которые специально спроектированы и сконструированы для того, чтобы содержать взрывчатый материал (ч. ч. 1, 2 ст. 7 Протокола II с поправками, внесенными 03.05.1996);

16. Применение мин, мин-ловушек или других устройств, которые

предназначены для того, чтобы убивать, наносить повреждения или ущерб и которые приводятся в действие вручную, посредством дистанционного управления или автоматически по истечении определенного промежутка времени, в любом городе, поселке, деревне или другом районе с аналогичным сосредоточением гражданских лиц, в которых не ведется или не предвидится неминуемых боевых действий между сухопутными войсками, за исключением тех случаев, когда такие предметы размещаются на военном объекте или в непосредственной близости от военного объекта, либо принимаются меры для защиты гражданских лиц от его воздействия (ч. 3 ст. 7 Протокола II с поправками, внесенными 03.05.1996);

17. Применение при любых обстоятельствах зажигательного оружия против гражданского населения как такового, отдельных гражданских лиц или гражданских объектов (ч. 1 ст. 2 Протокола о запрещении или ограничении применения зажигательного оружия);

18. Применение при любых обстоятельствах доставляемого по воздуху зажигательного оружия против военного объекта, расположенного в районе сосредоточения гражданского населения (ч. 2 ст. 2 Протокола о запрещении или ограничении применения зажигательного оружия);

19. Применение зажигательного оружия, за исключением доставляемого по воздуху, против любого военного объекта, расположенного в районе сосредоточения гражданского населения, кроме тех случаев, когда такой военный объект четко отделен от сосредоточения гражданского населения и принимаются все возможные меры предосторожности для ограничения зажигательного воздействия на военный объект и избежания или в любом случае сведения к минимуму, случайных жертв среди гражданского населения, ранения гражданских лиц и повреждения гражданских объектов (ч. 3 ст. 2 Протокола о запрещении или ограничении применения зажигательного оружия);

20. Применение зажигательного оружия против леса или других видов растительного покрова за исключением случаев, когда такие природные элементы используются для того, чтобы укрыть, скрыть или замаскировать комбатантов или другие военные объекты, или когда они сами являются военными объектами (ч. 4 ст. 2 Протокола о запрещении или ограничении применения зажигательного оружия);

21. Применение лазерного оружия, специально предназначенного для использования в боевых действиях исключительно или в том числе для того, чтобы причинить постоянную слепоту органам зрения человека, не использующего оптические приборы, т. е. незащищенным органам зрения или органам зрения, имеющим приспособления для корректировки зрения (ст. 1 Протокола об ослепляющем лазерном оружии).

Общественно опасный способ совершения преступления — запрещенные методы ведения войны — составляет приемы и способы ведения военных (боевых) действий, запрещенные международными договорами Российской Федерации. Проведенный анализ международных договоров Российской Федерации позволяет выделить следующие запрещенные методы ведения войны:

1. Захват судна и осуществление осмотра, совершенные военными судами воюющих в территориальных водах нейтральной державы (ст. 2 Конвенции о правах и обязанностях нейтральных держав в случае морской войны);

2. Создание в нейтральных портах и водах баз морских операций против своих неприятелей (ст. 5 Конвенции о правах и обязанностях нейтральных держав в случае морской войны);

3. Передача по какому бы то ни было основанию, прямо или косвенно, нейтральной державою державе воюющей военных судов, боевых припасов или всякого военного материала (ст. 6 Конвенции о правах и обязанностях нейтральных держав в случае морской войны);

войны);

4. Невоспрепятствование нейтральной державой в пределах своей юрисдикции снаряжению и вооружению всякого судна, которое оно имеет разумные основания считать предназначенным для крейсерства или для содействия военным операциям против державы, с которой она находится в мире, а равно выходу такого судна из пределов своей юрисдикции (ст. 8 Конвенции о правах и обязанностях нейтральных держав в случае морской войны);

5. Использование военными судами нейтральных портов, рейдов и территориальных вод для возобновления или увеличения своих военных запасов или своего вооружения, а равно для пополнения своих экипажей (ст. 18 Конвенции о правах и обязанностях нейтральных держав в случае морской войны);

6. Не вызванное военной необходимостью уничтожение имущества независимо от формы собственности на оккупированной территории, а равно разграбление морскими или сухопутными силами города или места, даже взятых приступом (ст. 7 Конвенции о бомбардировании морскими силами во время войны; ст. 28 Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны; ст. ст. 53, 147 IV Женевской конвенции);

7. Использование торгового судна как военного без внешних отличительных знаков военных судов их национальности и соблюдения других условий, предусмотренных международным договором (ст. ст. 1—6 Конвенции об обращении торговых судов в суда военные);

8. Конфискация торгового судна в начале военных действий в нарушение международного договора (ст. ст. 1—4 Конвенции о положении неприятельских торговых судов при начале военных действий);

9. Использование территории нейтральной державы для размещения или перемещения войск или обозов с военными или съестными припасами, а

равно — для размещения и использования средств связи, в том числе установленных перед войной в исключительно военных целях и не открытых для надобностей общего пользования, а равно — для формирования военных отрядов и(или) размещения учреждений для вербовки, а равно попустительство со стороны нейтральной державы вышеуказанным действиям (ст. ст. 2, 3 Конвенции о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны);

10. Убийство или причинение вреда здоровью неприятеля, который, положив оружие или не имея более средств защищаться, безусловно сдался, а равно лица, которое вышло из строя, т. е. находится во власти противной стороны или находится без сознания или каким-либо другим образом выведено из строя вследствие ранения или болезни и поэтому не способно защищаться (п. «в» ст. 23 Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны; ст. 41 Протокола I);

11. Объявление о том, что никому не будет дано пощады (не оставлять никого в живых), угроза этим противнику или ведение военных действий на такой основе (п. «г» ст. 23 Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны; ст. 40 Протокола I; ч. 1 ст. 4 Протокола II);

12. Принуждение покровительствуемого лица служить в вооруженных силах неприятельской державы, а равно принуждение подданных противной стороны принимать участие в военных действиях, направленных против их страны, даже в том случае, если они были на его службе до начала войны (абз. 2 ст. 23 Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны; ст. 147 IV Женевской конвенции);

13. Использование их санитарных летательных аппаратов с целью получения какого-либо военного преимущества над противной стороной, а равно использование санитарных летательных аппаратов с целью обеспечить неприкосновенность военных объектов от нападения, а равно использование санитарных летательных аппаратов для

сбора или передачи разведывательных данных, а равно использование санитарных летательных аппаратов для транспортировки любых лиц или груза, которые не относятся к санитарным перевозкам (ч. ч. 1, 2 ст. 28 Протокола I);

14. Посягательство на жизнь или здоровье парламентаря, а равно сопровождающих его трубача, горниста или барабанщика, лица, несущего флаг, и переводчика (ст. 32 Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны);

15. Принуждение населения занятой области давать сведения об армии другого воюющего или о его средствах обороны (ст. 44 Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны);

16. Начало военных действий без предварительного и недвусмысленного предупреждения, которое должно иметь форму мотивированного объявления войны или форму ультиматума с условным объявлением войны (ст. 1 Конвенции об открытии военных действий);

17. Применение оружия против гражданских воздушных судов в полете (п. «а» ст. 3 bis Конвенции о международной гражданской авиации);

18. Вероломство, т. е. действия, направленные на то, чтобы вызвать доверие противника и заставить его поверить, что он имеет право на защиту или обязан предоставить такую защиту согласно нормам международного права, применяемого в период вооруженных конфликтов, с целью обмана такого доверия, в том числе симулирование намерения вести переговоры под флагом перемирия или симулирование капитуляции, симулирование выхода из строя вследствие ранений или болезни, симулирование обладания статусом гражданского лица или некомбатанта, симулирование обладания статусом, предоставляющим защиту, путем использования знаков, эмблем или форменной одежды ООН, нейтральных государств или других государств, не являющихся сторонами, находящимися в конфликте (п. «е» ст. 23 Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны; ч. 1

ст. 37 Протокола I);

19. Использование не по назначению отличительной эмблемы красного креста, красного полумесяца или красного льва и солнца или других эмблем, знаков или сигналов, предусмотренных Женевскими конвенциями и дополнительными протоколами к ним, а равно умышленное злоупотребление во время вооруженного конфликта другими международно-признанными защитными эмблемами, знаками или сигналами, включая флаг перемирия и защитную эмблему культурных ценностей, а равно использование отличительной эмблемы ООН без разрешения этой организации (п. «е» ст. 23 Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны; ст. 17 Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта; ст. 38 Протокола I);

20. Использование в вооруженном конфликте флагов, военных эмблем, воинских знаков различия или форменной одежды нейтральных государств или других государств, не являющихся сторонами, находящимися в конфликте, а равно использование флагов, военных эмблем, воинских знаков различия или форменной одежды противных сторон во время нападений или для прикрытия военных действий, содействия им, защиты или затруднения их (п. «е» ст. 23 Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны; ст. 39 Протокола I);

21. Нападение (применение оружия) на лицо, покидающее на парашюте летательный аппарат, терпящий бедствие, за исключением воздушно-десантных войск (ст. 42 Протокола I);

22. Нападение (применение оружия) неизбирательного характера, т. е. нападение, которое не направлено на конкретные военные объекты, а равно нападение, при котором применяются методы или средства ведения военных действий, которые не могут быть направлены на конкретные военные объекты, а равно нападение, при котором применяются методы или средства ведения военных действий, последствия которых

не могут быть ограничены и которые в каждом таком случае поражают военные объекты и гражданских лиц или гражданские объекты без различия, в том числе нападение путем бомбардировки любыми методами или средствами, при котором в качестве единого военного объекта рассматривается ряд явно отстоящих друг от друга и различимых военных объектов, расположенных в городе, в деревне или другом районе, где сосредоточены гражданские лица или гражданские объекты, а также нападение, которое, как можно ожидать, попутно повлечет за собой потери жизни среди гражданского населения, ранения гражданских лиц и ущерб гражданским объектам или то и другое вместе, которые были бы чрезмерны по отношению к конкретному и непосредственному военному преимуществу, которое предполагается таким образом получить (ст. ст. 1, 4 Конвенции о бомбардировании морскими силами во время войны; ст. 26 Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны; ч. ч. 4, 5 ст. 51 Протокола I);

23. Использование покровительствуемого лица для защиты пункта или района от военных действий, а равно использование размещения или передвижения гражданского населения или отдельных гражданских лиц для защиты определенных пунктов или районов от военных действий, в том числе для защиты военных объектов от нападения или прикрытия военных действий, содействия или препятствования им (ст. 28 IV Женевской конвенции; ч. 7 ст. 51 Протокола I);

24. Использование в военных целях, т. е. для поддержки военных усилий, в том числе для перемещения личного состава или материальной части войск, даже транзитом, для осуществления деятельности, имеющей прямое отношение к военным операциям, размещению личного состава войск или производству военных материалов, исторических памятников, произведений искусства или мест отправления культа, которые

составляют культурное или духовное наследие народов (культурных ценностей) и защищены Гаагской конвенцией о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14.05.1954 и другими международными правовыми актами (ст. ст. 1, 8, 9 Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта; ст. 53 Протокола I; ст. 16 Протокола II);

25. Использование голода среди гражданского населения в качестве метода ведения войны, а равно уничтожение, вывоз или приведение в негодность объектов, необходимых для выживания гражданского населения, в том числе запасов продуктов питания, посевов, скота, сооружений для снабжения питьевой водой и запасов последней, а также ирригационных сооружений, если эти объекты не использовались противником исключительно в военных целях (для поддержания существования личного состава вооруженных сил или для прямой поддержки военных действий), а также при отсутствии военной необходимости (ст. 53 IV Женевской конвенции; ст. 54 Протокола I; ст. 14 Протокола II);

26. Использование методов ведения войны, которые имеют целью причинить или, как можно ожидать, причинят обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде и тем самым нанесут ущерб здоровью или выживанию населения, а равно использование в военных целях средств воздействия на природную среду, а именно любых средств преднамеренного управления природными процессами — динамикой, составом или структурой Земли, включая ее биоту, литосферу, гидросферу и атмосферу, или космического пространства (ч. 3 ст. 35, ст. 55 Протокола I, ст. ст. 1, 2 Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду);

27. Нападение (применение оружия) на установки или сооружения, содержащие опасные силы, в том числе плотины, дамбы и атомные электростанции, если такое нападение может вызвать

высвобождение опасных сил и последующие тяжелые потери среди гражданского населения, а равно нападение на военные объекты, размещенные в этих установках или сооружениях или поблизости от них, если такое нападение может вызвать высвобождение опасных сил из таких установок или сооружений и последующие тяжелые потери среди гражданского населения, за исключением случаев, когда такие объекты используются для регулярной существенной и непосредственной поддержки военных операций и если такое нападение является единственным практически возможным способом прекратить такую поддержку (ч. ч. 1, 2 ст. 56 Протокола I; ст. 15 Протокола II);

28. Нападение (применение оружия) или отдача приказа о таком нападении после того как соответствующему командиру (начальнику) или должностному лицу стало известным или очевидным, что объект не является военным, либо объект находится под защитой норм международного права, либо нападение, как можно ожидать, вызовет случайные потери жизни среди гражданского населения, ранения гражданских лиц и нанесет случайный ущерб гражданским объектам или то и другое вместе, которые были бы чрезмерными (несоизмеримыми) по отношению к результату в виде военного преимущества, которое предполагается получить (п. «b» ч. 2 ст. 57 Протокола I);

29. Нападение какими бы то ни было средствами на необороняемые местности, т. е. объявленные стороной, находящейся в конфликте, необороняемыми населенные пункты, находящиеся в зоне соприкосновения вооруженных сил или вблизи нее, которые открыты для оккупации противной стороной, в которых отсутствуют комбатанты, а также мобильные боевые средства и мобильное военное снаряжение, а стационарные военные установки или сооружения не используются во враждебных целях, власти и население не совершают

враждебных действий и не предпринимаются никакие действия в поддержку военных операций, а равно использование в военных целях демилитаризованных зон, которым таковой статус был предоставлен на основании соглашения сторон и отвечающих тем же условиям (ч. ч. 1, 2 ст. 59, ст. 60 Протокола I);

30. Непринятие командиром (начальником) или должностным лицом в пределах своих полномочий всех практически возможных мер, направленных на предупреждение или пресечение применения запрещенных средств и методов ведения войны починенными лицами, а именно нападения неизбирательного характера, нападения на установки и сооружения, содержащие опасные силы, превращение необороняемых местностей и демилитаризованных зон в объект нападения, совершение нападения на лицо, когда известно, что оно прекратило принимать участие в военных действиях, вероломное использование отличительной эмблемы красного креста, красного полумесяца или красного льва и солнца или других защитных знаков, если они знали или имели в своем распоряжении информацию, которая должна была бы дать им возможность прийти к заключению в обстановке, существовавшей в то время, что такое подчиненное лицо совершает или намеревается совершить подобное нарушение (ст. ст. 85, 86, 87 Протокола I);

31. Набор или вербовка детей в возрасте до пятнадцати лет в состав национальных вооруженных сил или их использование для активного участия в боевых действиях (п. «с» ст. 4 Протокола II, ст. 38 Конвенции о правах ребенка).

В ч. 2 ст. 356 УК РФ предусмотрена квалифицированная разновидность состава применения запрещенных средств и методов ведения войны — применение оружия массового поражения, запрещенного международным договором Российской Федерации, под которым понимается применение на войне удушливых, ядовитых или

других подобных газов, равно как и всяких аналогичных жидкостей, веществ и процессов (химического оружия), а равно применение бактериологических средств ведения войны, в том числе микробиологических или других биологических агентов или токсинов (биологического оружия), а также оружия, оборудования или средств доставки, предназначенных для использования таких агентов или токсинов в вооруженных конфликтах (Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов; ст. ст. 1, 2, 3 Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении; ст. 1 Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении).

В ст. 2 Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении уточняется, что под химическим оружием понимаются в совокупности или в отдельности: токсичные химикаты и их прекурсоры, боеприпасы и устройства, специально предназначенные для смертельного поражения или причинения иного вреда за счет токсических свойств таких химикатов и прекурсоров, а также любое оборудование, специально предназначенное для использования непосредственно в связи с применением указанных боеприпасов и устройств.

Таким образом, из трех известных видов оружия массового поражения для России, ввиду взятых ей на себя международных обязательств, запрещено и преступным является применение только биологического и химического оружия, применение ядерного оружия не запрещено российским законодательством или какими-либо международными договорами или соглашениями Российской Федерации.

Перечень запрещенных международным договором Российской Федерации средств и методов ведения войны является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию. Ввиду бланкетного

характера ст. 356 УК РФ, при квалификации деяния по этой статье во всех случаях необходима ссылка на конкретный международный договор Российской Федерации, которым запрещено применение соответствующего средства или метода ведения войны. Как видно из перечисленного, судя по публикациям в средствах массовой информации, практически все запрещенные средства и методы ведения войны применялись военнослужащим Украины в ходе проведения специальной военной операции.

Проведенный анализ международных правовых актов позволяет выделить ряд правил ведения войны, запрещающих применять определенные средства или способы ведения войны (боевых действий), содержащихся в международных правовых актах, к которым Российская Федерация не присоединилась:

1. Нарушение неприкосновенности почтовой корреспонденции нейтральных или воюющих стран, будь то официальной или частной, найденной в открытом море на нейтральном или неприятельском судне (ст. 1 Конвенции о некоторых ограничениях в пользовании правом захвата в морской войне);

2. Захват судна, исключительно предназначенного для берегового рыболовства или для потребностей мелкого местного мореплавания, а равно судна, выполняющего научные, религиозные и филантропические поручения, а равно захват их машин, снастей, приспособлений и груза, а равно использование такого судна, его свойств и «мирной внешности» в военных целях (ст. ст. 3, 4 Конвенции о некоторых ограничениях в пользовании правом захвата в морской войне);

3. Захват в плен (придание статуса военнопленных и правового режима военного плена) капитана, офицеров и состава экипажа, подданных неприятеля или подданных нейтральной державы, находящихся на захваченном вражеском или нейтральном торговом судне, при отсутствии оснований, предусмотренных международным договором (ст. ст. 5, 6

Конвенции о некоторых ограничениях в пользовании правом захвата в морской войне);

4. Постановка автоматически взрывающихся от соприкосновения мин, не закрепленных на якорях, мин, которые не делаются безопасными, как только они сорвутся со своих минрепов, а равно применение самодвижущихся мин, которые, не попав в цель, не делаются безопасными (ст. 1 Конвенции о постановке подводных, автоматически взрывающихся от соприкосновения мин);

5. Постановка автоматически взрывающихся от соприкосновения мин у берегов и портов противника с единственной целью прерывать торговое мореплавание (ст. 2 Конвенции о постановке подводных, автоматически взрывающихся от соприкосновения мин);

6. Применение противопехотных мин, а равно их разработка, производство, приобретение иным образом, накопление, хранение, передача прямо или опосредованно кому бы то ни было, а равно помощь, поощрение, побуждение к осуществлению указанной деятельности кого бы то ни было (ст. 1 Оттавской конвенции);

7. Применение кассетных боеприпасов, под которыми понимаются боеприпасы, предназначенные для разбрасывания или высвобождения разрывных суббоеприпасов, каждый из которых весит менее 20 килограммов и включает в себя эти разрывные суббоеприпасы, за исключением боеприпасов или суббоеприпасов, предназначенных для разбрасывания осветительных, дымовых, пиротехнических средств или дипольных отражателей; боеприпасов, предназначенных исключительно для целей противовоздушной обороны; боеприпасов или суббоеприпасов, предназначенных для оказания электрического или электронного воздействия; боеприпасов, которые во избежание неизбежного площадного воздействия и рисков, порождаемых невзорвавшимися суббоеприпасами,

обладают всеми следующими характеристиками: каждый боеприпас содержит менее десяти разрывных суббоеприпасов, каждый разрывной суббоеприпас весит более четырех килограммов, каждый разрывной суббоеприпас предназначен для обнаружения и поражения одиночной цели, каждый разрывной суббоеприпас оснащен электронным механизмом самоуничтожения, каждый разрывной суббоеприпас оснащен электронным элементом самодеактивации (ст. 1 Конвенции по кассетным боеприпасам);

8. Умышленное нанесение ударов по персоналу, объектам, материалам, подразделениям или транспортным средствам, задействованным в оказании гуманитарной помощи или в миссии по поддержанию мира в соответствии с Уставом ООН, пока они имеют право на защиту, которой пользуются гражданские лица или гражданские объекты по международному праву вооруженных конфликтов (п. п. III п. «b» ч. 2 ст. 8 Римского статута Международного уголовного суда);

9. Умышленное нанесение ударов по зданиям, предназначенным для целей религии, образования, искусства, науки или благотворительности, историческим памятникам, госпиталям и местам сосредоточения больных и раненых, при условии, что они не являются военными целями (п. п. IX п. «b» ч. 2 ст. 8 Римского статута Международного уголовного суда);

10. Умышленное нанесение ударов по зданиям, материалам, медицинским учреждениям и транспортным средствам, а также персоналу, использующим в соответствии с международным правом отличительные эмблемы, установленные Женевскими конвенциями (п. п. XXIV п. «b» ч. 2 ст. 8 Римского статута Международного уголовного суда).

Изложенные в Римском статуте запрещенные способы ведения войны как то умышленное нанесение ударов по персоналу, объектам, материалам, подразделениям или транспортным

средствам ООН, медицинскому персоналу, культурным ценностям являются результатом произвольного толкования авторами этого документа норм международного гуманитарного права. Дело в том, что указанные действия прямо не запрещены ни в одном международном правовом акте, содержащим нормы о ведении войны, как правило речь идет о том, что эти лица и объекты пользуются международной защитой, которую авторы Римского статута истолковали как установление ответственности за применение запрещенных средств и методов ведения войны¹. И хотя в Римском статуте эти деяния относятся к военным преступлениям, по уголовному законодательству Российской Федерации такие действия образуют состав другого преступления, предусмотренного ст. 360 УК РФ (нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой, либо угроза его совершения). Неприсоединение Российской Федерации к вышеуказанным международным правовым актам исключает ответственность граждан и военнослужащих Российской Федерации по ст. 356 УК РФ за применение запрещенных этими правовыми актами средств и способов ведения войны, однако не исключает ответственности военнослужащих других государств, которые являются участниками этих международных договоров, за совершение этих деяний против граждан России и российских военнослужащих по их национальному или международному законодательству, поскольку эти государства приняли на себя

¹ См., напр.: Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (заключена в г. Нью-Йорке 14.12.1973) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 23. М., 1979. С. 90—94; Конвенция о безопасности персонала Организации Объединенных Наций и связанного с ней персонала (заключена в г. Нью-Йорке 09.12.1994) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 34. Ст. 3478.

соответствующие международные обязательства. В этом же случае недопустимо апеллирование к тому обстоятельству, что подобные запрещенные деяния можно совершать в отношении граждан и военнослужащих Российской Федерации лишь на том основании, что Российская Федерация не присоединилась к указанным международным договорам.

Хотя по ст. 356 УК РФ до настоящего времени не было осуждено ни одного человека², еще 30 мая 2014 г. следователем по особо важным делам главного следственного управления СК России впервые было возбуждено уголовное дело в отношении неустановленных военнослужащих Вооруженных Сил Украины, а также в отношении неустановленных лиц из числа так называемой «Национальной гвардии Украины» и «Правого сектора», по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 356 УК РФ. По каждому факту применения запрещенных средств и методов ведения войны, а также совершения других военных преступлений, СК России возбуждал и возбуждает уголовные дела. По заявлению председателя СК России А.И. Бастрыкина с 2014 г. возбуждено 2 406 уголовных дел, из них 1 752 дела по фактам обстрелов территорий ДНР и ЛНР. В результате преступных действий украинской стороны за 8 лет пострадало не менее 13,7 тыс. жителей ДНР и ЛНР. Из них 4,9 тыс. убиты и 8,8 тыс. получили ранения. По расследуемым делам признаны потерпевшими больше 120 тысяч жителей ДНР и ЛНР. Уголовное преследование осуществляется в отношении 665 лиц. Вынесены постановления о привлечении в

² См.: Форма № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам» за 2018, 2019, 2020, 2021, 2022 г. [Электронный ресурс] // Данные судебной статистики / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 29.06.2023).

качестве обвиняемых в отношении 390 лиц, из них 178 очно. Среди фигурантов 115 лиц из числа командиров и руководства вооруженных сил и министерства обороны Украины. Заочно арестованы 132 обвиняемых. Завершено расследование по 138 уголовным делам о применении военнослужащими Украины запрещенных средств и методов ведения войны, а также жестоком обращении с гражданским населением и военнопленными (Интервью Председателя Следственного комитета Российской Федерации Александра Бастрыкина «Российской газете» // Рос. газета. 2023. 13 января).

Факты применения запрещенных средств и методов ведения войны,

совершенные военнослужащими Украины в ходе специальной военной операции на территориях Украины, ДНР и ЛНР, Запорожской и Херсонской областей, продолжают фиксироваться следователями СК России. Обвинения в совершении преступлений, предусмотренных ст. 356 УК РФ, предъявляются следователями СК России уже конкретным лицам, которые задерживаются или объявляются в федеральный, межгосударственный и международный розыск, при этом наиболее распространенным способом совершения рассматриваемого преступления является неизбирательное применение оружия по населенным пунктам.

Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных со склонением к немедицинскому потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов

© Загубный Денис Юрьевич,

старший преподаватель кафедры «Уголовное право, уголовный процесс и правоохранительная деятельность» Юридического института Российского университета транспорта

Аннотация. В статье представлена уголовно-правовая характеристика преступления, предусматривающего уголовную ответственность за склонение к немедицинскому потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. В статье раскрываются элементы данного состава преступления, представлена судебная практика по уголовным делам по данному составу преступления.

Ключевые слова: уголовная ответственность, склонение к немедицинскому потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Criminal-legal characteristics of crimes related to inciting to non-medical consumption of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues

© Zagubny D.Y.,

Senior lecturer of the Department "Criminal law, criminal procedure and law enforcement" Law Institute Russian University of Transport

Annotation. The article presents the criminal-legal characteristics of a crime that establishes criminal liability for inducing non-medical consumption of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues. The article reveals the elements of this corpus delicti, presents judicial practice in criminal cases on this corpus delicti.

Keywords: criminal liability, inducement to non-medical use of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues.

Ст. 230 УК РФ предусматривает ответственность за склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

В качестве основного непосредственного объекта преступного деяния, предусмотренного ст. 230 УК РФ, выступают общественные отношения, обеспечивающие безопасность здоровья населения. Факультативным объектом преступления будет являться здоровье конкретного лица, его жизни, физическое и психологическое

здоровье совершеннолетнего или несовершеннолетнего лица.

Предметом преступления, предусмотренного ст. 230 УК РФ, будут выступать наркотические средства, психотропные вещества и их аналоги.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 230 УК РФ, будет заключаться в склонении к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Под склонением к потреблению наркотических средств, психотропных ве-

ществ или их аналогов следует понимать любые умышленные действия, в том числе однократного характера, направленные на возбуждение у другого лица желания их потребления (в уговорах, предложениях, даче совета и т.п.), а также в обмане, психическом или физическом насилии, ограничении свободы и других действиях, совершаемых с целью принуждения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов лицом, на которое оказывается воздействие¹.

Состав преступления, предусмотренного ст. 230 УК РФ, является формальным, поэтому преступление будет считаться оконченным с момента совершения склонения. При этом для признания преступления оконченным не требуется, чтобы склоняемое лицо фактически употребило наркотическое средство, психотропное вещество или их аналог².

Рассказ об ощущениях, о позитивном настрое, о чувствах, которые можно испытать во время употребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, не может являться склонением к употреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, если у рассказчика не было реальных намерений к вовлечению людей к употреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов³.

Так, например, Калининский районный суд г. Челябинска, рассматривая материалы уголовного дела, установил, что гражданин А., находясь в одной машине с гражданином Б., действуя в результате внезапно возникшего умысла, направленного на склонение гражданина Б. к потреблению наркотического средства, стре-

мясь вызвать у последнего данное желание путем демонстрирования гражданину Б. вещества, которое отнесено к наркотическим средствам, склонил к потреблению вещества, который отнесен к наркотическим средствам, а именно: гражданин Б. согласился употребить совместно с гражданином А. указанное выше наркотическое средство. Суд квалифицировал действия гражданина А. по ч. 1 ст. 230 УК РФ, а именно — склонение к потреблению наркотических средств⁴.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 230 УК РФ, выступает физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. Применительно к ст. 230 УК РФ этим возрастом будет 16 лет.

Субъективная сторона данного преступления проявляется, как вина в прямом умысле. Виновное лицо осознает общественную опасность своих действий, а именно склонения к употреблению наркотических средств и психотропных веществ и желает так действовать.

В примечании к ст. 230 УК РФ сказано, что «действие настоящей статьи не распространяется на случаи пропаганды применения в целях профилактики ВИЧ-инфекции и других опасных инфекционных заболеваний соответствующих инструментов и оборудования, используемых для потребления наркотических средств и психотропных веществ, если эти деяния осуществлялись по согласованию с органами исполнительной власти в сфере здравоохранения и органами внутренних дел»⁵.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами».

² Там же.

³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / В.П. Верин, О.К. Зателепин, С.М. Зубарев и др. ; отв. ред. В.И. Радченко; науч. ред. А.С. Михлин, В.А. Казакова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2008.

⁴ Приговор Калининского районного суда г. Челябинска от 6 февраля 2017 г. № 1-107/2017 // <https://sud-praktika.ru/precedent/255519.html>.

⁵ См. подробнее: Мельниченко П.И., Дамаскин О.В., Холиков И.В., Паршин М.Ж. Организационно-правовые аспекты противодействия распространению ВИЧ/СПИДа среди военнослужащих // Военно-медицинский журнал. 2005. Т. 326. № 2. С. 50—54; Холиков И.В. Теоретико-правовая характеристика современных глобальных вызовов и угроз в сфере здравоохранения // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 4(24). С. 547—555.

Рассмотрим более подробно квалифицированные составы исследуемого преступного посягательства.

Первый квалифицирующий признак регламентируется п. «а» ч. 2 ст. 230 УК РФ и говорит о том, что склонение к употреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов совершены группой по предварительному сговору или организованной группой.

Под предварительным сговором понимают то, что несколькими субъектами преступления, а именно двумя и более, было заранее обговорено совершение преступления, или в момент приготовления к совершению преступления, был заранее разработан план преступления, были распределены функции между членами преступного сговора. Организованная группа от группы по предварительному сговору отличается наличием лидера и продолжительностью существования.

Так, Ногинским городским судом Московской области были осуждены гражданин А. и гражданин Б. по п. «а» ч. 2 ст. 230 УК РФ по следующим обстоятельствам. Гражданин А. и гражданин Б., заправив кальян, потребляли марихуану, при этом умышленно совершали действия, направленные на возбуждение у гражданина В. желания употребить марихуану. Эти действия выражались в предложении попробовать марихуану, демонстрации способа потребления, а затем в расхваливании качества наркотического средства и обмане, что курение марихуаны зависимости не вызывает. Эти действия привели к тому, что гражданин В. согласился покурить марихуану¹.

Следующий квалифицированный состав говорит о том, что склонение к употреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов совершается в отношении двух и более лиц (п. «в» ч. 2 ст. 230 УК РФ).

Деяние может быть квалифицировано по данному признаку в двух случаях:

1. Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов характеризуется у виновного лица в умысле на одновременное склонение двух или более лиц.

2. Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов характеризуется у виновного лица в умысле на многократное и продолжительное склонение двух или более лиц, но в разные периоды времени, с небольшим разрывом во времени. Например, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации по данному поводу нет толкования и разъяснения.

Согласно ч. 1 ст. 17 УК РФ совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание. При совокупности преступлений лицо несет уголовную ответственность за каждое совершенное преступление по соответствующей статье или части статьи УК РФ.

Исходя из содержания данной статьи, можно сделать вывод, что склонение двух и более людей к употреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов будет являться случаем, когда совершение двух и более преступлений предусмотрено в качестве такого обстоятельства из чего можем сделать вывод, что применение этого пункта возможно только в случае одномоментного склонения двух и более лиц не имеет под собой оснований.

Так Металлургический районный суд г. Челябинска рассмотрел материалы уголовного дела и установил, что гражданин А. умышленно совершил действия, направленные на возбуждение у Потерпевшего № 1 и Потерпевшего № 2 желания на потребление наркотического средства, а именно, своими активными умышленными действиями, направленными на возбуждение у Потерпевшего № 1 и Потерпевшего № 2 желания употребить наркотическое средство — путем демонстрации наркоти-

¹ Кассационное определение Верховного Суда Чувашской Республики от 15.01.2013 № 22-18.

ческого средства, предложения данного наркотического средства, высказываний, восхваляющих ощущения, вызываемые от употребления указанного наркотического средства, склонил последних к потреблению наркотического средства. Тем самым Гражданин А. совершил склонение к потреблению наркотических средств в отношении Потерпевшего № 1 и Потерпевшего № 2, и в результате указанных умышленных действий гражданина А Потерпевший № 1 и Потерпевший № 2 употребили наркотическое средство. Суд квалифицировал действия гражданина А по п. «в» ч. 2 ст. 230 УК РФ как склонение к потреблению наркотических средств, совершенное в отношении двух лиц¹.

Следующий квалифицированный состав ст. 230 УК РФ будет заключаться в склонении к употреблению наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов с применением насилия или с угрозой его применения, который регулируется п. «г» ч. 2 ст. 230 УК РФ.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 не дает разъяснения, какие именно действия в данной статье могут являться насилием или угрозой его применения. Поэтому следует обратиться к п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», в котором написано пояснения действия насилие.

Под насилием следует понимать как опасное, так и неопасное для жизни или здоровья насилие, включая побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему лицу физической боли либо с ограничением его свободы². Угроза применения наси-

лия наступает лишь в случаях, если такая угроза явилась средством преодоления сопротивления потерпевшего лица и у него имелись основания опасаться осуществления этой угрозы³.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что насилие в склонении к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов может быть выражено в нанесении ударов, побоев, причинении телесных повреждений для того, чтобы лицо употребило наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги. Чаще всего под применением насилия понимают ограничение свободы, связывание или удерживание другими лицами потерпевшего для введения наркотических средств психотропных веществ или их аналогов насильственным способом потерпевшему.

Так, Октябрьский районный суд г. Самары установил, что гражданин А. совершил склонение к потреблению наркотических средств с применением насилия при следующих обстоятельствах. Гражданин А. имея умысел на склонение гражданки Б. к потреблению наркотических средств, осознавая противоправный характер своих действий, умышленно, на безвозмездной основе стал склонять гражданку Б. к употреблению наркотического средства «экстази» с применением насилия в отношении последней, а также путем уговоров, позитивно описывая последствия потребления наркотических средств. Продолжая осуществлять свой преступный умысел, направленный на склонение гражданки Б. к потреблению наркотических средств, с применением насилия в отношении последней, гражданин А., действуя умышленно, осознавая общественную опасность, противоправность и фактический характер своих действий, предвидя наступление общественно-опасных последствий и желая их наступления, применяя физическое насилие и моральное давление в отношении гражданки Б., нанес один удар правой

¹ Приговор Metallургического районного суда г. Челябинска от 03.04.2017 № 1-113/2017 // <https://sud-praktika.ru/precedent/255879.html>.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях

против половой неприкосновенности и половой свободы личности».

³ Там же.

рукой в область головы и множественные удары кулаками обеих рук по телу, рукам и ногам, отчего последняя испытала сильную физическую боль и, опасаясь за свою жизнь и здоровье, подчинившись незаконным требованиям гражданина А., употребила совместно с последним 1 таблетку наркотического средства «экстази». Суд квалифицировал действия гражданина А. по п. «г» ч. 2 ст. 230 УК РФ¹.

Следующий квалифицированный состав регулируется п. «д» ч. 2 ст. 230 УК РФ и звучит следующим образом: склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»).

Данный квалифицированный состав был относительно недавно введен в данную статью, а именно — Федеральным законом от 24 февраля 2021 г. № 25-ФЗ. И это произошло не случайно, поскольку с каждым годом растет число случаев склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов через сеть Интернет.

Суть и легкость исполнения данного преступления заключается в том, что не нужен личный контакт преступника или потерпевшего. Данное преступление может быть совершено посредством переписки в различных мессенджерах, например, «Whatsapp», «Telegram», «Вконтакте» и многих других, либо же через телефонный разговор.

Доказательства же для квалификации преступления именно по данному пункту могут быть следующие: электронный носитель, сохраненная переписка или же скриншот. Также может быть пост или «сторис» в «Инстаграмм», «Вконтакте» или другой социальной сети, если в них будет выявлено склонение к употреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Основная проблема данного квалифицированного состава — это поиск пре-

ступника, так как в большинстве случаев преступления, совершенные в сети Интернет анонимны и совершаются путем анонимизации².

Следующий квалифицированный состав — это п. «а» ч. 3 ст. 230, который говорит о склонении к употреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также деяния, предусмотренные ч. 1 или ч. 2 ст. 230 в отношении несовершеннолетнего. В данном случае преступник должен быть заранее осведомлен о том, что потерпевший является несовершеннолетним. Данная осведомленность может быть со слов потерпевшего, его внешности, поведения.

Так, Красносельский районный суд Санкт-Петербурга установил, что гражданин А. совершил склонение к потреблению наркотического средства, психотропного вещества, совершенное в отношении несовершеннолетнего при следующих обстоятельствах. Гражданин А., действуя умышленно, с целью склонения несовершеннолетнего к потреблению наркотического средства и психотропного вещества, осознавая незаконность своих действий, достоверно зная о том, что гражданин Б., не достиг восемнадцатилетнего возраста, предложил последнему на безвозмездной основе употребить неустановленное вещество, в состав которого входит наркотическое средство — гашиш и психотропное вещество — фенобарбитал, внесенные в списки наркотических и психотропных веществ, соответственно, оборот которых в Российской Федерации запрещен. И после согласия гражданина Б. употребить предложенное им неустановленное вещество, гражданин А. передал ему пластиковую бутылку для употребления данного вещества путем курения, после чего гражданин Б. употребил указанное неустановленное вещество. Тем самым гражданин А. склонил несовершеннолетнего гражданина Б. к потреблению наркотического средства и

¹ Приговор Октябрьского районного суда г. Самары от 6 декабря 2021 № 1-407/2021.

² См. подробнее: Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия / Ю.М. Батулин, В.Е. Батюкова, С.Д. Белоцерковский [и др.]; Институт государства и права РАН. М.: «Юнити-Дана», 2020.

психотропного вещества. Действия гражданина А. суд квалифицировал по п. «а» ч. 3 ст. 230 УК РФ, а именно — склонение несовершеннолетнего лица к употреблению наркотических средств или психотропных веществ¹.

Также имеются разные взгляды на возраст субъекта, который совершает данное преступление. Одни авторы говорят о том, что субъект должен достичь возраста 18 лет, хотя в данной норме этого не оговаривается, как, например, в описании других преступлений, которые совершены против несовершеннолетних, в которых УК РФ говорит о том, что субъектом должен быть совершеннолетнее лицо. Другие же придерживаются мнения о том, что субъектом данного квалифицированного состава должно быть лицо, которое достигло возраста 16 лет.

Пункт «б» ч. 3 ст. 230 УК РФ говорит о склонении к употреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, которое повлекло по неосторожности смерть потерпевшего или иные тяжкие последствия.

Под иными тяжкими последствиями следует понимать самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего, развитие у него наркотической зависимости, тяжелое заболевание, связанное с потреблением наркотических средств или психотропных веществ, заражение ВИЧ-инфекцией и т.п.²

Данный квалифицированный состав преступления с субъективной стороны предполагает конструкцию двойной формы вины. Виновный умышленно склоняет потерпевшего к употреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, но последствия могут наступить только по неосторожности. Смерть

потерпевшего по неосторожности может наступить, допустим, в результате передозировки введенного наркотического средства или психотропного вещества. В случае, если будет установлено и доказано, что убийство было совершено не по остророжности, то данное преступление нужно квалифицировать как убийство.

Черемушкинский районный суд г. Москвы установил, что гражданин А. совершил умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего за собой заболевание наркоманией, а также совершил склонение к потреблению наркотических средств, повлекшее иные тяжкие последствия при следующих обстоятельствах. Гражданин А., испытывая личные неприязненные отношения к гражданке Б., сформировал преступный умысел, направленный на причинение тяжкого вреда здоровью последней, путем склонения гражданки Б. к систематическому употреблению наркотических средств, что согласно умыслу гражданина А. неизбежно повлекло бы заболевание наркоманией у потерпевшей, при этом разработал план совершения преступления, включавший в себя введение гражданки Б. в заблуждение относительно отсутствия негативных последствий потребления наркотических средств. Гражданин А., имея умысел, направленный на причинение гражданке Б. тяжкого вреда здоровью путем совершения действий, направленных на заболевание последней наркоманией, склонил ранее никогда не употреблявшую наркотические средства гражданку Б. к потреблению наркотических средств, при этом, желая наступления в связи с этим тяжких последствий для здоровья потерпевшей в виде развития у последней наркотической зависимости, умышленно совершил действия, направленные на возбуждение у гражданки Б. желания их потребления, а именно ввел в заблуждение об отсутствии негативных последствий для ее здоровья в результате потребления наркотических средств и отсутствии привыкания к ним, описывая ощущения удовольствия и эйфории, наступающие от их потребления, и предложил гражданке Б. употребить

¹ Приговор Красносельского районного суда Санкт-Петербурга от 16.03.2017 № 1-185/2017 // <https://sud-praktika.ru/precedent/371813.html>

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами».

наркотическое средство. Гражданка Б., доверяя гражданину А., руководствуясь вызванным в результате указанных действий последнего интересом к потреблению наркотических средств, выразила согласие на данное предложение гражданина А. и перорально употребила наркотическое средство. В дальнейшем гражданин А., реализуя свой преступный умысел, продолжил склонять гражданку Б. к потреблению наркотических средств, осознавая возможность наступления в связи с этим тяжких последствий в виде развития у нее наркотической зависимости, и неоднократно, точное количество раз не установлено, передавал потерпевшей наркотическое средство кокаин, которое гражданка Б. добровольно и с ведома гражданина А. потребляла. В результате указанных умышленных преступных действий гражданина А. гражданке Б. был причинен тяжкий вред здоровью в виде развития у последнего синдрома зависимости от кокаина, а именно заболевание наркоманией, то есть иные тяжкие последствия (приговор Черемушкинского районного суда г. Москвы от 25.03.2019 № 1-11/19).

Таким образом, в результате проведенного исследования уголовно-правовой характеристики ст. 230 УК РФ можно сделать следующие выводы:

1. В качестве объекта рассмотренного преступного деяния выступает здоровье населения.

2. Факультативным признаком объекта преступления, именуемым предметом преступления, являются наркотические средства, психотропные вещества и их аналоги.

3. Объективная сторона преступления — действие: склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

4. Моментом окончания исследуемого преступного деяния является момент склонения.

5. Субъективная сторона характеризуется виной в виде прямого умысла.

6. В качестве субъекта данного преступления выступает физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет.

В квалифицированном составе преступления имеется альтернативное последствие: смерть или иные тяжкие последствия, под которыми следует понимать самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего, развитие у него наркотической зависимости, тяжелое заболевание, связанное с потреблением наркотических средств или психотропных веществ, заражение ВИЧ-инфекцией и т.п.

Библиография

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / В.П. Верин, О.К. Зателепин, С.М. Зубарев и др.; отв. ред. В.И. Радченко; науч. ред. А.С. Михлин, В.А. Казакова. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2008. — 704

2. Мельниченко П.И. Организационно-правовые аспекты противодействия распространению ВИЧ/СПИДа среди военнослужащих / П.И. Мельниченко, О.В. Дамаскин, И.В. Холиков, М.Ж. Паршин // Военно-медицинский журнал. — 2005. — Т. 326. — № 2. — С. 50—54.

3. Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия / Ю.М. Батулин, В.Е. Батюкова, С.Д. Белоцерковский [и др.]; Институт государства и права РАН. — М.: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Юнити-Дана", 2020. — 559 с. — EDN UMXHNB.

4. Холиков, И.В. Теоретико-правовая характеристика современных глобальных вызовов и угроз в сфере здравоохранения / И.В. Холиков // Актуальные проблемы государства и права. — 2022. — Т. 6. № 4(24). — С. 547—555. — DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-547-555. — EDN LYIHUL.

Об особенностях освобождения от уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции

© Лобов Ярослав Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В связи с принятием федерального закона об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции, в статье анализируются новые виды освобождения от уголовной ответственности указанной категории лиц.

Ключевые слова: специальная военная операция; уголовная ответственность; освобождение от уголовной ответственности.

On the specifics of exemption from criminal liability-news of persons involved in a special military operation

© Lobov Ya.V.,
Candidate of Law, Associate Professor

Annotation. In connection with the adoption of the federal law on the specifics of criminal liability of persons involved in a special military operation, the article analyzes new types of exemption from criminal liability of this category of persons.

Keywords: special military operation; criminal liability; exemption from criminal liability.

Институт освобождения от уголовной ответственности с момента его возникновения неоднократно доказывал свою эффективность в достижении задач, стоящих перед уголовным законом, в том числе в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий (особые периоды¹). Вопросы применения специальных видов освобождения от уголовной ответственности военнослужащих не раз являлись предметом исследования в советской и российской юридической литературе².

¹ См. п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы».

² См., напр.: Ткачевский Ю.М. Ответственность за воинские преступления во время Великой Отечественной войны (1941—1945) // Вестн. Моск. Унта. Сер. 11: Право. 2005. № 3; Шулепов Н.А. Правовые основания освобождения военнослужащих от уголовной ответственности по советскому законодательству : дис. ... канд. юрид. наук. М., ВКИ, 1982; Лобов Я.В. Освобождение осужденных военнослужащих от отбывания наказания: Дис. ... канд.

Бесспорным свидетельством ответственности указанного правового института является непрекращающийся процесс совершенствования существующих норм, посвященных освобождению от уголовной ответственности, а также появление новых видов освобождения от уголовной ответственности и наказания, что обусловлено социальными, политическими и экономическими изменениями, происходящими в обществе и государстве. Так, проведение специальной военной операции обусловило появление специальных видов освобождения от уголовной ответственности и наказания в отношении лиц, заключающих (заключивших) контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время. Правовые гарантии и основания освобождения от уголовной ответственности вышеуказанных категорий лиц

юрид. наук. М., ВУ, 1999; Мананников Д.Ю. Условное осуждение военнослужащих : монография. М.: За права военнослужащих, 2014.

были установлены Федеральным законом от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции».

В пояснительной записке к законопроекту, ставшему впоследствии Федеральным законом от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ, отмечалось, что законопроект не противоречит предусмотренным уголовным законодательством принципам, а правовой механизм освобождения от ответственности будет способствовать достижению целей наказания, а также обеспечит дополнительными возможностями комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации.

Следует отметить, что Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ был принят во взаимосвязи с положениями, предусмотренными Федеральным законом от 24 июня 2023 г. № 269-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (по вопросу поступления на военную службу по контракту), предусматривающим правовые основы заключения контракта с отдельными категориями лиц о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Напомним, что официальным заявлением Минобороны России от 31 октября 2022 г. было объявлено о завершении всех мероприятий по призыву граждан Российской Федерации на военную службу в рамках частичной мобилизации, объявленной Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647. Согласно указанию Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, работа военных комиссариатов по комплектованию Вооруженных Сил Российской Федерации должна проводиться только за счет приема добровольцев и кандидатов для прохождения военной службы по контракту.

Вместе с тем, как показала практика, в ходе работы военными комиссарами было выявлено значительное количество граждан, желающих поступить на военную службу по контракту, из числа тех, с кем контракт не мог быть заключен. В частности, к таким гражданам, до внесения по-

следних изменений, относились граждане, имевшие судимость.

При этом законодательством Российской Федерации предусмотрена возможность призыва указанной категории граждан на военную службу по мобилизации, за исключением совершивших преступления против половой неприкосновенности, осужденных за терроризм, государственную измену, шпионаж и другие тяжкие и особо тяжкие преступления.

В связи с изложенным было признано целесообразным применение аналогичного подхода на период мобилизации, период военного положения и на военное время также к гражданам, в отношении которых осуществляется предварительное расследование или имеющим судимость, и желающим поступить на военную службу по контракту, что нашло свое отражение в принятых федеральных законах. Это позволило расширить базу комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации в период мобилизации, действия военного положения и в военное время за счет призыва (поступления) на военную службу вышеуказанных лиц.

Предусмотренные Федеральным законом от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ гарантии и особенности уголовной ответственности распространяются на три категории лиц:

1) лица, совершившие преступления небольшой или средней тяжести, за исключением преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205², ч. 1 и 2 ст. 220, ч. 1 ст. 221 и ст. 280 УК РФ до дня вступления в силу Федерального закона от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ, в отношении которых осуществляется предварительное расследование;

2) лица, проходящие военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время, совершившие преступления, в отношении которых осуществляется предварительное расследование;

3) лица, имеющие судимость, за исключением судимости за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, предусмотренных п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4, ч. 5

ст. 131, п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4, ч. 5 ст. 132, ч. 3—6 ст. 134, ч. 3—5 ст. 135 УК РФ, либо преступлений, предусмотренных ст. 205—205⁵, 206, 208, 211, 220, 221, 275, 275¹, 276—280, 281—281³, 282¹—282³, 360, 361 УК РФ, приговоры по делам которых вступили в законную силу до дня вступления в силу Федерального закона от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ, в том числе лица, отбывшие наказание или условно-досрочно освобожденные от отбывания наказания.

В отношении первой и второй категории лиц уголовное дело (уголовное преследование) приостанавливается по ходатайству командования воинской части (учреждения). При этом за поведением лиц, предварительное следствие в отношении которых приостановлено, законом предусмотрено осуществление контроля со стороны командования воинских частей (учреждений). В этой части новое основание освобождения от уголовной ответственности имеет сходство с нормами об условном осуждении (ч. 6 ст. 73 УК РФ).

В последующем указанные лица подлежат безусловному освобождению от уголовной ответственности по следующим основаниям:

1) со дня награждения государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы;

2) со дня увольнения с военной службы по основанию, предусмотренному подп. «а», «в» или «о» п. 1 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».

В отношении третьей категории лиц освобождение от уголовной ответственности применяться не может, поскольку указанные лица уже имеют судимость. Для них законом предусмотрены специальные основания освобождения от отбывания наказания или погашения судимости.

Согласно ч. 8 ст. 173 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (в ред. Федерального закона от 24 июня 2023 г. № 269-ФЗ) освобождение от отбывания наказания лица, призванного на военную службу по мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Россий-

ской Федерации либо заключившего в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, осуществляется досрочно при поступлении в учреждение или орган, исполняющие наказание, соответствующего обращения командования воинской части (учреждения) либо личного обращения указанного лица.

В силу ст. 5 Федерального закона от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ вышеуказанные лица освобождаются от наказания условно, что не исключает возможность возврата к отбыванию ранее назначенного наказания при несоблюдении условий освобождения. Контроль за поведением лица, освобожденного от наказания условно, осуществляется также командованием воинской части (учреждения).

Осужденные, к которым применено условное освобождение от отбывания наказания, если они не отбыли наказание или не были освобождены от наказания ранее, освобождаются от наказания:

1) со дня награждения государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы;

2) со дня увольнения с военной службы по «положительным» основаниям, предусмотренным подп. «а», «в» или «о» п. 1 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».

Если в период прохождения военной службы осужденный, не отбывший наказание и не освобожденный от наказания, совершит новое преступление, это будет являться основанием для назначения наказания по совокупности приговоров (ст. 70 УК РФ).

В отношении лиц, отбывших наказание или условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания, имеющих судимость, призванных на военную службу по мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации либо заключивших в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Рос-

сийской Федерации, судимость погашается со дня награждения государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы либо со дня увольнения с военной службы по основанию, предусмотренному под. «а», «в» или «о» п. 1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе».

Действие Федерального закона от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ также распространяется на правоотношения, связанные с прохождением военной службы лиц, в отношении которых осуществлялось уголовное преследование на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области до 30 сентября 2022 г.

Следует отметить, что принятие федеральных законов от 24 июня 2023 г. № 269-

ФЗ и № 270-ФЗ предполагает внесение корреспондирующих изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Библиография

1. Лобов, Я.В. Освобождение осужденных военнослужащих от отбывания наказания : дис... канд. юрид. наук / Я.В. Лобов. — М., ВУ, 1999.
2. Ткачевский, Ю.М. Ответственность за воинские преступления во время Великой Отечественной войны (1941—1945) / Ю.М. Ткачевский // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 11: Право. — 2005. — № 3.
3. Шулепов, Н.А. Правовые основания освобождения военнослужащих от уголовной ответственности по советскому законодательству : дис. ... канд. юрид. наук / Н.А. Шулепов. — М., ВКИ, 1982.
4. Мананников, Д.Ю. Условное осуждение военнослужащих : монография / Д.Ю. Мананников. — М.: За права военнослужащих, 2014.

Вопросы реализации уголовно-процессуального законодательства военными судами: некоторые судебные решения

© Моргуленко Евгений Андреевич,
кандидат юридических наук, доцент;
© Харитонов Станислав Станиславович,
кандидат юридических наук, профессор

Аннотация. Показаны апелляционные решения, дающие возможность выявить некоторые проблемы и определить тенденции применения правовых норм в части разрешения требований уголовно-процессуального закона.

Ключевые слова: судебная практика военных судов, уголовно-процессуальное законодательство, военнослужащий.

Issues of implementation of criminal procedure legislation by military courts: some court decisions

© Morgulenko E.A.,
PhD in Law, associate professor
© Kharitonov S.S.,
PhD in Law, professor

Annotation. Appellate decisions are shown, which make it possible to identify some problems and determine trends in the application of legal norms in terms of resolving the requirements of the criminal procedure law.

Key words: judicial practice of military courts, criminal procedural legislation, military man.

*Засыпьте пропасть невежества, и вы
уничтожите притон преступлений.*

Гюго Виктор Мари

Важность обеспечения единства применения требований уголовно-процессуального закона, процедуры воплощения в факты норм материального права необходимо для обеспечения надежной защиты прав граждан и соблюдения баланса интересов. Поступательное и постоянное повышение качества правосудия основывается, в том числе, и на мониторинге судебной практики, включая реализацию судами уголовно-процессуальных норм.

Отметим, что военные юристы, давая анализ деятельности военных судов, в той или иной степени исследовали практику применения военными судами России и

других стран норм уголовно-процессуального законодательства¹.

¹ См., например, из последних по времени научных публикаций: Воронов А.Ф. О реформе судостроительства и ее процессуальных аспектах // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2018. № 10. С. 17—23; Заказнова А.Н., Воробьев А.Г. Исправительные учреждения Военно-морских сил США // Военное право. 2015. № 3 (35). С. 275—297; Зюбанов Ю.А. История становления названия «уголовно-процессуальный кодекс» // Актуальные вопросы современного уголовного процесса. Актуальные проблемы права и правоприменения: Сборник материалов круглого стола и научно-практической конференции, Москва, 24 февраля 2022 г. / Под общей редакцией С.Л. Никоновича. М.: Русайнс, 2022. С. 94—101; Корякин В.М. Перспективы реформирования структуры военно-судебной системы Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2018. № 11. С. 41—45; Мозговой О.А. Исполь-

Одновременно изучение судебной практики применения процессуальных норм военными судами по конкретным решениям, размещенным на сайтах судов, позволяет увидеть близкое по смыслу, но иногда различающееся по частностям понимание содержания требований Уголовно-процессуального закона военными судьями.

Это как раз и показывают изложенные далее судебные решения.

Судебное заседание для рассмотрения по существу уголовного дела, подлежащего рассмотрению без участия присяжных заседателей, должно быть начато не позднее 14 суток со дня вынесения постановления о назначении такого судебного заседания.

Судьей гарнизонного военного суда 4 мая 2022 г. вынесено постановление о назначении судебного заседания без проведения предварительного слушания по уголовному делу в отношении Б., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 337, а также ч. 3 ст. 30 и п. «г» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ.

При этом в нарушение требований ч. 1 ст. 233 УПК РФ и разъяснений, изложен-

зование опыта деятельности военного следователя в условиях вооруженного конфликта для оптимизации военно-уголовного законодательства и в учебном процессе // Военное право. 2018. № 3 (49). С. 177—183; Назаров А.А. Понятие и состав воинского преступления по законодательству зарубежных стран // Военное право. 2018. № 3 (49). С. 184—187; Раков А.В., Харитонов С.С. К вопросу рассмотрения военными судами дел об административных правонарушениях, совершаемых военнослужащими // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 5 (310). С. 45—52; Смирнов Д.В., Харитонов С.С. Дайджест применения военными судами уголовно-процессуального законодательства // Военное право. 2022. № 6 (76). С. 215—220; Сотникова В.В., Рахимов О.А. Расследование уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц: вопросы и проблемы // Военное право. 2019. № 1 (53). С. 335—340; Шарапов С.Н. Современное военно-уголовное право в системе права: проблемы институализации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 7 (288). С. 26—33; Хомчик В.В. Деятельность военных судов в отражении отечественного законодательства: генезис, становление и развитие, современное состояние // Вестник военного права. 2017. № 3. С. 7—13, и др.

ных в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 52 «О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях», данное судебное заседание назначено на 24 мая 2022 г., то есть на двадцатые сутки со дня вынесения судьей постановления о его назначении.

Постановление сторонами не обжаловано и вступило в законную силу.

В настоящее время уголовное дело находится на рассмотрении в окружном военном суде в связи с обжалованием в апелляционном порядке постановленного по делу приговора¹.

Одним из условий постановления в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, обвинительного приговора является его согласие с предъявленным обвинением. В случае, если подсудимый не согласен с предъявленным обвинением, суд принимает решение о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначает судебное разбирательство в общем порядке.

По приговору, постановленному гарнизонным военным судом в особом порядке принятия судебного решения в связи с заключением с подсудимым досудебного соглашения о сотрудничестве, Д. в соответствии со ст. 64, ч. 3 ст. 69 УК РФ осужден по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 290, ч. 1 ст. 291² (четыре преступления), ч. 1 ст. 286 (6 преступлений) УК РФ, к 2 годам лишения свободы в исправительной колонии общего режима, с лишением права занимать определенные должности на срок 1 год, и штрафу в размере 200 000 руб., с лишением воинского звания «старший лейтенант».

¹ См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов, подведомственных Центральному окружному военному суду, по уголовным делам, материалам досудебного и судебного производства, а также по делам об административных правонарушениях за первое полугодие 2022 г. (извлечение) URL: http://covs.svd.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=222 (дата обращения 08.07.2023).

В соответствии с ч. 1 ст. 317⁷ УПК РФ судебное заседание и постановление приговора в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, проводятся в порядке, установленном ст. 316 УПК РФ, с учетом требований ст. 317⁷ УПК РФ.

При этом по смыслу положений ст. 316, 317⁷ УПК РФ и в соответствии с разъяснениями, изложенными в п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве», одним из обязательных условий постановления обвинительного приговора в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, является его согласие с предъявленным обвинением, под которым, исходя из взаимосвязанных положений п. 22 ст. 5, п. 4, 5 ч. 2 ст. 171 и ч. 1 ст. 220 УПК РФ, применительно к особому порядку судебного разбирательства следует понимать фактические обстоятельства содеянного, форму вины, мотивы совершения деяния, а также характер и размер причиненного вреда.

В случае, если подсудимый не согласен с предъявленным обвинением, суд принимает решение о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначает судебное разбирательство в общем порядке.

Органами предварительного следствия Д. обвинялся в том числе в том, что он, являясь должностным лицом — командиром роты, в расположении воинской части, действуя с корыстной целью, через посредника получил от пяти подчиненных ему по службе военнослужащих в качестве взятки компьютерный стол стоимостью 9 454 руб. и денежные средства в размере 7 000 руб., 5 000 руб., 15 000 руб. и 5 000 руб. за незаконное освобождение последних от исполнения обязанностей военной службы и сокрытие от командования фактов их незаконного отсутствия на службе в определенные по договоренности периоды времени.

В судебном заседании Д. заявил о со-

гласии с предъявленным ему обвинением в совершении инкриминируемых преступлений, в том числе предусмотренных ч. 3 ст. 290 и ч. 1 ст. 291² УК РФ.

Вместе с тем, отвечая на вопросы защитника и государственного обвинителя в порядке ч. 3.1 ст. 317⁷ УПК РФ, Д. показал, что все денежные средства, которые он получил от подчиненных военнослужащих за освобождение их от исполнения обязанностей военной службы, он собирал в целях выполнения поставленных перед ним командованием задач и потратил на нужды воинской части.

Таким образом, в судебном заседании Д., формально заявляя о признании своей вины в содеянном, фактически выразил несогласие с предъявленным ему обвинением относительно целей и мотивов, побудивших его совершить преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 290 и ч. 1 ст. 291² УК РФ, отрицая корыстный умысел.

Однако данное обстоятельство суд оставил без внимания, и вопрос о необходимости прекращения особого порядка судебного разбирательства и назначении судебного разбирательства в общем порядке для проверки сообщенных Д. сведений не рассмотрел.

При таких обстоятельствах окружной военный суд отменил приговор в отношении Д. и передал уголовное дело на новое судебное рассмотрение в тот же суд иным составом суда.

При новом рассмотрении уголовное дело рассмотрено в общем порядке судебного разбирательства. Постановлен обвинительный приговор¹.

Невыполнение судом требований ст. 292 УПК РФ, согласно которой подсудимый вправе участвовать в судебных прениях, признано нарушением его права на защиту и повлекло отмену приговора.

По приговору гарнизонного военного суда А. осужден по ч. 3 ст. 30 и пп. «а» и

¹ См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов по уголовным делам и материалам за первое полугодие 2022 г., утвержденный постановлением президиума Южного окружного военного суда 15.07.2022 г. № 13. URL: http://yovs.ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_community&id=312 (дата обращения 05.07.2023).

«г» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ к лишению свободы на срок 9 лет в исправительной колонии строгого режима.

Окружной военный суд, рассмотрев уголовное дело по апелляционной жалобе защитника, отменил приговор, а уголовное дело передал на новое рассмотрение в тот же суд иным составом, указав следующее.

В соответствии с ч. 2 ст. 292 УПК РФ подсудимый вправе ходатайствовать об участии в прениях сторон. Согласно правовой позиции, сформулированной в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 1248-О, осуществление уголовного судопроизводства на основе принципа состязательности сторон подразумевает, что в судебном заседании стороны обвинения и защиты пользуются равными правами, в том числе на выступление в судебных прениях. По смыслу ст. 292 УПК РФ подсудимый участвует в прениях сторон при отсутствии защитника, кроме того, он также вправе ходатайствовать об участии в прениях и при наличии защитника, что является дополнительной гарантией реализации прав подсудимого. При этом суд обязан разъяснить участникам судебного заседания их права, обязанности и ответственность, а также обеспечить возможность осуществления этих прав.

Из разъяснений, изложенных в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», следует, что, исходя из взаимосвязанных положений ч. 1 ст. 11 и ч. 2 ст. 16 УПК РФ обязанность разъяснить обвиняемому (подсудимому) его права и обязанности, а также обеспечить возможность реализации этих прав в ходе судебного производства возлагается на суд.

Предусмотренные нормами уголовно-процессуального закона права должны быть разъяснены в объеме, определяемом процессуальным статусом лица, в отношении которого ведется производство по делу, с учетом стадий и особенностей различных форм судопроизводства. В частности, при рассмотрении дела по существу

судом первой инстанции разъяснению обвиняемому (подсудимому) подлежат не только права, указанные в ч. 4 ст. 47 УПК РФ, но и другие его права в судебном разбирательстве, в том числе право ходатайствовать об участии в прениях сторон наряду с защитником (ч. 2 ст. 292 УПК РФ).

Как следует из аудиозаписи и протокола судебного заседания суда первой инстанции право участия в прениях сторон, предусмотренное ч. 2 ст. 292 УПК РФ, А. не разъяснялось и возможность выступить в прениях сторон ему не предоставлялась, равно как и не предоставлялась возможность выступить с репликой.

Согласно п. 6 ч. 2 ст. 389¹⁷ УПК РФ непредоставление подсудимому права участия в прениях сторон является существенным нарушением уголовно-процессуального закона и безусловным основанием для отмены судебного решения¹.

Существенные нарушения уголовно-процессуального закона, связанные с порядком проведения судебного заседания и постановления приговора, а также ограничением права подсудимого на защиту, повлекли отмену судебного решения.

На основании приговора гарнизонного военного суда от 13 апреля 2022 г. Б. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 213 УК РФ, к наказанию в соответствии со ст. 73 УК РФ в виде лишения свободы на срок 2 года условно с испытательным сроком 2 года.

Отменяя приговор и направив уголовное дело на новое судебное разбирательство, окружной военный суд в апелляционном определении от 23 июня 2022 г. указал следующее.

Согласно ст. 240 УПК РФ в судебном разбирательстве все доказательства по уголовному делу подлежат непосредственному исследованию. Приговор суда может

¹ См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов по уголовным делам и материалам за первое полугодие 2022 г., утвержденный постановлением президиума Южного окружного военного суда 15.07.2022 г. № 13. URL: http://yovs.ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_community&id=312 (дата обращения 06.07.2023).

быть основан лишь на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании.

Суд не вправе ссылаться в подтверждение своих выводов на имеющиеся в уголовном деле доказательства, если они не были им исследованы и не нашли отражения в протоколе судебного заседания.

В обоснование виновности осужденного в совершении инкриминируемого ему преступления, суд сослался в приговоре на протоколы проверки показаний на месте свидетелей Г.Е.В. и К., протоколы очных ставок между свидетелем Г.Е.В. и обвиняемым Б., Г.Е.В. и свидетелем Б., свидетеля Г.А.А. и обвиняемым Б., свидетелями Г.А.А. и Б.

Между тем, из аудиозаписи судебного заседания следует, что указанные протоколы проверки показаний свидетелей на месте и очных ставок, несмотря на ссылку на исследование последних в письменном протоколе судебного заседания, фактически в ходе судебного разбирательства не оглашались и не исследовались.

Таким образом, суд первой инстанции, оценив в приговоре вышеприведенные доказательства без их исследования в судебном заседании и лишив стороны возможности всесторонне реализовать свои процессуальные права, допустил существенное нарушение уголовно-процессуального закона.

Кроме того, в силу положений ст. 297 УПК РФ приговор должен быть законным, обоснованным и справедливым, и признается таковым, если он постановлен в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона, а также основан на правильном применении уголовного закона, приговор может быть признан законным только в том случае, если он постановлен по результатам справедливого судебного разбирательства.

Согласно ч. 1 ст. 243 УПК РФ председательствующий руководит судебным заседанием, принимает все предусмотренные уголовно-процессуальным законом меры по обеспечению состязательности и равноправия сторон.

Равенство прав сторон, в соответствии со ст. 244 УПК РФ предполагает пользова-

ние сторонами равными правами в судебном заседании, в том числе по представлению доказательств и участию в их исследовании.

В силу положений ч. 5 ст. 47 УПК РФ участие в уголовном деле защитника не служит основанием для ограничения какого-либо права обвиняемого. При этом ч. 3 ст. 274 УПК РФ закреплено право подсудимого с разрешения председательствующего давать показания в любой момент судебного следствия.

В нарушение вышеприведенных требований уголовно-процессуального закона, как это следует из аудиозаписи судебного заседания, председательствующий непосредственно по результатам допросов свидетелей и исследования письменных доказательств отказал осужденному в возможности дать свои пояснения, поставив такую возможность под условие согласия Б. в конкретный момент дать показания по существу предъявленного ему обвинения, а также разъяснив, что, в случае отказа, относительно исследованных доказательств может давать свои пояснения только его защитник.

Таким образом, в ходе судебного заседания были существенно ограничены права Б. на непосредственное участие в исследовании доказательств и дачу показаний.

Помимо изложенного, суд в приговоре действия Б., который, находясь в состоянии алкогольного опьянения в общественном месте, с применением принадлежащего ему гражданского гладкоствольного охотничьего двуствольного ружья, произвел два выстрела в неустановленном направлении, в результате которого грубо нарушил общественный порядок, а именно тишину и спокойствие граждан, проживающих по соседству, продемонстрировав явное неуважение к обществу, нарушив права жителей города на отдых в ночное время суток, оказав тем самым на них негативное психическое воздействие, которые вследствие этих деяний испытали чувства беспокойства и страха за свою жизнь и родственников, квалифицировал по ч. 2 ст. 213 УК РФ.

Как разъяснено в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Феде-

рации от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений», при решении вопроса о наличии в действиях подсудимого грубого нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу, судам следует учитывать способ, время, место их совершения, а также их интенсивность, продолжительность и другие обстоятельства. Явное неуважение лица к обществу выражается в умышленном нарушении общепризнанных норм и правил поведения, продиктованном желанием виновного противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним. Суду надлежит устанавливать, в чем конкретно выражалось грубое нарушение общественного порядка, какие обстоятельства свидетельствовали о явном неуважении виновного к обществу, и указать их в приговоре.

При этом под применением оружия следует понимать умышленные действия, направленные на использование его лицом как для физического, так и для психического воздействия на потерпевшего, а также иные действия, свидетельствующие о намерении применить насилие посредством этого оружия.

В соответствии с п. 2 и 5 ст. 307 УПК РФ во взаимосвязи с ч. 1 ст. 299 УПК РФ описательно-мотивировочная часть приговора должна содержать доказательства, на которых основаны выводы суда в отношении подсудимого, а также обоснование принятых решений, в том числе по вопросам доказано ли, что имело место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый, и является ли это деяние преступлением.

Вместе с тем в приговоре не приведено доказательств и не мотивировано наличие у Б. прямого умысла на нарушение общепризнанных норм и правил поведения, его желания противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним, а также на совершение им действий, направленных на использование оружия именно с

намерением физического либо психического воздействия на окружающих, в том числе и с учетом установленных в приговоре данных о производстве осужденным двух выстрелов в неустановленном направлении, в ночное время на улице с малоэтажной застройкой, где, помимо его матери (отрицавшей указанный факт в суде), в видимой близости никого из людей не находилось, а также при отсутствии непосредственных очевидцев произошедшего.¹

Несоответствие протокола судебного заседания его аудиозаписи повлекло отмену приговора.

По приговору гарнизонного военного суда Г. осужден по ч. 3 ст. 159 УК РФ (мошенничество).

Выводы о виновности Г. в совершении преступления основаны в том числе на приведенных в приговоре показаниях свидетеля Г., которые судом признаны допустимыми и достоверными доказательствами.

В силу ст. 240 УПК РФ выводы суда, изложенные в приговоре, постановленном в общем порядке судебного разбирательства, должны основываться на доказательствах, которые непосредственно исследованы в судебном заседании. Суд не вправе ссылаться в подтверждение своих выводов на имеющиеся в уголовном деле доказательства, если они не были исследованы судом и не нашли своего отражения в протоколе судебного заседания (п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре»).

Между тем в приложенной к протоколу судебного заседания аудиозаписи допрос указанного свидетеля и ее показания не зафиксированы, хотя в

¹ См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов по уголовным делам и материалам за первое полугодие 2022 года, утвержден на заседании президиума 1-го Западного окружного военного суда 19 июля 2022 г. URL: http://1zovs.spb.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=288 (дата обращения 08.07.2023).

протоколе, изготовленном на бумажном носителе, эти показания изложены.

Согласно ч. 1 ст. 259 УПК РФ в ходе каждого судебного заседания составляется протокол в письменной форме и ведется протоколирование с использованием средств аудиозаписи (аудиопротоколирование).

Несоответствие изготовленного в письменной форме протокола судебного заседания аудиопротоколу свидетельствует о несоблюдении судом обязательной к исполнению процедуры фиксации уголовного процесса.

Поскольку в отсутствие надлежащего протокола судебного заседания суд апелляционной инстанции был лишен возможности проверить достоверность изложенных в протоколе сведений, а также устранить допущенные нарушения, приговор ввиду существенного нарушения уголовно-процессуального закона отменен, а уголовное дело передано на новое судебное разбирательство в тот же суд в ином составе суда со стадии подготовки к судебному заседанию¹.

Выводы в приговоре относительно квалификации преступления по той или иной статье уголовного закона, ее части либо пункту должны быть мотивированы судом.

По приговору гарнизонного военного суда наряду с К. был осужден А. за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 161, ч. 3 ст. 337 и ч. 1 ст. 338 УК РФ.

При рассмотрении окружным военным судом данного уголовного дела в апелляционном порядке было установлено, что приговор в отношении А. не соответствует требованиям уголовно-процессуального закона.

Согласно п. 4 и 5 ст. 307 УПК РФ описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать мотивы решения всех вопросов, относящихся к назначению наказания, и принятых решений по другим вопросам, указанным в ст. 299 УПК РФ.

Согласно разъяснениям п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» выводы относительно квалификации преступления по той или иной статье уголовного закона, ее части либо пункту должны быть мотивированы судом. Если подсудимый обвиняется в совершении нескольких преступлений, то суд должен обосновать квалификацию в отношении каждого преступления.

Описательно-мотивировочная часть приговора в отношении А. содержит описание преступных деяний, предусмотренных ч. 3 ст. 337 и ч. 1 ст. 338 УК РФ, совершенных им, и доказательства, подтверждающие их совершение.

При этом данная часть приговора не содержит мотивированных выводов о квалификации указанных деяний, однако за их совершение в его резолютивной части А. назначены наказания, которые учтены при назначении ему окончательного наказания в соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ, что противоречит требованиям приведенных выше норм закона.

Указанные выше обстоятельства устранены в суде апелляционной инстанции быть не могли, в связи с чем приговор, как постановленный с существенными нарушениями уголовно-процессуального закона был отменен, а уголовное дело передано на новое судебное разбирательство².

Заканчивая обзор судебных решений, имеющих некоторые недочеты в рассмот-

¹ См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов, подведомственных Центральному окружному военному суду, по уголовным делам, материалам досудебного и судебного производства, а также по делам об административных правонарушениях за первое полугодие 2022 г. (извлечение) URL: http://covs.svd.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=222 (дата обращения 08.07.2023).

² См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов, подведомственных 2-му Западнему окружному военному суду, по уголовным делам и материалам за первое полугодие 2022 года. URL: http://2zovs.msk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=71 (дата обращения 06.07.2023).

ренной области права, возможно отметить, что деятельность военных судов по применению уголовно-процессуального законодательства позволяет говорить о необходимости дальнейшего формирования единства судебной практики.

Библиография

1. Воронов, А.Ф. О реформе судостроительства и ее процессуальных аспектах / А.Ф. Воронов // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2018. — № 10. — С. 17—23.
2. Заказнова, А. Н. Исправительные учреждения Военно-морских сил США / А.Н. Заказнова, А.Г. Воробьев // *Военное право.* — 2015. — № 3 (35). — С. 275—297.
3. Зюбанов, Ю.А. История становления названия «уголовно-процессуальный кодекс» / Ю.А. Зюбанов // *Актуальные вопросы современного уголовного процесса. Актуальные проблемы права и правоприменения : Сборник материалов круглого стола и научно-практической конференции, Москва, 24 февраля 2022 г. / Под общей редакцией С.Л. Никоновича.* — М.: Русайнс, 2022. — С. 94—101.
4. Корякин, В.М. Перспективы реформирования структуры военно-судебной системы Российской Федерации / В.М. Корякин // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2018. — № 11. — С. 41—45.
5. Мозговой, О.А. Использование опыта деятельности военного следователя в условиях вооруженного конфликта для оптимизации военно-уголовного законодательства и в учебном процессе / О.А. Мозговой // *Военное право.* — 2018. — № 3(49). — С. 177—183.
6. Назаров, А.А. Понятие и состав воинского преступления по законодательству зарубежных стран / А.А. Назаров // *Военное право.* — 2018. — № 3 (49). — С. 184—187.
7. Раков, А.В. К вопросу рассмотрения военными судами дел об административных правонарушениях, совершаемых военнослужащими / А. В. Раков, С. С. Харитонов // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2023. — № 5 (310). — С. 45—52.
8. Смирнов, Д.В. Дайджест применения военными судами уголовно-процессуального законодательства / Д.В. Смирнов, С.С. Харитонов // *Военное право.* — 2022. — № 6 (76). — С. 215—220.
9. Сотникова, В.В. Расследование уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц: вопросы и проблемы / В.В. Сотникова, О.А. Рахимов // *Военное право.* — 2019. — № 1 (53). — С. 335—340.
10. Шарапов, С. Н. Современное военно-уголовное право в системе права: проблемы институализации / С.Н. Шарапов // *Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение.* — 2021. — № 7 (288). — С. 26—33.
11. Хомчик, В.В. Деятельность военных судов в отражении отечественного законодательства: генезис, становление и развитие, современное состояние / В.В. Хомчик // *Вестник военного права.* — 2017. — № 3. — С. 7—13.

Обоснованность назначения военными судами уголовного наказания: материалы судебной практики

© Назаров Александр Александрович,
юрист, преподаватель
© Харитонов Станислав Станиславович,
кандидат юридических наук, профессор

Аннотация. В статье приведены показательные и последние по времени примеры из судебной практики окружных (флотских) военных судов в части назначения уголовного наказания, в том числе связанные с назначением более мягкого вида наказания, чем предусмотрено некоторыми статьями Особенной части УК РФ, указания в приговоре мотивов принятых решений по всем вопросам, относящимся к назначению уголовного наказания, освобождению от него или его отбыванию, и др.

Ключевые слова: судебная практика военных судов, назначение наказания, уголовная ответственность военнослужащих

Justification for imposing criminal penalties by military courts: judicial practice materials

© Nazarov A.A.,
lawyer, lecturer
© Kharitonov S.S.,
candidate of legal sciences, professor

Annotation. The article provides illustrative and recent examples from the judicial practice of district (naval) military courts in terms of imposing a criminal sentence, including those related to the imposition of a milder type of punishment than provided for by some articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, indications in the verdict of the motives for the decisions taken on all issues related to the imposition of a criminal sentence, release from it or its serving, etc.

Keywords: judicial practice of military courts, sentencing, criminal liability of military personnel

Наказанием лжеца оказывается не то, что ему больше никто не верит, а то, что он сам никому больше не может верить.

Джордж Бернард Шоу

Уголовный закон России гласит, что «наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных УК РФ лишении или ограничении прав и свобод этого лица» (ч.1 ст. 43 УК РФ).

Различным аспектам назначения уголовного наказания посвящены десятки диссертационных исследований и монографий. Не остаются в стороне и военные юристы, которые обращаются к этой теме с учетом особого статуса военнослужа-

щих¹. И конечно, имеется значительное число научных публикаций военных юри-

¹ См., например : Лобов Я.В. Освобождение осужденных военнослужащих от отбывания наказания : дис ... канд. юрид. наук. М., 1999; Птицын М.Ю. Содержание в воинской части как вид уголовного наказания и его применение : дис ... канд. юрид. наук. М., 2000; Раков А.В. Применение военными судами уголовных наказаний в отношении военнослужащих : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004; Шупленков В.П. Вопросы теории и практики назначения наказания за воинские преступления : дисс ... канд. юрид. наук. М., 1973, и др.

стов в военно-юридических изданиях по этой теме¹.

Важное значение для правильного и единообразного применения правовых предписаний, их разъяснения и толкования применительно к назначению наказания отведено Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».

Тем не менее, несмотря на проработку темы назначения уголовного наказания теоретиками и практиками, сложившуюся судебную практику и разъяснения высшей

¹ См., например: Власов С.Ю., Харитонов С.С. Применение правил назначения уголовного наказания (по материалам военно-судебной практики) // Военное право. 2022. № 5 (75). С. 186—193; Заказнова А.Н., Харитонов С.С. К вопросу о судопроизводстве при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста: практика военных судов // Военное право. 2023. № 2 (78). С. 110—115; Зюбанов Ю.А., Загорский Г.И. Зарождение принципов уголовного правосудия // Российское правосудие. 2020. № 2. С. 5—11; Емельянов В.А., Мозговой О.А. Криминологическая характеристика коррупционной преступности в Вооруженных Силах Российской Федерации // Актуальные проблемы военного права и правоприменительной деятельности на современном этапе : Сборник материалов межведомственной научно-практической конференции (выступления, тезисы, статьи), Москва, 25 марта 2020 г. М.: ВУ, 2020. С. 55—59; Лобов Я.В., Шарапов С.Н. Исполнение наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части (научно-практический комментарий к главе 20 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2011. № 3 (165). С. 108—116; Моргуленко Е.А., Харитонов С.С. Стоящие на повестке дня проблемы военно-судебной практики назначения уголовного наказания // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 9 (302). С. 43—49; Смирнов Д.В., Сотникова В.В. Об особенностях уголовно-правовой квалификации преступлений, предусмотренных статьей 283² УК РФ // Военное право. 2023. № 3 (79). С. 199—208; Харитонов В.С. О некоторых проблемах привлечения к уголовной ответственности лиц, подозреваемых в наемничестве // Право и государство будущего: эволюционные стратегии развития : Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 18 апреля 2019 года. М.: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2020. С. 421—424, и др.

судебной инстанции, в практике военных судов периодически возникают ситуации, требующие комплексного подхода к решению вопроса о наказании виновного в целях восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений.

Подборка судебных решений по назначению наказаний военнослужащим это подтверждает.

Неправильное исчисление пределов, в которых подлежит назначению основное наказание по уголовному делу, рассмотренному в особом порядке судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, повлекло изменение приговора.

По приговору гарнизонного военного суда С. осужден по совокупности двух преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 163 УК РФ, трех преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ, и одного преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159 УК РФ, к окончательному наказанию в виде лишения свободы на срок 7 лет 6 месяцев в исправительной колонии строгого режима со штрафом в размере 200 000 руб.

При этом за вымогательство по эпизоду в отношении К. осужденному назначено основное наказание в виде лишения свободы на срок 5 лет, а по эпизоду в отношении М. — в виде лишения свободы на срок 4 года, что требованиям уголовного закона не соответствует.

Так, суд, придя к правильному выводу о необходимости применения при назначении С. наказания за каждое преступление положений ч. 2 ст. 62 УК РФ, ошибочно определил пределы, в которых при таких обстоятельствах подлежит назначению основное наказание за вымогательство.

Санкция ч. 3 ст. 163 УК РФ предусматривает основное наказание в виде лишения свободы на срок от 7 до 15 лет, следовательно, с учетом применения положений ч. 2 ст. 62 УК РФ (при котором срок или размер наказания не могут превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей санкцией) размер наказания в виде лишения

свободы за это преступление не мог превышать 7 лет 6 месяцев.

Поскольку после применения ч. 2 ст. 62 УК РФ размер наказания, который мог быть назначен осужденному, оказался более строгим, чем низший предел основного наказания, предусмотренного санкцией ч. 3 ст. 163 УК РФ, а основания для применения положений ст. 64 УК РФ отсутствовали, то осужденному не могло быть назначено наказание в виде лишения свободы ниже 7 лет.

Ввиду изложенного и с учетом доводов апелляционного представления окружным военным судом приговор в связи с неправильным применением уголовного закона изменен, осужденному за вымогательство по эпизоду в отношении К. основное наказание усилено до 7 лет 3 месяцев лишения свободы, по эпизоду в отношении М. — до 7 лет лишения свободы, а по совокупности совершенных преступлений — до 8 лет лишения свободы в исправительной колонии строгого режима¹.

При назначении наказания по правилам ст. 62 УК РФ в случае совпадения верхнего предела наказания, которое может быть назначено осужденному в результате применения указанной нормы, с низшим пределом наиболее строгого вида наказания, предусмотренного санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ, ссылки на ст. 64 УК РФ не требуется.

Как следует из приговора гарнизонного военного суда, Т. осужден к лишению свободы по п. «а» ч. 5 ст. 222 и п. «в» ч. 3 ст. 226 УК РФ, с применением ст. 64 УК РФ, на срок: 7 лет и 4 года, соответственно.

На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ окончательное наказание осужденному Т. назначено по совокупности совершенных преступлений путем частичного сложения

наказаний в виде 8 лет лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

Между тем из разъяснений, содержащихся в абз. 2 п. 34 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», следует, что если в результате применения ст. 62 УК РФ срок или размер наказания, который может быть назначен осужденному, окажется менее строгим, чем низший предел наиболее строгого вида наказания, предусмотренного санкцией статьи, наказание назначается ниже низшего предела без ссылки на ст. 64 УК РФ. Таким же образом разрешается вопрос назначения наказания в случае совпадения верхнего предела наказания, которое может быть назначено осужденному в результате применения указанных норм, с низшим пределом наиболее строгого вида наказания, предусмотренного санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ.

С учетом применения положений ч. 1 ст. 62 УК РФ за преступление, предусмотренное п. «а» ч. 5 ст. 222 УК РФ, срок наказания в виде лишения свободы, который мог быть назначен Т., не может превышать 8 лет (2/3 от 12 лет — максимального размера наказания в виде лишения свободы), что совпадает с нижним пределом наказания в виде лишения свободы, предусмотренного санкцией статьи.

При таких обстоятельствах апелляционным определением окружного военного суда приговор изменен, из его резолютивной части исключена ссылка на ст. 64 УК РФ при назначении наказания по п. «а» ч. 5 ст. 222 УК РФ².

Началом срока отбывания наказания следует признавать день вступления приговора в законную силу.

По приговору гарнизонного военного суда от 28 июля 2022 г. Б. осужден по ч. 1 ст. 338 УК РФ к лишению свободы на срок

¹ См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов, подведомственных Центральному окружному военному суду, по уголовным делам, материалам досудебного и судебного производства, а также по делам об административных правонарушениях за 2022 г. (извлечение) URL: http://covs.svd.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=225 (дата обращения 11.07.2023).

² См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов по уголовным делам и материалам за 2022 г., утвержд. постановлением президиума Южного окружного военного суда 16.01.2023г. № 1. URL: http://yovs.ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_community&rid=61 (дата обращения 12.07.2023).

2 года 6 месяцев в исправительной колонии общего режима.

В соответствии с ч. 7 ст. 302 УПК РФ, п. 9 ч. 1 ст. 308 УПК РФ в обвинительном приговоре с назначением наказания, подлежащего отбыванию осужденным, суд должен определить начало исчисления срока наказания, а также принять решение о зачете в срок наказания времени предварительного содержания под стражей.

Учитывая положения ст. 72 УК РФ о необходимости зачета в срок лишения свободы времени содержания лица под стражей до вступления приговора в законную силу, началом срока отбывания наказания необходимо признавать день вступления приговора в законную силу (за исключением некоторых случаев).

В нарушение указанных требований закона суд исчислил осужденному Б. срок отбывания наказания с даты постановления приговора, в связи с чем суд апелляционной инстанции приговор изменил, определив начало срока отбывания наказания не с даты вынесения приговора — 28 июля 2022 г., а со дня вступления его в законную силу, а также на основании п. «б» ч. 31 ст. 72 УК РФ зачел в срок наказания осужденному время нахождения его под стражей с 28 июля 2022 г. по дату вступления приговора в законную силу¹.

В соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ лицам, осужденным за преступления, совершенные по неосторожности, отбывание наказания назначается в колонии-поселении. Суд может назначить указанным лицам отбывание наказания в исправительных колониях общего режима с учетом обстоятельств преступления и личности виновного.

По приговору гарнизонного военного суда от 23 июня 2022 г. М. осужден по п. «а» ч. 6 ст. 264 УК РФ к лишению свободы на срок 8 лет в исправительной колонии общего режима, с лишением права заниматься деятельностью, связанной с

управлением транспортными средствами, на срок 2 года 6 месяцев.

Назначая М. отбывание наказания в исправительной колонии общего режима как лицу, совершившему тяжкое преступление по неосторожности, суд не принял во внимание следующее.

В соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ лицам, осужденным за преступления, совершенные по неосторожности, отбывание наказания назначается в колонии-поселении. Суд может назначить указанным лицам отбывание наказания в исправительных колониях общего режима с учетом обстоятельств преступления и личности виновного.

Согласно разъяснениям, содержащимся в подп. «а» п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений», при совершении лицом преступления по неосторожности вид исправительного учреждения следует назначать по правилам, предусмотренным п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ, независимо от срока наказания и предыдущих судимостей.

Совершенное М. преступление, предусмотренное п. «а» ч. 6 ст. 264 УК РФ, по форме вины относится к неосторожным.

Каких-либо мотивов назначения М. отбывания лишения свободы в исправительной колонии общего режима, как того требуют положения п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ, описательно-мотивировочная часть приговора не содержит.

При таких обстоятельствах окружной военный суд в апелляционном порядке приговор изменил, определив отбывание М. наказания в виде лишения свободы в колонии-поселении, а также в силу положений п. «в» ч. 3.1 ст. 72 УК РФ зачел время его содержания под стражей до дня вступления приговора в законную силу в срок лишения свободы из расчета один день содержания под стражей за два дня отбывания наказания в колонии-поселении.²

¹ См.: Обзор апелляционной практики 2-го Восточного окружного военного суда по уголовным делам за второе полугодие 2022 г. URL: http://2voovs.cht.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=408 (дата обращения 11.07.2023).

² См.: Обзор апелляционной практики 2-го Восточного окружного военного суда по уголовным делам за второе полугодие 2022 г. URL:

Назначая дополнительное наказание в виде лишения воинского звания, следует учесть все указанные в ст. 48 и 60 УК РФ обстоятельства. При этом в случае условного осуждения в приговоре должна быть мотивирована невозможность сохранения подсудимому соответствующего звания при одновременном применении к нему условного осуждения.

По приговору гарнизонного военного суда К. осужден по ч. 3 ст. 290 УК РФ к лишению свободы условно с назначением ряда дополнительных наказаний, в том числе с применением ст. 48 УК РФ — в виде лишения воинского звания «полковник».

Вывод о необходимости назначения этого дополнительного наказания суд первой инстанции мотивировал в приговоре лишь тяжестью преступления, «дискредитирующего статус военнослужащего Минобороны России».

Однако согласно разъяснениям, изложенным в п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», при решении этого вопроса подлежат учету обстоятельства, указанные и в ст. 48, и в ст. 60 УК РФ, то есть категория тяжести преступления, характер и степень его общественной опасности, личность виновного, смягчающие и отягчающие обстоятельства, а также влияние назначаемого наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи. Кроме того, при условном осуждении в приговоре должно быть указано, почему невозможно сохранение подсудимому соответствующего звания при одновременном применении к нему условного осуждения.

Поскольку суд первой инстанции при изложении в порядке ст. 73 УК РФ мотивов условного осуждения обосновано принял во внимание положительные данные о личности подсудимого, а при назначении К. наказания в виде лишения воинского звания перечисленные выше обстоятельства не учел и не привел причин, по кото-

рым ему при условном осуждении невозможно сохранить воинское звание, окружной военный суд, изменив приговор, исключил из него необоснованное решение о лишении осужденного воинского звания¹.

В заключение, как представляется, возможно напомнить позицию Верховного Суда России о необходимости исполнения требований закона о строго индивидуальном подходе к назначению наказания, имея в виду, что справедливое наказание способствует решению задач и достижению целей, указанных в статьях 2 и 43 УК РФ. А справедливость наказания, согласно ст. 6 УК РФ, заключается в его соответствии характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного².

Библиография

1. Власов, С.Ю. Применение правил назначения уголовного наказания (по материалам военной судебной практики) / С.Ю. Власов, С.С. Харитонов // Военное право. — 2022. — № 5 (75). — С. 186—193.
2. Заказнова, А.Н. К вопросу о судопроизводстве при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста: практика военных судов / А.Н. Заказнова, С.С. Харитонов // Военное право. — 2023. — № 2 (78). — С. 110—115.
3. Загорский, Г.И. Зарождение принципов уголовного правосудия / Г.И. Загорский, Ю.А. Зюбанов // Российское правосудие. — 2020. — № 2. — С. 5—11.
4. Емельянов, В.А. Криминологическая характеристика коррупционной преступности в вооруженных силах Российской Федерации / В.А. Емельянов, О.А. Мозговой // Актуальные проблемы военного права и правоприменительной деятельности на современном этапе : Сборник материалов межведомственной научно-практической конференции (выступления, тезисы, статьи), Москва, 25 марта 2020 г. — М.: ВУ, 2020. — С. 55—59.
5. Лобов, Я.В. Исполнение наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части (научно-практический комментарий к главе 20

¹ См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов, подведомственных Центральному окружному военному суду, по уголовным делам, материалам досудебного и судебного производства, а также по делам об административных правонарушениях за 2022 г. (извлечение) URL: http://covs.svd.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=225 (дата обращения 11.07.2023).

² П. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».

Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) / Я.В. Лобов, С.Н. Шарапов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2011. — № 3 (165). — С. 108—116.

6. Лобов Я.В. Освобождение осужденных военнослужащих от отбывания наказания : дис ... канд. юрид. наук. — М., 1999.

7. Моргуленко, Е.А. Стоящие на повестке дня проблемы военно-судебной практики назначения уголовного наказания / Е.А. Моргуленко, С.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 9 (302). — С. 43—49.

8. Птицын, М.Ю. Содержание в воинской части как вид уголовного наказания и его применение : дис. ... канд. юрид. наук / М.Ю. Птицын. — М., 2000.

9. Раков, А.В. Применение военными судами уголовных наказаний в отношении военнослужащих : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Раков. — М., 2004. — 26 с.

10. Смирнов, Д.В. Об особенностях уголовно-правовой квалификации преступлений, предусмотренных статьей 283² УК РФ / Д.В. Смирнов, В.В. Сотникова // Военное право. — 2023. — № 3 (79). — С. 199—208.

11. Харитонов, В.С. О некоторых проблемах привлечения к уголовной ответственности лиц, подозреваемых в наемничестве / В. С. Харитонов // Право и государство будущего: эволюционные стратегии развития : Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 18 апреля 2019 г. / Отв. редактор О.И. Александрова. — М.: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2020. — С. 421—424.

12. Шупленков В.П. Вопросы теории и практики назначения наказания за воинские преступления : Дис ... канд. юрид. наук / В.П. Шупленков. — М., 1973.

Охрана военно-мемориального наследия в контексте уголовно-правовой политики государства

© Халиков Искандер Альфредович,
кандидат юридических наук, профессор кафедры
прокурорского надзора за исполнением законов в
оперативно-розыскной деятельности и участия
прокурора в уголовном судопроизводстве
Казанского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской
Федерации

Аннотация. В статье изучены условия криминализации преступного деяния, предусмотренного ст. 243⁴ УК РФ. Обращено внимание на предшествующие этому законодательные решения, которые были оценены в проводимом исследовании через призму их достаточности и способности обеспечения охраны военно-мемориального наследия России. Автором публикации изучены условия дифференциации привилегированных признаков состава преступления. Отмечено, что даже при отсутствии сложившейся правоприменительной практики, существует необходимость сохранения уголовной ответственности за уничтожение, повреждение военно-мемориальных сооружений, гносеологически не связанных с событиями Великой Отечественной войны. Сделан вывод о том, что ст. 243⁴ УК РФ — это облеченная в норму уголовного закона реакция государства на внешние по характеру вызовы (угрозы).

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, военно-мемориальное наследие, памятники истории и культуры, объекты культурного наследия, выявленные объекты культурного наследия.

Protection of the military memorial heritage in the context of the criminal law policy of the State

© Khalikov I.A.,
PhD (Law), professor of the Department of
prosecutorial supervision over the execution of laws
in operational investigative activities and
Participation of the Prosecutor in Criminal
Proceedings of the Kazan Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian
Federation

Annotation. In the presented article, the conditions of criminalization of a criminal act provided for in art. 243⁴ of the Criminal code of the Russian Federation are studied. Attention is drawn to the legislative decisions preceding this process, which were evaluated in the ongoing study through the prism of their sufficiency and ability to ensure the protection of the military memorial heritage. The conditions of differentiation of privileged features of the corpus delicti have been studied. It is noted that even in the absence of established law enforcement practice, there is a need to maintain criminal liability for the destruction, damage to military memorial structures that are epistemologically unrelated to the events of the Great Patriotic War. The author of the publication concludes that art. 243⁴ of the Criminal code of the Russian Federation is a reaction of the state to external challenges (threats) exposed to the norm of criminal law.

Keywords: criminal law policy, military memorial heritage, historical and cultural monuments, cultural heritage objects, identified.

Охрана военно-мемориального наследия, включающего в себя общность объектов, посвященных определенным историческим периодам, событиям, личностям, занимает особое место во внутренней и внешней политике любого современного государства. Российская Федерация не является исключением. Президент Российской Федерации В.В. Путин, выступая 9 мая 2023 г. на параде в ознаменование 78-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне, отметил, что в настоящее время за пределами территориальных границ нашего государства безжалостно и хладнокровно разрушаются мемориалы советским воинам, сносятся памятники великим полководцам, создается настоящий культ нацистов и их пособников, а память о подлинных героях пытаются стереть и оболгать. Такое надругательство над подвигом и жертвами победившего поколения — преступление, совершаемое в целях распада и уничтожения России¹. Соглашаясь со своевременностью и значимостью сказанного Президентом России, следует отметить, что утрата памятников истории и культуры ведет к разрушению фундамента этнокультурного суверенитета государства, поляризации многонационального общества, смене общенационального историко-культурного ориентира развития и, как следствие, — гуманитарному кризису.

В Стратегии государственной культурной политики Российской Федерации на период до 2030 г. к наиболее опасным для государства возможным проявлениям гуманитарного кризиса отнесены девальвация общепризнанных ценностей, искажение аксиологических ориентиров, а также деформация исторической памяти². Наступление подобных негативных последствий может быть вариативно связано с уничтожением памятников истории, как

формы внешнего выражения «национального культурного кода».

Значение уголовно-правовой охраны военно-мемориального наследия России возросло и обрело новое правовое содержание с принятием Закона Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». В соответствии с ним в Основной Закон государства включена ст. 67.1, в части третьей которой провозглашено: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается»³.

Внесенные в Конституцию Российской Федерации дополнения в части защиты исторической правды и сохранения памяти о защитниках Отечества носят характер общенациональной декларации, констатирующей неизменность итогов исторического прошлого и уточняющей статус государства в будущем. В Заключении Председателя Конституционного Суда Российской Федерации было оценено соответствие вносимых поправок Основному Закону государства. Отмечено, что включаемые в Конституцию Российской Федерации нормы, «носят неполитический, надпартийный и внеконфессиональный характер и не могут расцениваться, толковаться и применяться как устанавливающие государственную или обязательную идеологию, изменяющие принципы плюралистической демократии и светского характера Российского государства, ограничивающие права и свободы человека и гражданина»⁴. Не подвергая сомнению до-

¹ Парад Победы на Красной площади / Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/71104> (дата обращения: 15 мая 2023 г.).

² Стратегия государственной культурной политики Российской Федерации на период до 2030 г.: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. № 326-р.

³ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ.

⁴ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации : Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от

статочность и обоснованность Заключения, а также своевременность внесенных в Конституцию Российской Федерации дополнений, сложно согласится с их аполитичностью. Они оказали влияние на деятельность государства, по созданию и коррекции существующих механизмов противодействия современным угрозам в отношении исследуемых ценностей материального мира. Одним из подобных механизмов является уголовно-правовая политика государства. Благодаря обращению к ее содержанию, возможна оценка полноты и достаточности принимаемых мер по недопущению утраты имеющих особое аксиологическое значение предметов материального мира, верного и непротиворечивого толкования и применения уголовного закона.

Бесспорно, уничтожение, повреждение военно-мемориального наследия представляет общественную опасность. Для обеспечения должной охраны указанных объектов материального мира востребованным является принятие мер уголовно-правового воздействия как формы реализации уголовно-правовой политики.

Н.А. Лопашенко рассматривает уголовно-правовую политику как «часть внутренней политики государства, базовую составляющую государственной политики противодействия преступности, выраженную в установлении пределов преступного и наказуемого, а также в защите правоохраняемых интересов личности, общества, государства, с применением специфических методов уголовно-правового воздействия»¹. «В рамках уголовно-правовой политики решаются принципиальные для государства проблемы, такие как установление оснований и принципов уголовной ответственности, определение круга преступных деяний и видов

наказания, а также иных мер уголовно-правового характера»².

А.И. Коробеев относит уголовно-правовую политику к самостоятельной части уголовной политики государства, которая определяет основные задачи, принципы, направления и цели уголовно-правового воздействия на преступность, а также средства их достижения. Она находит свое отражение в директивных документах, нормах уголовного права, актах толкования норм и практики их применения³.

В.А. Маслов под уголовно-правовой политикой предлагает понимать деятельность государственных органов по нормативному определению концептуальных основ борьбы с преступностью посредством закрепления целесообразных мер воздействия за совершение антиобщественных деяний⁴.

Многообразие научных мнений вполне естественно, поскольку уголовно-правовая политика как многогранное и многосложное явление не может быть ограничено рамками одной формулировки. Общим следует признать рассмотрение указанного конструкта как сложного правового явления, обладающего внешними и внутренними системообразующими связями.

Целесообразность и необходимость борьбы с деяниями в отношении военно-мемориального наследия методами уголовно-правовой политики была предопределена их особой ценностью и уязвимостью. При этом, указанные предметы материального мира преимущественно уязвимы от противоправных действий, совершаемых за пределами Российской Фе-

16 марта 2020 г. № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации».

¹ Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика : монография. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С.267—268.

² Лопашенко Н.А. Размышления об уголовном праве. Уголовное право. Уголовная ответственность. Уголовная политика. Авторский курс : монография. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 177.

³ Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса : монография. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 19.

⁴ Маслов В.А. Уголовно-правовая политика: дефиниция и место в структуре уголовной политики // Труды института государства и права Российской академии наук. 2021. Т. 16. № 5. С. 104—123.

дерации¹. Так, в 2022 г. 98 преступлений по данной статье из 121 совершены за пределами нашего государства.

Процессу криминализации преступления, предусмотренного ст. 243⁴ УК РФ, предшествовала законотворческая деятельность, направленная на создание условий по обеспечению уголовно-правовой охраны элементов военно-мемориального наследия. С этой целью в 2014 г. была криминализована ст. 354¹ «Реабилитация нацизма». Диспозиция нормы закона предусматривает наступление уголовной ответственности при вариативном совершении следующих действий: публичного отрицания фактов, установленных приговором Международного военного трибунала в г. Нюрнберге; публичного одобрения преступлений, установленных приговором Международного военного трибунала; публичного распространения заведомо ложных сведений о деятельности Советского Союза в годы Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны. В качестве особо привилегированного признака указана возможность наступления уголовной ответственности в случае публичного осквернения символов воинской славы России, оскорбления памяти защитников Отечества. В пояснительной записке к проекту Федерального закона № 197582-5, установившего ответственность за реабилитацию нацизма, отмечено, что «деяния, отрицающие преступность нацистского режима, факты совершения им военных преступлений, преступлений против мира безопасности человечества, геноцида и т.п., либо деяния, оправдывающие лиц, признанных виновными Нюрнбергским трибуналом, противоречат международному праву, представляя общественную опасность именно как международные преступления». По мнению законодателя, подобные действия могли создать условия для совершения преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ. При этом уголовно-

правовая охрана военно-мемориальных сооружений должна была быть обеспечена при применении указанных норм уголовного закона к исследуемому преступному деянию, то есть по совокупности². Вместе с тем проведенная в одностороннем порядке денонсация странами восточной Европы (Польша, Болгария, страны Балтии, Украина) международных соглашений, регулирующих порядок совместного сохранения элементов военно-мемориального наследия, принятие законодательных актов, нивелирующих роль Советского Союза и России в объективно установленных исторических событиях, и, как следствие, стремление уничтожить все, что ассоциируется с нашей общей историей (памятники, военно-мемориальные сооружения, мемориальные доски и т.п.), предопределили потребность дальнейшего развития отечественного института уголовно-правовой охраны военно-мемориального наследия³.

Особое отношение со стороны государства к охране памятников (стел, обелисков, иных военно-мемориальных сооружений), увековечивающих память о событиях Великой Отечественной войны, оправдано характером и содержанием вызовов (угроз), которые применительно к исследуемой категории предметов, имеют внешнюю природу возникновения. Появление ст. 243⁴ УК РФ — это результат включения системосохраняющего механизма уголовно-правовой политики государства, предвидения неизбежности социально-политических изменений, произошедших в 2022 г. По справедливому заме-

² Законопроект № 197582-5 / Система обеспечения законодательной деятельности ГД ФС РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/197582-5>

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 23 февраля 1994 г. № 145 «О подписании соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Польша о захоронениях и местах памяти жертв войн»; распоряжение Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2007 г. № 1682-р «О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Латвийской Республики о статусе российских захоронений на территории Латвийской Республики и латвийских захоронений на территории Российской Федерации».

¹ В соответствии со сведениями Минобороны России в настоящее время российские воинские захоронения и мемориальные сооружения расположены на территории 53 иностранных государств. В захоронениях покоится более трех миллионов останков.

чанию А.В. Денисовой, «системосохраняющий механизм, выполняя обеспечительную функцию, фиксирует закономерные связи в отраслевой системе, обеспечивая ей внутреннюю согласованность, необходимую для нормального функционирования и достижения поставленных целей и задач»¹. Как было отмечено, безнаказанное уничтожение (повреждение) военно-мемориальных сооружений, посвященных защитникам Отечества (гражданам России, Советского Союза), расположенных за пределами Российской Федерации, стало условием «включения» подобного механизма. Государство признало то, что существующие нормы уголовного закона (ст. 214, 243, 244 УК РФ), а также механизм их применения не способны противостоять подобным деструктивным действиям. Во многом исходя из характера внешних угроз, была определена цель совершенного криминализируемого деяния в отношении военно-мемориальных сооружений — причинение ущерба их историко-культурному значению, а опосредовано и исторической памяти о том историческом событии (периоде, личности), в связи с которым они созданы, поскольку в долгосрочной перспективе совершаемые в недружественных странах преступления в отношении военно-мемориальных сооружений, могут создать основу для исключения России из контекста истории XVII—XXI веков. Именно указанный период времени связан с существенным влиянием России на внешнеполитические процессы, происходившие в Европе и мире.

Уголовно-правовая политика не может и не должна быть статичной. Она развивается во времени, преобразуя внутрисистемные связи между элементами в принципиально иные, новые свойства явлений, эффективность которых может быть изучена через призму поставленной цели — охрану военно-мемориального наследия. Достаточность и эффективность ее осуществления может быть оценена только по истечении времени. Как правило, бесцель-

ность и неопределенность со временем ведет к деградации внутрисистемных связей и ухудшению качественного состояния системы в целом. Так, отсутствие возможности практического применения криминализируемой нормы закона со временем ведет к исключению ее из арсенала уголовно-правовых средств борьбы с преступностью. В подобных случаях уместна формула: если норма уголовного закона «не заработала» сразу, то она «не заработает» никогда. К примеру, подобная участь постигла смежную со ст. 243⁴ УК РФ норму закона — ст. 243³ УК РФ. За семь лет с момента криминализации противоправного деяния не было возбуждено ни одного уголовного дела по ст. 243³ УК РФ. Неопределенность добавило отложение на три года сроков начала ее фактического действия². Отчасти, подобным образом законодатель сам усомнился в возможности практического применения созданного им уголовно-правового предписания. Это привело к тому, что внутрисистемная связь между нормой уголовного закона и правоприменительной практикой не возникла. Прогностическая оценка ее появления в будущем законодателем в процессе криминализации не дана.

Со временем может быть оценена не только эффективность криминализованной нормы уголовного закона, но и ее отдельных частей и (или) квалифицированных (привилегированных) признаков. Так, в 2022 г. за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 243⁴ УК РФ осуждено одно лицо (2021 г. — 0, 2020 г. — 0). При этом, в 2022 г. за совершение 10 преступлений, предусмотренных п. «а, б» ч. 2 ст. 243⁴ УК РФ осуждено 15 лиц (2021 г. — 6, 2020 г. — 0). Не оспаривая востребованность сохранения в уголовном законе ответственности за совершение преступлений в отношении военно-мемориальных сооружений, гносеологически не связанных с событиями Великой Отечественной войны, следует отметить, что в существующей конструкции нормы уголовного

¹ Денисова А.В. Системность российского уголовного права : монография. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 429.

² В соответствии с п. 3 ст. 9 Федерального закона от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ практическое применение ст. 243³ УК РФ было отложено законодателем до 25 июля 2015 г.

закона нарушено правило раскрытия содержания квалифицирующих (привилегированных) признаков. К числу таковых Н.А. Лопашенко отнесла распространенность деяния. Квалифицированное деяние должно быть распространенным, однако оно не может сопровождать большинство преступлений определенного вида. Вместе с тем, было бы ошибочным отнесение деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 243⁴ УК РФ к числу простых (базовых) и непривилегированных. Подобная градация применительно к ч. 1 ст. 243⁴ УК РФ — условна. Угроза совершения преступлений в отношении памятников, стел, обелисков, посвященных защитникам Отечества иных временных периодов, безусловно существует. Подтверждение этому можно найти в явно русофобской позиции стран «коллективного запада», стремящегося уничтожить все, что связано с русской культурой и историей.

Подводя итог следует отметить, что создание нормы уголовного закона, предусматривающей ответственность за совершение преступлений в отношении военномемориального наследия — это реакция государства на внешние по характеру угрозы (вызовы) по нивелированию роли России в мировой истории, осуществлен-

ная с использованием методов уголовно-правовой политики. Созданное уголовно-правовое предписание в совокупности с иными принимаемыми государством политико-правовыми мерами, должна способствовать сохранению военномемориального наследия как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами.

Библиография

1. Денисова, А.В. Системность российского уголовного права : монография / А.В. Денисова. — М.: Юрлитинформ, 2018. — 512 с.
2. Коробеев, А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса : монография / А.И. Коробеев. — М.: Юрлитинформ, 2019. — 352 с.
3. Лопашенко, Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика : монография / Н.А. Лопашенко. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. — 339 с.
4. Лопашенко, Н.А. Размышления об уголовном праве. Уголовное право. Уголовная ответственность. Уголовная политика : авторский курс / Н.А. Лопашенко. — М.: Юрлитинформ, 2019. — 396 с.
5. Маслов, В.А. Уголовно-правовая политика: дефиниция и место в структуре уголовной политики / В.А. Маслов // Труды института государства и права Российской академии наук. — 2021. — Т. 16. — № 5. — С. 104—123.

Некоторые особенности привлечения к уголовной ответственности и организации расследования фактов внесения должностным лицом в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений

© Шайхутдинов Фанис Фаритович, аспирант Московской академия Следственного комитета Российской Федерации, старший следователь отдела по расследованию особо важных дел Следственного управления по Северо-Восточному административному округу Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве, подполковник юстиции

Аннотация. Проанализирована специфика деятельности следователя по выявлению и организации расследования фактов внесения должностным лицом заведомо ложных сведений в единые государственные реестры. Показаны возможные направления совершенствования следственной деятельности по уголовным делам рассматриваемой категории.

Ключевые слова: расследование, выявление преступлений, единые государственные реестры, должностное лицо, должностные преступления, недостоверные сведения, криминалистика.

Some features of criminal prosecution and the organisation of investigations into the misrepresentation of information by an official in the unified state registers

© Shaikhutdinov F.F., postgraduate student of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Senior investigator of the Department for the Investigation of Particularly important Cases of the Investigative Department for the North-Eastern Administrative District of the Investigative Committee of the Russian Federation for the City of Moscow, Lieutenant Colonel of Justice

Abstract. The article analyses the specifics of an investigator's actions taken to detect and investigate the facts of an intentional misrepresentation submitted to the unified state registries by an official. The authors show possible options to improve the criminal investigation of the cases under study.

Key words: investigation, crime detection, unified state registries, an official, malfeasance, misrepresentation, criminalistics.

Единые государственные реестры (далее — ЕГР) в настоящее время являются одной из необходимых составляющих механизма государственного управления в Российской Федерации. Накопленные в единых государственных реестрах информационные ресурсы включают в себя сведения, имеющие особую юридическую ценность и, соответственно, при-

званные обеспечить законные интересы каждого гражданина, юридических лиц, общества и государства. Как известно, в Российской Федерации разработаны меры уголовно-правовой защиты единых государственных реестров от криминальных посягательств. Для эффективной реализации названных мер правоохранительные органы нуждаются в соответствующем актуальном криминалистическом обеспе-

чении, в том числе и для выявления и расследования фактов внесения должностным лицом в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений. Тем более, что согласно данным официальной статистики, количество преступлений, предусмотренных ст. 285.3 УК РФ, растет. Так, в 2022 г. количество зарегистрированных фактов внесения должностными лицами в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений по сравнению с 2017 г. возросло примерно в два раза¹.

В последнее время вопросам организации расследования криминальных посягательств на единые государственные реестры Российской Федерации уделяется определенное внимание². Безусловно, некоторые особенности расследования преступлений, предусмотренных ст. 285.3 УК РФ, неизбежно становятся предметом исследования в работах посвященных методикам расследования должностных преступлений, преступлений коррупционной направленности, преступлений, связанных с незаконным захватом имущественных комплексов юридических лиц³, а также преступлений, совершенных организованными преступными группами.

Вместе с тем, как показывает анализ сложившихся проблем судебно-следственной практики в целом, и личный опыт работы автора в качестве следователя, в частности, ряд аспектов выявления и организации расследования фактов внесения должностным лицом заведомо ложных сведений в единые государственные реестры заслуживает более пристального внимания с точки зрения дополнения и совершенствования уже разработанных по этому поводу криминалистических рекомендаций. Нельзя не согласиться с высказан-

ной в юридической литературе оценкой о некотором запаздывании методически значимых рекомендаций, обеспечивающих практическую эффективность криминалистических методик (своевременных, научно проработанных и апробированных рекомендаций)⁴.

Как правило, информация о неправомерных действиях должностного лица по внесению заведомо ложных сведений в единые государственные реестры поступает: 1) по результатам служебных проверок, проводимых в органах, отвечающих за ведение единых государственных реестров; 2) в результате получения оперативной информации от правоохранительных органов (оперативные подразделения ОВД или ФСБ); 3) в процессе расследования других уголовных дел, в том числе о мошенничествах и криминальных рейдерских захватах.

В зависимости от источника информации о факте внесения заведомо ложных сведений и ее потенциального доказательственного значения определяются возможные процессуальные решения по поступившим следователю материалам.

Определенную специфику по рассматриваемой категории уголовных дел имеет содержание общих и частных версий. Альтернативными версиями внесению заведомо недостоверных сведений должностным лицом в единые государственные реестры являются следующие: отсутствие самого факта внесения должностным лицом; возможная техническая ошибка, обусловленная нештатным функционированием программного комплекса единого государственного реестра.

Частные версии могут выдвигаться в отношении субъекта деяния, предусмотренного ст. 285.3 УК РФ. Например, она может касаться лица, физически внесшего в единый государственный реестр недостоверную запись. Возможно его действия не являются его личной инициативой, а совершены по указанию его руководителя. Так, сотрудник налоговой инспекции В. по указанию своего непосредственного руководителя внес заведомо недостоверные сведения в единый государственный реестр юридических лиц⁵.

¹ Данные из формы 1-ЕГС (за 2012, 2017 и 2022 г.). Материал подготовлен старшим научным сотрудником отдела правовой статистики и информационного обеспечения прокурорской деятельности Университета прокуратуры Российской Федерации Колесниковой Н.В. С. 21. [Электронный ресурс]. URL: <https://docviewer.yandex.com> (дата обращения: 01.03.2023)

² Куемжиева Е.Г. Криминалистическое обеспечение расследования фальсификации единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016.

³ Степанов С.Д. Особенности расследования преступлений, связанных с незаконными захватами имущественных комплексов юридических лиц (рейдерство) : автореф. дис ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2022.

⁴ Тишутина И.В. Современные проблемы криминалистической методики в свете идей профессора Н.П. Яблокова // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 1 (25). С. 220.

⁵ Приговор Новоалтайского городского суда (Алтайский край) № 1-226/2015 1-5/2016 от 12 января 2016 г. по делу № 1-226/2015 [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/regular/doc/PhaE8bLWY7gq/>

Для планирования деятельности следователя не менее важно выдвижение версии относительно мотивов действия должностного лица, внесшего заведомо ложные сведения. Помимо версий о корыстном мотиве подозреваемого, целесообразно выдвижение версий о получении им выгод неимущественного характера в результате совершения должностного преступления. В частности, к таким мотивам можно отнести иную личную заинтересованность, например, «карьерные» мотивы: искусственное повышение показателей эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности; нежелание проводить дополнительные проверочные мероприятия в целях снижения нагрузки по службе и др. Так, В., являясь главным специалистом-экспертом отдела Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии, умышленно не в полном объеме выполнил свои служебные обязанности, не провел предусмотренные дополнительные проверочные мероприятия, которые должен был провести, тем самым снижая свою нагрузку по службе¹.

Система неотложных следственных действий по уголовному делу о внесении должностным лицом заведомо ложных сведений в единые государственные реестры включает в себя выемку документов, следственные осмотры документов, допросы свидетелей, обыск по месту жительства подозреваемого, допрос подозреваемого, а также одно из самых значимых действий для успешного доказывания — фиксацию электронных следов. Целью неотложных следственных действий является процессуальная фиксация следователем ранее полученной от органов дознания и заявителей информация о признаках преступления, предусмотренного ст. 285.3 УК РФ, либо проверка достоверности или недостоверности сведений, полученных следователем в ходе расследования других преступлений.

К типичным ситуациям первоначального этапа расследования по уголовным делам рассматриваемой категории можно отнести следующие: 1) лицо, совершившее внесение заведомо недостоверные сведения, установлено, признает факт совершения криминального деяния, готово сотрудничать с органами предва-

рительного расследования (такая ситуация нередко складывается при квалификации содеянного по ч. 1 ст. 285.3 УК РФ); 2) лицо, предположительно совершившее внесение заведомо недостоверные сведений, установлено, полностью или частично отрицает свою вину в содеянном; 3) лицо, предположительно совершившее внесение заведомо недостоверные сведения, установлено, причастно к совершению других преступлений, полностью или частично отрицает свою вину в содеянном (например, деяние, предусмотренное ст. 285.3 УК РФ, является лишь одним из составных элементов криминального рейдерского захвата).

Для разрешения сложившейся следственной ситуации по уголовному делу, исходя из ее содержания, следователем определяются приоритетные задачи расследования. В частности, для опровержения версии подозреваемого о том, что в его деянии отсутствует состав преступления, предусмотренного ст. 285.3 УК РФ, а имеет место техническая ошибка, то могут быть запланированы следующие следственные и иные действия: изучение содержания документов, регламентирующих должностные обязанности подозреваемого; изучение документов, регламентирующих параметры функционирования программного комплекса, используемого в едином государственном реестре, допросы свидетелей (прежде всего, других должностных и иных лиц, работающих в едином государственном реестре) и т. п., осмотр либо проведение экспертизы программного обеспечения в целях фиксации возможного внешнего воздействия на него, в том числе со стороны конкретного работника или так называемого хакера.

По уголовным делам рассматриваемой категории большое значение имеет грамотное и своевременное использование специальных знаний. В частности, обязательно привлечение специалиста (лица, обслуживающего аппаратно-программные средства) для проведения некоторых разновидностей следственных осмотров, а также для производства выемки информации из сервера и выемки самого сервера, используемого в органе, ведущем единый государственный реестр, в который внесли заведомо недостоверные сведения. Нельзя не отметить важность тщательного планирования выемки информации из сервера и выемки самого сервера, так как данные следственные действия несут в себе риски приостановки деятельности по оказанию государственных услуг.

Привлечение специалиста нередко обес-

(дата обращения 01.05.2023).

¹ Приговор Дмитровского городского суда (Московская область) № 1-299/2018 от 2 июля 2018 г. по делу № 1-299/2018 [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/regular/doc/L7xKghi9nxZZ/> (дата обращения 01.05.2023).

печивает возможность выявления факта внесения должностным лицом недостоверных сведений в ЕГР. Например, в процессе расследования уголовного дела выявляются противоречия между сведениями, содержащимися в документах о дате регистрации недвижимости, и показаниями свидетелей. Они могут быть разрешены, в том числе, посредством осмотра единого реестра с участием специалиста. При производстве осмотра существует потенциальная возможность выявления электронных следов, свидетельствующих о внесении сведений об объекте в реестр недвижимости прошедшей датой.

В производстве автора статьи находилось дело, по которому сложилась ситуация, аналогичная описанной выше. Уголовное дело было возбуждено по ч. 1 ст. 139 УК РФ в отношении неустановленных лиц по заявлению Н. о незаконном проникновении в его жилище, расположенного в дачном кооперативе. В ходе предварительного следствия была установлена причастность к совершению данного преступления председателя дачного кооператива А. В процессе расследования было установлено, что территория дачного кооператива фактически составляет 5,4 га лесной территории, хотя согласно документам, арендуемая для него площадь лесного участка должна быть всего 3 га. Это произошло в связи с тем, что А., принимая новых членов дачного кооператива, выделяла им лесной участок, фактически не входящий в арендованную территорию и получала от них от 350 000 руб. за 1 сотку используемого лесного участка. По данному факту в отношении А. были возбуждены уголовные дела по факту мошенничества (ст. 159 УК РФ). В ходе расследования уголовного дела в отношении А. по факту мошенничества по результатам допросов свидетелей и потерпевших, а также в ходе изучения предоставляемых ими документов, подтверждающих право собственности на их жилища, были выявлены противоречия. Согласно показаниям указанных лиц, членами дачного кооператива они становились в период с 2012 по 2014 годы, после чего там строили свои дома. Для устранения данного противоречия был проведен с привлечением сотрудника ИТ-отдела Росреестра по Республике Татарстан следственный осмотр программного обеспечения Единого государственного реестра недвижимости. В результате осмотра было установлено, что по паролю одного из сотрудников Лаишевского отдела Росреестра по Республике Татарстан неустановленное лицо в данное программное обеспечение вносило изменения в 2012—2014 годах, а именно про-

шедшей датой внесло запись в Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним сведения о регистрации права собственности на шесть жилых домов, расположенных на территории дачного кооператива. Следствие установило, что вышеуказанные изменения внес начальник Лаишевского отдела Управления Росреестра по Республике Татарстан Ф., который впоследствии был осужден за превышение должностных полномочий, служебный подлог, мошенничество, злоупотребление должностными полномочиями, получение взятки, а также внесение заведомо недостоверных сведений в единый государственный реестр¹.

Для формирования достаточной доказательственной базы по уголовным делам рассматриваемой категории важно своевременное назначение судебных экспертиз, в частности связанных с криминалистическим исследованием содержания документов, например, почерковедческой — для установления подлинности подписи подозреваемого, а также в необходимых случаях технико-криминалистические экспертизы документов. Нередко целесообразно назначение компьютерных экспертиз в связи с тем, что элементом способа совершения преступления могут выступать программные комплексы, функционирующие в органах, ведущих единые государственные реестры.

В заключение следует сделать вывод о том, что существующие рекомендации по криминалистическому обеспечению процессов выявления и расследования фактов внесения должностным лицом в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений не в полной мере соответствуют вызовам времени и нуждаются в определенном дополнении и совершенствовании. Грамотные и своевременные действия следователя, на основе актуальных криминалистических рекомендаций, способны обеспечить успех расследо-

¹ Архив Лаишевского районного суда Республики Татарстан. Уголовное дело № 1-66/2015 [Электронный ресурс] URL: https://laishevsky-tat.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=126082736&case_uid=a47b6191-1b2d-44ff-b8be-7aee1f86c0e7&delo_id=1540006 (дата обращения 01.05.2023); Уголовное дело № 1-103/2015 [Электронный ресурс] URL: https://laishevsky-tat.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=126083858&case_uid=571a850c-eccb-4aad-b4cc-ddece4558b1c&delo_id=1540006 (дата обращения 01.05.2023)

вания рассматриваемой разновидности должностных преступлений.

Библиография

1. Куемжиева, Е.Г. Криминалистическое обеспечение расследования фальсификации единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Е.Г. Куемжиева. — Краснодар, 2016. — 198 с.

2. Степанов, С.Д. Особенности расследования

преступлений, связанных с незаконными захватами имущественных комплексов юридических лиц (рейдерство) : автореф. дис ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / С.Д. Степанов. — Ростов-на-Дону, 2022. — 26 с.

3. Тишутина, И.В. Современные проблемы криминалистической методики в свете идей профессора Н.П. Яблокова / И.В. Тишутина // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2023. — № 1 (25). — С. 219—226.

Военные проблемы международного права

Международно-правовой статус военнопленного

© **Бобров Роман Николаевич**,
студент 4 курса факультета подготовки специалистов для судебной системы Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Симферополь

© **Гавриловский Александр Сергеевич**,
студент 3 курса факультета судебной и прокурорской деятельности Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Симферополь

Аннотация. Международное гуманитарное право предписывает всегда гуманно обращаться с военнопленными. Любой противоправный акт или бездействие со стороны пленившего государства, приводящий к смерти военнопленного или ставящий его здоровье под серьезную угрозу, запрещается. В данной статье рассмотрена проблематика положения военнопленного в современном мире и проанализированы исторические подходы по существу вопроса.

Ключевые слова: военнопленный; конвенция; плен.

International legal status of a prisoner of war

© **Bobrov R.N.**,
4th year student of the Faculty of Training Specialists for the Judicial System of the Crimean branch of the Russian State University of Justice, Simferopol

© **Gavrilovsky A.C.**,
3rd year student of the Faculty of Judicial and Prosecutorial Activity of the Crimean branch of the Russian State University of Justice, Simferopol

Annotation. International humanitarian law prescribes that prisoners of war should always be treated humanely. Any illegal act or omission on the part of the captive State that leads to the death of a prisoner of war or puts his health at serious risk is prohibited. This article examines the problems of the situation of a prisoner of war in the modern world and analyzes historical approaches to the essence of the issue.

Keywords: prisoner of war; convention; captivity.

Подходя к вопросу о международно-правовом статусе военнопленного, необходимо проанализировать международно-правовые акты в данной сфере и выявить характерные особенности статуса военнопленного.

Современное принятое и закрепленное в международных-правовых актах международное гуманитарное право может быть подразделено на три группы норм: Гаагское право, Женевское право, Смешанное право.

По данному вопросу действуют следующие основополагающие нормативно-правовые акты:

1) Женевская Конвенция от 12 августа 1949 г. об обращении с военнопленными;

2) Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I);

3) Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (Гаага, 18 октября 1907 г.).

Сопоставляя между собой вышеуказанные нормативные правовые акты, можем выявить характерные сходства и различия указанных документов. Исходя из содержания Дополнительного Протокола I и III-ей Женевской конвенции, серьезным нарушением международного гуманитарного права являются ряд правонарушений, запрещенных его нормами¹. 4-я Гагская Конвенция и III Женевская Конвенция имеют общий предмет защиты определенных категорий лиц, их жизни и здоровья. Ничто не должно посягать на охраняемые законом интересы. Гагская и Женевская конвенция исходят из позиции недопущения ведения войны средствами и методами, которые направлены на причинение излишних страданий человеку. По времени возникновения Женевские конвенции считаются более поздними нормативными правовыми актами, чем Гагская, но именно Гагская конвенция впервые подняла вопрос о военнопленных, как о жертвах вооруженных конфликтов. Учитывая особенность содержания данных конвенций, можно сказать, что Гагское право регулирует вопросы, связанные с запретом на отдельные методы и средства ведения войны, а Женевское право направлено на закрепление отдельных гарантий различным жертвам войны, в том числе военнопленным. По мнению профессора Е.Ю. Бондаренко, «Гагская Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. явилась одним из первых документов, регулирующих международно-правовые отношения, устранив правовой пробел в решении вопроса военнопленных»². В данной Конвенции учитывается впервые возникшие вопросы, связанные с содержанием в плену в государстве противника.

Как отмечает исследователь С.И. Леншин, «военнопленный — это обезоружен-

ный противник, временно находящийся во власти не отдельного лица или командира воинской части, а во власти воюющего государства (стороны), которое и несет полную ответственность за его судьбу»³. Сущность статуса военнопленного состоит в том, что он является не только комбатантом — законным участником боевых действий, попавшим во власть неприятеля, но и пользуется всеми льготами и защитой, установленной III-ей Женевской Конвенцией «Об обращении с военнопленными» 1949 г.

Военнопленными признаются лица, принадлежащие к вооруженным силам, входящие в ополчение, добровольческие отряды, участвующие в организованном движении сопротивления, а также восставшее население, юридический персонал, корреспонденты и другие лица, оказавшиеся во власти противника. Медицинский и духовный персонал в случае попадания во власть неприятеля военнопленными не становятся⁴. Стоит отметить, что военнопленный при его пленении попадает во власть государства как субъекта III Женевской Конвенции 1949 г., а не во власть отдельного лица. Таким образом, именно государство несет полную ответственность за обращение с военнопленными.

С момента начала плена военнопленный уже не относится к непосредственному участнику боевых действий, а принадлежит к категории жертв вооруженных конфликтов. Военнопленные подчиняются законам, правилам, приказам, действующим в вооруженных силах удерживающей в плену державы (т. 82 III Женевской конвенции). В лагерях военнопленные разделяются по категориям в соответствии с их полом и званием.

III Женевской Конвенцией предусмотрено право государства использовать военнопленных в качестве рабочей силы с учетом их возраста, пола, звания, а также физических способностей. Такое правило позво-

¹ Холиков И.В., Кирица О.С. Возвращаясь к напечатанному: снова к проблеме имплементации норм международного права в области военного плена в российское законодательство // Право в Вооруженных Силах—военно-правовое обозрение. 2022. № 12(305). С. 68—73.

² Бондаренко Е.Ю. Международно-правовые аспекты военного плена в межгосударственных и Российских нормативно-правовых актах конца XIX—XX вв // Международное право и международные организации. 2012. № 2. С. 3.

³ Леншин С.И. Правовой режим вооруженных конфликтов и международное гуманитарное право: монография. М.: За права военнослужащих, 2009. С. 90.

⁴ См. подробнее: Холиков И.В. Международно-правовой статус военно-медицинского персонала. М.: ГВКГ им. Н.Н.Бурденко, 2002.

ляет поддерживать военнопленных в хорошем физическом и моральном состоянии (ст. 49).

Офицеры и лица аналогичного статуса не должны принуждаться к работе, а военнослужащие сержантского состава могут выполнять только надзорные функции. Однако и те, и другие могут обратиться с просьбой найти для них подходящую работу (ст. 49 (2) и (3)). Принудительный труд ограничивается только заданиями, связанными с управлением лагерем, оборудованием и содержанием его в порядке, а также деятельностью в одной из тех областей (ст. 50). Всегда исключается работа военного характера или с военной целью, а также работа на металлургических, машиностроительных и химических предприятиях, которая, как можно ожидать, может вносить весомый вклад в военное усилие. Запрещается также унижительная или вредная для здоровья и опасная работа, например, разминирование или обезвреживание других взрывных устройств, если только на нее не соглашаются добровольно (ст. 52).

На всех военнопленных, принужденных к работам, распространяется национальное законодательство о труде (ст. 51).

По соображениям безопасности устанавливается порядок ограничения свободы военнопленного на определенной территории. Такая мера не является формой наказания и не влияет на статус военнопленного. Военнопленным может быть под честное слово или обязательство предоставлена ограниченная или полная свобода, если только это допускают законы державы, за которой они числятся.

Военнопленные должны содержаться на суше и вне районов, где им грозил бы огонь из зоны боев или воздействие нездорового климата (ст. 22 (1) и (2), ст. 23 (1)). Они должны располагать в той же мере, что и местное гражданское население убежищами против воздушных налетов и других опасностей войны Ст. 23 (1) и (2). Чтобы лагеря для военнопленных были защищены от прямых нападений и случайного воздействия боев, они должны быть обозначены буквами PW или PG такого размера и так расположенными, чтобы их было ясно видно, а о месте их расположения

следует сообщить противостоящей стороне (ст. 23 (3) и (4)).

В качестве превентивной меры безопасности стороны в международном вооруженном конфликте должны создать систему для расследования уголовных преступлений, совершенных покровительствуемыми лицами, их судебного преследования и наказания либо на оккупированной территории, либо в пределах своих национальных границ. Конечно, покровительствуемые лица, которые содержатся под стражей, продолжают пользоваться общей защитой, предоставляемой Женевской конвенцией IV, особенно в том, что касается гуманного обращения.

Существуют три обстоятельства, при которых плен может завершиться раньше:

— репатриация или госпитализация в нейтральной стране раненых или больных военнопленных по медицинским или гуманитарным соображениям (ст. 109). Подробный перечень случаев, когда такая репатриация или госпитализация возможны (ст.110);

— побег (военнопленные, которые были схвачены после неудачной попытки совершить побег, могут быть подвергнуты только дисциплинарному наказанию, в то время как никакого наказания не может налагаться в случае повторного захвата после удачного побега) (ст. 92 (1) и (3)).

Побег пленного считается успешным, если он:

1) присоединился к своим собственным вооруженным силам или совоюющим вооруженным силам;

2) покинул территорию, находящуюся под контролем удерживающей державы или ее союзников;

3) попал на судно под флагом державы, за которой он числится, или союзной державы, находящееся в территориальных водах державы в плену державы, при условии, что это судно не находится под контролем последней (ст. 91 (1));

— смерть, за которой должна последовать официальная процедура, особенно если есть подозрение, что было совершено убийство, или если причина смерти неизвестна Ст. 120 и 121 (1), (2) и (3).

По завершении активных военных действий все военнопленные должны быть

без промедления освобождены и репатрированы, даже если стороны не подписали мирный договор и не достигли соглашения о перемирии Ст. 118 (1). Таким образом, решающим критерием для введения в действие обязательства по освобождению и репатриации является не политическое урегулирование конфликта, но реальное прекращение военных действий, если на разумных основаниях можно ожидать, что они не возобновятся в обозримом будущем. Так ли это, должно определяться объективно в каждом конкретном случае и контексте.

Обязанность удерживающей державы освободить и репатриировать военнопленных носит абсолютный характер. В то время как военнопленных нельзя репатриировать против их воли пока продолжаются военные действия (ст. 109 (4)) они, в принципе, не могут отказаться от репатриации после окончания активных военных действий (ст. 7).

Военнопленные, находящиеся под следствием или приговоренные по суду за совершение уголовного преступления, могут удерживаться и после окончания военных действий до завершения судебного рассмотрения или до отбытия ими наказания (ст. 115 (2) и (3)).

Женевская конвенция IV и Дополнительный протокол I формулируют основные гарантии справедливого судебного процесса для преследования и наказания лиц за совершение уголовных преступлений в связи с вооруженным конфликтом¹.

При совершении преступления военнопленным, входящим в нерегулярные вооруженные силы или относящимся к частным лицам, которые действуют под контролем или руководством воюющего государства, ответственность будет нести как государство, так и правонарушитель за причиненный им ущерб².

¹ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера. Ст. 75 (4).

² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 2001 г. № 56/83 «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» Ст. 8.

Сомнения в отношении статуса взятого в плен лица должны разрешаться соответствующим судом. По правилам процедуры любой обвиняемый в совершении уголовного преступления, связанного с вооруженным конфликтом, должен считаться невиновным до того момента, когда его вина будет доказана в соответствии с правом³.

Вопрос о международно-правовом статусе военнопленного в рамках международно-уголовной ответственности за военные преступления раскрыт исследователем С.А. Лобановым Автор отмечает необходимость осуществления правосудия над военнопленным, если тот совершал противоправные деяния в ходе вооруженного конфликта⁴. Принимая во внимание III Женевскую конвенцию, автор ставит необходимость усовершенствования национального законодательства Российской Федерации. По мнению исследователя, национальное судебное законодательство должно в обязательном порядке учитывать международно-правовые нормы не только по гражданским, но и по уголовным делам.

Важную особенность имеет лишение жизни военнопленного, смертный приговор в отношении военнопленного, вводится не ранее, чем через шесть месяцев после его вынесения⁵. Дополнительным протоколом I запрещается приведение в исполнение смертной казни к лицам, не достигшим возраста восемнадцати лет, а также в отношении беременных женщин или матерей, которые имеют малолетних детей. Положения международного гуманитарного права предписывают уважительное отношение к лицам, находящимся в плену⁶. За непосредственное участие в боевых действиях подвергнуться наказанию военнопленный не

³ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера. Ст. 75 (4)(d).

⁴ Лобанов С.А. Уголовная ответственность за военные преступления: теоретические вопросы международно-правового исследования: монография / 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2023.

⁵ Женевская Конвенция от 12 августа 1949 г. об обращении с военнопленными. Ст. 101.

⁶ Котляров И.И. Международное гуманитарное право. М.: Юрлитинформ, 2006. С. 69.

может ввиду того, что само участие в вооруженном конфликте не влечет уголовной и любой другой ответственности¹. К тому же само содержание в плену не является никаким образом мерой или видом наказания. Но за нарушение Женевской Конвенции 1949 г. и Дополнительных протоколов к ней 1977 г. военным служащим из числа вооруженных сил воюющего государства предусмотрена личная уголовная ответственность. Привлечение военнопленного к международной уголовной ответственности за совершение преступления по общему международному праву осуществляется на основании судебного решения международного трибунала².

Данные проблемы нашли свое качественное решение в международных актах, указанных выше, но стоит отметить, что в полной мере, они будут выполнены, только с честным отношением к их соблюдению воюющих стран.

Самыми распространенными преступлениями в отношении прав граждан являются: геноцид мирных граждан³, несоответствующее нормам международного права, недопустимое обращение с лицами, попавшими в плен. Данные виды военных преступлений совершаются на территории проведения специальной военной операции со стороны вооруженных сил Украины.

Основываясь на вышеизложенном, можно заключить, что в современных условиях проблема международно-правового статуса военнопленного стоит крайне остро. Проблематика заключается в несоблюдении государственным режимом международно-правовых норм. В этой связи необходимо направлять государственные усилия на пресечение противоправных действий в отношении военнопленного.

Библиография

1. Бондаренко, Е.Ю. Международно-правовые аспекты военного плена в межгосударственных и

Российских нормативно-правовых актах конца XIX — XX вв. / Е.Ю. Бондаренко // Международное право и международные организации. — 2012. — № 2. — С. 155—171.

2. Котляров, И.И. Международное гуманитарное право / И.И. Котляров. — М.: Юрлитинформ, 2006. — 301 с.

3. Леншин, С.И. Правовой режим вооруженных конфликтов и международное гуманитарное право: монография / С.И. Леншин. — М.: За права военнослужащих, 2009. — 239 с.

4. Лобанов, С.А. Уголовная ответственность за военные преступления: теоретические вопросы международно-правового исследования: монография / С.А. Лобанов. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Изд. Юрайт, 2023. — 366 с.

5. Право вооруженных конфликтов : учебное пособие. М.: РГУП, 2019.

6. Холиков, И.В. Возвращаясь к напечатанному: снова к проблеме имплементации норм международного права в области военного плена в российское законодательство / И.В. Холиков, О.С. Кирица // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 12(305). — С. 68—73. — EDN ILNUSO.

7. Холиков, И.В. Преступление геноцида в практике органов международного правосудия / И.В. Холиков, А. В. Апросимов // Военное право. — 2023. — № 2(78). — С. 231—239. — EDN CYZIGC.

8. Холиков, И.В. Международно-правовой статус военно-медицинского персонала / И.В. Холиков. — Москва: ГБКГ им. Н.Н.Бурденко, 2002. — 160 с. — EDN GONDFW.

¹ Руководство по нормам международного права, регулирующим ведение военных действий. С. 252.

² Право вооруженных конфликтов : учебное пособие. М.: РГУП, 2019. С. 127.

³ См. подробнее: Холиков И.В., Апросимов А.В. Преступление геноцида в практике органов международного правосудия // Военное право. 2023. № 2(78). С. 231—239.

Генезис правовых норм, регламентирующих режим нераспространения ядерного оружия

© Родионов Алексей Евгеньевич,
слушатель магистратуры Института
законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской
Федерации

Аннотация. В статье рассматривается режим нераспространения ядерного оружия, его роль и значимость в международном праве. Дается краткая характеристика основных особенностей режима, показана роль международного права в поддержании режима нераспространения ядерного оружия. Анализируются генезис международных норм по данному вопросу, дается краткая историческая характеристика правовых норм. В связи с этим привлекается внимание к современным проблемам режима нераспространения ядерного оружия и дальнейшего развития этого института.

Ключевые слова: международное право, режим нераспространения ядерного оружия, договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), МАГАТЭ, ядерный терроризм, ядерные кризисы, вооруженные конфликты, ИБОР-ОМУ.

Development of legal norms regulating nuclear weapons non-proliferation regime

© Rodionov A.E.,
master degree student at the Institute of legislation
and comparative law under the Government of the
Russian Federation

Abstract. The article discusses the role and function of the nuclear non-proliferation regime in international law. A brief description of the main features of a regime and the role of international law in maintaining the nuclear nonproliferation regime is shown. The genesis of the relevant international norms is analyzed, a brief historical description of legal documents is given. In this regard, the authors draw attention to the modern problems of the nuclear non-proliferation regime and further ways of developing of this institute.

Keywords: international law, nuclear non-proliferation regime, the NPT, IAEA, nuclear terrorism, nuclear crises, armed conflicts, the PSI.

В складывающихся сегодня и отчетливо наблюдаемых условиях кризиса¹ и нестабильности социально-политических систем² особенно остро встают вопросы

обеспечения различных видов государственной и общественной безопасности³.

¹ Гаврилов С.О., Глебов И.Н., Чукин С.Г. Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам гл. 6 «Военные проблемы международного права» т. III монографии «Военное право») // Государство и право. 2022. № 12. С. 59—67.

² Холиков И.В., Милованович А., Наумов П.Ю. Динамика функционирования международного права в условиях трансформации современного миропорядка: постнеклассический подход // Журнал россий-

ского права. 2022. Т. 26. № 11. С. 132—148.

³ Холиков И.В., Наумов П.Ю., Большакова В.М. Федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением законодательства в области обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического комплекса: новый этап регулирования и правоприменения // Уголь. 2022. № 10 (1159). С. 66—71; Холиков И.В., Шепель Р.Н., Николаев И.И. Вопросы нормативно-правового регулирования обеспечения химической и биологической безопасности // Медицина труда и промышленная экология. 2023. Т. 63. № 6. С. 406—416; Холиков И.В., Хараман Е.Е. Международно-правовое

Правовые вопросы, связанные с режимом нераспространения ядерного оружия (ЯО), занимают одно из ключевых мест в международном праве, наравне с правовыми режимами, регламентирующими другие виды оружия массового поражения, в частности, химическое и биологическое¹. Профессиональные мнения и научная доктрина по вопросам, связанным с распространением ЯО, начали формироваться уже после его первого и единственного боевого применения Соединенными Штатами Америки, совершившими варварские бомбардировки японских городов Хиросимы и Нагасаки 6 и 9 августа 1945 г.²

Стало понятно, что ЯО куда более эффективно, чем другие виды оружия массового поражения, несмотря на их серьезные поражающие факторы, поскольку его масштабное применение может за короткий срок парализовать и сокрушить любое государство, уничтожив главные стратегические объекты и ключевые города. Так, фактор наличия ядерного оружия в арсеналах США и СССР, как двух противоборствующих систем в период после окончания Второй Мировой войны, стал одним из основных в вопросах послевоенного мироустройства.

Формировались различные подходы к возможному применению ядерного оружия. Так, представляет интерес план «Totality» генерала Эйзенхауэра, предполагавший нанесение ядерных ударов по главным объектам СССР, разработанный в конце 1945 г.³ Впоследствии появились

регулирование применения некоторых видов оружия в условиях вооруженного конфликта // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. 2023. № 4 (309). С. 7—14.

¹ См. подробнее: Холиков, И.В. Правовые аспекты химической и биологической безопасности в Российской Федерации // *Современное право*. 2010. № 3. С. 23—28.

² Sadao Asada. «The Shock of the Atomic Bomb and Japan's Decision to Surrender: A Reconsideration». *The Pacific Historical Review*, Vol. 67, No. 4 (Nov., 1998).

³ Plan "Totality": Alert Plan for Defense in the Event of Aggression United States. Army. Forces in the European Theater. G-3 Publisher Headquarters, US Forces, European Theater, G-3 Division (Main), 1946.

схожие планы «Чариотир» и «Флитвуд». При этом, если в плане Эйзенхауэра еще просматривались оборонительные черты, то в более поздних наглядно демонстрируется превентивный характер действий, где успех обеспечивался, прежде всего, за счет массированных ядерных бомбардировок советской территории. Данные замыслы были в 1949 г. объединены в стратегический план «Дропшот», разработанный на случай нападения Советского Союза на союзников США⁴. Подтверждением служит опубликованный в 2015 г. документ, содержащий «Список целей для ядерных ударов», утвержденный в 1959 г.⁵ Разгоревшийся Карибский кризис побудил лидеров государств социалистического и капиталистического блоков задуматься о возможных последствиях ядерной войны, и в дальнейшем утвердить мысль о том, что необходимо не просто сдерживать наращивание ядерного потенциала у уже имеющих держав, но и создавать механизмы для его нераспространения во избежание глобальной катастрофы⁶.

В результате, к 1968 г. был разработан Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) — универсальный международно-правовой инструмент, который к 1970 г. был подписан практически всеми государствами⁷. Цель договора заключается в предотвращении распро-

URL: https://books.google.ru/books/about/Plan_Totality.html?id=bnuCGwAACAAJ& (дата обращения 25.04.2023)

⁴ "DROPSHOT" — AMERICAN PLAN FOR WAR WITH THE SOVIET UNION, 1957. URL: <http://www.allworldwars.com/Dropshot%20-%20American%20Plan%20for%20War%20with%20the%20Soviet%20Union%201957.html> (дата обращения 25.04.2023)

⁵ U.S. Cold War Nuclear Target Lists Declassified for First Time. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb538-Cold-War-Nuclear-Target-List-Declassified-First-Ever/> (дата обращения 25.04.2023)

⁶ Лавренов С. Я., Попов И. М. Карибский кризис: мир на грани катастрофы // *Советский Союз в локальных войнах и конфликтах*. М.: Астрель, 2003. С. 213—289.

⁷ Договор о нераспространении ядерного оружия одобрен резолюцией 2373 Генеральной Ассамблеи от 12 июня 1968 г.

странения ядерного оружия среди государств, которые им не обладают. Он призван укрепить безопасность государств, затруднить возможность развязывания ядерной войны и приблизить решение о ликвидации ядерного оружия, став важной основой международного мира и стабильности. В 1995 г. Договор был продлен бессрочно, причем депозитариями стали Россия (как продолжатель СССР), Великобритания и США¹.

К сожалению, несмотря на достигнутый прогресс, Договор к 2023 г. так и не подписали Индия, Пакистан, Израиль и Южный Судан. Однако, несмотря на это, решение о ликвидации ядерного оружия и ограничении его использования ведется на всеобщем уровне, благодаря непрерывным усилиям международного сообщества по достижению этой цели.

Однако экспертные оценки эффективности ДНЯО в достижении своей цели вызывают различные реакции среди научного сообщества. Одни исследователи проявляют скептицизм и выражают недоверчивость в возможности решения социально-экономических проблем². Другие сохраняют нейтральное отношение к ДНЯО³. В то же время некоторые специалисты считают ДНЯО эффективным инструментом преодоления различных вызовов, которые стоят перед современным обществом⁴.

В настоящее время только три государства заявили о создании ЯО после подписания соответствующего договора, а именно Индия, Пакистан и КНДР. Израильские власти официально не подтверждают наличие ЯО, однако и не

опровергают эту информацию. Большинство экспертов приходят к выводу, что ЯО в Израиле имеется. В своей книге «Израиль и Бомба» А. Коэн заявляет, что в период между 1966 и 1969 годами Израиль уже обладал ЯО. Это можно объяснить соглашением между президентом США Р. Никсоном и премьер-министром Израиля Г. Меир: «США прекратят проведение инспекций на израильских объектах в обмен на лояльность со стороны Израиля по вопросам Ближнего Востока»⁵. Истинный факт наличия ЯО в Израиле может быть установлен лишь через официальные заявления израильских властей в отношении данного вопроса.

В современном мире ядерное оружие имеет серьезное значение в обеспечении национальной и международной безопасности. Рассматривая государства, получившие ядерное оружие после 1970 г., можно заметить закономерность — они разработали свою ядерную стратегию, ориентируясь на стратегическую безопасность. Это именно те страны, где территориальные конфликты до сих пор не решены, а повторяющиеся пограничные столкновения могут служить доказательством существующей теории. В данной статье мы представим краткий обзор каждой из рассматриваемых стран.

Существует ряд неурегулированных территориальных проблем Индии и КНР, особенно касающихся Тибета и Кашмира. Кризисы 1962 и 1967 годов подтолкнули правительство Индии овладеть ЯО для защиты своих интересов. Напряженность в регионе была усугублена наличием ЯО со стороны КНР.⁶

Аналогичная ситуация сложилась и в индо-пакистанских отношениях, где существуют территориальные претензии стран друг к другу⁷.

1

URL:https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1413321/

² Контроль над вооружениями в новых военно-политических и технологических условиях / отв. ред. А. Г. Арбатов. М.: ИМЭМО РАН, 2020. С. 4—6.

³ Nuclear Non-Proliferation: Steps For The 21st Century by Ernest J. Moniz Tuesday, November 5, 2019.

⁴ Бояркина Д.А. Правовая база и современные проблемы международного режима ядерного нераспространения // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 1. С. 108—112.

⁵ Koohen A. Israel and the bomb. N. Y. : Columbia Univ. Press, 1998. XX, 470 p.

⁶ Ростованова М.Г. Проблема урегулирования китайско-индийский пограничных споров с 1950-х годов по настоящее время // Вопросы студенческой науки. 2022. № 7. С. 97—100.

⁷ Макаревич Г.Г. Индийский взгляд на территориальный спор в рукаве Дельты Инда Сэр-Крик в контексте отношений с Пакистаном // Анализ и

События, происходившие на корейском полуострове с 1953 г. и по настоящее время, характеризуются значительной динамикой, вызванной территориальными и политическими разногласиями между Корейской Народно-Демократической Республикой и Республикой Корея, а также их западными партнерами. Применение санкций и иногда даже прямые угрозы вторжения в Северную Корею еще до того, как она стала обладателем ядерного оружия, могло послужить катализатором уверенности и мотивацией Пхеньяна для начала разработки и реализации собственной ядерной программы¹.

Как уже указывалось ранее, на данный момент Израиль не является официально признанной страной, обладающей ядерным оружием. Однако, если предположить, что страна уже длительное время обладает ядерным оружием нелегально, стимулы, побудившие Израиль к развитию своей ядерной программы, могут быть связаны с кризисом, который произошел в 1947—1949 годах². Независимые исследования в течение многих лет пытаются оценить приблизительное количество ядерных боеголовок у каждой из сторон³.

Безусловно, ДНЯО является основополагающим элементом режима нераспространения ядерного оружия и существенным фундаментом в сокращении ЯО и использовании атомной энергии исключительно в мирных целях. Это универсальный механизм позволяющий регулировать отношения в сфере ЯО на международном уровне⁴. Существующие про-

блемы в области нераспространения ядерного оружия, накопившиеся за длительный период, подчеркивают необходимость новых глобальных подходов и реформ научного характера.

Несмотря на значимость Договора о нераспространении ядерного оружия, следует отметить, что Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) также играет важную роль в обеспечении контроля и надзора над режимом нераспространения ядерного оружия, в соответствии с Уставом организации, закрепляющим три основных направления ее деятельности:

1) помощь в развитии мирного атома государствам-членам;

2) содействие в обеспечении надлежащего уровня ядерной и радиационной безопасности;

3) контроль за атомной энергией и ядерными материалами, в качестве использования исключительно в мирных целях, а не в военных⁵.

МАГАТЭ выпускает ряд докладов на различные темы, связанные с ядерной безопасностью и контролем распространения ядерного оружия. В докладах по вопросам безопасности и защиты в ядерной деятельности приводятся практические примеры и подробные описания возможных угроз от ЯО и содержатся предложения дальнейшего правового регулирования режима нераспространения ядерного оружия. Они выпускаются в рамках серий: «Доклады по радиологическим оценкам», «Технические доклады», «Доклады МАГАТЭ по физической ядерной безопасности» и «Доклады по радиологическим авариям». Дополнительно МАГАТЭ выпускает пособия для учебных курсов, практические технические руководства⁶.

прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2021. № 1. С. 99—107.

¹ Волощак И.И. Конфликты КНДР и Республики Корея в районе северной разграничительной линии // Научные исследования и разработки молодых ученых. 2015. С. 13—16.

² Bregman, Ahron. Israeli wars. A history since 1947. — Routledge, 2002. — P. 272.

³ SIPRI Yearbook 2015 World nuclear forces. URL: <https://www.sipri.org/yearbook/2015/11>.

⁴ Resolution 1887 (2009) Adopted by the Security Council at its 6191st meeting, on 24 September 2009 (S/RES/1887 (2009)), стр. 1. URL:

<https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/resolutions-adopted-security-council-2009>

⁵ Международное агентство по атомной энергии "Устав" по состоянию на 28 декабря 1989 года, статья 3: <https://docs.cntd.ru/document/901851822>

⁶ Нормы МАГАТЭ по безопасности Государственная, правовая и регулирующая основа обеспечения безопасности для защиты людей и охраны окружа-

Рекомендации МАГАТЭ в области безопасности используются многими странами в качестве основы для разработки внутрисударственных норм и правил. Например, в Республике Беларусь существует закон № 208-З «О регулировании безопасности при использовании атомной энергии», который был принят на основе рекомендаций МАГАТЭ¹.

Корейский кризис, с последующим выходом КНДР из ДНЯО, пошатнул доверие к МАГАТЭ, поскольку организация не смогла проконтролировать получение ЯО Северной Кореей. Но в тоже время необходимо отметить, что спустя 17 лет МАГАТЭ по-прежнему играет значимую роль в контроле соблюдения государствами международного режима нераспространения ядерного оружия. Нельзя не отметить иранский кризис, в котором МАГАТЭ продолжает свою работу на высшем уровне², хотя многие и выражают скептицизм ввиду последних событий³. Тем не менее, ЯО у Ирана на данный момент официально не зафиксировано, а это свидетельствует о том, что организация эффективна и справляется с теми задачами, которые были возложены Договором и иными соглашениями⁴.

Во время иракского кризиса 2003 г.⁵

ющей среды № GSR Part1 Общие требования безопасности, часть 1. 2007. С. 2.

¹ Закон Республики Беларусь 10 октября 2022 г. № 208-З «О регулировании безопасности при использовании атомной энергии» URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12200208&p1=1>

² Совместное заявление Генерального директора МАГАТЭ и вице-президента. Исламской Республики Иран и руководителя ОАЭИ 2020. URL: <https://www.iaea.org/ru/newscenter/pressreleases/sovместное-zayavlenie-generalnogo-direktora-magate-i-vice-prezidenta-islamskoy-respubliki-iran-i-rukovoditelya-oei>

³ МАГАТЭ лишили зрения. Действия Тегерана могут поставить крест на ядерной сделке 2022. URL: <https://kommersant.ru/turbopages.org/kommersant.ru/s/doc/539619>

⁴ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml

⁵ Walter L. Perry, Richard E. Darilek, Laurinda L. Rohn, Jerry M. Sollinger Editors - Operation Iraqi Freedom, OIF. Published by the RAND Corporation, Santa Monica, Calif. 2015 RAND Corporation. 457 p.

стали популярны идеи усиления контроля над оборотом технологий, связанных с оружием массового уничтожения. Вследствие этого появилась Инициатива по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения. ИБОР-ОМУ — международная программа, инициированная президентом США Джорджем Бушем в мае 2003 г.⁶

Идея нашла широкое распространение с точки зрения контроля ядерных материалов и их защиты от возможных атак террористов с конечной целью заполучить их. Страны — участницы ИБОР обязуются следить, чтобы корабли под их флагами, а также под флагами других стран-участниц не использовались для перевозки оружия массового поражения и технологий, которые могут быть использованы для его создания.

Несмотря на то, что ее участниками являются более 100 государств (в том числе и Россия), за рамками ИБОР остаются такие влиятельные страны, обладающие ОМУ-технологиями как Китай, Индия, Пакистан, Бразилия, ЮАР⁷.

ИБОР не имеет структурно-организационного оформления и не является международной или региональной организацией. Ее основополагающие документы — «Заявление о принципах перехвата» (Париж, сентябрь 2003 г.), а также решения Лондонской (октябрь 2003 г.) и Краковской (май-июнь 2004 г.) встреч. Согласно «Принципам перехвата», деятельность ИБОР должна соответствовать нормам международного права и национального законодательства стран-участниц⁸.

Следует отметить, что существует определенное противоречие с международным морским правом, особенно со ст. 23 Конвенции ООН по морскому пра-

URL: Operation IRAQIFREEDOM: Decisive War, Elusive Peace (rand.org).

⁶ Инициатива по борьбе с распространением ОМУ, 2021.

URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/obshchie_voprosy_mezhdunarodn

⁷ IBID

⁸ IBID

ву 1982 г., которая предусматривает свободу и безопасный проход судов, перевозящих опасные вещества, через территориальные воды любого государства при наличии соответствующих документов¹. Есть необходимость более тщательно рассмотреть деятельность ИБОР-ОМУ в контексте международного морского права и найти компромисс между обеспечением безопасности и контроля, и уважением прав судов, перевозящих опасные материалы².

Инициатива ИБОР продолжает свою работу, несмотря на частичное противоречие ее действий международному морскому праву. В мае 2018 г. состоялась Политическая встреча высокого уровня в Париже, посвященная 15-летию ИБОР, на которой были приняты четыре заявления. Они касались обеспечения эффективности инициативы, укрепления полномочий для принятия решений по перехвату, расширения стратегической коммуникации и развития потенциалов и практик перехвата. Однако Российская Федерация их не поддержала, поскольку в большинстве текстов не были учтены замечания российской делегации³.

Резолюция 1887 Совета Безопасности ООН 24 сентября 2009 г.⁴ Совет рассмотрел вопрос о недопущении и предотвращении распространения оружия массового поражения в мире. В Резолюции Совет стремится «создать более безопасный мир для всех и создать условия для мира, свободного от ядерного оружия, в соответ-

ствии с целями ДНЯО таким образом, чтобы это способствовало международной стабильности и основывалось на принципе безграничной безопасности для всех».

Рассмотрим ключевые положения Резолюции, опираясь на статические и аналитические данные.

С 2009 г. ведущие государства, обладающие ядерным оружием⁵, не прекращают усиливать свой ядерный арсенал⁶, несмотря на ранее принятую Резолюцию. Это нарушение требований ч. 5 данной Резолюции⁷. Это негативно сказывается на тех государствах, которые стали обладателями ядерного оружия после 1970 г.

Существенной проблемой является то, что до настоящего времени Индия, Пакистан, Израиль и Южный Судан не присоединились к ДНЯО. Это демонстрирует тот факт, что ч. 4 Резолюции не была полностью реализована⁸.

Нарушение требований ч. 9 Резолюции, закрепляющей гарантии безопасности участникам ДНЯО, не обладающим ядерным оружием, — это одна из главных проблем, которая продолжает оставаться актуальной и в настоящее время. Данный факт свидетельствует о том, что государства не соблюдают необходимые нормы и международные договоренности⁹.

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву. 1982. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900747>

² См. подробнее: Холиков И.В. Противодействие преступным посягательствам на международную морскую безопасность // Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия / Институт государства и права РАН. М.: ООО Юнити-Дана, 2020. С. 431—459.

³ Инициатива по борьбе с распространением ОМУ, 2021.

URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/obshchie_voprosy_mezhdunarodnoy_bezопасnosti_i_kontrolya_nad_vooruzheniyami/1413303/

⁴ S/RES/1887 (2009). URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/resolutions-adopted-security-council-2009>

⁵ SIPRI Yearbook 2009 World nuclear forces <https://www.sipri.org/yearbook/2009/08>.

⁶ SIPRI Yearbook 2022 World nuclear forces. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/YB22%2010%20World%20Nuclear%20Forces.pdf>; Status of World Nuclear Forces 2022.

URL: <https://fas.org/issues/nuclear-weapons/status-world-nuclear-forces/>

⁷ S/RES/1887 (2009): часть 5 с. 3.

⁸ IBID часть 4 с. 3.

⁹ США могут нанести ядерный удар по Москве, если РФ решит использовать ядерное оружие против Украины, — The Sun. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/19989998/five-ways-west-strike-back-putin-nuke-ukraine/>; Глава КГБ Белоруссии: Запад рассматривает применение ядерного оружия против страны и РФ. URL: <https://tass.ru/turbopages.org/tass.ru/s/mezhdunarodnaya-panorama/16022753>; Российские генералы обсуждали использование тактического ядерного оружия в Украине, — New York Times со ссылкой на источник

В начале 2023 г. произошло событие, связанное с вынужденной мерой, а именно приостановление действий Договора СНВ-III¹, озвученные Президентом Российской Федерации В.В. Путиным в Послании Федеральному Собранию². Акцент был поставлен на том, что в случае проведения новых ядерных испытаний Соединенными Штатами Америки, России предоставляется полное право проводить свои собственные ядерные испытания. В этой связи, очевидна нарастающая угроза Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний³ и всему режиму ядерного сдерживания в целом. В дальнейшем это окажет непосредственное влияние на режим ядерного нераспространения, если заинтересованные стороны, в лице НАТО и США, не смогут прийти к консенсусу с Российской Федерацией.

К сожалению, рост ядерных технологий в настоящее время не останавливается. Нет никаких гарантий, что в ближайшем будущем позиции ключевых государств, обладающих ядерным оружием, не вызовет новых опасностей и угроз для мировой стабильности.

По мнению С.А. Мелькова и И.В. Холикова, постепенное распространение ядерного оружия по нашей планете потенциально увеличивает вероятность развязывания региональных конфликтов с применением ядерного оружия⁴.

С этим невозможно не согласиться,

учитывая нарастающую напряженность в первую очередь между ключевыми государствами, когда региональные конфликты продолжают набирать свой оборот. Реализация эффективных мер, направленных на укрепление международного правопорядка, зависит в первую очередь от уважения каждым государством международных норм и достигнутых договоренностей.

Развертывание ядерного оружия в странах, где ранее оно не было разработано, с целью защиты от внешних угроз приводит к нежелательным последствиям. Так, развертывание ядерных сил США в Италии, Турции, Бельгии и Нидерландах и ФРГ негативно сказалось на отношениях с Российской Федерацией РФ, за счет ущемления стратегической безопасности государства в Европе, так как все страны входят в Организацию Североатлантического Договора (НАТО) и проводят регулярные учения по использованию тактического ЯО⁵.

Длительное время Российская Федерация не принимала радикальных мер, связанных с проблематикой размещения ЯО, и старалась достичь консенсуса с НАТО и США. Несмотря на многолетние переговоры и попытки достижения компромисса, региональная обстановка в Европе продолжала ухудшаться. В итоге было принято решение о размещении ядерных сил в Республике Беларусь по инициативе действующего Президента А.Г. Лукашенко⁶.

Распространение ЯО через размещение ядерных сил в союзных государствах является актуальной проблемой, которая, вероятно, будет только усиливаться в будущем. В настоящее время ведутся дебаты относительно возможности размеще-

в разведке США.
URL:<https://www.nytimes.com/2022/11/02/us/politics/russia-ukraine-nuclear-weapons.html?searchResultPosition=2> и другие.

¹ Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений от 8.04.2023. (СНВ-III) URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/512>

² Путин: Россия приостанавливает участие в ДСНВ 2023. URL: <https://tass.ru/politika/17105563>

³ Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний 1996 г. URL:<https://docs.cntd.ru/document/1902054>

⁴ Мельков С.А., Холиков И.В. Новые исследования стратегических ядерных вооружений: формирование экспертного мнения профессорско-преподавательского состава // Электронный научный журнал «ГосПерг». 2021. № 4. С. 1—2.

⁵ Hans M. Kristensen Director, Nuclear Information Project: U.S. Nuclear Weapons In Europe. Briefing to Center for Arms Control and Non-Proliferation Washington, D.C. November 2019. URL: https://uploads.fas.org/2019/11/Brief2019_EuroNukes_CACNP_.pdf.

⁶ Россия и Белоруссия договорились о размещении российского тактического ядерного оружия. 2023. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/17369429?ysclid=lhssjx5e7d263460036>

ния ядерного арсенала США в Японии в ответ на угрозу со стороны Северной Кореи и Китая¹. В свете современных вызовов и угроз, с которыми сталкивается международное сообщество, поиск новых путей решения проблем, связанных с режимом нераспространения ядерного оружия, становится все более актуальным для международного права.

Автор данной научной статьи обращает внимание на необходимость заключения нового общественного договора, основным тезисом которого является запрет на развертывание ядерного арсенала среди тех государств, которые не обладают ядерным оружием, с целью предотвращения эскалации конфликтов и распространения ЯО в мире. Предлагается закрепить в общественном договоре императивные нормы, которые не позволяли бы распространять ядерное оружие в таких государствах.

Для упрощения реализации Договор может быть заключен в рамках региональных блоков — Европейского союза, ЕАЭС, Африканского союза или Азиатско-Тихоокеанского регионального форума. Универсальные региональные договоры были бы важным шагом к предотвращению распространения ЯО в регионах мира, где существует высокий риск стратегических конфликтов и напряженных взаимоотношений между государствами. Кроме того, такие договоры могут способствовать более тесному сотрудничеству в области безопасности между государствами учитывая интересы каждого в рамках региональных блоков, что в свою очередь может укрепить международную безопасность в целом.

Данная мера может привести к снижению конфронтации между ключевыми участниками международного права в области стратегической безопасности и установке равенства между сторонами. В качестве организации, проверяющей выполнение данного договора, можно было бы предложить МАГАТЭ, имеющую

большой опыт и авторитет в данной сфере.

Библиография

1. Бояркина, Д.А. Правовая база и современные проблемы международного режима ядерного нераспространения Д.А. Бояркина // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. — 2012. — № 1. — С. 108—112.
2. Волощак, И.И. Конфликты КНДР и Республики Корея в районе северной разграничительной линии / И.И. Волощак // Научные исследования и разработки молодых ученых. — 2015. — С. 13—16.
3. Гаврилов, С.О. Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам гл. 6 «Военные проблемы международного права» т. III монографии «Военное право») / С.О. Гаврилов, И.Н. Глебов, С.Г. Чукин // Государство и право. — 2022. — № 12. — С. 59—67.
4. Контроль над вооружениями в новых военно-политических и технологических условиях / отв. ред. А.Г. Арбатов. — М.: ИМЭМО РАН, 2020.
5. Лавренов, С.Я. Карибский кризис: мир на грани катастрофы / С.Я. Лавренов, И.М. Попов // Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. — М.: Астрель, 2003. — С. 213—289.
6. Макаревич, Г.Г. Индийский взгляд на территориальный спор в рукаве Дельты Инда Сэр-Крик в контексте отношений с Пакистаном / Г.Г. Макаревич // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. — 2021. — № 1. — С. 99—107.
7. Мельков, С.А. Новые исследования стратегических ядерных вооружений: формирование экспертного мнения профессорско-преподавательского состава / С.А. Мельков, И.В. Холиков // Электронный научный журнал «ГосРег». — 2021. — № 4. — С. 1—2.
8. Ростованова, М.Г. Проблема урегулирования китайско-индийский пограничных споров с 1950-х годов по настоящее время / М.Г. Ростованова // Вопросы студенческой науки. — 2022. — № 7. — С. 97—100.
9. Холиков, И.В. Вопросы нормативно-правового регулирования обеспечения химической и биологической безопасности / И.В. Холиков, Р.Н. Шепель, И.И. Николаев // Медицина труда и промышленная экология. — 2023. — Т. 63. — № 6. — С. 406—416.
10. Холиков, И.В. Динамика функционирования международного права в условиях трансформации современного миропорядка: постнеклассический подход / И.В. Холиков, А. Милованович, П.Ю. Наумов // Журнал российского права. — 2022. — Т. 26. — № 11. — С. 132—148.
11. Холиков, И.В. Международно-правовое регулирование применения некоторых видов

¹ Киссинджер считает, что Япония в течение пяти лет может войти в клуб ядерных держав URL: <https://news.mail.ru/politics/56255577/>

оружия в условиях вооруженного конфликта / И.В. Холиков, Е.Е. Хараман // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. № 4 (309). — С. 7—14.

12. Холиков, И.В. Правовые аспекты химической и биологической безопасности в Российской Федерации / И.В. Холиков // Современное право. — 2010. — № 3. — С. 23—28.

13. Холиков, И.В. Противодействие преступным посягательствам на международную морскую безопасность // Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия / Институт государства и права РАН. — М.: ООО Юнити-Дана, 2020. — С. 431—459.

14. Холиков, И.В. Федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением законодательства в области обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического комплекса: новый этап регулирования и правоприменения / И.В. Холиков, П.Ю. Наумов, В.М. Большакова // Уголь. — 2022. — № 10 (1159).

— С. 66—71.

15. Bregman, Ahron. Israeli wars. A history since 1947. — Routledge, 2002. — P. 272.

16. Koohen A. Israel and the bomb. N.Y. : Columbia Univ. Press, 1998. XX, 470 p.

17. Sadao Asada. «The Shock of the Atomic Bomb and Japan's Decision to Surrender: A Reconsideration». The Pacific Historical Review, Vol. 67, No. 4 (Nov., 1998).

18. Walter L. Perry, Richard E. Darilek, Laurinda L. Rohn, Jerry M. Sollinger Editors - Operation Iraqi Freedom, OIF. Published by the RAND Corporation, Santa Monica, Calif. 2015 RAND Corporation. 457 p. URL: Operation IRAQIFREEDOM: Decisive War, Elusive Peace (rand.org).

19. Hans M. Kristensen Director, Nuclear Information Project: U.S. Nuclear Weapons In Europe. Briefing to Center for Arms Control and Non-Proliferation Washington, D.C. November 2019. URL: https://uploads.fas.org/2019/11/Brief2019_EuroNukes_CACNP_.pdf.

Рецензии на военно-правовые издания

Вопросы реализации государственной политики в области противодействия коррупции и формирования антикоррупционного правосознания военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации

© Багреева Елена Геннадиевна,
доктор юридических наук, профессор, профессор
Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на учебник «Организационно-правовые основы противодействия коррупции», подготовленный коллективом 25 кафедрой (военной администрации, административного и финансового права) ФГВКОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации под общей редакцией Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Землина А.И., предназначенный для курсантов Военного университета, обучающихся по программе специалитета 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности (специализация: Военно-правовая; военная специальность: Прокурорская работа). Отмечается актуальность тематик, включенных в содержание учебника, широта их освещения, позволяющая обеспечить полное и всестороннее освоение дидактического материала, глубина научного подхода, продемонстрированного авторами в процессе работы над изданием, практическая значимость и потенциальная востребованность учебника. Особо подчеркивается достаточность материала, представленного в учебнике, для формирования у военнослужащих профессиональных компетенций, необходимых для успешного выполнения ими обязанностей по должностному предназначению в военной прокуратуре и военно-следственных органах в современных условиях. По результатам осуществления системно-правового анализа сделан вывод о том, что издание с успехом может быть использовано в качестве основной или дополнительной литературы в процессе обучения студентов и курсантов, обучающихся по направлениям «Государственное и муниципальное управление», «Экономика», «Финансы и кредит» и «Юриспруденция» (всех уровней и форм обучения) в образовательных организациях высшего образования, специальностям «Правовое обеспечение национальной безопасности», «Правоохранительная деятельность». Также очевидно, что в связи с высокой степенью практической ориентированности издание найдет самое широкое применение в системе дополнительного профессионального образования.

Ключевые слова: правовые основы, государственная политика, противодействие коррупции, правосознание, военнослужащие. Issues of implementation of the state policy in the field of combating corruption and the formation of anti-corruption legal awareness of a serviceman of the Armed Forces of the Russian Federation

Issues of implementation of the state policy in the field of combating corruption and the formation of anti-corruption legal awareness of a serviceman of the Armed Forces of the Russian Federation

© Bagreeva E.G.,
Doctor of Law, Professor, Professor of the Financial
University under the Government of the Russian
Federation

Annotation. The article is a review of the textbook "Organizational and Legal foundations of anti-corruption", prepared by the staff of the 25th Department (Military Administration, Administrative and Financial Law) of the Federal State Budgetary Educational Institution "Prince Alexander Nevsky Military Uni-

versity" of the Ministry of Defense of the Russian Federation under the general editorship of the Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor A.I. Zemlin, designed for cadets of the Military University studying under the specialty program 40.05.01 Legal support of national security (specialization: Military-legal; military specialty: Prosecutorial work). The relevance of the topics included in the content of the textbook, the breadth of their coverage, which allows for the full and comprehensive development of didactic material, the depth of the scientific approach demonstrated by the authors in the process of working on the publication, the practical significance and potential relevance of the textbook, is noted. The sufficiency of the material presented in the textbook for the formation of professional competencies necessary for the successful performance of their duties in the military prosecutor's office and military investigative bodies in modern conditions is emphasized. Based on the results of the system-legal analysis, it was concluded that the publication can be successfully used as the main or additional literature in the process of teaching students and cadets studying in the areas of "State and Municipal Administration", "Economics", "Finance and Credit" and "Jurisprudence" (of all levels and forms education) in educational institutions of higher education, specialties "Legal support of national security", "Law enforcement". It is also obvious that due to the high degree of practical orientation, the publication will find the widest application in the system of additional professional education.

Keywords: legal foundations, state policy, anti-corruption, legal awareness, military personnel.

Рассуждать, анализируя человеческие страсти, пороки, низменные желания, не достойные самого Человека, всегда тяжело, больно и даже постыдно... Однако в современной жизни существуют такие социальные явления, которые ставят под угрозу развитие общества, государства, его безопасность, а люди не могут либо не хотят остановиться, совершая все новые преступления во имя личной выгоды. Речь идет о коррупции. Спрос в нашем обществе на борьбу с коррупцией привел к тому, что государство в лице органов управления и даже высшего руководства страны постоянно провозглашает одну из главных целей своей деятельности — борьбу с коррупцией.

Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» определяет коррупцию как злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами.

Действительно, стоит задуматься о безопасности страны, потому что эти «герои» обитают в руководящих структурах всех сфер нашей жизнедеятельности: к сожалению, коллективы Вооруженных Сил Российской Федерации не являются исключением. Основная проблема любой коррупционной ситуации состоит в обоюдной заинтересованности двух сторон: одна сторона жаждет наживы, другая желает обойти требуемое основание. Опасность же латентности такого рода преступлений обусловлена несоблюдением различного рода обязательных стандартов, норм закона, регламентов и т.д., которые и обеспечивают стабильность и безопасность государства, его устойчивое развитие.

Учебник «Организационно-правовые основы противодействия коррупции» подготовлен авторским коллективом в составе: *Мишуткин Игорь Викторович* — начальник ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации, генерал-лейтенант, кандидат юридических наук, доцент; *Землин Александр Игоревич* — профессор ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, руководитель ВНШ-144 (по классификатору Минобороны России); *Корякин Виктор*

Михайлович — профессор ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор; *Землина Ольга Михайловна* — доцент ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, Почетный работник высшего профессионального образования.

Разработка теоретических аспектов проблем противодействия коррупции в учебнике осуществлена на основе применения методологии военно-правового исследования¹.

Актуальность подготовки коллективом высочайших профессионалов-юристов под руководством профессора А.И. Землина рецензируемого учебника и практикума «Организационно-правовые основы противодействия коррупции» трудно переоценить.

Особо следует отметить, что авторы учебника имеют значительный опыт издания трудов такого рода, в которых представлены результаты обобщения вопросов

противодействия коррупции². При подготовке учебника использовались теоретические наработки участников авторского коллектива по вопросам использования потенциала общественного контроля в интересах противодействия коррупции³; противодействия коррупции в сфере государственных закупок⁴ и в бюджетной сфере⁵.

² Противодействие коррупции в Российской Федерации / А. И. Землин [и др.] ; под ред. Землина А.И., Корякина В.М. : учебник. Воронеж : Наука-Юнипресс, 2014; Землин, А.И., Корякин, В.М., Землина, О.М., Козлов, В.В. Правовые основы противодействия коррупции : Учебник и практикум. М.: Юрайт, 2019; Землин А.И., Корякин В.М., Землина О.М., Козлов В.В. Противодействие коррупции. Правовые основы. Учебник и практикум. М.: Юрайт, 2019; Землин А.И., Корякин В.М., Землина О.М., Козлов В.В. Правовые основы противодействия коррупции. Учебник и практикум. М.: Юрайт, 2020; Землин А.И., Корякин В.М., Землина О.М., Козлов В.В. Противодействие коррупции. Правовые основы. Учебник и практикум. М.: Юрайт, 2020.

³ Вихрян А.П., Землин А.И., Землина О.М., Максимов С.Н., Назарчук И.А. Организация и правовые основы общественного контроля в России: теория, история, направления совершенствования. / под ред. профессора Землина А.И. : Монография. М.: Международный юридический институт, 2015.

⁴ Землин А. И. Актуальные организационно-правовые проблемы противодействия коррупции при осуществлении закупок для государственных нужд // Государственные и корпоративные закупки как форма государственно-частного партнерства : сборник научных статей. Ред.: Г.В. Дегтев, И.П. Гладилина. М., 2014. С. 21—31; Землин, А.И. Коррупционные риски при осуществлении государственных закупок // Государственный аудит. Право. Экономика. 2016. № 3 С. 92—102; Землин А.И., Землина О. М. Проблемные вопросы правового регулирования государственного финансового контроля за расходованием бюджетных средств при осуществлении государственных закупок // Государственные и корпоративные закупки как форма государственно-частного партнерства : сборник научных статей / под ред. Г.В. Дегтева, И.П. Гладиловой. М., 2014.

⁵ Землин А.И. Актуальные вопросы правового регулирования контроля за расходованием средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации при осуществлении государственных закупок // Государственный аудит. Право. Экономика 2016. №2 С. 144—153; Землин А.И. Налоговое право : учебник / А.И. Землин. М.: Форум, 2006; Землина О.М., Мигачев А.Ю. Финансовый контроль как способ борьбы с коррупцией в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Организационно-правовые проблемы

¹ Землин А.И., Корякин В.М. Методология военно-правового исследования. Общая часть. Учебник и практикум для студентов, обучающихся в военных учебных центрах при федеральных образовательных организациях высшего образования. М., 2021. Сер. Адъюнктура. С. 54—55; Землин А.И., Корякин В.М. Электронный учебник «Методология военно-правового исследования» / Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ 2021665665, 30.09.2021. Заявка № 2021664733 от 21.09.2021. eLIBRARY ID: 47117663; Землин А.И. Актуальные вопросы военной деятельности государства: правовое измерение // Военное право. 2022. № 6 (76). С. 233—237; Землин А.И. Вопросы развития военно-правовой науки в контексте современных проблем обеспечения национальной безопасности России // Военное право. 2022. № 5 (75). С. 8—14; Мишуткин И.В. Деятельность военно-научных школ и военно-научная работа курсантов: опыт и перспективы / Правовое обеспечение деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации: опыт, проблемы и перспективы : Сборник научных трудов по результатам мероприятий, организованных в рамках постоянно действующего научно-исследовательского семинара «Актуальные проблемы правового регулирования деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации». М.: КНОРУС, 2023.

Особое значение имеют результаты научного осмысления проблем, связанных с формированием антикоррупционного правосознания военнослужащих, полученные авторами учебника в рамках ранее осуществленных научных исследований¹.

Уникальные авторские разработки в области противодействия коррупции в Вооруженных Силах логично использованы в ходе освещения целого ряда глав учебника². Следует отметить также глубину изучения авторами трудов специалистов в указанной сфере, основательность и корректность ссылок на них³.

противодействия коррупции при осуществлении государственных и муниципальных закупок : сборник научных статей. Чехов, 2015; Землин А.И. Коррупционные риски при осуществлении государственных закупок // Государственный аудит. Право. Экономика. 2016. № 3. С. 92—102; Шестемиров А.А., Опарина С.И., Грищенко А.В., Попков С.Ю., Мигашкина Е.С., Чеботарь Ю.М., Землина О.М., Руденко А.Д., Ияшвили В.Б., Шутенко В.В., Холкина Н.А. Контроль и аудит в финансовой сфере. М., 2018.

¹ Землин А.И. Правовая культура личности российского офицера: социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук. М.: ВУ, 1996; Землин А.И. Идрисов Р.Ф. О новациях и деформациях антикоррупционного просвещения и воспитания в современной России // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века — COUNTER-TERRORISM. 2014. № 2. С. 47—53; Землин А.И. Формирование основ антикоррупционного правосознания молодежи как форма участия институтов гражданского общества в противодействии коррупции // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2020. № 5. С. 30—36.

² Корякин В.М. Противодействие коррупции в сфере государственных закупок для нужд обороны и военной безопасности. М.: Юрлитинформ, 2014; Корякин В.М. Коррупция в Вооруженных Силах: теория и практика противодействия : монография. М.: За права военнослужащих, 2009.

³ Кудашкин А.В. Координация деятельности по противодействию коррупции в военной организации государства // Военное право. 2012. № 1; Сухондяева Т.Ю., Дубинец М.Н. Специфика и проблемы развития гражданского общества в современной России // Проблемы фундаментальной подготовки в школе и вузе в контексте современности : Межвузовский сборник научных работ. М., 2014. С. 186—189; Костенников М.В., Куракин А.В., Калита И.А. Прокуратура и противодействие коррупции // Российская юстиция. 2013. № 8; Костюк, О.Н. Правовые средства разрешения конфликта интересов на государственной службе в Министерстве обороны Российской Федерации : дис. ... канд.

В издании в систематизированной форме представлены дидактические материалы по темам курса, имеющим особое значение для понимания сути и правовых основ противодействия коррупции, а также перечень заданий и материалов для самостоятельного поиска и научного анализа нормативных правовых актов и литературы для исполнения представленных заданий. При подготовке учебника учтены положения Указа Президента Российской Федерации от 29 декабря 2022 г. № 968 «Об особенностях исполнения обязанностей, соблюдения ограничений и запретов в области противодействия коррупции некоторыми категориями граждан в период проведения специальной военной операции», а также Национального плана противодействия коррупции на 2021—2024 годы (утв. Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № 478).

Авторы основательно исходят из того, что важнейшим направлением противодействия коррупции по праву признается антикоррупционное просвещение и образование. Действительно, Национальный план противодействия коррупции на 2021—2024 годы п. 35 предписывает Министерству просвещения Российской Федерации продолжить работу по включению в федеральные государственные образовательные стандарты общего образования и среднего профессионального образования положений, предусматривающих формирование у обучающихся нетерпимого отношения к коррупционному поведению, а в профессиональной деятельности — готовности содействовать пресечению тако-

юрид. наук. М.: ВУ, 2012; Козлов Т.Л. Профилактика коррупции на военной службе // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2012. № 5; Козлов В.В. Правовые ограничения, связанные с военной службой : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011; Кандыбко, Н.В. Механизм обеспечения государственных оборонных нужд в контексте формирования федеральной контрактной системы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. Т. 8. № 44 (185). С. 2—11; Военное право : учебник /под ред. В.Г. Стрекозова, А.В. Кудашкина. М.: За права военнослужащих, 2004; Глухов Е.А. Административно-правовые средства предупреждения коррупции в сфере жилищного обеспечения военнослужащих : дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВУ, 2011 и др.

го поведения. Одновременно согласно п. 36 Национального плана противодействия коррупции на 2021—2024 годы Министерству науки и высшего образования Российской Федерации поставлена задача с участием заинтересованных государственных органов и организаций рассмотреть вопрос об открытии в образовательных организациях высшего образования программы магистратуры «Антикоррупционная деятельность».

Особую своевременность изданию учебника придает тот факт, что Письмом Департамента государственной политики в сфере высшего образования Минобрнауки России от 2 мая 2023 г. № МН-5/169012 в дополнение к письму Минобрнауки России от 28 ноября 2022 г. № МН-5/35667 направлен для обсуждения макет федерального государственного образовательного стандарта высшего образования нового поколения и форму для заполнения в части наименования квалификаций и сроков обучения по направлениям высшего образования, скорректированный с учетом Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 21 февраля 2023 г., содержащий в перечне универсальных компетенций (для уровня базового высшего образования) УК-3.

Формирование компетенции УК-3 предполагает, что обучающийся способен формировать политическое и правовое сознание, отстаивать гражданскую позицию, в том числе нетерпимое отношение к проявлениям экстремизма, терроризма, коррупционному поведению. Предполагается, что по результатам освоения программы обучающийся знает основные понятия права и государства, основы государственно-политического устройства и законодательства России, сущность коррупционного поведения и его взаимосвязь с социальными, экономическими, политическими и иными условиями; умеет использовать правовые знания и нормы, знание истории российской государственности, функционирования ее политико-правовой системы для формирования правосознания и отстаивания гражданской позиции; способен применять действующее антикоррупцион-

ное законодательство в целях профилактики коррупции и формирования нетерпимого отношения к ней; выбирать правомерные формы взаимодействия с гражданами, структурами гражданского общества и органами государственной власти в типовых ситуациях.

Особое значение имеет решение задачи по формированию антикоррупционного правосознания для военнослужащих — курсантов Военного университета, обучающихся по программам специалитета 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности (специализация: Военно-правовая; военная специальность: Прокурорская работа). Решение указанной задачи невозможно без формирования у обучающихся системного понимания основ государственной антикоррупционной политики, получения ими знаний антикоррупционного законодательства, навыков и умений решения сложных задач по профилактике коррупции с опорой на твердые научные правовые знания. Существенная роль в формировании указанных профессиональных компетенций отводится учебной дисциплине: «Организационно-правовые основы противодействия коррупции».

Мы свыклись с мыслью, что коррупция в России существовала на протяжении всей нашей величайшей истории и стала характерным российским явлением, а сегодняшний уровень коррупции является продолжением той культурно-поведенческой традиции, которая развивалась в России веками. К середине 2010-х гг. коррупция в России стала не просто проблемой, а настоящей «болезнью» общества. На сегодняшний день ее метастазы поразили практически все сферы жизни: образование, медицину, политику, Вооруженные Силы и так далее. В каждой из сфер она разрушает оптимальный порядок, создает дополнительные проблемы, затрудняет развитие и наносит невосполнимый удар в отношении человеческого и экономического ресурса.

К сожалению, нестабильная политическая, военная и экономическая ситуация обусловили существование благоприятных

условий для негативных факторов, детерминирующих коррупцию.

Острота современной военно-политической ситуации обуславливает необходимость преподавания такой дисциплины на актуальном материале в военных вузах.

Следует отметить, что содержание учебника ориентировано на воспитание и образование курсанта вуза как специалиста широкого кругозора, высокого уровня культуры. Именно поэтому его первый раздел *«Историко-правовые аспекты и теоретико-правовые основы противодействия коррупции в Вооруженных Силах»* начинается с

— упоминания Библии и близкого к понятию «коррупция» — «угощение и подарки ослепляют глаза мудрых и, как бы узда в устах, отвращает обличение»;

— исторических фактов зарождения традиции «кормления»;

— с объяснения понятий, существующих уже сотни лет и актуальных сегодня, таких, как «мздоимство» и «лихоимство» как первых форм проявления коррупции.

Обсуждая сегодняшние коррупционные сюжеты, авторы анализируют исторические корни коррупции и в системе государственного управления в целом, подтверждая фактами истории права в отношении противодействия данных преступлений. Подробно описываются меры правового характера: и принятое в 1649 г. Соборное уложение; и Указ Петра I «О воспрещении взяток и посулов» 1714 г.; и все же утвержденное Екатериной II денежное жалование для всех чиновников, не остановившее поток дополнительных доходов, которые также считались взятками.

В учебнике упоминается и инициатива Александра I, решившего основательно бороться с этим явлением в начале XIX в., издавшего указы «Об изыскании причин и представлении средств к искоренению лихоимства и лихоимательства» и «О воспрещении приносить подарки начальникам губерний и другим чиновникам». Уже к середине XIX в. за принятием Указа «О воспрещении начальствующим лицам принимать подношения от общества» последовало Уложение о наказаниях уголов-

ных и исправительных, где вводилась уголовная ответственность за взяточничество¹.

Авторы не забыли о том, что дело борьбы с коррупцией продолжил и Александр II Указом «Об изыскании причин и представлении средств к искоренению сей язвы». Однако, несмотря на все усилия правового характера с целью противодействия различного рода коррупционным отношениям в сфере государственного и военного управления, предпринимаемые в Царской России, а затем и в период советского строительства эффект от них был незначительный. Продвинутая современная Россия продолжает почти безуспешную борьбу с коррупцией, а юристы-авторы учебника подробно рассмотрели ее основы во втором разделе *«Организационные основы противодействия коррупции в Вооруженных Силах Российской Федерации»*.

Вместе с тем, описанная история законодательных документов и опыт их реализации в разные исторические периоды жизни нашей страны убедительно доказывает, что проблема искоренения коррупции лежит в основании человеческого существа, его нравственных и духовных начал. И совершенно оправдан серьезный, подробный разговор в третьем разделе учебника об *«Антикоррупционных обязанностях, возлагаемых на военнослужащих и государственных гражданских служащих законодательством Российской Федерации»*.

Всю совокупность причин коррупции в армейской среде авторы учебника разделили на три большие группы: причины социально-экономического характера; духовно-нравственного и организационно-правового характера. Отмеченные факторы доказывают, что коррупция является тревожным явлением, обуславливающим необходимость совершенствования антикоррупционного законодательства и механизма предупреждения коррупционной преступности в государственном управле-

¹ Сухондяева Т.Ю. Ответственность военнослужащих в российском военно-уголовном законодательстве начала XX века : монография. Вологда, 2008. С. 48.

нии. Однако, чтобы противодействие и предупреждение коррупции было эффективным, необходимо исследование специфики коррупции в отдельных сферах (не исключая Вооруженные Силы Российской Федерации), ее детерминирующих факторов, без изучения которых невозможно выстроить эффективные предупредительные меры, направленные на минимизацию последствий коррупционной преступности.

Так что же толкает военнослужащих на совершение коррупционных преступлений? Во-первых, большое влияние имеет социально-психологический фактор: и родственные, дружеские отношения, когда неправомерными способами военачальники готовы помочь своему окружению; когда должностное лицо, не желая работать на благо своего государства, воспринимает свое положение как возможность улучшить свое благосостояние: профессиональное выгорание и банальный непрофессионализм, незнание и разрешение себе «вседозволенности».

Конечно, психологическая составляющая коррупции имеет место быть, однако, авторы учебника, ссылаясь на мнения ученых, рассматривают и деформацию общественного и индивидуального сознания как результат и проявление коррупции. Именно поэтому, наряду с подробно описанными социально-экономическими причинами этого явления в армии, в тексте уделено значительное внимание духовно-нравственным основам, фундаменту человека.

Соглашусь с такой постановкой проблемы, поскольку считаю, что сегодня настало время каждому, опираясь на расширенное толкование самого понятия «мобилизация» (франц. *mobilisation*, от лат. *mobilis* — подвижный — приведение кого-либо или чего-либо в активное состояние, сосредоточение сил и средств для достижения какой-либо цели)¹ не только услышать, но и начать жить в соответствии с Указом Президента Российской

Федерации от 19 октября 2022 г. № 756 и утвержденным Президентом Основам госполитики по сохранению традиционных ценностей от 9 ноября 2022 г.

Принимая во внимание сегодняшнюю военно-политическую ситуацию, руководители страны, военачальники уже не должны только разъяснять, но обязаны требовать от каждого военнослужащего принять единую духовно-нравственную платформу, основанную на традиционных ценностных идеалах, единстве народов, преемственности поколений, патриотизме, служении Отечеству². Эти качества каждого военнослужащего должны быть мобилизованы — приведены в «активное состояние» противодействия коррупции, ибо будущее страны зависит от сплоченности населения, степени его патриотизма, уровня правосознания и правовой культуры.

Разделяя такую позицию, авторы к числу причин и условий живучести коррупции в Вооруженных Силах Российской Федерации в ряду прочих относят проникновение в армию последствий нравственной деградации российского общества, когда деньги и возможность безнаказанного воровства и стяжательства оказались едва ли не единственными ценностями массового сознания. Вместе с тем, совершенно справедливо замечают, что низкий нравственный и культурный уровень многих воинских должностных лиц, их ориентация на удовлетворение почти исключительно материальных потребностей³ способствует тиражированию коррупционных сюжетов.

Подробнейшим образом в рецензируемом учебнике выписана современная многоликость коррупционных отношений в Вооруженных Силах: проанализирована их классификация по различным основаниям и выделены разновидности и формы проявления коррупции. Безусловно, такой

² Багреева Е.Г. О путях мобилизации граждан по сохранению традиционных ценностей // Самоуправление. 2023. № 1. С. 220—224.

³ Землин А.И. О новациях и деформациях антикоррупционного просвещения и воспитания в современной России // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века. COUNTER-TERRORISM. 2014. № 2. С. 47—53.

¹ Большой энциклопедический словарь 2012 <https://slovar.cc/enc/bolshoy/2102202.html?ysclid=lamu7igqq690784599>

контент можно рассматривать как «дорожную карту» организации противодействия коррупции в армейских коллективах. Для убедительности следования по предложенному пути стоило бы подсчитать очевидную выгоду для каждого военнослужащего, а наказанием «сошедшего» стало не просто понижение в должности, увольнение со службы, но ложилось бы тяжелой стигмой на всю дальнейшую карьеру человека, участвовавшего в подрыве безопасности страны.

Примерно по такому пути — с одной стороны, увеличение зарплат/довольствия, а с другой, ужесточение наказания, пошли многие страны. Так, в Сингапуре, считавшейся до 1965 г. страной с очень высоким уровнем коррумпированности, получив независимость, спустя годы стала страной, победившей коррупцию. Сингапурская стратегия включала:

- особо четкий регламент работы чиновников, с одной стороны, и контроль и надзор за ней, с другой;

- создание спецоргана по контролю и надзору за деятельностью чиновников куда можно было пожаловаться с обвинениями в коррупции. Орган обязан был осуществить проверку всех действий госслужащих, включая переводы денежных средств;

- повышение зарплат судьям и госслужащим;

- введение жестких мер в случае обнаружения коррупции вплоть до увольнения и не только того, кто принял взятку, но и всех сотрудников данного органа с возмещением суммы самой полученной им взятки.

Опыт других стран убеждает в необходимости более жестких мер в отношении коррупционеров — особенно в рядах военнослужащих.

Усматривая в зарубежном опыте позитивные идеи, авторы учебника подробно обсуждают правовые основы и порядок проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов органов военного управления и их проектов, а также виды и основания привлечения к ответственности за коррупционные правонарушения по законодательству Российской Федерации. Курсанты во-

енных вузов смогут не только ознакомиться с этими документами в четвертом разделе «*Правовые средства обеспечения законности в сфере противодействия коррупции в Вооруженных Силах Российской Федерации*», но и принять их во внимание для успешного прохождения службы.

Вместе с тем, надо признать, что в целом законодательная база обеспечивает противодействие коррупции, однако страдает практика его применения и латентный характер коррупционных процессов. Необходимо продолжить практику создания экспертных советов по антикоррупционной экспертизе, но не при органах государственной власти, обеспечив независимость экспертов от ведомственных интересов. Кроме того, следует придерживаться частой ротации неработающих членов экспертных советов, избегая конфликта интересов.

Понятно, что, как и многомерность причин коррупции, так и меры общесоциального предупреждения коррупции характеризуются масштабностью, разносторонностью, взаимозависимостью, непрерывностью и являются основой для специального предупреждения в воинских коллективах. Задачами государства в настоящий момент выступает стабилизация военно-политической ситуации, устранение макроэкономического неравенства, совершенствование государственного управления, улучшение уровня жизни всего населения, условий их трудовой деятельности, повышение общего уровня образования и правовой культуры граждан, совершенствование политических, социальных, правовых и иных институтов государства и другие позитивные преобразования в обществе.

Одним из наиболее эффективных механизмов борьбы с коррупцией является двусторонняя «обратная связь» руководства Вооруженными Силами с военнослужащими. Сегодня сложно представить жизнь вне информационно-коммуникационного пространства. Именно использование современных информационных технологий позволяет оперативно получить «обратную связь» об имеющихся проблемах, информировать воинские кол-

лективы о новом законодательстве, знакомить с выявленными коррупционными схемами и их авторами, информировать о понесенном наказании на актуальной справочной доске почета/позора.

К сожалению, в сегодняшних условиях важным аспектом в процветании коррупции является пассивность самого населения и страх потерять работу. Таким образом, организовывая открытые каналы взаимного информирования (не путать с желанием оклеветать!) об актуальных проблемах, есть надежда оздоровления климата, противодействующего коррупционным механизмам и влияющим на психоэмоциональное состояние военнослужащих.

Важно отметить и то, что разносторонний подход к проблеме противодействия коррупции, реализованный в рецензируемом учебнике, позволяет обеспечить формирование у курсантов компетенций, предусмотренных ФГОС ВО.

Кроме того, подготовленный учебник коллективом высочайших профессионалов под руководством профессора А.И. Землина следует рассматривать как одну из своевременных мер по борьбе с коррупцией, поскольку он ориентирован на молодой состав российских Вооруженных Сил, в определенной степени предопределяющих новые общественные отношения в нашей стране, стабилизирующие конституционный строй государства.

Библиография

1. Багреева, Е.Г. О путях мобилизации граждан по сохранению традиционных ценностей / Е.Г. Багреева // Самоуправление. — 2023. — № 1. — С. 220—224.
2. Вихрян, А.П. Организация и правовые основы общественного контроля в России: теория, история, направления совершенствования / А.П. Вихрян, А.И. Землин, О.М. Землина, С.Н. Максимов, И.А. Назарчук; под ред. проф. А.И. Землина : монография. — М.: Международный юридический институт, 2015.
3. Военное право : учебник / под ред. В.Г. Стрекозова и А.В. Кудашкина. — М.: За права военнослужащих 2004. — EDN: PFZIBV
4. Глухов, Е.А. Административно-правовые средства предупреждения коррупции в сфере жилищного обеспечения военнослужащих : дис. ... канд. юрид. наук / Е.А. Глухов. — М.: ВУ, 2011
5. Землин А.И. Актуальные вопросы военной деятельности государства: правовое измерение / А.И. Землин // Военное право. — 2022. — № 6 (76). — С. 233—237. — EDN: SLNHFA
6. Землин, А.И. Актуальные вопросы правового регулирования контроля за расходованием средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации при осуществлении государственных закупок / А.И. Землин. // Государственный аудит. Право. Экономика. — 2016. — № 2. — С. 144—153.
7. Землин, А.И. Актуальные организационно-правовые проблемы противодействия коррупции при осуществлении закупок для государственных нужд / А.И. Землин // Государственные и корпоративные закупки как форма государственно-частного партнерства : сборник научных статей. Ред.: Г.В. Дегтев, И.П. Гладилина. — М., 2014. — С. 21—31.
8. Землин, А.И. Вопросы развития военно-правовой науки в контексте современных проблем обеспечения национальной безопасности России / А.И. Землин // Военное право. — 2022. — № 5 (75). — С. 8—14. — EDN: ZNMXLД
9. Землин, А.И. Коррупционные риски при осуществлении государственных закупок / А.И. Землин // Государственный аудит. Право. Экономика. — 2016. — № 3. — С. 92—102.
10. Землин, А.И., Корякин, В.М. Электронный учебник «Методология военно-правового исследования» / Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ 2021665665, 30.09.2021. Заявка № 2021664733 от 21.09.2021. eLIBRARY ID: 47117663
11. Землин, А.И. Методология военно-правового исследования. Общая часть : учебник и практикум / А.И. Землин, В.М. Корякин. — М., 2021. — EDN: JXKGDY
12. Землин, А.И. Налоговое право : учебник / А.И. Землин. — М.: Форум, 2006. — EDN: QWNEIB
13. Землин, А.И. О новациях и деформациях антикоррупционного просвещения и воспитания в современной России / А.И. Землин // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века. — COUNTER-TERRORISM. — 2014. — № 2. — С. 47—53. — EDN: SIAPMB
14. Землин, А.И. Правовая культура личности российского офицера: социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук / А.И. Землин. — М.: ВУ, 1996.
15. Землин, А.И. Правовые основы противодействия коррупции : учебник и практикум / А.И. Землин, В.М. Корякин, О.М. Землина, В.В. Козлов. — М.: Юрайт, 2019. — EDN: AVALAX
16. Землин, А.И. Правовые основы противодействия коррупции : учебник и практикум. / А.И. Землин, В.М. Корякин, О.М. Землина, В.В. Козлов. — М.: Юрайт, 2020. — EDN: ZLXHBW
17. Землин, А.И. Проблемные вопросы правового регулирования государственного финансового контроля за расходованием

бюджетных средств при осуществлении государственных закупок / А.И. Землин, О.М. Землина // Государственные и корпоративные закупки как форма государственно-частного партнерства : сборник научных статей / под ред. Г.В. Дегтева, И.П. Гладилкиной. — М., 2014.

18. Землин, А.И. Противодействие коррупции в Российской Федерации : учебник. / А. И. Землин [и др.]; под ред. Землина А.И., Корякина В.М. — Воронеж : Наука-Юнипресс, 2014

19. Землин, А.И. Противодействие коррупции. Правовые основы : учебник и практикум / А.И. Землин, В.М. Корякин, О.М. Землина, В.В. Козлов. — М.: Юрайт, 2019. — EDN: VUVPOV

20. Землин, А.И. Противодействие коррупции. Правовые основы : учебник и практикум. / А.И. Землин, В.М. Корякин, О.М. Землина, В.В. Козлов. — М.: Юрайт, 2020. — EDN: FJODEJ

21. Землин, А.И. Формирование основ антикоррупционного правосознания молодежи как форма участия институтов гражданского общества в противодействии коррупции / А.И. Землин, Р.Ф. Идрисов // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». — 2020. — № 5. — С. 30—36.

22. Землина, О.М. Финансовый контроль как способ борьбы с коррупцией в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд / О.М. Землина, А.Ю. Мигачев // Организационно-правовые проблемы противодействия коррупции при осуществлении государственных и муниципальных закупок : сборник научных статей. — Чехов, 2015. — EDN: UDWRCZ

23. Кандыбко, Н.В. Механизм обеспечения государственных оборонных нужд в контексте формирования федеральной контрактной системы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2012. — Т. 8. — № 44 (185). — С. 2—11.

24. Козлов, В.В. Правовые ограничения, связанные с военной службой : дис. ... канд. юрид. Наук: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2011.

25. Козлов, Т.Л. Профилактика коррупции на военной службе / Т.Л. Козлов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2012. — № 5.

26. Корякин, В.М. Коррупция в Вооруженных Силах : теория и практика противодействия : монография / В.М. Корякин. — М.: За права военнослужащих, 2009.

27. Корякин, В.М. Противодействие коррупции в сфере государственных закупок для нужд обороны и военной безопасности : монография / В.М. Корякин. — М.: Юрлитинформ, 2014;

28. Костенников, М.В. Прокуратура и противодействие коррупции / М.В. Костенников, А.В. Куракин, И.А. Калита // Российская юстиция. — 2013. — № 8.

29. Костюк, О.Н. Правовые средства разрешения конфликта интересов на государственной службе в Министерстве обороны Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / О.Н. Костюк. — М.: ВУ, 2012.

30. Кудашкин, А.В. Координация деятельности по противодействию коррупции в военной организации государства // Военное право. — 2012. — № 1.

31. Мишуткин, И.В. Деятельность военно-научных школ и военно-научная работа курсантов: опыт и перспективы / И.В. Мишуткин // Правовое обеспечение деятельности Вооруженных сил Российской Федерации: опыт, проблемы и перспективы : сборник научных трудов по результатам мероприятий, организованных в рамках постоянно действующего научно-исследовательского семинара «Актуальные проблемы правового регулирования деятельности Вооруженных сил Российской Федерации». — М.: КНОРУС, 2023.

32. Сухондяева, Т.Ю. Ответственность военнослужащих в российском военно-уголовном законодательстве начала XX века : монография / Т.Ю. Сухондяева. — Вологда, 2008.

33. Сухондяева, Т.Ю. Специфика и проблемы развития гражданского общества в современной России / Т.Ю. Сухондяева, М.Н. Дубинец // Проблемы фундаментальной подготовки в школе и вузе в контексте современности : межвузовский сборник научных работ. — М., 2014. — С. 186—189.

34. Шестемиров А.А. Контроль и аудит в финансовой сфере / С.И. Опарина, А.В. Грищенко, С.Ю. Попков, Е.С. Мигашкина, Ю.М. Чеботарь, О.М.Землина, А.Д. Руденко, В.Б. Ияшвили, В.В. Шутенко, Н.А. Холкина. — М., 2018.